

ISSN 0134-8515

**СЕВЕРНО
РУССКИЕ
ГОВОРЫ**

17

**RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE FOR LINGUISTIC STUDIES**

NORTHERN RUSSIAN DIALECTS

Published since 1969

Volume 17

Editor-in-chief *E. Puritskaya*

**St. Petersburg
Institute for Linguistic Studies
Russian Academy of Sciences
2018**

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

СЕВЕРНОРУССКИЕ ГОВОРЫ

Издается с 1969 года

Выпуск 17

Отв. редактор *Е. В. Пурицкая*

Санкт-Петербург
Институт лингвистических исследований РАН
2018

УДК 800.87
ББК 81.2Рус-67я5
С28

Севернорусские говоры. Вып. 17 / Отв. ред. Е. В. Пурицкая. СПб.: ИЛИ РАН, 2018. — 392 с.

Сборник «Севернорусские говоры» (вып. 16 вышел в 2017 г.) продолжает традиции сборника «Слово в народных говорах Русского Севера», издававшегося под редакцией Б. А. Ларина. Это научное издание посвящено проблемам диалектологии, а также межъязыковым и межэтническим контактам. Статьи сборника отличает широкий сравнительно-исторический фон, внимание к фактам этнографии и древнерусской региональной письменности. Сборник предназначен для филологов-русистов, финно-угроведов, диалектологов, этнографов.

ISSN 0134-8515

ББК 81.2Рус-67я5

DOI: 10.30842/013485152018

Northern Russian dialects. Vol. 17 / Ed.-in-chief E. Puritskaya. St. Petersburg: Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences, 2018. — 392 p.

The «Northern Russian Dialects» is an academic collection focusing on the problems of dialectology, the inter-ethnic and inter-language contacts in the Russian North, particularly Russian, Baltic and Finnish contacts. The Collection is published once a year from 1969 by the Interdepartmental Lexicographical Studio named after Prof. Larin at Philological Faculty, St. Petersburg State University (SPSU) and from 2015 by the Institute for Linguistic Studies (ILI), Russian Academy of Sciences. The Collection was founded by the famous Russian philologist prof. Boris Larin. The publications are mostly based on the extensive fieldwork with the focus on the regional vocabularies. The Collection is characterized by the wide comparative and historical background, draws attention to the ancient Russian regional literature, and highlights the issues of historical geography.

© ИЛИ РАН, 2018

© Авторы статей, 2018

Утверждено к печати Институтом лингвистических исследований РАН

Подписано в печать 30.10.2018. Формат 60×84/16. Бумага офсетная.

Печать офсетная. Усл.-печ. л. 22.79. Тираж 300 экз.

Институт лингвистических исследований РАН

199053, Санкт-Петербург, Тучков переулок, 9

Печатается с оригинал-макета, изготовленного в ИЛИ РАН

Отпечатано в типографии «Нестор-История»

Санкт-Петербург, ул. Розенштейна, д. 21. Тел./факс: +7(812)622-01-23

Отв е т с т в е н н ы й р е д а к т о р : к. ф. н., ст. науч. сотр. *Е. В. Пурицкая* (С.-Петербург, Институт лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербургский государственный университет).

Р е д а к ц и о н н а я к о л л е г и я : д. ф. н. проф. *Н. В. Богданова-Бегларян* (С.-Петербург, Санкт-Петербургский государственный университет), к. ф. н. *Р. В. Гайдамашко* (С.-Петербург, Институт лингвистических исследований РАН), к. ф. н. доц. *И. С. Лутовинова* (С.-Петербург, Санкт-Петербургский государственный университет), к. ф. н. доц. *Л. П. Михайлова* (Петрозаводск, Петрозаводский государственный университет), член-корреспондент РАН, д. ф. н. проф. *С. А. Мызников* (Москва, Институт славяноведения РАН; С.-Петербург, Институт лингвистических исследований РАН, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена).

Р е д а к ц и о н н ы й с о в е т : д. ф. н. проф. *Н. Г. Зайцева* (Петрозаводск, Карельский научный центр РАН), д. ф. н. проф. *В. В. Колесов* (С.-Петербург, Санкт-Петербургский государственный университет), д. ф. н. проф. *И. И. Муллонен* (Петрозаводск, Карельский научный центр РАН), д. ф. н. проф. *Е. А. Нефедова* (Москва, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова), д. ф. н. проф. *А. Н. Ракин* (Сыктывкар, Институт языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения РАН), д. ф. н. проф. *Н. С. Сергиева* (Сыктывкар, Сыктывкарский государственный университет им. Питирима Сорокина), д. ф. н. проф. *Г. В. Судаков* (Вологда, Вологодский государственный университет).

E d i t o r - i n - c h i e f: *E. Puritskaya* (Cand. Philol., Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences, St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia).

E x e c u t i v e B o a r d: *N. Bogdanova-Beglaryan* (Dr., Prof., St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia), *R. Gaidamashko* (Cand. Philol., Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russia), *I. Lutovinova* (Cand. Philol., Assistant Professor, St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia), *L. Mikhailova* (Cand. Philol., Assistant Professor, Petrozavodsk State University, Petrozavodsk, Russia), *S. Myznikov* (Corresponding member of the Russian Academy of Sciences, Dr., Prof., Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences, A. Herzen Russian State Pedagogical University, St. Petersburg, Russia).

E d i t o r i a l B o a r d: *V. Kolesov* (Dr., Prof., St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia), *I. Mullonen* (Dr., Prof., Karelian Research Centre, Russian Academy of Sciences, Petrozavodsk, Russia), *E. Nefedova* (Dr., Prof., M. Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia), *A. Rakin* (Dr., Prof., Komi Research Centre, Russian Academy of Sciences, Syktyvkar, Russia), *N. Sergieva* (Dr., Prof., Pitirim Sorokin Syktyvkar State University, Syktyvkar, Russia), *G. Sudakov* (Dr., Prof., Vologda State University, Vologda, Russia), *N. Zaitseva* (Dr., Prof., Karelian Research Centre, Russian Academy of Sciences, Petrozavodsk, Russia).

СОДЕРЖАНИЕ

ЯЗЫКОВЫЕ КОНТАКТЫ

И. В. Бродский

Финно-пермские фитонимические портреты. Кипрей узколистный (иван-чай). *Epilobium angustifolium* 13

Р. В. Гайдамашко

Материалы к этимологии лексики в русских говорах Прикамья: *баткас, бачка, бёрдыш* 30

Л. П. Михайлова

Системный характер воздействия иноструктурных языков на русское слово 46

С. А. Мызников, З. С. Рябчикова

Обско-угорские лексические данные в пермском и севернорусском контексте 59

Т. С. Назмутдинова

Исконные и заимствованные лексические страты в долганском языке 88

А. Н. Ракин

Гидроландшафтная лексика коми языка 107

Г. В. Федюнева

К вопросу о коми происхождении севернорусского слова *куляш* 'чертенок' 123

АРЕАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Н. С. Ганцовская, Т. В. Горлова

Лексическая основа этнодиалектной Нерехтской зоны 146

Е. Н. Ильина

Борбушинский говор: 30 лет изучения 158

Е. В. Колосько

Элементы диалектной лексики поморской и онежской групп в говорах Санкт-Петербургской губернии 169

<i>А. И. Рыко</i> Вопросительная частица vs. разделительный союз: <i>ти</i> в говорах русско-белорусского пограничья	184
---	-----

ДИАЛЕКТНЫЕ ЯВЛЕНИЯ:
ДИНАМИКА И УСТОЙЧИВОСТЬ

<i>Н. Ю. Грибовская</i> Энантioseмия в диалектной лексике (на материале тверских говоров)	205
--	-----

<i>Е. А. Ковригина</i> Семантика глаголов с формантом <i>неза-</i> в говорах архангельского региона	217
--	-----

<i>Е. С. Лунькова</i> Особенности словообразовательной семантики суффикса <i>-к(а)</i> в смоленских говорах	228
--	-----

<i>Л. Н. Новикова</i> Комплексные единицы словообразования в тверских говорах	240
--	-----

<i>Л. В. Сабурова</i> Имена существительные со значением невзрослых существ: структурно-семантический, лингвогеографический и когнитивный аспекты	252
--	-----

ОНОМАСТИКА

<i>А. В. Дмитриев</i> Ватландия и ватландцы (ваты) в ливонских источниках XIV–XV вв.	271
---	-----

ЛЕКСИКА ТРАДИЦИОННОЙ НАРОДНОЙ КУЛЬТУРЫ

<i>С. А. Ганичева</i> Чувственное и рациональное познание в диалектной звуковой картине мира	294
---	-----

<i>Л. А. Ивашко, Д. М. Поцепня, И. С. Лутовинова, М. А. Тарасова, О. И. Трофимкина, И. С. Кукушкина</i>	
Весенне-летний народно-православный календарь русского крестьянского населения Северо-Запада России. Часть I	310
<i>Е. А. Кирилова</i>	
Отражение предметно-бытовой сферы вологодского крестьянина посредством сложного слова (на материале «Словаря вологодских говоров»)	333
<i>Т. Г. Комиссарова</i>	
Субъектно-объектный «мир детства» в языковой картине мира вологодского крестьянина	350
<i>А. А. Медведева</i>	
Диалектные фонетические особенности языка шекснинских частушек	361
ДИАЛЕКТНАЯ ЛЕКСИКОГРАФИЯ	
<i>Т. В. Пахолкова</i>	
От «Словаря говоров Русского Севера» к «Словарю колденского говора»	377

CONTENTS

LANGUAGE CONTACT

Igor Brodsky

Finno-Permic Phytonymical Portraits. Willowherb or fireweed.
Epilobium Angustifolium 13

Roman Gaidamashko

Data for Etymology of Lexis in Russian Dialects of the Kama
Region: *Batkas, Bachka, Byordysh* 30

Liubov Mikhaylova

System Character of Impact of Foreign Languages on the Russian
Word 46

Sergey Myznikov, Zoya Ryabchikova

Ob-Ugric Lexical Data in Permic and North Russian Context 59

Tatyana Nazmutdinova

Aboriginal and Borrowed Lexical Strates in the Dolgan Lan-
guage 88

Anatoliy Rakin

Hydrolandscape Vocabulary of the Komi Language 107

Galina Fedyuneva

To the Problem of the Komi Origin of the Northern Russian
Word *Kulyash* “Imp” 123

AREAL STUDIES

Nina Gantsovskaya, Tatyana Gorlova

The lexical Basis of the Nerekhta Ethno-Dialectal Zone 146

Elena Ilyna

Borbushin's Dialect: 30 Years of Study 158

Elena Kolosko

Elements of the Dialectal Vocabulary of the Pomor and Onega
Groups in the Dialects of the St. Petersburg Province 169

Anastasiya Ryko

Interrogative Particle vs. Separative Conjunction: *Ti* in the Dia-
lects of the Russian-Belarusian Border Region 184

DIALECT DYNAMICS AND STABILITY

Natalya Gribovskaya

EnantiosemY in the Dialect Lexis (Based on the Tver Dialects) 205

Elena Kovrigina

Semantics of the Verbs Containing the Formant *Neza-* in the Dialects of the Arkhangelsk Region 217

Ekaterina Lunkova

Features of Word-Formation Semantics of Suffix *-k(a)* in Smolensk Dialects 228

Ludmila Novikova

Integrated Unit of the Derivation in Tver Dialects 240

Lyudmila Saburova

Nouns with Value of Not Adult Beings: Structural-Semantic, Linguistic and Cognitive Aspects 252

ONOMASTICS

Alexander Dmitrijev

Watland and Watlanders (Wates) in Livonian Sources of 14th–15th Centuries 271

LEXICON OF FOLK CULTURE

Svetlana Ganicheva

Sensory and Rational Knowledge in the Dialect Sound Picture of the World 294

Lyudmila Ivashko, Dina Potsepnyya, Irina Lutovinova, Marina Tarasova, Olga Trofimkina, Irina Kukushkina

Russian Northwest Country Folklife-Orthodox Calendar (Spring-Summer Period). Part I 310

Elena Kirilova

Vologda Peasants' Perceptions of Everyday Life Vocabulary Reflected in the Dialectal Compound Word Structure (On the Material of Vologda Dialects Dictionary) 333

Tatyana Komissarova

Subjective-Objective "World of Childhood" in the Language World Picture of the Vologda Peasant 350

Arina Medvedeva

Dialect Phonetic Features of the Language of Sheksna Chastushkas

361

DIALECT LEXICOGRAPHY

Tatiana Pakholkova

From the “Dictionary of the Russian North Dialects” to the “Dictionary of the Kolodensky Dialect”

377

ФИННО-ПЕРМСКИЕ ФИТОНИМИЧЕСКИЕ ПОРТРЕТЫ. КИПРЕЙ УЗКОЛИСТНЫЙ (ИВАН-ЧАЙ). EPILOBIUM ANGUSTIFOLIUM

Бродский Игорь Вадимович

Российский государственный
педагогический университет
им. А. И. Герцена,
Санкт-Петербург, Россия
E-mail: kodima@mail.ru

Цитирование: Бродский И. В. (2018) Финно-пермские фитонимические портреты. Кипрей узколистный (иван-чай). *Epilobium angustifolium*. *Севернорусские говоры*, 17: 13–29.

Аннотация. В данной работе автор рассматривает народные названия кипрея узколистного (иван-чая) в финно-пермских языках — ветви финно-угорских языков, исключая угорские языки.

Названия кипрея в этих языках достаточно многочисленны. Почти все они являются сложными по форме и состоят обычно из двух компонентов. Количество простых по форме названий невелико: как правило, это древние названия растения или заимствования. В состав многих сложных названий кипрея в качестве последнего компонента входит детерминант — определитель класса объекта номинации растения.

Названия кипрея в финно-пермских языках стали результатом номинации этого растения по нескольким основным признакам: месту произрастания, особенностям внешнего вида растения, его хозяйственному

и лекарственному применению. Наиболее распространенным признаком, по которому осуществлялась номинация иван-чая, является предпочтительное место произрастания.

Ключевые слова: финно-угорские языки, финно-пермские языки, лексика, фитонимы, названия растений, кипрей, иван-чай.

Предлагаемую статью автор посвящает народным названиям кипрея узколистного (иван-чая) в финно-пермской ветви финно-угорских языков. Этот вид кипрея очень распространен в России; его ареал перекрывает ареал всех финно-пермских языков, поэтому многочисленные названия иван-чая имеются во всех языках ветви. Всего нами рассматривается более сотни названий кипрея, включая диалектные фонетические варианты.

Кипрей узколистный, или иван-чай — многолетнее травянистое растение с бледно-розовыми цветами и высоким крепким стеблем. Растение предпочитает песчаную почву, растет на опушках лесов и вырубках. Любимым местом произрастания иван-чая являются гари. Иван-чай применялся в традиционном хозяйстве для производства завариваемого горячего напитка («копорского чая»), а также для производства веревок и мешков. «Кипрейным пухом», содержащимся в плодах-коробочках, набивали подушки; кроме того, этот «пух» пряли и из образовавшихся нитей вязали шали и платки. Коми варили из листьев кипрея щи, готовили квас, а также добавляли размолотые высушенные корни растения в муку при выпечке лепешек.

Растение использовалось в народной медицине: например, в Эстонии — против чахотки (туберкулеза) [HERBA], а у других финно-угорских народов оно применялось как противовоспалительное, главным образом, наружно (см., например, такое название, как мар. *ырлыккан*||шудо, букв. 'трава [от] кори'). Известно и ветеринарное применение растения, что также нашло отражение в фитонимии, см., например, фин. *varsan*||*piä*||*taut*||*heinä*, букв. 'трава [от] насморка жеребенка'.

Названия растений распределены по лексико-семантическим гнездам и языковым ветвям; гнезда пронумерованы в целях удоб-

ства навигации. Всего рассматривается сорок пять таких лексико-семантических гнезд.

Данная статья написана на основе лексикографических и других печатных источников (статей и монографий); в работе над ней мы использовали более пятидесяти работ. Из-за большого числа источников мы включили в список использованной литературы только наиболее значимые для настоящей работы труды — крупнейшие словари и важнейшие статьи. При этом ссылка на конкретный источник в тексте дается лишь при необходимости.

Во всех случаях автор старается сохранить транскрипцию оригинала.

Прибалтийско-финские языки

(1) фин. *hepol|hiera, hepol|hera, hepol|herake, hepol|hierake, hepol|hierakka, hepol|hienakka, heos|hiärikäs, hevон|hера, hevон|hiera, hevон|hienakka, hevон|hierakka, hevос|hierakka, hevосен|hера, hevосен|hienakka, hevон|heirake, hevон|hierukka* и др.

Букв. ‘лошадиный щавель’.

Указанная модель номинации относится в финских диалектах, в основном, к различным видам щавеля, при этом в образовании названий просматривается явное участие аллитерации (*he-* — *he-*). У кипрея и щавеля есть одна общая особенность произрастания: эти растения первыми заселяют гари, а также соседствуют на пустошах. По-видимому, именно этим и следует объяснить общность их названий. Первоначально название относилось к щавелю, но впоследствии было перенесено на ряд других растений (кипрей, коровяк обыкновенный, лютик). По поводу включения в названия щавеля в качестве определяющих компонентов зоосемизмов со значением ‘лошадь’ см. [Бродский 2017: 156]. Кроме того, соцветия кипрея, как и щавеля, напоминают по форме конский хвост, и это обстоятельство может быть прямо отражено в фитониме — см. ниже гнездо (3).

(2) фин. *hepol|hormu*

Букв. ‘лошадиный кипрей’.

(3) фин. *hepolhäntä, hevönhäntä, hevosenhäntä*

Букв. 'лошадиный хвост'.

Это название может относиться также к купальнице европейской, полыни, хвостнику обыкновенному и щавелю курчавому.

(4) фин. *hepokukka*

Букв. 'лошадиный цветок'.

(5) фин. *horma, hormälheinä, hormu, horska, horsma, horsuin, horsumi, forsmu, orsmu, normu*, кар. собств. *horma, horsma*, кар. люд. *horm, hormlhein*, вепс. *hormlhein, hörmlhein, hörmllhiin*

Очевидно, это название имеет общеприбалтийско-финское происхождение. Водское соответствие *vorm, vormikene* относится к таволге вязолистной. Финские фитонимы также могут относиться к таволге. Из карельских, водских и вепсских фитонимов заимствованы рус. *горма, ёрма, форма* 'таволга', 'кипрей' с фиксацией на Северо-Западе России [Мызников 2004: 85].

Финский фитоним может входить в качестве последнего компонента в состав сложных названий других растений: *keltälhorsma, keltälhorsmu, keltälhorma* 'вероника длиннолистная', 'воробейник кистецветный', 'золотарник', 'марьянник лесной', букв. 'желтый кипрей'; *sinilhorsma* 'вероника длиннолистная', букв. 'синий кипрей'; *tulilhorsma, tulilhorma, tulilformu, tulilforsmu, tulilnormu* 'кипрей', 'таволга вязолистная', букв. 'пламенный кипрей'; *luhtälhorsma* 'кипрей болотный', букв. 'луговой кипрей'; *suolhorsma* 'вербейник кистецветный', букв. 'болотный кипрей'; *vesilhorsma* 'вербейник кистецветный', 'кипрей мокричникомлиственный', букв. 'водяной кипрей'.

(6) фин. *här(j)änlhäntä, häränlhäntike, härkinlhäntä*

Букв. 'бычий хвост'.

Название может относиться также к вяжечке голой, полыни черной, чернобыльнику, тысячелистнику, чистецу болотному и хвощу полевому. Ср. модель 'лошадиный хвост', гнездо (3).

(7) эст. *jaanilill*

Букв. 'Иванов цветок'.

Это название может относиться в эстонских диалектах к целому ряду других растений, цветение которых приурочено к Иванову дню: васильку синему, василиснику водосборолистному, водосбору, герани болотной, зверобою, клеверу горному, клеверу луговому, короставнику полевому, кукушкину цветку, марьяннику дубравному, мелколепестнику едкому, нивянику, первоцвету мучнистому, погремку, подорожнику среднему и тимьяну ползучему. По поводу образования данного названия см. ниже.

(8) фин. *jesuksen*||*kukka*, *jeesusken kukkanen*

Букв. 'цветок (цветочек) Иисуса'.

Название может относиться и к ятрышнику. Ятрышник нескольких видов — для Финляндии, в основном, садовое растение. Как и кипрей, растение имеет голый стебель с длинным многоцветковым соцветием на верхушке.

(9) фин. *juhan(n)us*||*kukka*

Букв. 'цветок Юханнуса (Иванова дня)'.

Фитоним может относиться также к зверобою, золототысячнику, лютику, марьяннику, мелколепестнику, нивянику и другим растениям (в разных говорах — к десяткам видов). По поводу образования данного названия см. ниже.

(10) фин. *lehmän*||*horsmi*

Букв. 'коровий кипрей'.

(11) фин. *lehmän*||*häntä*

Букв. 'коровий хвост'.

Еще один «хвост» в названии кипрея — ср. модели 'лошадиный хвост' и 'бычий хвост'.

(12) эст. *liival*||*lill*, *liivallilli*, *liivallilled*

Букв. 'песчаный цветок'.

В основе этого названия — произрастание кипрея на песчаных открытых местах. Это же название в эстонских говорах может относиться к льянке, проломнику северному и тимьяну ползучему.

(13) эст. *mets\kanep, mets\kanepid*

Букв. 'лесная конопля'.

Название основано на хозяйственном применении кипрей — для производства растительных волокон (для этого используется и конопля). Оно относится также к пикульнику.

(14) эст. *mets\sirel*

Букв. 'лесная сирень'.

Кипрей обладает сильным запахом, схожим с запахом сирени — это обстоятельство и легло в основу данного названия.

(15) эст. *nõmmellill*

Букв. 'цветок пустоши'. Определяющий компонент указывает на излюбленное место произрастания иван-чая — разного рода пустоши. Название может относиться к армерии, вереску и качиму пучковатому.

(16) эст. *nõmmelroos*

Букв. 'роза пустоши'.

(17) фин. *orjanruoska*

Букв. 'розга раба'. Как показывают фитонимические данные, названия растений с определительным компонентом 'розга' относятся, в основном, к растениям с длинным стеблем, часто безлистным или колючим. Такие растения могут существенно различаться своим внешним видом; например, в данном случае сложно представить себе перенос подобного названия на иван-чай с другого растения из перечисленных ниже: они совершенно не похожи на кипрей.

Это название может относиться также к бодяку ланцетолистному, бодяку полевому, розе сизой, чертополоху и шиповнику.

(18) фин. *punalhorma, punalhorsmi*

Букв. 'красный кипрей'.

Дополнительное определение (цветообозначение) уточняет окраску соцветий иван-чая.

(19) эст. *põdralhein*

Букв. ‘лосиная трава’.

В эстонском языке заметным является распространение сложных названий кипрея с определяющей частью, представляющей собой зоосемизм со значением ‘лось’. Это неудивительно, так как верхушки растения — любимый корм не только лосей, но и кабанов.

(20) эст. *põdra||kabi*

Букв. ‘лосиное копыто’.

Неясно. Ни одна морфологическая часть растения не напоминает по форме копыто. Возможно, вторично по отношению к следующему гнезду.

(21) эст. *põdra||kanep*

Букв. ‘лосиная конопля’.

Для эстонского языка это название номенклатурно. Определяемая часть фитонима со значением ‘конопля’ указывает на приращение иван-чая для выработки волокон для прядения.

(22) эст. *põdra||kapsas*

Букв. ‘лосиная капуста’.

(23) эст. *põdra||lill*

Букв. ‘лосиный цветок’.

Название может относиться и к дербеннику иволистному, листья которого очень похожи на листья кипрея.

(24) эст. *põdra||tubakas*

Букв. ‘лосиный табак’.

(25) эст. *põld||kuusk, põld||kuus, põllu||kuusk, põllu||kuus*

Букв. ‘полевая ель’.

Название — результат номинации по двум признакам — месту произрастания (поле) и отдаленной схожести с молодой елью. Данное название характерно более для хвоща полевого.

(26) эст. *rebase||saba(d), rebase||saba||rohi*

Букв. ‘лисий хвост’ (трава лисьего хвоста).

Вероятно, сравнение с хвостом лисы, лежащее в основе этого названия, дополнительно подкрепляется окраской соцветий растения. Название может относиться также к дербеннику иволистному, лисохвосту луговому, марьянику дубравному, плауну булавовидному, тимофеевке луговой, хвощу болотному, хвощу полевому, хвощу приречному и щирце хвостатой.

(27) ижор. *sitta\kukka*

Букв. 'навоз-цветок'.

Название это объясняется склонностью растения к произрастанию на навозных кучах.

(28) фин. *tuli\heinä, tul'\heinä, tulj\heenä, tulj\heinä, tyll\heinä*

Букв. 'пламенная трава'.

Компонент *tuli* 'огонь' может быть носителем, как минимум, трех признаков номинации: окраски цветков или листьев растения; едкости его частей на вкус, а также склонности к произрастанию на гарях, пепелищах. К кипрею относится, конечно, последний из этих признаков.

Это название может относиться в финском языке также к полыни, лютику различных видов, в т. ч. лютику едкому, щавелю различных видов и ястребинке.

(29) фин. *tuli\horsma, tuli\horma, tulil\formu, tulil\forsmu, tulil\pormu*

Букв. 'пламенный кипрей'.

По поводу первого компонента см. предыдущее гнездо. Данное определение является дополнительно-уточняющим.

Фитоним может относиться и к таволге вязолистной.

(30) фин. *tulil\kukka, tul'\kukka, tulil\kukkai, tulil\kukkane, tulil\kukkanen*

Букв. 'пламенный цветок'.

По поводу определяющего компонента см. гнездо (28).

Данное название весьма распространено и относится также к гвоздике травянке, коровяку, лапчатке гусиной и прямостоячей, лютику различных видов и щавелю различных видов'.

(31) фин. *varsan|piä|taut|heinä*

Букв. 'трава [от] насморка жеребенка'.

В этом названии, несомненно, отражено ветеринарное использование иван-чая — по-видимому, наружное противовоспалительное, то есть такое же, какое встречается и в отношении людей.

(32) эст. *vill|hein*

Букв. 'шерстяная трава'.

В основе этого названия лежит использование «кипрейного пуха» как для набивки подушек, так и для производства своеобразной пряжи.

Мордовские языки

(33) мокш. *каньф тише*

Букв. 'конопля-трава'.

Кипрей сравнивается в этом названии с коноплей из-за того, что у растения имеются прочные волокна, идущие на выделку веревки и мешковины, ср. рус. *дикая конопля* 'кипрей узколистый' [Анненков 1878: 132–133].

(34) эрз. *čik'irdi t'ikše, čik'irdä t'ikšä* [MW]

Букв. 'скрипучая трава'.

При выдирании растения из земли возникает характерный скрипучий звук. Возможно, впрочем, название является частичной калькой рус. *скрипень, скрипица, скрытник* и др. 'иван-чай'.

(35) эрз. *odga*, мокш. *udga, ud'iga* [MW]

Этимология этих фитонимов до сих пор еще не нашла объяснения.

Марийский язык

(36) мар. *арлыган*

Фитоним представляет собой суффиксальное образование от *арлык* 'кисть, гроздь'.

(37) мар. *вуйденге*

Букв. ‘верхушка-монета’, однако фитоним, несомненно, явился результатом народной этимологии. Ср. коми *вой, вöй* ‘кипрей’ — таким образом, название это древнее и имеет допермское происхождение.

(38) мар. *бузунго*

Займствование из русского языка, ср. рус. *бузинка* ‘паслен’ [ЭСМЯ I: 235].

(39) мар. *ырлыкaн\шудо, Г. бiрлiхaн шуды*

Букв. ‘трава [от] кори’. В народной медицине растение использовалось для лечения наружных проявлений болезни.

Пермские языки

(40) коми зыр. *войлiйив(лтурун), вöй, вöйлтурун, вöйлiйив*

Ср. коми перм. *вöй* ‘кипрей’.

Ср. мар. *вуйденге*. Фитоним имеет допермское происхождение; коми *войлiйив, вöйлiйив* — результаты народной этимологии [Ракин 1979: 135].

(41) коми зыр. *джуджыд войлiйив*

Букв. ‘высокий кипрей’.

(42) коми перм. *иванчайлтурун*

Определяющий компонент названия заимствован из русского языка.

(43) коми зыр. *кузь турун*

Букв. ‘высокая трава’.

(44) коми зыр. *петуха турун*

Букв. ‘петушина трава’.

(45) коми зыр. *сöс турун*

Букв. ‘нечистая, грязная трава’.

Мотивирующий признак — растение предпочитает для произрастания навозные кучи.

Кипрей — достаточно заметное и при этом используемое человеком в хозяйстве растение, поэтому оно имеет многочисленные названия. То, что подавляющее их большинство сконцентрировано в прибалтийско-финских языках, неудивительно, т. к. народная фитонимическая лексика этих языков вообще собрана значительно лучше.

Основная особенность названий кипрея в финно-пермских языках заключается в практически полной неповторяемости моделей номинации при их большом разнообразии. Трудно найти модель, которая функционировала бы более чем в одном языке. Между тем такое явление не кажется типичным для финно-угорских названий травянистых растений.

Тем не менее, мы можем выделить несколько основных признаков, по которым чаще всего осуществлялась номинация кипрея. Эти признаки связаны со свойствами растения — природными или существенными для жизни и деятельности человека.

1) номинация кипрея по месту произрастания:

фин. *tulilheinä*, *tul'heinä*, *tuljheenä*, *tuljheinä*, *tylheinä*, букв. 'пламенная трава', *tulihorsma*, *tulihorma*, *tuliformu*, *tuliforsmu*, *tulilnormu*, букв. 'пламенный кипрей', *tulikukka*, *tul'kukka*, *tulikukkai*, *tulikukkane*, *tulikukkanen*, букв. 'пламенный цветок'; ижор. *sittakukka*, букв. 'навоз-цветок'; эст. *liivalill*, *liivalilli*, *liivalilled*, букв. 'песчаный цветок', *nõmmellill*, букв. 'цветок пустоши'; коми зыр. *cös турун*, букв. 'нечистая, грязная трава'.

Эти названия указывают на преимущественное произрастание иван-чая на пепелищах, песчаных местах и пустошах, а также навозных кучах.

2) по внешнему виду, в том числе по сходству с хвостами животных:

фин. *hepolhäntä*, *hevonhäntä*, *hevosenhäntä*, букв. 'лошадный хвост', *här(j)änhäntä*, *häränhäntike*, *härkinhäntä*, букв. 'бычий хвост', *lehmänhäntä*, букв. 'коровий хвост'; эст. *rebase@saba(d)*, *rebase@saballrohi*, букв. 'лисий хвост' (трава лисьего хвоста); мар. *арлыган*; коми зыр. *джуджыд воӥӥыв*, букв. 'высокий кипрей', *кузь турун*, букв. 'высокая трава'.

Вообще, сравнение многих травянистых растений, особенно злаков и хвощей, с хвостами самых разнообразных животных весьма широко распространено в финно-угорской фитонимии.

3) по лекарственному, в том числе ветеринарному применению:

фин. *varsan|piältaut|heinä*, букв. ‘трава [от] насморка жеребенка’; мар. *ырлык|аншудо*, Г. *бирл|хән шуды*, букв. ‘трава [от] кори’.

4) по хозяйственному использованию (редко):

эст. *vill|hein*, букв. ‘шерстяная трава’; мокш. *каньф тише*, букв. ‘конопля-трава’.

5) по издаваемому звуку:

эрз. *čik'irdi t'ikše*, *čik'irdä t'ikšä*, букв. ‘скрипучая трава’.

Ряд сложных названий иван-чая стал результатом номинации растения сразу по двум признакам, например, эст. *mets|kanep*, *mets|sirel*, *pöld|kuusk*.

Среди финно-пермских названий кипрея имеются простые по форме слова, происхождение которых неясно и, по-видимому, является древним, например, фин. *horma*, *hormalheinä*, *hormu*, *horska*, *horsma*, *horsuin*, *horsumi*, *orsmu*, кар. собств. *horma*, *horsma*, кар. люд. *horm*, *horm|hein*’, вепс. *horm|hein*, *hörm|hein*, *hörm|hiin*; эрз. *odga*, мокш. *udga*, *ud'iga*; мар. *вуй|денге*, коми зыр. *вой|йыв*(*л-турун*), *вöй*, *вöй|турун*, *вöй|йыв*, коми перм. *вöй*.

Заимствований среди рассматриваемых фитонимов также очень мало — они исчисляются единицами.

Как отмечает в своей работе по финской ингерманландской фитонимии Ю. Э. Коппалева, существовало поверье, по которому девицам следовало класть под подушку в Иванову ночь двенадцать видов трав, которые вместе давали сон с указанием на суженого [Коппалева 2007: 67–68]. Вероятно, этим во многом объясняется мотивация финских фитонимов именами *Juhannes*, *Johannes*, *Juha* и др., причем некоторые из трав с такими именами, вопреки ожиданиям, не цветут в Иванов день. Так же можно объяснить подобные названия, существующие в эстонском языке и карельских наречиях (мотивированы, соответственно, именами *Jaani*

и Iivana). И, конечно, подобная модель номинации растений связана с периодом их цветения, приходящимся и на Иванов День.

Мы находим такие названия и в неродственных, в том числе контактных языках, например, рус. *иван-трава*, *ивановская трава*, *иван-чай*, *иванов цвет*, нем. *Johannisblume*, *Johanniskraut*, *Johanniskraut*, латышск. *jāņleģlīte*, *jāņulzāles* и др.

Завершая это небольшое исследование названий кипрея в финно-пермских языках, еще раз подчеркнем основные особенности этих фитонимов. Это:

1) резкое преобладание сложных по форме названий, чаще всего содержащих детерминант (определитель класса объекта номинации растения) — простые названия немногочисленны и представляют собой древние либо заимствованные фитонимы;

2) модели номинации кипрея разнообразны и не повторяются в разных, даже наиболее близких по родству, языках. Это явление необычно для названий распространенных травянистых растений в финно-пермских языках;

3) признаки, по которым производилась номинация кипрея, многочисленны и хорошо представлены в языках ветви.

Растения, подобные кипрею узколистному (иван-чаю), интересны для описательных и сравнительных исследований именно в силу многочисленности и разнообразия их названий в группе родственных языков.

Литература

Бродский И. В. (2012) Зоосемизмы — названия коровы, быка, теленка в составе финно-пермских фитонимов. *Севернорусские говоры*, 12: 206–220.

Бродский И. В. (2017) Финно-угорские названия растений, содержащие зоосемизмы со значением ‘лошадь’ (на лексическом материале финно-пермских языков). *Вестник Костромского государственного университета*, 23 (1): 152–158.

Коппалева Ю. Э. (2007) *Финская народная лексика флоры*. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН.

Мызников С. А. (2004) *Лексика финно-угорского происхождения в русских говорах Северо-Запада: этимологический и лингвогеографический анализ*. СПб.: Наука.

Ракин А. Н. (1979) Флористическая терминология коми языка (этимологический анализ). *Вопросы лексикологии коми языка. Труды Института языка, литературы и истории Коми филиала АН СССР*, 22: 129–164.

Suhonen P. (1936) *Suomalaiset kasvinnimet*. Helsinki: Suomalaisen kirjallisuuden seuran kirjapainon OY.

СОКРАЩЕНИЯ

Сокращения источников

Анненков — Анненков Н. И. *Ботанический словарь*. СПб., 1878.

КЭСКОЯ — Лыткин В. И., Гуляев Е. С. *Краткий этимологический словарь коми языка*. М.: Наука, 1970.

ЭСМЯ — Гордеев Ф. И. *Этимологический словарь марийского языка*. Т. I–II. Йошкар-Ола: Марийское книжное изд-во, 1979–1983.

HERBA — *Eesti rahvameditsiini ravimtaimede andmebaas*. [<http://herba-folklore.ee>] (29.07.2018)

MW — H. Paasonens *Mordwinisches Wörterbuch*. Helsinki, 1990–1999.

SSAP — *Suomen sanojen alkuperä*. O. I–III. Helsinki: Suomalaisen kirjallisuuden seura, 1992–2000.

Vilbaste — Vilbaste G. (1993) *Eesti taimenimetused. Emakeele Seltsi Toimetised*, 20 (67).

Сокращения названий языков и диалектов

вепс. — вепсский

ижор. — ижорский

кар. — карельские наречия
(люд. — людиковское,
собств. — собственно-карельское)

коми зыр. — коми-зырянский

коми перм. — коми-пермяцкий

латышск. — латышский

мар. — марийский (Г. — горно-марийский)

мокш. — мокшанский

нем. — немецкий

рус. — русский

фин. — финский

эрз. — эрзянский

эст. — эстонский

FINNO-PERMIC PHYTONYMICAL PORTRAITS.
WILLOWHERB OR FIREWEED.
EPILOBIUM ANGUSTIFOLIUM

Igor Brodsky

A. Herzen Russian State Pedagogical University,
St. Petersburg, Russia
E-mail: kodima@mail.ru

Citation: Brodsky I. (2018) Finno-permskiye fitonimicheskiye portrety. Kiprey uzkolistnyy (ivan-chay). Epilobium angustifolium [Finno-permic phytonymical portraits. Willowherb or fireweed. Epilobium angustifolium]. *Severnoruskiye govory* [Northern Russian dialects], 17: 13–29. (in Russian)

Abstract. In this paper, the author examines all the folk names of widowherb (or fireweed, *Epilobium angustifolium*) in the Finno-permic languages — the branch of the Finno-Ugric language group excluding the Ugric languages. Names of widowherb in these languages are quite numerous. In this article we examine about two hundred such phytonyms which are grouped into forty five semantical groups, each one representing a certain nomination model. For widowherb such models are usually not repeated in different languages; they are surprisingly diverse. It is not quite clear why this phenomenon occurs since it is not quite typical for the names of other herbaceous plants in Finno-permic languages.

Most of widowherb names are found in Baltic Finnish languages; the main reason for this phenomenon is the longtime intensive research of dialect lexis in these languages, especially in Finnish and Estonian.

Widowherb *Epilobium angustifolium* is widespread in Finno-ugric language areas, and thus it's well known to all Finno-ugric peoples. It is used as a medicinal plant and a source of durable fiber used for producing rough cloth. In Russia dried and fermented leaves of widowherb are used for the preparation of a tea drink (so called “Kaprio tea”). This plant prefers to grow on ashes, wastelands, sandy places and manure piles. These habits of growth are well reflected in many names of widowherb.

Almost all of widowherb names in Finno-permic languages are composite in form and usually consist of two components. The number of non-composite phytonyms is very limited: as a rule, these are ancient words or borrowings. Many widowherb names include so called determinants — the taxons of the

nomination object classes. Such determinants always occupy the last place in composite phytonyms.

The names of widowherb in the Finno-permic languages are products of this plant's nomination according to several main features: the place of growth, the appearance of the plant, its economic and medicinal use. The most common feature amongst them is the preferred place of growth. Many composite names of widowherb contain various zoosemisms — names of elk, cow, horse, fox and cock. In some widowherb names its' inflorescence is compared to horsetail or tails of other animals.

Keywords: Finno-ugric languages, Finno-permic languages, lexics, phytonyms, plants' names, widowherb, fireweed, *Epilobium angustifolium*.

References

Annenkov N. I. (1878) *Botanicheskiy slovar'* [Botanical dictionary]. St. Petersburg. (in Russian)

Brodsky I. V. (2012) Zoosemizmy — nazvaniya korovy, byka, telenka v sostave finno-permskih fitonimov [Names of cow, bull and calf inside Finno-permic phytonyms]. *Severnorrusskie govory* [Northern Russian dialects], 12: 206–220. (in Russian)

Brodsky I. V. (2017) Finno-ugorskiye nazvaniya rasteniy, sodержashhiye zoosemizmy so znacheniem 'loshad' (na leksicheskom materiale finno-permskih jazykov) [Finno-Ugric plants' names containing zoosemisms meaning "horse" (based on Finno-Permic lexical materials)]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta* [Proceedings of the Kostroma state university], 23 (1): 152–158. (in Russian)

Eesti rahvameditsiini ravimtaimede andmebaas [Medicinal plant database of Estonian folk medicine]. [<http://herba-folklore.ee>] (29.07.2018) (in Estonian)

Gordeev F. I. (1979–1983) *Etimologicheskiy slovar' mariyskogo yazyka* [Etymological Dictionary of the Mari Language]. Vol. I–II. Yoshkar-Ola: Mariyskoe knizhnoe izdatel'stvo. (in Russian)

Itkonen E., Kulonen U.-M., Joki Aulis J. et al. (1992–2000) *Suomen sanojen alkuperä* [The origin of Finnish words]. O. I–III. Helsinki: Suomalaisen kirjallisuuden seura. (in Finnish)

Koppaleva Yu. E. (2007) *Finskaya narodnaya leksika flory* [Finnish folk plants' names]. Petrozavodsk: Karel'skiy nauchnyy centr RAN. (in Russian)

Lytkin V. I., Gulyayev E. S. (1970) *Kratkiy etimologicheskiy slovar' komi yazyka* [Concise Etymological Dictionary of the Komi Language]. Moscow: Nauka. (in Russian)

Myznikov S. A. (2004) *Leksika finno-ugorskogo proiskhozhdeniya v russkikh govorakh Severo-Zapada: etimologicheskiy i lingvogeograficheskiy analiz* [Vocabulary of Finno-Ugric origin in Russian dialects of North-West: etymological and linguo-geographical analysis]. St. Petersburg: Nauka. (in Russian)

Paasonen H. (1990–1999) *Mordwinisches Wörterbuch*. [H. Paasonen's Mordvin dictionary]. B. I–V. Helsinki (in German)

Rakin A. N. (1979) Floristicheskaya terminologiya komi yazyka (etimologicheskiy analiz). [Floral terminology in Komi language (etymological analysis)]. *Voprosy leksikologii komi yazyka. Trudy Instituta yazyka, literatury i istorii Komi filiala AN SSSR* [Problems of Komi lexicology. Proceedings of the Institute of language, literature and history of the Komi branch of the USSR Academy of sciences], 22: 129–164. (in Russian)

Suhonen P. (1936) *Suomalaiset kasvinnimet* [Finnish plants' names]. Helsinki: Suomalaisen kirjallisuuden seuran kirjapainon OY. (in Finnish)

Vilbaste G. (1993) *Eesti taimenimetused* [Estonian plants' names]. *Emakeele Seltsi Toimetised* [Proceedings of the Mother tongue Society], 20 (67). (in Estonian)

МАТЕРИАЛЫ К ЭТИМОЛОГИИ ЛЕКСИКИ В РУССКИХ ГОВОРАХ ПРИКАМЬЯ: БАТКАС, БАЧКА, БЁРДЫШ

Гайдамашко Роман Валентинович

Институт лингвистических исследований РАН,
Санкт-Петербург, Россия
E-mail: gaidamashko@mail.ru

Цитирование: Гайдамашко Р. В. (2018) Материалы к этимологии лексики в русских говорах Прикамья: *баткас, бачка, бёрдыш. Севернорусские говоры*, 17: 30–45.

Аннотация. Настоящая статья продолжает публикацию материалов к этимологии диалектной лексики в русских говорах Прикамья, см. «Севернорусские говоры», вып. 14, 15 (2015, 2016). Представлены фрагменты сопоставительного и ареально-этимологического анализа лексем *баткас* ‘жердь, входящая в остов балагана’ (с производным *баткачина* и его фонетическим и семантическим вариантом *баткосина* ‘небольшое бревно, жердь’), *бачка* ‘грудная клетка, грудь птицы или человека’ и *бёрдыш* ‘куриное крыло, используемое в хозяйственных целях’. Материалы к этимологии всех лексем даются по единой схеме — вначале приводятся прикамское диалектное слово, его толкование и контекст(ы) употребления его в живой речи; следом слово рассматривается на общерусском языковом фоне; далее обсуждаются существующие этимологии и предлагаются некоторые уточнения или новые этимологические решения. В первом разделе обсуждается предположение А. Е. Аникина о возможном заимствовании лексемы *баткас* ‘жердь, входящая в остов балагана’ из языка коми, эта лексема сопоставляется с другими русскими диалектными данными, обращается внимание на былое бытование в мансийских диалектах лексемы *кас* ‘жердь с раздвоенным концом, (опорная) жердь (напр., в хворостяном шалаше)’, к сопоставлению привлекается русское диалектное томское *кас* ‘жердь, к которой привязывают рыболовный снаряд-морду’ и приводится версия о его происхождении. Во втором разделе для слова *бачка* ‘грудная клетка, грудь птицы или человека’ предлагается коми этимология. В третьем разделе предполагается, что слово *бёрдыш* ‘куриное крыло, используемое в хозяйственных це-

лях', зафиксированное в Гайнском районе, представляет собой адстратное коми(-пермяцкое) проникновение.

Ключевые слова: сопоставительное языкознание, лексикология, диалектология, этимология, языковые контакты, русские говоры Прикамья, финно-угорские языки, пермские языки, обско-угорские языки, коми, манси, баткас, бачка, бёрдыш.

1. Баткас. Баткачина. Баткосина

1.1. Баткас

Баткас. 'Жердь, входящая в остов балагана.' *Грозит дождём — начинаешь балаган делать. У кого брезент есть — на баткасы растянешь, крышу такую в виде зонта. + Баткас от баткаса четверти на две один от другого ставили. Часто, сплошь-то зачем? Сплошь не надо. + Из берёзки, из осинки — што попадёт — для крыши балагана баткасы рубишь. Длинные такие палки* (Акчим Краснов.) [АС 1: 55].

Вариант *баткас* принят за опорный, т. к. *баткачина* (см. 1.2) представляет собой его производное с суффиксом *-ин* и окончанием *-а*, а *баткосина* (см. 1.3) — вариант от *баткачина*, зарегистрированный с размытыми семантическими границами и в отдалении от Акчима (где отмечено наибольшее количество фиксаций).

В словарях других русских говоров отмечено не было.

А. Е. Аникин пишет дословно следующее: «Явное заимств. Возможно, из пермских яз., ср. коми *баткир*, *бактер* нв. 'верхний венец сруба печья лесной избушки, выходящий за угол' (ССКЗД: 17)» [Аникин 2: 270]. Предположение о заимствовании оправдано, если принимать во внимание специализированность значения лексемы (см. другие местные финно-угорские заимствования для номинации различных видов жердей: *орясина*¹,

---

¹*Орясина.* 'Большая палка, жердь.' *Како слово-то? Орясина? Мы так-то раньше сосновую палку называли* (Орда) [СПГ 2: 48]. *Орясина.* ['Высокий человек'] *Да ты, орясина, уйди хоть куда-нибудь* (Касиб Сол.) [КСРГСПК]. Зна-

*шáтина*² и др.) и ареал ее распространения, ограниченный кон-

чение 'высокий человек' — результат метафорического переноса от 'большая палка, жердь', ср., напр., рус. литер. *жердь* 1. 'тонкий длинный ствол срубленного дерева, очищенный от ветвей' и 2. (перен., разг.) 'об очень высоком и худом человеке' [БАС 5: 613] или рус. диал. *батялка* 'человек высокого роста; верзила' (Волог.) и 'длинная жердь, шест' (Волог.) [БСК; СРНГ 2: 150]. Ср. рус. диал. *орясина*, *орясина* 'дубина, палка' (Верхотур. Свердлов.) [СРГСУ 1: 28; СРГСУ 3: 66], *орясина* 'срубленное, но не очищенное от сучьев молодое высокое дерево' (Ростов. Яросл.), 'кол, жердь с сучьями' (Сольвыч. Волог. [в СРНГ ошибочно — Сольвыч. Перм.]), 'о неуклюжем, неповоротливом человеке' (Смол.; Пск.; Вязн. Влад.), 'о человеке с отгалкивающей внешностью' (Бурят. АССР), 'об уродливом, отгалкивающим лице человека' (Бурят. АССР; Читин.) и др., *орячина* 'большая дубина, палка' (Урал.), 'о взрослом, но глупом человеке' (Урал.) [СРНГ 23: 349], *рясина* 'длинный кол, палка, жердь, дубина' (Олон.; Арх.; Перм.), *рясина* 'о рослом человеке, парне, верзила' (Пск.; Твер.; Арх.) [СРНГ 35: 354]. В говорах Прикамья — севернорусское наследие, куда заимствовано из приоб.-фин. языков [Мызников 2008: 49], ср. фин. *varras* 'жердь, колышек, палочка' [SKES: 1658].

²*Шатина*, ж. 1. 'Жердь' (Дий Ныроб.); 2. 'Брус, укрепляемый в саях параллельно полозьям, связывающий копылья сверху' (Акчим, Писаная, Усть-Улс Краснов.) [Матвеев 1959: 39]. *Шáтина*, ж. 1. 'Жердь' (Ныроб.); 2. 'Брус, укрепляемый параллельно полозьям, связывающий копылья сверху' (Краснов.) [Матвеев 1964: 308]. *Шатина*. 'Прут, кол, жердь' (Ил.; Кар.; Черд.) [Кривощёкова-Гантман 1981: 53]. *Шáтина*. 'Легкий, длинный, обычно заостренный шест, используемый в различных целях'. *Шатина над костром, кряжик брошен, шатины долги: две сошки, кладут перекладину. + Можно шатиной зарезать любого зверя: можно и лося, можно и медведя, и волка. + Потом начинаешь шатины втыкать в снег-от* (при сооружении шалаша, балагана и т. п.) (Акчим Краснов.) [АС 6: 220–221]. *Шáтина*. [Собир.? 'Древесные материалы хозяйственного назначения'] *И шатину куды-ко везут, пни да чё да* (Черд.) [КСРГСПК]. Ср. рус. диал. *шáтина* 'одна из жердей, используемых для устройства шалаша' (Кич.-Городец. Волог.) [СВГ 12: 77], *шатéна*, *шатина*, *шатник* 'жердь' (Кич.-Городец. Волог.) [Востриков 1981: 20]. Коми заимствование [Kalina 1927: 47–48; Фасмер 4: 413; Матвеев 1959: 39; Матвеев 1964: 308; Востриков 1981: 20; Кривощёкова-Гантман 1981: 53; Аникин 2000: 693], ср. коми-перм.: стар. сев. *шaть* 'прут' [Попов 1785а: л. 50], стар. *шaтj* 'ветвь листового дерева; тонкий ствол дерева', *шaтjjaín* 'тонкоствольный молодой лес; кустарник' [Рогов 1869: 181], совр. *шaть* 'прут', 'хворостина', *шáттjа* 'тростник (мелкий)', 'молодая рощица' [КПРС: 555], сев. *шaтjн*, *шaтjнá* 'шест, [тонкая] жердь' [КПРС: 554], коми-зыр. верх.-вычег., вым., ижем., нижн.-вычег., присыкт., удор. *шaйт* 'длинный прут, розга, длинная палка, тонкий шест', удор. *шaйтaн* 'тжж., верх.-вычег., ср.-сысол. *шaйтaн* 'жердь разг. (о долговязом человеке)', ижем. *шaйтaсьны* 'удить, заниматься ужением' [КСК 2: 752], удор. *шaтeр* 'жердь разг., жердяя обл. (о рослом че-

тактной зоной. Вопросы здесь вызывает коми лексика, выбранная в качестве источника заимствования, — к расхождениям по форме и семантике можно добавить то, что коми слово отмечено лишь в говорах двух населенных пунктов в ареале нижевычегодского диалекта, см. *бактер* (Гам), *баткир* (Жешарт) [КСК 1: 52, 59], не находит параллелей на коми языковом фоне и пока не имеет убедительной этимологии (сравнение с коми вым., луз.-лет., нижн.-вычег., присыкт., ср.-сысол. *тер* ‘бревно’ [КСК 2: 521] — фонетическим вариантом коми верх.-вычег., верх.-сысол., вым., ижем., луз.-лет., печор., присыкт., ср.-сысол., удор. *кер* [КСК 1: 658], — видимо, не находит дальнейших перспектив).

Прежде всего невозможно пройти мимо сопоставления с общерусскими и диалектными фактами вроде диал. *бат* ‘шест, жердь’ (Борович. Новг.) [НОС 2010: 25], ‘прут’ (Мосал. Калуж.) [БСК; СРНГ 2: 139], устар. *батог* ‘палка, посох’ [БАС 1: 416] и др. Особо см. сходные слова, тяготеющие к севернорусскому ареалу: *батáлка* ‘палка’ (Эст. ССР), ‘палка, используемая в различных играх’ (Кашин. Твер.; Tobол.; Махн. Свердл.) [БСК; СРНГ 2: 140], *батáльга* ‘палка, тонкая жердь, кол’ (Няндом. Арх.) [СГРС 1: 72], *батанчи́на* ‘длинная четырехгранная жердь’ (Онеж. Арх.; Олон.) [СРНГ 2: 141], *батарлы́га*, *батарлы́жина* ‘палка, тонкая жердь, кол’ (Устьян. Арх.) [СГРС 1: 73], *батáрчи́на* ‘палка; рычаг’ (Уржум. Вят.; Перм.; Сиб.) [БСК; СРНГ 2: 141], *батарчи́на* ‘толстая жердь, бревно’ (Кич.-Городец. Волог.) [СГРС 1: 73], *ба́твина* ‘палка’ (Волог.) [СРНГ 2: 142], *батма́н* ‘жердь, на которую подвешива-

---

ловеке)’, ижем. *шатёны* ‘прижать стог сена длинным шестом’, луз.-лет. *шатёр* ‘корзина из прутьев’, верх.-сысол., присыкт., ср.-сысол. *шати́н* ‘удилище’, верх.-вычег., верх.-сысол., вым., печор., ср.-сысол. *шати́н* ‘длинный прут, розга, длинная палка, тонкий шест’, вым., ижем., нижн.-вычег., печор., ср.-сысол. *шати́на* ‘тж’, ср.-сысол. *шати́налы* ‘прижать стог сена ветвями, хворостинами’, верх.-сысол., ижем., луз.-лет., печор., ср.-сысол. *шати́* ‘длинный прут, розга, длинная палка, тонкий шест’, верх.-сысол., ср.-сысол. *шати́* ‘било, молотило’, ижем. *шати́* ‘палка для сачка, удилище’, луз.-лет. *шати́вёй* ‘сделанный из прутьев’ [КСК 2: 758, 759]. Последнее из указанных коми слов, судя по аффиксальному оформлению, является обратным заимствованием из рус. *шатёвый. Коми ~ (?) приоб.-фин.; коми > об.-угор. [КЭСКЯ: 318; Rédei 1970: 693].

ют котелок над костром' (Вельск. Арх.) [СГРС 1: 74], *батог* 'тонкая жердь, палка' (повс. Арх.; повс. Волог.) [СГРС 1: 74], *батог* 'шест для сетей' (Новг. Новг.) [НОС 2010: 25], *баток* 'тонкая жердь, палка' (Шенк. Арх.) [СГРС 1: 75], *баторина* 'палка, служащая опорой при ходьбе' (Пудож. Карел.; Тихв. Ленингр.) [СРГКСО 1: 44], *баторчик* 'тонкая жердь, палка' (Холмог. Арх.) [СГРС 1: 75–76], *баторчина* 'жердь' (Суксун. Перм.) [СРГСУД: 18], *батьялка* 'длинная жердь, шест' (Волог.) [БСК; СРНГ 2: 150] и мн. др.

С другой стороны, опять же учитывая специфику семантики и ареала, следует принимать во внимание сходный мансийский материал, в начале XX в. (1901–1906 гг.) записанный А. Каннисто во всех мансийских диалектах, ср. манс.: южн. — тавдин. (Янычкова) *kas*, тавдин. (Б. Чандыри) *kaś*, вост. — нижн.-кондин. *kaś*, зап. — пелымск., сев.-вагильск., южн.-вагильск. *kas*, нижн.-лозьв. *kas*, сев. — верх.-лозьв. *kas* 'Gabelung, Astgabel, Stange mit gegabeltem Ende, (Stütz)stange (z. B. in der Reisighütte); Keil (in einem Kleidungsstück); kleine Insel (wie sie in der wasserarmen Zeit inmitten eines Flusses entsteht)' [развилка, рогатина, жердь с раздвоенным концом, (опорная) жердь (напр., в хворостяном шалаше); клин (в предмете одежды); маленький остров (который выступает посреди реки в маловодное время). — Перевод толкования и полужирное выделение мои. — Р. Г.] [WW 2013: 364]. Если только это не гетерогенный композит (из русской и мансийской основ), что маловероятно, о значении первого компонента пока остается только догадываться, тем более что *б* [b] для мансийского языка не характерно и встречается только в заимствованиях.

Не совсем ясно, может ли с указанными данными быть связано рус. диал. *кас* 'жердь, к которой привязывают рыболовный снаряд-морду' (Том.) [СРНГ 13: 114]. Е. А. Хелимский осторожно сближает [«вероятно, сюда же (с метонимией на русской почве?)»] томские диалектные слова *казы* 'указатели, метки на самоловах' (Каргас. Том.) [СРСГСОД 1: 186] и *каз* 'кол, брус, к которому прикрепляются различные ловушки на рыб' (Каргас., Колпаш., Крив., Параб. Том.) с рус. диал. *кас* 'поплавок из коры, прикрепляемый к крючку самолова — орудия рыбной ловли' (Параб. Том.)

[СРСГСОД 1: 191], которое восходит к сельк. *qāsə [-z-] ('кора' > 'поплавок из коры' > 'поплавок') [Хелимский 1983: 206]. Версия повторяется в [Хелимский 2000: 368] и, с незначительными сокращениями, в [Аникин 2000: 304].

1.2. Баткачина

Баткачина. 'Жердь, входящая в остов балагана'. *Балаганы ставили — баткачины рубили* (Акчим Краснов.) [АС 1: 55]. *Раньше сырпали* (ловили сырпами рыбу), *балаганы ставили, баткачины рубили* (подпоры для балагана). *Идите-де баткачины рубить* [Грузберг 1967: 158; КСРНГ].

Производное с суффиксом *-ин* и окончанием ж. р. *-а* от *баткас* (см. 1.1). Аналогично см. рус. *жердь* > разг. *жердьина* [БАС 5: 612–613].

1.3. Баткосина

Баткосина. 'Небольшое бревно, жердь'. *Баткосина — это дерево, его можно унести. Или кусок дерева, жерди* (Покча Черд.) [СРССПК 1: 68].

Вариант от *баткачина* (см. 1.2) (? под влиянием рус. диал. *откосина*, *подкосина* и др., ср., напр., рус. *откосина* 'бревно на гребне двускатной крыши, закрывающее концы тесин' (Сольвыч. Волог.), 'кол, подпирающий изгородь' (Кадн. Волог.) [СРНГ 24: 209], 'косо, наклонно установленная подпорка, балка' (Сукс. Перм.; Алап., Богдан., Коптел., Полев., Тугулым. Свердлов.) [СРСГУ 3: 82–83], *подкосина*, чаще мн. 'кол, служащий для укрепления столжара' (Буйск. Костром.) [ЯОС 8: 28]).

2. Бачка

Бачка. 'Грудная клетка, грудь птицы (реже — человека)'. *У птицы нет грудной клетки, у ней бачка. И у человека так называли. + Наджабишь бачку-то, начнёшь горбатая ходить* (Акчим Краснов.) [АС 1: 56]. *Бачка*¹. 'Грудная клетка, грудь птицы или человека'. *Бачка называют грудь у него* [у тетерева] (Вёлгур Крас-

нов.). *Бачка* — *грудь у птиц, у всех, у людей. Говорят: «Чё свою бачку выставил!»* (Редикор Черд.) [СРГСПК 1: 71].

Несмотря на близость семантики, очевидно, следует отделять от рус. *бачина* ‘живот’ (Сев.-Двин.; Вельск. Волог.) [БСК; СРНГ 2: 161], ‘большой живот, брюхо’ (Вельск., Лешук., Устьян. Арх.; Верховаж., Ньюкс., Тарног. Волог.) [СГРС 1: 82], *батина* ‘живот, брюхо’ (Устьян. Арх.) [СГРС 1: 73] и под., которые полагаются вариантом с начальным *б-* к *вачина* ‘(большой) живот’ (Волог.), возводимому к прибалтийско-финским источникам, см. подробнее [МСФУСЗ: 71–72; Аникин 2: 302–303].

См. в словаре А. Е. Аникина: «Неясно. Ср. *бачкí?* <...> *Бачкí* мн. ‘сплетенная из ивовых прутьев решетка, укладываемая на сани во время перевозки сена’ арх. (СГРС 1: 82) // Неясно <...>» [Аникин 2: 304].

Ср. коми-зыр. *бака* верх.-вычег., ср.-сысол. ‘грудные мышцы у птиц; мякоть, облегающая грудную кость’, верх.-сысол., луз.-лет. ‘грудная кость у птиц’ [КСК 1: 51]. Известными коми-пермяцкими (resp. коми-язьвинскими) источниками не зафиксировано. В русских говорах крайнего севера Прикамья представляет собой коми субстрат (без попыток дальнейшей диалектной дифференциации ввиду скудости доступной информации). Оформлено рус. словообразовательным суффиксом *-к*.

3. Бёрдыш

Бёрдыш. ‘Куриное крыло, используемое в хозяйственных целях’. *Бёрдыш по-зырянски крыло-то у куриц. Заметать, пироги мазать* (Тиуново Гайн.) [СРГСПК 1: 86].

Ср. коми-перм. *борд* (*бордй-*) ‘крыло’, ‘крылышко (для подметания на шестке)’, ‘плавник (рыбы)’ [КПРС: 37]. Исконно на пермской почве и возводится к общеперм. **bord-* [КЭСКЯ: 40], ср. также коми-язьв. *борд* ‘крыло (у птицы)’ [Лыткин 1961: 89], коми-зыр. повс. *борд* ‘крыло, крылья; маховое перо’, ‘плавник’ [КСК 1: 84], удм. *бурд* ‘крыло’, ‘отводы (саней)’, ‘перо (птицы)’, ‘плавник (рыбы)’ [УРС 2008: 83]. Древнейшая судьба пермской лекси-

ки на финно-угорском фоне остается неизвестной — «этимология неясна» [Лыткин 1964: 76].

Судя по диалектной иллюстрации и местоположению деревни, где она была записана, рус. *бёрдыши* представляет собой адстратное коми(-пермяцкое) проникновение. Оформлено рус. словообразовательным суффиксом *-ыши*.

Выражение благодарности

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 17-29-09097(офи_м).

Литература

Востриков О. В. (1981) Финно-угорские лексические элементы в русских говорах Волго-Двинского междуречья. *Этимологические исследования*, 2. Свердловск: Изд-во УрГУ: 3–45.

Грузберг Л. А. (1967) *Лексико-семантический анализ вводных элементов одного говора (К проблеме системы в лексике)*: дис. ... канд. филол. наук. Пермь.

Кривощёкова-Гантман А. С. (1981) Коми-пермяцкие заимствования в русских говорах Верхнего Прикамья. *Этимологические исследования*, 2. Свердловск: Изд-во УрГУ: 46–62.

Лыткин В. И. (1961) *Коми-язьвинский диалект*. М.: Изд-во АН СССР.

Лыткин В. И. (1964) *Исторический вокализм пермских языков*. М.: Наука.

Матвеев А. К. (1959) *Финно-угорские заимствования в русских говорах Северного Урала*. Свердловск. (Уч. зап. Урал. ун-та. Языковедение. Вып. 32).

Матвеев А. К. (1964) Заимствования из пермских языков в русских говорах Северного и Среднего Урала. *Acta Linguistica Academiae Scientiarum Hungaricae*, 14, 3–4: 285–315.

Мызников С. А. (2008) О некоторых финно-угорских заимствованиях в пинежских говорах. *Севернорусские говоры*, 9: 46–54.

Хелимский Е. А. (1983) Селькупские заимствования в русских диалектах. *Советское финно-угроведение*, XIX, 3: 202–216.

Хелимский Е. А. (2000) *Компаративистика, уралистика: Лекции и статьи*. М.: Языки русской культуры. (Studia philologica).

Kalima J. (1927) Syrjänische Lehngut im Russischen. *Finnisch-ugrische Forschungen*, XVIII, 1–3: 1–56.

Rédei K. (1970) *Die syrjänischen Lehnwörter im Wogulischen*. Budapest: Akadémiai Kiadó.

СОКРАЩЕНИЯ

Сокращения источников

Аникин — Аникин А. Е. *Русский этимологический словарь*. Вып. 1–12. А–Дбать. М.; СПб.; Новосибирск: Рукописные памятники Древней Руси; Знак; Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова; Ин-т филологии Сибирского отделения РАН; Нестор-История, 2007–2018.

Аникин 2000 — Аникин А. Е. *Этимологический словарь русских диалектов Сибири. Заимствования из уральских, алтайских и палеоазиатских языков*. 2-е изд., испр. и доп. М.; Новосибирск: Наука, 2000.

АС — *Словарь говора д. Акчим Красновишерского района Пермской области (Акчимский словарь)*. Гл. ред. Ф. Л. Скитова. Вып. 1–6. Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 1984–2011.

БАС — *Большой академический словарь русского языка*. Гл. ред. К. С. Горбачевич (т. 1–9), А. С. Герд (т. 13–24). Т. 1–24. А–Сверяться. М.; СПб.: Наука, 2004–2017.

БСК — *Большая словарная картотека ИЛИ РАН* (Институт лингвистических исследований РАН, г. Санкт-Петербург).

КПРС — *Коми-пермячко-русский словарь*. Сост. Р. М. Баталова, А. С. Кривощёкова-Гантман. М.: Русский язык, 1985.

КСК — Безносилова Л. М., Айбабина Е. А., Забоева Н. К., Коснырева Р. И. *Коми сёрнисикас кывчукёр = Словарь диалектов коми языка*. Т. 1–2. Сыктывкар: ООО «Издательство «Кола», 2012–2014.

КСРГСПК — *Картотека Словаря русских говоров севера Пермского края* (Пермский государственный национальный исследовательский университет, г. Пермь).

КСРНГ — *Картотека Словаря русских народных говоров* (Институт лингвистических исследований РАН, г. Санкт-Петербург).

КЭСКО — Лыткин В. И., Гуляев Е. С. *Краткий этимологический словарь коми языка*. Под ред. В. И. Лыткина. М.: Наука, 1970.

МСФУСЗ — *Материалы для словаря финно-угро-самодийских заимствований в говорах Русского Севера*. Вып. 1. А–И. Под ред. А. К. Матвеева; авт. и сост. Н. В. Кабинина, А. К. Матвеев, О. В. Мищенко, О. А. Теуш. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2004.

- НОС 2010 — *Новгородский областной словарь*. Изд. подгот. А. Н. Левичкин, С. А. Мызников; авт.-сост. А. В. Клевцова и др.; ред. А. В. Клевцова, Л. Я. Петрова. СПб.: Наука, 2010. (Памятники русского диалектного слова).
- Попов 1785 — *Краткий пермский словарь с российским переводом*, собранный и по алфавиту расположенный города Перми Петро-Павловского собора протоиереем Антонием Поповым, 1785 года (Российская национальная библиотека. Отдел рукописей. Эрм. 206. 81 л.).
- Рогов 1869 — Рогов Н. А. *Пермячко-русский и русско-пермяцкий словарь*. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1869.
- СВГ — *Словарь вологодских говоров*. Ред. Т. Г. Паникаровская (вып. 1–7); Т. Г. Паникаровская, Л. Ю. Зорина (вып. 8–12). Вып. 1–12. Вологда: Изд-во Вологодского гос. пед. ин-та, Изд-во Русь, 1983–2007.
- СГРС — *Словарь говоров Русского Севера*. Под ред. А. К. Матвеева (т. 1–5), М. Э. Рут (т. 6–7). Т. 1–7. Абаля–Мячелка. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2001–2018.
- СПГ — *Словарь пермских говоров*. Под ред. А. Н. Борисовой, К. Н. Прокошевой. Т. 1–2. Пермь: Книжный мир, 2000–2002.
- СРГКСО — *Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей*. Гл. ред. А. С. Герд. Вып. 1–6. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 1994–2005.
- СРГСПК — *Словарь русских говоров севера Пермского края*. Вып. 1. А–В. Гл. ред. И. И. Русинова. Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 2011.
- СРГСУ — *Словарь русских говоров Среднего Урала*. Гл. ред. П. А. Вовчок (т. 1), Н. П. Костина (т. 2), А. К. Матвеев (т. 3–7). Т. 1–7. Свердловск: Средне-Уральское кн. изд-во; Изд-во УрГУ, 1964–1988.
- СРГСУД — *Словарь русских говоров Среднего Урала: Дополнения*. Под ред. А. К. Матвеева. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1996.
- СРНГ — *Словарь русских народных говоров*. Гл. ред. Ф. П. Филин (т. 1–23), Ф. П. Сороколетов (т. 24–46), С. А. Мызников (т. 47–50). Т. 1–50. Аа–Хоглок. М.; Л.; СПб.: Наука, 1965–2018.
- СРСГОД — *Словарь русских старожильческих говоров средней части бассейна р. Оби (Дополнение)*. Под ред. О. И. Блиновой, В. В. Палагиной. Ч. 1–2. Томск: Изд-во Томского университета, 1975.
- УРС 2008 — *Удмуртско-русский словарь = Удмурт-Юуч кыллюкам*. Отв. ред. Л. Е. Кириллова. 2-е доп., перераб. изд. 1983 г. Ижевск: Удм. ин-т ИЯЛ УрО РАН, 2008.

- Фасмер — Фасмер М. *Этимологический словарь русского языка*. Перевод с нем. и предисловие О. Н. Трубачёва; под ред. Б. А. Ларина. Т. 1–4. М.: Прогресс, 1964–1973.
- ЯОС — *Ярославский областной словарь*. Отв. ред. Г. Г. Мельниченко. Вып. 1–10. Ярославль: Изд. ЯГПИ; ЯГПИ им. К. Д. Ушинского, 1981–1991.
- SKES — Toivonen Y. H., Itkonen E., Joki A. J., Peltola R. *Suomen kielen etymologinen sanakirja*. O. 1–7. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1955–1981. (*Lexica Societatis Fenno-Ugricae XII*).
- WW 2013 — *Wogulisches Wörterbuch*. Gesamm. und geordnet von A. Kanisto. Bearb. von V. Eiras. Hrsg. von A. Moisio. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura & Kotimaisten kielten keskus, 2013. (*Lexica Societatis Fenno-Ugricae XXXV*. Kotimaisten kielten tutkimuskeskuksen julkaisuja 173).

Сокращения районов Пермского края (области)

Гайн. — Гайнский	Ныроб. — Ныробский
Ил. — Ильинский	Сол. — Соликамский
Кар. — Карагайский	Черд. — Чердынский
Краснов. — Красновишерский	

DATA FOR ETYMOLOGY OF LEXIS IN RUSSIAN DIALECTS OF THE KAMA REGION: *BATKAS*, *BACHKA*, *BYORDYSH*

Roman Gaidamashko

Institute for Linguistic Studies
of the Russian Academy of Sciences,
Saint Petersburg, Russia
E-mail: gaidamashko@mail.ru

Citation: Gaidamashko R. (2018) Materialy k etimologii leksiki v russkikh govorakh Prikam'ya: *batkas*, *bachka*, *byordysh* [Data for etymology of lexis in Russian dialects of the Kama region: *batkas*, *bachka*, *byordysh*]. *Severno-russkiye govory* [Northern Russian dialects], 17: 30–45. (in Russian)

Abstract. The present article continues the publication of materials on etymology of dialect lexis in the Russian dialects of the Kama region, see cf. “Northern Russian dialects”, issues 14, 15. (2015, 2016). In this research the fragments of comparative, linguogeographical and etymological analysis of the lexemes *batkas* ‘pole — part of skeleton of hut’ (with derivatives *batkasina* and its phonetic and semantic variant *batkosina* ‘small log, pole’), *bachka* ‘chest, breast of bird or man’, *byordysh* ‘chicken wing used for household purposes’ are presented. The materials for etymology of all lexemes are given in a same scheme — in the beginning the Kama dialect word, its interpretation and context(s) of its use in live speech are quoted; after that the word is considered against the all-Russian language background; then the existing etymologies are discussed and some clarifications or new etymological solutions are proposed. In the first section, a) there is a discussion of the assumption of A. Ye. Anikin about the possibility of borrowing word *batkas* ‘pole — part of skeleton of hut’ from the Komi language, b) the lexeme is compared with other Russian dialectal data, c) attention is focused on former existence in Mansi dialects of the lexeme *kas* ‘pole with forked end, (base)pole (eg. in brushwood hut)’, d) Russian Tomsk dialect word *kas* ‘pole to which *morda* (trap net) is tied’ is involved in comparison and the version of its origin is quoted. In the second section Komi etymology is offered for the word *bachka* ‘chest, breast of bird or man’. In the third section there is assumed that the word *byordysh* ‘chicken wing used for household purposes’ is an adstrate Komi(-Permyak) infiltration.

Keywords: comparative linguistics, lexicology, dialectology, etymology, language contacts, Russian dialects of the Kama region, Finno-Ugric lan-

guages, Permic languages, Ob-Ugric languages, Komi, Mansi, batkas, bachka, byordysh.

Acknowledgements

The reported study was funded by RFBR according to the research project № 17-29-09097.

References

Anikin A. Ye. (2000) *Etimologicheskii slovar' russkikh dialektov Sibiri. Zamstovaniya iz ural'skikh, altayskikh i paleoaziatskikh yazykov* [Etymological dictionary of Russian dialects of Siberia: loans from Uralic, Altaic and Palaeo-Asiatic languages]. 2nd ed., corr. and suppl. Moscow; Novosibirsk: Nauka. (in Russian)

Anikin A. Ye. (2007–2018) *Russkiy etimologicheskii slovar'* [Russian etymological dictionary]. Vol. 1–12. A–Dbat'. Moscow; St. Petersburg; Novosibirsk: Rukopisnyye pamyatniki Drevney Rusi; Znak; In-t rus. yaz. im. V. V. Vinogradova; In-t filologii Sibirskogo otdeleniya RAN; Nestor-Istoriya. (in Russian)

Batalova R. M., Krivoshchyokova-Gantman A. S. (1985) *Komi-permyatsko-russkiy slovar'* [Komi-Permyak-Russian dictionary]. Moscow: Russkiy yazyk. (in Komi-Permyak, Russian)

Beznosikova L. M., Aybabina Ye. A., Zaboyeva N. K., Kosnyreva R. I. (2012–2014) *Komi syornisikas kyvchukör = Slovar' dialektov komi yazyka* [Dictionary of dialects of Komi language]. Vol. 1–2. Syktyvkar: OOO «Izdatel'stvo «Kola». (in Komi-Zyryan, Russian)

Blinova O. I., Palagina V. V. (eds.) (1975) *Slovar' russkikh starozhil'cheskikh gororov sredney chasti basseyna r. Obi (Dopolneniye)* [Dictionary of Russian old-time dialects of the middle part of the Ob basin (Supplement)]. Parts 1–2. Tomsk: Izd-vo Tomskogo universiteta. (in Russian)

Borisova A. N., Prokosheva K. N. (eds.) (2000–2002) *Slovar' permskikh gororov* [Dictionary of Perm dialects]. Vol. 1–2. Perm: Knizhnyy mir. (in Russian)

Fasmer M. (1964–1973) *Etimologicheskii slovar' russkogo yazyka* [Etymological dictionary of Russian language]. Translation from German and preface by O. N. Trubachyov. Ed. by B. A. Larin. Vol. 1–4. Moscow: Progress. (in Russian)

Filin F. P., Sorokoletov F. P., Myznikov S. A. (eds.) (1965–2018) *Slovar' russkikh narodnykh govorov* [Dictionary of Russian folk dialects]. Vol. 1–50. Aa–Khoglok. Moscow; Leningrad; St. Petersburg; Nauka. (in Russian)

Gerd A. S. (ed.) (1994–2005) *Slovar' russkikh govorov Karelii i sopredel'nykh oblastey* [Dictionary of Russian dialects of Karelia and adjacent areas]. Vol. 1–6. St. Petersburg; Izd-vo S.-Peterb. un-ta. (in Russian)

Gorbachevich K. S., Gerd A. S. (eds.) (2004–2017) *Bol'shoy akademicheskiy slovar' russkogo yazyka* [Large academic dictionary of Russian language]. Vol. 1–24. A–Sveryat'sya. Moscow; St. Petersburg; Nauka. (in Russian)

Gruzberg L. A. (1967) *Leksiko-semanticheskiy analiz vvodnykh elementov odnogo govora (K probleme sistemy v leksike): dis. ... kand. filol. nauk* [Lexical and semantic analysis of introductory elements of one dialect (On the problem of the system in lexicon): dis. ... Cand. philol. sciences]. Perm. (in Russian)

Lytkin V. I., Gulyayev Ye. S. (1970) *Kratkiy etimologicheskiy slovar' komi yazyka* [Short etymological dictionary of Komi language]. Ed. V. I. Lytkin. Moscow: Nauka. (in Russian)

Kabinina N. V., Matveyev A. K., Mishchenko O. V., Teush O. A. (2004) *Materialy dlya slovarya finno-ugro-samodiyskikh zaimstvovaniy v govorakh Russkogo Severa* [Materials for the dictionary of Finno-Ugric-Samoyed loans in the dialects of the Russian North]. Vol. 1. A–Y. Ed. A. K. Matveyev. Yekaterinburg: Izd-vo Ural. un-ta. (in Russian)

Kalima J. (1927) *Syrjänische Lehngut im Russischen* [Zyryan loans in Russian]. *Finnisch-ugrische Forschungen* [Finno-Ugric research], XVIII, 1–3: 1–56. (in German)

Kannisto A. (coll., arr.), Eiras V., Moisio A. (eds.) (2013) *Wogulisches Wörterbuch* [Mansi dictionary]. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura & Kotimaisten kielten keskus. (Lexica Societatis Fenno-Ugricae XXXV. Kotimaisten kielten tutkimuskeskuksen julkaisuja 173). (in Mansi, German, Finnish, Russian)

Khelimskiy Ye. A. (1983) *Sel'kupskiye zaimstvovaniya v russkikh dialektakh* [Selkup loans in Russian dialects]. *Sovetskoye finno-ugrovedeniye* [Soviet Finno-Ugric studies], XIX, 3: 202–216. (in Russian)

Khelimskiy Ye. A. (2000) *Komparativistika, uralistika: Lektsii i stat'i* [Comparativistics, Uralistics: lectures and articles]. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury. (Studia philologica). (in Russian, English)

Kirillova L. Ye. (ed.) (2008) *Udmurtsko-russkiy slovar'* = *Udmurt-dzhuch kylllyukam* [Udmurt-Russian dictionary]. 2nd, suppl., revised ed. Izhevsk: Udm. in-t IYAL UrO RAN. (in Udmurt, Russian)

Klevtsova A. V., Petrova L. Ya. (eds.) (2010) *Novgorodskiy oblastnoy slovar'* [Novgorod regional dictionary]. Edition prepared by A. N. Levichkin, S. A. Myznikov. St. Petersburg: Nauka. (Pamyatniki russkogo dialektного slova). (in Russian)

Krivoshchyokova-Gantman A. S. (1981) Komi-permyatskiye zaimstvovaniya v russkikh govorakh Verkhnego Prikam'ya [Komi-Permyak loans in Russian dialects of the Upper Kama region]. *Etimologicheskiye issledovaniya* [Etymological studies], 2. Sverdlovsk: Izd-vo UrGU: 46–62. (in Russian)

Lytkin V. I. (1961) *Komi-yaz'vinskiy dialekt* [Komi-Yazva dialect]. Moscow: Izd-vo AN SSSR. (in Russian, Komi-Yazva)

Lytkin V. I. (1964) *Istoricheskiy vokalizm permskikh yazykov* [Historical vocalism of Permic languages]. Moscow: Nauka. (in Russian)

Matveyev A. K. (1959) *Finno-ugorskiye zaimstvovaniya v russkikh govorakh Severnogo Urala* [Finno-Ugric loans in Russian dialects of the Northern Urals]. Sverdlovsk. (Uch. zap. Ural. un-ta. Yazykoznaniiye. Vol. 32). (in Russian)

Matveyev A. K. (1964) Zaimstvovaniya iz permskikh yazykov v russkikh govorakh Severnogo i Srednego Urala [Loans from Permic languages in Russian dialects of the Northern and Middle Urals]. *Acta Linguistica Academiae Scientiarum Hungaricae* [Linguistic proceedings of the Hungarian Academy of sciences], 14, 3–4: 285–315. (in Russian)

Matveyev A. K. (ed.) (1996) *Slovar' russkikh govorov Srednego Urala: Dopolneniya* [Dictionary of Russian dialects of the Middle Urals: Supplements]. Yekaterinburg: Izd-vo Ural. un-ta. (in Russian)

Matveyev A. K., Rut M. E. (eds.) (2001–2018) *Slovar' govorov Russkogo Severa* [Dictionary of the Russian North]. Vol. 1–7. Abalya–Myachelka. Yekaterinburg: Izd-vo Ural. un-ta. (in Russian)

Melnichenko G. G. (ed.) (1981–1991) *Yaroslavskiy oblastnoy slovar'* [Yaroslavl regional dictionary]. Vol. 1–10. Yaroslavl: Izd. YAGPI; YAGPI im. K. D. Ushinskogo. (in Russian)

Myznikov S. A. (2008) O nekotorykh finno-ugorskikh zaimstvovaniyakh v pinezhskikh govorakh [On some Finno-Ugric loans in Pinega dialects]. *Severnorrusskiye govory* [Northern Russian dialects], 9: 46–54. (in Russian)

Panikarovskaya T. G., Zorina L. Yu. (eds.) (1983–2007) *Slovar' vologodskikh govorov* [Dictionary of Vologda dialects]. Vol. 1–12. Vologda: Izd-vo Vologodskogo gos. ped. in-ta, Izd-vo Rus'. (in Russian)

Popov A. (comp.) (1785) *Kratkiy permskiy slovar' s rossiyskim perevodom* [Short Komi-Permyak dictionary with Russian translation], sobrannyy i po alfavitu raspolzhenyy goroda Permi Petro-Pavlovskogo sobora

protoiyereyem Antoniye[m] Popovym, 1785 goda (Russian National Library. Manuscript Department. Erm. 206). (in Komi-Permyak, Russian)

Rédei K. (1970) *Die syrjänischen Lehnwörter im Wogulischen* [Zyryan loanwords in Mansi]. Budapest: Akadémiai Kiadó. (in German)

Rogov N. A. (1869) *Permyatsko-russkiy i russko-permyatskiy slovar'* [Komi-Permyak-Russian and Russian-Komi-Permyak dictionary]. St. Petersburg: Tip. Imp. Akad. nauk. (in Komi-Permyak, Russian)

Rusinova I. I. (ed.) (2011) *Slovar' russkikh govorov severa Permskogo kraya* [Dictionary of Russian dialects of the north of the Perm region]. Vol. 1. A–V. Perm: Izd-vo Perm. un-ta. (in Russian)

Skitova F. L. (ed.) (1984–2011) *Slovar' govora d. Akchim Krasnovisherskogo rayona Permskoy oblasti (Akchimskiy slovar')* [Dictionary of dialect of the Akchim village of the Krasnovishersky district of the Perm region (Akchim dictionary)]. Vol. 1–6. Perm: Izd-vo Perm. un-ta. (in Russian)

Toivonen Y. H., Itkonen E., Joki A. J., Peltola R. (1955–1981) *Suomen kielen etymologinen sanakirja* [Etymological dictionary of Finnish language]. Vol. 1–7. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura. (Lexica Societatis Fenno-Ugricae XII). (in Finnish)

Vostrikov O. V. (1981) Finno-ugorskiye leksicheskiye elementy v russkikh govorakh Volgo-Dvinskogo mezhdurech'ya [Finno-Ugric lexical elements in Russian dialects of the Volga and Dvina interfluve]. *Etimologicheskiye issledovaniya* [Etymological studies], 2. Sverdlovsk: Izd-vo UrGU: 3–45. (in Russian)

Vovchok P. A., Kostina N. P., Matveyev A. K. (eds.) (1964–1988) *Slovar' russkikh govorov Srednego Urala* [Dictionary of Russian dialects of the Middle Urals]. Vol. 1–7. Sverdlovsk: Sredne-Ural'skoye kn. izd-vo; Izd-vo UrGU. (in Russian)

СИСТЕМНЫЙ ХАРАКТЕР ВОЗДЕЙСТВИЯ ИНОСТРУКТУРНЫХ ЯЗЫКОВ НА РУССКОЕ СЛОВО

Михайлова Любовь Петровна

Петрозаводский государственный университет,
Петрозаводск, Россия
E-mail: posnm87@bk.ru

Цитирование: Михайлова Л. П. (2018) Системный характер воздействия иноструктурных языков на русское слово. *Севернорусские говоры*, 17: 46–58.

Аннотация. Статья посвящена изучению взаимодействия русского языка с языками агглютинативного строя на уровне диалектной лексической макросистемы. Анализируемые материалы ярко свидетельствуют об однонаправленных и разнонаправленных процессах воздействия языков иной структуры на облик русского слова (ср. *блы́каться* > *балы́каться*, *аблы́каться* и *стожа́р* > *стожа́р*, *устожа́р*, *стожа́ль*, *тожа́ль*). Делается попытка представить системный характер воздействия структуры неродственных языков, показать системность явлений, отраженных в лексических единицах с неорганическими признаками.

Ключевые слова: диалектное слово, этнические контакты, нерегулярные фонетические явления, лексическая вариантность.

I

Вариантность слова — яркий показатель развития диалектной лексической системы. Особое место в лексике говора занимают так называемые экстенциальные лексические единицы, которые в период своего возникновения в речи носителей языков иной структуры, — в момент их перехода на русскую речь, — являются фонетическими вариантами усваиваемого слова, сохраняющими приметы родной речи. Эти особые единицы, естественно, относятся к вариантам нерегулярного характера, т. к. содержат признаки, противоречащие историческим процессам внут-

ренного развития фонетической системы русского языка. Вопрос о системном характере незакономерных преобразований русского слова касается именно экстенциальных процессов, продиктованных взаимодействием русского языка с языками, имеющими в сравнении с русским другую структурную организацию.

Длительное сосуществование русского народа с финно-угорскими и тюркскими народами привело к необходимому обмену своеобразными языковыми особенностями. Адаптирующиеся системы принимают сильные (интенциальные) признаки иной системы, которые в новой языковой стихии становятся экстенциальными [Мельников 2003: 74].

Несомненный интерес вызывают факты взаимодействия языков разной структуры, «обмена» интенциальными признаками на фонетическом уровне в пределах слова, вхождения чужеродного элемента в родную стихию. Данной проблеме посвящены многие исследования, среди которых по представлению материала и его интерпретации выделяются работы по говорам Северо-Запада России [Мызников 2004] и Сибири [ЭСРДС, ЭСРЗЯС], характеризующимся сложной картиной взаимообмена лексическими единицами в условиях тесного соприкосновения разных языков. В настоящей статье сосредоточим внимание на некоторых процессах преобразования внешнего облика русского слова, происходящих под влиянием неродственного языка. Используя данные словарей, сопоставим русское слово в иноязычной среде и в русских диалектах.

II

При вхождении русского слова в иноструктурные языки происходят определенные процессы, касающиеся начального сочетания согласных, отсутствующего в исконной лексике финно-угорских [Лыткин 1974: 119] и тюркских [Гаджиева 1990: 528] языков.

1. *Сокращение сочетания до одного звука*, при котором теряется обычно первый согласный, что ярко демонстрируется данными из SKES. Приведем примеры финского языка: *ruusi*

< груз, *ruusti* < груздь, *ruuku*, *truuku* < друг, *soromno* < всё равно, *rostia* < простить, *rostia* < хворостить, *rostia* < сраснуть, *rääpätä* < стряпать, *russakka* < прусак, *taavot* < став, *takana*, *stakana* < стакан, *tarikka* < старик, *taanu* < стан, *tankki* < станок, *tarina* < старина, *rupa*, *trupa* < труба, *taraviero* < старовер и др. Ср. также русск. *праздник* и фин. *ruasniekka*, но: фин. *praasnikka*, *praasniekka*, *prasnik*, карел.-олон. *proasnikka*, *proazñikka*, *proazñiekkä*, олон. *pruasniekka*, *pruazñiekkä*, люд. *pruazdñik*, *pruozdñik*, вепс. *prāzñik*, водск. *prāzñik*, эст. *prasnik* [SKES III: 617]; русск. *прибóжий* и фин. *riha* (и *priha*), карел. олон., люд. *priha*, вепс. *priha* и др. [SKES III: 619], русск. *брызгать* и фин. *riiskottaa*. Следует иметь в виду, что существуют варианты прибалтийско-финских слов, заимствованных из русского, — с сокращением группы согласных и без него. Большая сохранность сочетаний согласных в начале слова отмечается в карельском и вепсском языках. Ср.: олон. *gruuzu*, *kruuzu*, люд. *grūz*, вепс. *gruz* — груз, олон. *stoavat*, *stuavat*, вепс. *stavad* — став, олон. *trupa*, вепс. *truba* — труба и т. п.

Аналогичны данные по другим языкам, в частности в юкагирском: *благовещение* > *лависииннэ*, *благословение* > *луослэвиэннэ*, *все-таки* > *суотэки*, *здорово* > *дараавэ*, *спасибо* > *пасиивэ*, *стой* > *той* [Курилова 2015: 1165], в таймырском пиджине с русской лексической основой: *колько* ‘сколько’, *се* ‘все’, *тарик* ‘старик’ [Хелимский 2000: 383], в якутском — *küčunf* ‘скучно’ [ЭСРЗЯС: 551].

2. *Эпентеза* наблюдается в языках Сибири, о чем свидетельствуют материалы «Этимологического словаря русских заимствований в языках Сибири» А. Е. Аникина, представляющего заимствования из русского языка: якут. *bylayadāt* ‘благодать’, тат. *bilin* ‘тонкий блин из овсяной муки’, якут. *kurūbaj* ‘грубый’, *byrāk* ‘брак (о товаре)’, *tiriätäj* ‘третий’ [ЭСРЗЯС: 96, 97, 106, 163]. Ср. в таймырском пиджине: *малаший* ‘младший’ [Хелимский 2000: 383].

3. *Метатеза* также характерна для языков Сибири: эвенк. *ур-бāскэ* ‘рубашка’, манс. *kur’s* ‘груз (на санях)’, манс. *turpa*, *torpa* ‘(ды-

мовая) труба' [ЭСРЗЯС: 163, 513, 616], ср. соответственно *рубашка, груз, труба*.

4. **Протеза** отмечена реже, например: якут. *abyrāk* 'брак (о товаре)', *osturiogaj* 'строгий' [ЭСРЗЯС: 106].

Иногда в одном варианте совмещаются два процесса, например, эпентеза и оглушение начального согласного: якут. *kurūbaj* 'грубый', протеза и эпентеза: якут. *abyrāk* 'брак (о товаре)' [ЭСРЗЯС: 163].

Для позиции начала слова характерна также мена глухих — звонких согласных, что обнаруживается в появлении, во-первых, глухого вместо звонкого: фин. *priiskata*, карел. олон. *priiskuttoa*, водск. *prīskata* из русск. *брызгать, truuku* < *друг*, во-вторых, звонкого вместо глухого: олон. *broazhi(e)kka, broažni(e)kka* < русск. *праздник*, карел. олон., люд. *briha* < русск. *пригожий* [SKES].

При вхождении в агглютинативную структуру русское слово может подвергаться неодинаковым преобразованиям в разных языках и диалектах, ср., например, усвоение слова *глухой* в диалектах карельского и якутского языков: собственно карельское наречие — *gluhoi*, ливвиковское наречие — *gluhuo*, людииковское наречие — *gluhuoi, gruhuo* [ССДКВСЯ: 103] и олекминский говор якутского языка — *kulukuoj* 'совершенно глухой' [ЭСРЗЯС: 153]. В говорах карельского языка полностью усваивается начальное консонантное сочетание русского слова, с параллельной меной плавных в одном из вариантов, а в якутском диалекте между согласными появляется вставной гласный, с одновременной заменой звонкого согласного глухим.

Приведенные примеры показывают, что фонетические преобразования корневой морфемы русского слова в иноструктурных языках представлены по-разному в сравнении с усвоением ее без изменений. Для выяснения вопроса о большей или меньшей степени модификации русской лексики в финно-угорских или в тюркских языках требуются дополнительные наблюдения.

III

Иноструктурная система оказывает влияние и на русскую лексику, функционирующую в собственной речевой стихии и приобретающую приметы иноэтнического культурного кода. В русских говорах почти на всей территории России наблюдаются отмеченные выше процессы, приводящие к возникновению экстенциальных лексических единиц, описанных в ряде публикаций [см., напр.: Михайлова 2006; 2015; 2017] и представленных в специальном словаре [СЭЛЕРГ]¹. При этом отметим, что исследование состава модификаций русского слова, возникновение которых не объясняется действием внутренних законов, остается актуальным.

Экстенциальные процессы можно характеризовать по месту, способу и количеству воздействий на русское слово. В зависимости от количества подвергающихся изменению компонентов одного слова действуют однонаправленные и разнонаправленные процессы.

Среди однонаправленных выделяются линейные однофазовые, завершённые, достигшие предела в результате одномоментного действия. Большинство экстенциальных лексических единиц относится именно к таковым, как показывают известные материалы: *охлёв* < *хлев*, *рёснуть* < *трёснуть*, *бягом* < *бегóm*, *бáло* < *гбáло*, *брусн́га* < *брусн́ка*, *брушн́га* < *брусн́га* и др. [СЭЛЕРГ]. К однонаправленным относятся также линейные неоднородные, продолжающиеся, представляющие цепь преобразований на одной линии (типа *котёр-ник* < *укотёр-ка* < *рукотёр-ник*). Такого рода изменения немногочисленны, чаще всего они сопровождаются другими процессами, ср. *котельник* < *котёрник* < *лукотёрник* < *рукотёрник*.

---

¹Примеры лексических единиц, приводимых в последующем тексте, помимо таблицы, берутся именно из СЭЛЕРГ без указания семантики и географических помет.

Однонаправленные действия могут осуществляться разными способами и давать разные результаты. Они обычно проходят параллельно, при этом исходный компонент подвергается однофазовым изменениям: *лы́каться, балыка́ться, облыка́ться, болка́ться* < *блы́каться; верста́, говерста́* < *гверста́; сень, иксéнь* < *ксень*.

В позиции начала слова не только преобразуется консонантное сочетание, но происходят и другие процессы, в частности мена начального звука. Этимологическое гнездо с исходным корнем *песк-/писк-* ‘пескарь (редко — мелкая рыба)’, помимо вариантов *песка́н, песча́ч, писка́рь, пезга́рь*, включает и такие единицы, как *беска́н, бесча́ч, меска́н, миска́н, ёска, киска́рь* [Михайлова 2017].

Весьма показательным в отношении разных видов преобразований корневой морфемы является состав экстенциальной лексико-семантической группы ‘пескарь’, включающей слова с корнями *песк-* и *-зоб-* (см. таблицу 1. В таблице помещена часть материала для карты по вопросу Л 383 «Название пескаря в русских говорах» Лексического атласа русских народных говоров. Географические сокращения соответствуют сокращениям СРНГ).

Таблица 1. Слова с корнями *песк-* + *-зоб-* ‘пескарь’ и их модификатами

№	Слово	Географические пометы	Примечания
I	<i>Пескозоб</i>	Олон., Новг., Влад., Волог., Арх., Север., Свердлов., Уральск., Перм., Сиб., Енис.; Карг. Арх.; ‘вид рыбы’ — Валд., Вол., Люб., Мал., Под., Сол., Шим. Новг.	Исходная единица
	<i>песказок</i>	Кр.-Уф. Ср. Урал	
	<i>пескозобчик</i>	Алап. Ср. Урал	
	<i>псекозоб</i>	Вельск. Волог.	
	<i>пескозуб</i>	Дон., Свердлов., Сукс. Ср. Урал	
II	<i>Бескозоб</i>	Вин., Карг., Вель, Кон., Лен., Он., Плес., Прим., Уст., Холм., Шенк. Арх.; В-Важ., Тарн. Волог.; Аш., Беж., Холм. Пск.; Мош., Новг., Под., Сл., Холм. Новг.	t ~ d
	<i>бескозоба</i>	Ост. Твер.	
	<i>бескозобец</i>	Вл. Пск.	
	<i>бескозобишка</i>	Камен. Урал	
	<i>бескозом</i>	Красноуф. Перм.	б ~ м

Продолжение на следующей странице

Таблица 1. Слова с корнями *песк-* + *-зоб-* 'пескарь' и их модификатами

№	Слово	Географические пометы	Примечания
II	<i>бескозоба</i>	Ост. Твер.	
III	<i>Вискозоб</i>	Вельск. Арх.	б ~ в
IV	<i>Дескозоб</i>	Кир. Волог. 'мелкая речная рыба...'	б' ~ д'
V	<i>Ескозоб</i>	Карг., Уст. Арх., Кир. Волог.	д' ~ j
	<i>ескозобец</i>	Кир. Волог.	
	<i>ескозобик</i>	Карг. Арх., Бабуш. Волог.	
	<i>ескозобчик</i>	Уст. Арх.	
	<i>искозоб</i>	Ирб. Ср. Урал; + 'рыба голец' Бор. Новг.	
	<i>яскозоб</i>	Вин., Карг. Арх., Белоз., Вашк. Волог.	
	<i>яскозуб</i>	Вашк. Волог.	
VI	<i>Мескозоб</i>	Шадр. Перм., Урал., Ср. Урал., Курган.	б ~ м
	<i>мескосоп</i>	Урал.	
	<i>мискозоб</i>	Снч. Вят.; Борович. Новг. 'рыба голец'	
	<i>мескозок</i>	Суксун. Перм.	
	<i>мескозуб</i>	Добрян. Перм., Ирбит. Свердлов.	
	<i>мяскозоб</i>	Вин., Лен. Арх.	
VII	<i>Нескозоб</i>	Тарн. Волог., Слободо-Турин. Свердлов.	м ~ н (?)
	<i>нискозоб</i>	Н.-Тавд., Таб. Ср. Урал	
	<i>нискозобой</i>	сущ. Байк. С.-Ур., Туг. Ср. Урал	
VIII	<i>Скозоб</i>	Холм. Арх., Симб.	<i>песк-</i> > <i>пск-</i> > <i>ск-</i>
	<i>скозобец</i>	Ряз., Саратов., Пенз., Тамб.	
	<i>скозопец</i>	Тамб.	
	<i>скозобчик</i>	Городищ. Пенз.	
	<i>скзобь</i>	Тамб.	
IX	<i>Оскозоб, -ина</i>	Вельск. Арх.	протеза
	<i>свозоб</i>	Устьян. Арх.	неясно
X	? <i>Козоб</i>	Кон. Арх. 'рыба голец'	<i>ск-</i> > <i>к-</i> ?
	<i>козоба</i>	Кон. Арх. 'рыба голец'	
	<i>козок</i>	Курган.	+ -к
	<i>козон</i>	Кат. Ср. Урал	+ -н
XI	<i>Мяскозоб</i>	Шадр. Перм.	иная 1-я
	<i>Лекозоб</i>	Пошех. Яросл. 'небольшая речная рыба'	часть

Некоторые изменения в данной группе лексических единиц закономерны: упрощение труднопроизносимого безударного начала (*п'ьскозоб* > *пскозоб* > *скозоб*); мена губных согласных (*бескозоб* ~ *мескозоб*); возможно, и мена носовых (*мескозоб* ~ *нескозоб*). Остальные процессы, которые привели к появлению незакономерных вариантов (*бескозоб*, *вискозоб*, *дескозоб*, *ескозоб*,

козѡб, оскозѡб), проходили под влиянием иноструктурных языков. Материалы группы слова *пескозѡб* с его модификатами демонстрирует сложные процессы замен одного звука другим в позиции анлаута, изменения другого рода. Каждое явление имеет свой ареал, в связи с чем встает вопрос о конкретных условиях той или иной замены в зависимости от соседствующего языка. Это требует дальнейшего изучения языковой ситуации в той или иной лексической микросистеме.

Некоторые лексемы испытывают разнонаправленные процессы, при которых изменению подвергается не один компонент слова. В этой группе лексики также наблюдается неоднородность в отношении единиц корневого гнезда. Во-первых, слово отражает изменения разных компонентов, каждый из которых представлен в одном варианте какого-либо говора, например: *крѣиша* > *крѣжа*, *крѣза*, *крѣиша*; *стожѡр* > *стожѡр*, *устожар*, *стѡжаль* (> *тѡжаль*); *пестѣрь* > *бестѣрь*, *пѣстерь* и др. Во-вторых, в одной единице содержатся модификаты разных компонентов: *барѡба* < *ворѡба*; *кырѡвник* < *крыжѡвник*; *воротѣнь* < *баратѣнь* (< *брѡтѣнь*); *улькѡза* < *глюкѡза*.

Реальное наполнение корневых гнезд с экстенциальными единицами содержит, как правило, разнородные лексемы — с результатами как однонаправленного, так и разнонаправленного воздействия. Ср. при исходном *блѣкѡть(ся)* наличие варианта *болкѡться*, отражающего метатезу звуков в первом слоге, и семантически близкого слова *бѣлгать*, в котором, помимо метатезы, имеет место мена глухого и звонкого; в группе слов с исходным *порѡст-* ‘поросль, молодой лес’ находится не только *пѡрусник*, но и *пѡрозник*, *пѡрѣшник*. Подобные примеры многочисленны. Особенно в этом отношении выделяются слова с корнями *волв-*, *волм-*, *волг-*, *волд-* и *болв-*, *болм-*, *болг-*, *болд-*, *голб-*, *олв-* ‘гриб волнушка’, единицы с корнями *ѡкор-*, *ѡко(у)р-*, *бѡко(у)р-* (< *окѡр-*) — ‘кривое суковатое дерево’.

Приведенные факты показывают, что интенции русского слова к изменению ярко проявляют себя в условиях длительных контактов русского населения с носителями иноструктурных язы-

ков. Множество преобразованных единиц одного исходного слова, отражающих разные процессы экстенциального характера, охватывают почти всю территорию русского языка, что является несомненным свидетельством системного характера воздействия со стороны иноструктурных языков.

Выражение благодарности

Исследование выполняется в рамках реализации комплекса мероприятий Программы развития опорного университета ФГБОУ ВО «Петрозаводский государственный университет» на 2018 год.

Выражаю глубокую благодарность Е. Л. Березович за присланные материалы Картотеки Топонимической экспедиции по Русскому Северу, хранящейся на кафедре русского языка, общего языкознания и речевой коммуникации Уральского федерального университета им. Б. Н. Ельцина (слова, зафиксированные в Архангельской и Вологодской областях: *яскозоб, свозоб, оскозоб* и др. — в отрезке после буквы К).

Литература

Гаджиева Н. З. (1990) Тюркские языки. *Лингвистический энциклопедический словарь*. М.: Советская энциклопедия: 527–529.

Курилова С. Н. (2015) Общая характеристика особенностей фонетической ассимиляции иноязычных лексических единиц в языке тундровых юкагиров. *Известия Самарского научного центра Российской академии наук*, 17 (1–5): 1160–1168.

Лыткин В. И. (1974) Сравнительная фонетика финно-угорских языков. *Основы финно-угорского языкознания (вопросы происхождения и развития финно-угорских языков)*. М.: Наука: 108–213.

Мельников Г. П. (2003) *Системная типология языков: Принципы, методы, модели*. М.: Наука.

Михайлова Л. П. (2006) Лексические варианты, различающиеся начальными звуками. *Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2006*. СПб.: Наука: 276–281.

Михайлова Л. П. (2015) Экстенциальные и исконные фонетические диалектизмы в русских говорах. *XLIII Международная филологическая конференция*. СПб.: СПбГУ: 278–288.

Михайлова Л. П. (2017) Название пескаря в русских говорах (сведения по вопросу Л 383 Программы «Лексического атласа русских народ-

ных говоров»). *Лексический атлас русских говоров (Материалы и исследования) 2017*. СПб.: Нестор-История: 397–412.

Мызников С. А. (2004) *Лексика финно-угорского происхождения в русских говорах Северо-Запада: Этимологический и лингвогеографический анализ*. СПб.: Наука.

Хелимский Е. А. (2000) *Компаративистика, уралистика: Лекции и статьи*. М.: Языки русской культуры.

Сокращения источников

ССДКВСЯ — *Сопоставительно-ономастический словарь диалектов карельского, вепсского, саамского языков*. Под общ. ред. Ю. С. Елисеева и Н. Г. Зайцевой. Петрозаводск: КНЦ РАН, 2007.

СЭЛЕРГ — Михайлова Л. П. *Словарь экстенциальных лексических единиц в русских говорах*. Петрозаводск; М.: Изд-во КГПА, 2013.

ЭСРДС — Аникин А. Е. *Этимологический словарь русских диалектов Сибири: Заимствования из уральских, алтайских и палеоазиатских языков*. Изд. 2-е, испр. и доп. М.; Новосибирск: Наука, 2000.

ЭСРЗЯС — Аникин А. Е. *Этимологический словарь русских заимствований в языках Сибири*. Новосибирск: Наука, 2003.

SKES — Toivonen Y. H., Itkonen E., Joki A. J., Tanner S., Cronstedt M. *Suomen kielen etymologinen sanakirja*. О. 1–7. Helsinki, 1955–1981.

SYSTEM CHARACTER OF IMPACT OF FOREIGN LANGUAGES ON THE RUSSIAN WORD

Liubov Mikhaylova

Petrozavodsk State University,
Petrozavodsk, Russia
E-mail: posnm87@bk.ru

Citation: Mikhaylova L. (2018) Sistemnyy kharakter vozdeystviya inostrukturykh yazykov na russkoye slovo [System character of impact of foreign languages on the Russian word]. *Severnorusskiye govory* [Northern Russian dialects], 17: 46–58. (in Russian)

Abstract. The author deals with questions of the interaction of the Russian language with the languages of the agglutinative system at the level of the dialectal lexical macrosystem. At the beginning of the article there are examples of the transformation of the Russian word when it enters the Finno-Ugric and Turkic languages, then unregistered phonetic versions of Russian vocabulary according to dialect dictionaries are presented. The described materials clearly demonstrate the unidirectional and multidirectional processes of the impact of languages of a different structure on the appearance of the Russian word (cf. the change in the initial consonant combination as a result of the appearance of epenthesis and prostheses: *blykat'sya* > *balykat'sya*, *ablykat'sya* and vowel bargaining, consonantal barriers, changing the consonant beginning of the word with the advent of prostheses, the disappearance of the first consonant, shifting the emphasis, combining different processes: *stozhár* > *stozhór*, *ustozhár*, *stózhal'*, *tózhal'*). An attempt is made to show the consistency of the phenomena reflected in lexical units with inorganic characters. A table showing the different types of transformations on the example of the root morpheme minnow names with roots *pesk-* and *-zob-* (*peskozob*, *beskozob*, *viskozob*, *deskozob*, *eskozob*, *skozob*, *kozob*, *oskozob*, *meskozob*, *neskozob*) indicating the word geography.

The analysis shows that in the conditions of long ethnic contacts, the ability of the Russian word to change is clearly manifested. The set of transformed units of one source word, reflecting the different processes of the impact of a language system of a different structure, cover almost the entire territory of the Russian language.

Keywords: dialect word, ethnic contacts, irregular phonetic phenomena, lexical variation.

Acknowledgements

The research is carried out within the framework of the implementation of the complex of activities of the Program for the Development of the Base University of Petrozavodsk State University for 2018.

References

Anikin A. E. (2000) *Etimologicheskij slovar' russkikh dialektov Sibiri: Zaimstvovaniya iz ural'skikh, altayskikh i paleoaziatskikh yazykov* [Etymological dictionary of Russian dialects of Siberia: Borrowings from the Uralic, Altaic and Paleo-Asiatic languages]. 2nd ed. Moscow; Novosibirsk. (in Russian)

Anikin A. E. (2003) *Etimologicheskij slovar' russkikh zaimstvovaniy v yazykakh Sibiri* [Etymological dictionary of Russian borrowings in the languages of Siberia]. Novosibirsk. (in Russian)

Gadzhiev N. Z. (1990) Tyurkskiye yazyki [Türkc Languages]. In: *Lingvisticheskij entsiklopedicheskij slovar'* [Linguistic encyclopedic dictionary]. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya: 527–529. (in Russian)

Helimsky E. A. (2000) *Komparativistika, uralistika: Lektsii i stat'i* [Comparative Studies, Uralistics: Lectures and Articles]. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury. (in Russian)

Kurilova S. N. (2015) Obshchaya kharakteristika osobennostey foneticheskoy assimilyatsii inoyazychnykh leksicheskikh yedinit v yazyke tundrovykh yukagirov [General characteristics of the features of phonetic assimilation of foreign lexical units in the language of tundra Yukagirs]. In: *Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiyskoy akademii nauk* [Proceedings of the Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences], 17 (1–5): 1160–1168. (in Russian)

Lytkin V. I. (1974) Sravnitel'naya fonetika finno-ugorskikh yazykov [Comparative phonetics of the Finno-Ugric languages]. In: *Osnovy finno-ugorskogo yazykoznaniya (voprosy proiskhozhdeniya i razvitiya finno-ugorskikh yazykov)* [Fundamentals of Finno-Ugric linguistics (questions of the origin and development of Finno-Ugric languages)]. Moscow: Nauka: 108–213. (in Russian)

Melnikov G. P. (2003) *Sistemnaya tipologiya yazykov: Printsipy, metody, modeli* [System typology of languages: Principles, methods, models]. Moscow: Nauka. (in Russian)

Mikhaylova L. P. (2006) Leksicheskiye varianty, razlichayushchiesya nachal'nymi zvukami [Lexical variants differing in initial sounds]. In: *Leksicheskij atlas russkikh narodnykh govorov (Materialy i issledovaniya) 2006*

[Lexical Atlas of Russian Folk Dialects (Materials and Research) 2006]. St. Petersburg: Nauka: 276–281. (in Russian)

Mikhaylova L. P. (2013) *Slovar' ekstentsial'nykh leksicheskikh yedinitv v russkikh govorakh* [Dictionary of extensional lexical units in Russian dialects]. Petrozavodsk; Moscow. (in Russian)

Mikhaylova L. P. (2015) Ekstentsial'nyye i iskonnyye foneticheskiye dialektizmy v russkikh govorakh [Extensive and original phonetic dialectisms in Russian dialects]. In: *XLIII Mezhdunarodnaya filologicheskaya konferentsiya* [XLIII International Philological Conference]. St. Petersburg: SPbGU: 278–288. (in Russian)

Mikhaylova L. P. (2017) Nazvaniye peskarya v russkikh govorakh (svedeniya po voprosu № 383 Programmy “Leksicheskogo atlasa russkikh narodnykh govorov”) [The name of the gudgeon in Russian dialects (the question № 383 of the Program of the “Lexical Atlas of Russian Folk Dialects”)]. *Leksicheskii atlas russkikh govorov (Materialy i issledovaniya) 2017* [Lexical Atlas of Russian Dialects (Materials and Research) 2017]. St. Petersburg: Nestor-Istoriya: 397–412. (in Russian)

Myznikov S. A. (2004) *Leksika finno-ugorskogo proiskhozhdeniya v russkikh govorakh Severo-Zapada: Etimologicheskii i lingvogeograficheskii analiz* [Lexis of Finno-Ugrian origin in the Russian dialects of the North-West: Etymological and linguogeographical analysis]. St. Petersburg: Nauka. (in Russian)

Toivonen Y. H., Itkonen E., Joki A. J., Tanner S., Cronstedt M. *Suomen kielen etymologinen sanakirja* [The etymological dictionary of Finnish]. O. 1–7. Helsinki, 1955–1981. (in Finnish)

Yeliseyeva Y. S., Zaytseva N. G. (Eds.) (2007) *Sopostavitel'no-onomasticheskiy slovar' dialektov karel'skogo, vepsskogo, saamskogo yazykov* [Comparative-onomastic dictionary of dialects of Karelian, Vepsian, Sami languages]. Petrozavodsk. (in Russian)

ОБСКО-УГОРСКИЕ ЛЕКСИЧЕСКИЕ ДАННЫЕ В ПЕРМСКОМ И СЕВЕРНОРУССКОМ КОНТЕКСТЕ

Мызников Сергей Алексеевич^{1,2},
*Рябчикова Зоя Степановна*¹

¹ Российский государственный
педагогический университет
им. А. И. Герцена,

Санкт-Петербург, Россия;

² Институт славяноведения РАН,
Москва, Россия

E-mail: myznikovs@rambler.ru

Цитирование: Мызников С. А., Рябчикова З. С. (2018) Обско-угорские лексические данные в пермском и севернорусском контексте. *Севернорусские говоры*, 17: 59–87.

Аннотация. В данной работе предпринимается попытка комплексного этимологического анализа севернорусских диалектных заимствованных данных, возможные этимоны которых фиксируются в коми языке, прибалтийско-финских, обско-угорских языках, а также в самодийских языках. Даются сведения о языковых контактах обско-угорских языков и истории их изучения, рассматривается взаимодействие носителей коми и обско-угорских языков. Отмечается, что значительное число таких заимствований относится тематически к рыболовецкому и охотничьему лексикону.

Ключевые слова: обско-угорский, прибалтийско-финский, пермский, самодийский, лексика, коми, ханты, манси, словарь.

Обско-угорские языки вступали в ходе своей истории в этноязыковые контакты с самодийскими, тюркскими, пермскими, русским языком [Steinitz 1959; Kannisto 1925]. Имеется значительный пласт пермских по происхождению данных в мансийском языке [Rédei 1970]. В коми словнике имеется большое число слов, сопоставляемых с обско-угорскими лексемами. При этом доволь-

но часто коми данные, сопоставляемые с хантыйскими, представляют собой лексемы, которые послужили источниками заимствований не только в пермский континуум. Имеются установленные результаты обско-угорского воздействия на коми язык. Ср., например, коми *акань* ‘кукла’, при манс. *akan*’, хант. *a'kan'* [КЭСЯ: 31]; коми *анькыти* ‘горох’, при хант. *an'kəs*, манс. *an'kas* [КЭСЯ: 33].

Довольно интенсивно обследовались обско-угорские заимствования в русском языке, преимущественно в диалектном континууме. Например, в словаре М. Фасмера представлено 150 единиц, этимологию которых автор связывал с обско-угорским воздействием, 80 — хантыйского, 70 — мансийского происхождения.

Хантыйские заимствования в русском языке изучались более интенсивно, чем мансийские, и имеют к настоящему времени давнюю историю изучения. Довольно много единиц хантыйского (остяцкого) происхождения представлено в словаре В. И. Даля. Так, например: *важ́ан* остяцк. Тобол. «вязаная мережа, мотня с крыльями, которая ставится в воротах запоров, язков или перебоев» [Даль]; ср. хант. *važan* ‘мережа, кошельковая сеть’, а также хант. *võšut*, *ĩšut* ‘верша’, *vošet*, *vožet*, при восстанавливаемой уральской форме *woša ‘изгородь; рыболовный запор’ [UEW: 577; Аникин 2000: 150]. Следует отметить, что более ранние данные зафиксированы в Опыте: *важ́ан* «род рыболовной снасти — мережа длиною до 14 сажен; ставится в воротах запоров, устьем то в верх, то в низ реки, смотря по тому, откуда идет рыба» Березов. Тобол. [Опыт; СРНГ 4: 13]. Однако непонятно, почему коми ижем. *важан* ‘вязаная мережа’, при вторичном коми *важанитны* (Обь) ‘ловить рыбу важным’ [ССКЗД: 36] рассматривается как заимствование из русского, а русская диалектная единица как хантыйское заимствование, при фиксации русских диалектных данных только в Сибири [Аникин 2000: 150]. Причем, на наш взгляд, вывод общеуральской формы *woša вызывает большое сомнение, слишком семантически и фонетически разнородный ареал представлен в этом гнезде, при весьма проблемной хантыйской этимологии на русской почве [Кальман 1952: 253].

Довольно много единиц, которые В. И. Даль трактовал как заимствования из хантыйского (остяцкого), без приведения этимонов, позднее подтверждались в их статусе, например, *вотплин* остяцк. ‘таловое лыко’ [Даль], *вотплин* ‘тонкие, длинные волокна из мерзлой ивы наподобие мочала’; ‘употребляется инородцами и русскими для чищения металлической посуды и на другие потребности» Березов. Тобол. 1857 [СРНГ 5: 159]. Были зафиксированы также варианты *отлеп*, *отплин* ‘таловое лыко, стружки (используемые для домашних нужд)’ Нижнеобск. [СРНГ 24: 224, 228]. Из хант. казым. *wotlap*, *votlip* ‘стружки сосны или ивы для вытирания рук, носа’ [DEWOS: 1556; Аникин 2000: 159]. Причем, в данном случае, коми ижем. *вотылеб* ‘табак, который ханты кладут за губу’ [ССКЗД: 62], уже рассматривается как хантыйское заимствование [Аникин 2000: 159].

Первым значительным трудом, посвященным хантыйским и мансийским заимствованиям в русском языке, явилась работа Б. Кальмана «Русские заимствования из обско-угорских языков» [Кальман 1952], в которой были представлены обско-угорские лексемы в русском диалектном континууме, собранные автором из различных источников.

А. К. Матвеев в своих работах неоднократно обращался к анализу обско-угорских данных. Так, например, в работе «Финноугорские заимствования в русских говорах Северного Урала» представлено 90 этимологических статей, в которых рассматриваются русские диалектные данные обско-угорского происхождения [Матвеев 1959].

Серьезный вклад в исследование хантыйских заимствований в русском языке был внесен В. Штейницем. В статье «Ostjakische Lehnwörter im Russischen» [Steinitz 1960] с привлечением доступных источников он рассмотрел 68 русских слов, хантыйское происхождение которых считал уже доказанным, а также для ряда слов исправил и дополнил сведения предыдущих исследователей. Кроме того, этимологии русских диалектных лексем даны в фундаментальном словаре В. Штейница «Dialektologisches und etymo-

logisches Wörterbuch der Ostjakischen Sprache» [DEWOS], а также в ряде других статей 1960–70-х гг. [Steinitz 1961].

Заемствования хантыйского происхождения в русских говорах Западной Сибири в этимологическом аспекте анализировались в нескольких кандидатских диссертациях: «Иноязычные слова в русских старожильческих говорах средней части бассейна реки Оби С. И. Ольгович [Ольгович 1963], «Лексические заимствования в русских говорах нижнего Прииртышья» Т. Н. Дмитриевой [Дмитриева 1981], С. В. Панченко «Лексика хантыйского происхождения в русских письменных источниках конца XIX – начала XX века» [Панченко 2003].

Большой вклад в дело изучения этимологии неисконной лексики, в том числе данных обско-угорского происхождения, внесли труды А. Е. Аникина¹, при отсутствии полномасштабного этимологического словаря русской диалектной лексики они являются значительным шагом вперед в фундаментальном деле разработки и освоения диалектного материала по классическим канонам этимологической лексикографии. Самым важным трудом по этой проблематике является «Этимологический словарь русских диалектов Сибири. Заимствования из уральских, алтайских и палеоазиатских языков»² [Аникин 1997; Аникин 2000], в котором в более чем в 3700 словарных статьях привлекается обширный русский диалектный материал неисконного происхождения, значительная часть которого впервые вводится в сферу этимологического анализа, представлено большое количество новых этимологий русских диалектных слов, а также уточнены и дополнены уже имеющиеся в лексикографических и других источниках. Основные данные были получены Аникиным из диалектных и исторических словарей, причем основным источником был «Словарь русских народных говоров» [СРНГ]. А. Е. Аникиным в этом труде представлено около 420 единиц, сопоставляемых с хантыйски-

---

¹ А. Е. Аникин начал работу над трудом «Русский этимологический словарь». Вып. 1–12. А–Дбать. М., 2007–2018 [Аникин РЭС].

² Дополненное и исправленное 2-е издание Словаря вышло в 2000 г. [Аникин 2000].

ми источниками, около 50 — лексемы, возводимые к мансийским этимонам.

Взаимодействие коми и носителей обско-угорских языков, вероятно, началось довольно рано на Северо-Востоке Европейской части современной России. Позднее контакты угров с коми продолжались, более того, они становились еще интенсивнее, поскольку обские угры и коми географически продолжали соприкасаться [Игушев 2006: 8]. В 1956 г. выходит в свет работа Ю. Тойвонена «Über die syrjänischen Lehnwörter im Ostjakischen», в которой он насчитывает 383 коми заимствования в лексике всех диалектов хантыйского языка [Toivonen 1956: 32]. В. Штейниц посвящает свою статью «Zu den syrjänischen Lehnwörtern des Obugrischen» коми-зырянским заимствованиям в обско-угорских языках. Он полагает, что «заимствования из коми-зырянского языка в хантыйском обнаруживают вследствие продолжительности контактов несколько пластов, а также, в ряде случаев, крайне архаичные явления в консонантизме и вокализме» [Steinitz 1962: 251]. Так, например, Е. А. Игушев отмечает, что в современных диалектах коми языка, кроме верхнесольского, эти два гласных *ə* и *o* слились в один звук *o*, но прежнее различие *ə* и *o* сохранилось в хантыйских словах, заимствованных из коми языка примерно тысячу лет тому назад [Игушев 2006: 56; Новьюхова 2009: 46].

Большое значение для финно-угорской и уральской этимологии в целом имеет и в настоящее время «Краткий этимологический словарь коми языка» В. И. Лыткина, Е. С. Гуляева [КЭСКО]. Ш. Матичак в обзоре этимологических словарей финно-угорских языков весьма высоко оценил этот труд, подчеркивая, что в нем нашли отражение история пермских языков, историческая грамматика, диалектная ономастика, в том числе детально описан исторический вокализм пермских языков [Maticsák 2013: 53]. Весьма значителен вклад КЭСКО в изучение обско-угорских языков, например, в нем представлено 630 сопоставлений с хантыйскими данными, 570 — с мансийскими.

Приведем некоторые примеры этимологического анализа такого рода данных, которые фиксируются в русском неисконном диалектном лексиконе и в обско-угорских и пермских языках.

Гимга́ ‘рыболовный снаряд (типа верши или морды) из тонких корней или лучинок хвойных деревьев’ Берез. Тобол. [Опыт]. «Конусообразная морда, вышиною от 3 до 4 арш. Делается из тонких тростинок, наколотых из лиственницы, или из кедровых и сосновых корней, называющихся саргою. Употребляется для ловли рыбы» Тобол. [КСРНГ]. «Рыболовный снаряд, употребляемый на севере губернии. Имеет вид обыкновенной морды, но размером до 5 аршин в длину. Плетется из распаренной кедровой лучины» Тобол., Сиб. [СРНГ 6: 172]. *Гимга́* ‘большая рыболовная верша, морда, сплетенная из тонких корней хвойных деревьев’ Берез., Обдор., Тобол., Сиб. [Даль]. *Гымга, гымза, гымка* ‘конусообразная ловушка для рыбы, сплетенная из прутьев’ Печор. [СРНГП 1: 163]. *Гымга* ‘конусообразная ловушка для рыбы, сплетенная из прутьев’ — *Гымга деревянна, а фётель преденной. У гымги наверху вёршиник, штоп рыба не поднималась наверх, не шла. Рáму делают, здесь захот, кругом плетёция и обвиваеция. Рáма четырёхугольна, а дальшиз ужэ кру́гло; а потóm у гымги голова. Од бэрегеа отхóдят тосíны, штоп рýба шла как о стéнку; от ворóт до ворóт тосíны идúт. Гымга бывáет мэтра полторá-два. У нас гымга, а по деревням сýрпой зовúт.* Усть-Цилем. [СРНГП 1: 163]. *Гымза* ‘конусообразная ловушка для рыбы, сплетенная из прутьев’ Печор. [СРНГП 1: 163]. Русское слово восходит к коми *гымга* ‘морда, верша, мережа’ [ССКЗД: 96]. Я. Калима, хотя и с сомнением, помещает коми *гутга* ‘верша, ставная сеть’ в перечень русских заимствований в коми языке [Kalima 1911: 54], так же, как и авторы SYRW, трактующие слово коми *гутга* ‘морда, верша’ как результат русского воздействия без приведения соответствующего этимона [SYRW: 56]. Более достоверна, на наш взгляд, версия авторов КЭСКЯ, полагающих, что «скорее всего коми-зыряне заимствовали название этого рыболовного снаряда у мансийцев в тот период, когда в коми языке еще функционировало озвончение взрывных согласных... Из коми языка слово

перешло в сибирские диалекты русского языка» [КЭСЯ: 84], ср. манс. *kěmka*, коми **kīmka*. См. также: [Матвеев 1964: 291; Ивашко 1958: 90; Rédei 1970: 106; Фасмер 1: 406; Аникин 2000: 165]. Не исключена и следующая версия. Первичной является следующая единица в коми языке: *кым* 'угол', сохранившаяся в слове *синкым* 'бровь' (дословно «глаз-угол»). Ср. также: *чуна*, *кульма*, имеющие первичное значение 'угол', но в настоящее время представляющие собой наименования рыболовных ловушек. Хотя Б. Кальман полагает, что «русское слово заимствовано из какого-то наречия, употребляемого в окрестностях р. Лозьвы. Мансийское слово перешло в язык коми через посредство русского языка»: манс. *katkā*, *kāmkā*, *katka*, *kāmkə*, *ketka*, *katka* 'морда (рыболовная)' [Кальман 1952: 254]. У. Сирелиус также считает, что слово коми языка было заимствовано непосредственно из мансийского языка. [Sirelius 1906: 414].

Имеется еще ряд подобных данных, где представлены материалы, которые рассматриваются на русской, пермской и обско-ургорской почве. *Зел* 'прут, тонкая палка и т. п. с заостренным концом (употребляется для плетения заборов, ловушек для рыбы, для разделения нитей основы при тканье и т. д.)' Верхот. Свердл., 1964 [СРНГ 11: 245]. *Зеліна* 'то же, что зел' Ср. Урал, 1964 [СРНГ 11: 252]. *Зелінка* 'прутья (обычно ивовые), употребляемые для плетенья верш, морд' Урал., 1955–1958; 'заостренная палочка, которой отделяют бересту от коры' Южн. р-ны Краснояр., 1967; 'кол, хворостина в изгороди, тонкая палка, рейка' Первоурал., Полев. Свердл., 1955–1958. Ср. Урал, 1964; 'тонкая узкая деревянная пластинка' Ярен. Волог., 1883–1889; 'сосновая или еловая дранка, из которой делают щетки для рыболовных заборов' Урал, 1930. Чусов. Перм.; 'планка, дранка, служащая для починки пола, вставляемая между половицами' Шадр. Перм., 1955–1958; 'одна из параллельных планок для разделения ниток основы в ткацком станке' Перм., 1930. Урал, Ср. Урал. *Зелінки* 'параллельные нити, служащие для разделения ниток основы в ткацком станке' Иркут.; 'боковая горизонтальная жердочка в клетке для птиц' Невьян., Камышл. Свердл., 1955–1958; 'вертикальная планочка в ширме'

Первоурал., Камышл. Свердл., 1955–1958; ‘горизонтальная планка с вырезами для хранения ложек, прибываемая на стену в кухне’ Урал, 1955–1958; ‘планка, используемая для измерения чего-либо’ Невьян. Свердл., 1955–1958; ‘стальной прутик для измерения диаметров деталей’ Урал, 1955–1958 [СРНГ 11: 252–253]. *Зелы́* ‘прутья’, ‘дощечки, из которых собираются кадки’ Урал, Удм. АССР [СРНГ 11: 253]. *Зэлье* ‘прутья, тонкие палки, рейки и т. п. (употребляются для плетения заповров, ловушек для рыбы, для разделения нитей основы при тканье)’ Том., 1863 [СРНГ 11: 254]. *Зелíнка* ‘одна из параллельных планок для разделения ниток основы в ткацком станке’ Акчим [СГДА 1: 343]. ‘Кол, палка, используемая для закрепления рыболовного снаряда в проруби’ Акчим [СГДА 1: 343]. *Зелóк* ‘деревянная пластинка, используемая для плетения рыболовных снарядов’ Акчим [СГДА 1: 343]. *Зел, зелá, зелóк* ‘сосновая или еловая дранка, из которой делают щитки для рыболовных заповров’ Коми АССР, Перм. [Матвеев 1964: 292]; ‘прутья, используемые для плетения верш, морд’ Перм., Свердл. [Матвеев 1964: 292]; ‘деревянные пластинки, используемые для плетения корзин’ Коми-Перм.; ‘дощечки, из которых собираются кадки’ Удм.; ‘плоская деревянная палочка, с помощью которой плетут рыболовные сети’ Свердл.; ‘планка, дранка, служащая для починки пола’ Перм., Курган. [Матвеев 1964: 292]. *Желинки* ‘части домашнего ткацкого станка’ [Матвеев 1959: 57].

Следует отметить, что лексемы *зелíнка* и *зелóк*, зафиксированные в основном на Урале, являются полисемантическими единицами [СРНГ 11: 252, 253]. В Ленском районе Архангельской области проявляется их номинация, являющаяся основной на Урале, для обозначения дранки, прута и т. п., входящая в это гнездо и представляющая результат влияния коми языка: коми *дзал, дзев* ‘парные деревянные пластинки для регулирования зева при тканье’ [ССКЗД: 102]. Ср. также коми *дзав* ‘дранка, дрань, планка, линейка, продеваемая между парными нитями основы’, коми-язьв. *ž'al* ‘узкая деревянная пластина (ткацкая принадлежность)’, коми вым., удор. *дзав*, коми луз. *дзал* ‘шпулька для наматывания пряжи’, при первоначальном значении в коми языке ‘план-

ка, дрань' [КЭСКЯ: 89]. А. К. Матвеев рассматривает эти материалы как старое заимствование, восходящее к эловому коми-язвинскому диалекту, с переходом [a] в [э] в процессе фонетической адаптации [Матвеев 1959: 24]. Лексема *желинки* относится к обско-угорским заимствованиям, ср. манс. *saylä*, хант. *sagël* 'планка, прут' [КЭСКЯ: 89; Матвеев 1959: 58; Матвеев 1964: 292–293; Аникин 2000: 211]. Б. Кальман, фиксируя слова *зела* и *жали* 'тонкие прутья, употребляемые для изготовления верши', делает попытку возвести как ту, так и другую единицу к мансийским источникам исходя из ареала, причем с сомнением полагает, что мансийский субстантив является производным от глагола *saili* 'ломать' [Кальман 1952: 255–256].

Oém 'заливной, поемный луг' Сев. Урал., 1955–1958 [СРНГ 23: 71]. *Ойёт*: *Все затопило, весь ойёт, только остались одне шипы*. Сев.-Урал., Матвеев, 1955–1958 [СРНГ 23: 104]. В СРНГ один и тот же материал представлен в двух словарных статьях в разных графических формах. Слова сопоставимы с манс. *oit* 'заросший травой залив' [Kalima 1915: 231], манс. *õйта* 'низменная сторона леса со смешанными деревьями' [Ромбандеева 2003: 81]. Коми *войт*, *вõйт*, *уйт* 'сырое глухое место в пойме реки, поросшее кустами черемухи и смородины' [ССКЗД: 57] рассматривается как хантыйское заимствование [КЭСКЯ: 61]. Б. Кальман, приводя мансийские соответствия, ср. манс. *oit* 'сточная канава реки или озера; заливной луг', не исключает возможность хантыйских источников, ср. хант. *uit* 'луг'; причем, по его мнению, хантыйское слово вошло в коми язык [Кальман 1952: 259–260].

Некоторые данные имеют единичные фиксации, причем не всегда понятно, в каких условиях и у кого сделаны записи этих материалов, например, у хантов или у русских:

Тарнаба 'вид балалайки с восемью медными струнами' Перм. [СРНГ 43: 292]. *Тарнобойка* 'болтливый человек' Сиб. [Кальман 1952: 264].

Рассматривается в связи с хант. *tarni-ār* 'песня о героях', при имеющихся сходных мансийских данных [Кальман 1952: 264].

Некоторые данные, вошедшие в русские говоры Западного и Среднего Урала, нередко рассматриваются в контексте трехъязычных контактов.

Ча́мья ‘охотничий амбарчик, с небольшим оконцем, через которое в него можно проникнуть’ Чердын. Перм., 1930 [КСРНГ]. *Чамья́, чемья́* ‘лесной амбарчик, на высоких столбах’ Коми АССР, Перм. [Матвеев 1964: 306]. *Ча́мья* ‘укрепленная на столбах бревенчатая охотничья кладовка для продуктов и снаряжения’ Акчим [СГДА 6: 150]. *Чамя, чамья́* ‘небольшой амбар, расположенный на высоких сваях’ [Кальман 1952: 265]. *Шамья́, шемья́, шумья́* ‘лесной амбарчик, на высоких столбах’ Гарин., Таборин. Свердлов. [Матвеев 1964: 306]. *Шáйма* ‘то же’ Свердлов. [Матвеев 1964: 306]; ‘лесной амбар, построенный прямо на земле’ Гарин. Свердлов. [Матвеев 1964: 306]. *Чемья́* «сруб в лесу, для притона промышленников и для складки добычи, до возврата домой» Чердын. Перм. [Даль]. *Шамья́* ‘сруб, избушка в лесу’ [Матвеев 1964: 306]. *Щамья́* ‘кладовая в лесу’ [Матвеев 1964: 306]. *Ча́мик* ‘деревянный шкафчик для перевозки продуктов’ Акчим [СГДА 6: 149].

Согласно Я. Калиме, данный материал восходит к коми *tšamja* ‘кладовая в лесу’ [Kalima 1927: 43], но авторы SYRW считают, что коми *tšamja*, *štšamja* заимствовано из русского языка [SYRW: 266]. Ср. также коми *тишамья́, тишанья́, иттишамья́, иттишанья́* ‘кладовая при охотничьей избушке’ [ССКЗД: 384]. А. К. Матвеев отмечает, что коми *štšamja* является обратным заимствованием из русского языка или контаминацией на почве двуязычия, а русское зауральское *шамья́, шемья́, шумья́* возникло под влиянием *шумьех* ‘лесной амбар на стойках’, заимствованного из манс. *šumjəx* [Матвеев 1964: 306]. См. также: [Кальман 1952: 265]. М. Фасмер, рассматривает *ча́мья, ча́мя* ‘небольшая кладовая на высоком настиле’ (Перм.) как заимствование из манс. *šumex, šumijaχ* ‘то же’ [Фасмер 4: 314].

В ряде случаев некоторые русские данные, относящиеся к лексике ландшафта, рассматриваются не только на финно-угорской, но и на тюркской почве.

Ара́й ‘сырое, низменное место, болото’ Перм., 1850; ‘болото, поросшее осокой’ Перм., 1840; ‘сырой заливной луг’ Перм., 1848. Охан. Перм., Соликам. Перм., 1850 [КСРНГ]. *Ара́й* ‘низкий, сырой луг’ Соликам. [СРГСПК]; ‘небольшая полянка по краю леса’ Чердын. [СРГСПК]. *Ара́и* ‘сырые ложбины по берегам реки Камы’ Перм., 1857. Добрян., Соликам., Чермоз. Уральск. [КСРНГ]. *Ара́ина* «потное, мочежинное или поемное место, на котором растут одни грубые и резучие травы и где посему бывает ранний покос» [Даль]. *Ара́ина* ‘яма, вымытая на полях весенним половодьем’ Чердын. Перм. [СРГСПК]. *Ора́ина* ‘сырое низменное место’ Акчим [СГДА 3: 119]. *Арайное место* ‘сырое место в лесу’ Перм., Усол., Чермоз. Урал, 1930 [КСРНГ]. Я. Калима возводит слово *арай* к кар. *aro* ‘мелководный, заросший хвощом речной залив’, при фин. *aro* ‘сырая, поросшая травой низменность, болотистое место в сухой местности’, эст. *aru*, *aro* ‘плодородная сухая почва, сухой луг’, причем русскую форму *арай* он связывает с прибалт.-фин. *aroi [Kalima 1915: 78–79]. В KKS кар. *aro* ‘сенокос или луг, поросший тростником в сыром месте’, ‘ложбина, поросшая вереском’, ‘открытое травянистое болото’ [KKS 1: 71]. В Карелии отмечаются топонимы: болото *Arošuo*, покос *Kubluaro*, река *Aronjoki*, но в русских говорах на этой и прилегающей к ней территориях анализируемый апеллятивный материал не зафиксирован [ПФГЛК: 22], что делает сомнительной версию Я. Калимы (хотя М. Фасмер приводит ее как достоверную [Фасмер 1: 82]). Соответствующее слово в коми языке *арай* ‘сырое кочковатое место’, ‘ложбина, заливаемая в половодье водой’ считается заимствованием из прибалтийско-финских языков [SYRW: 4]. Авторы КЭСЯ полагают, что русское слово заимствовано из прибалтийско-финских языков [КЭСЯ: 53]. Авторы SKES, сопоставляя прибалтийско-финский материал с хант. *ūrз*, *uri*, ‘озеро; речная бухта; травянистый берег реки; речной приток; русло реки, превратившееся в озеро’, остаются на традиционных позициях в направлении заимствования кар. > рус. > коми [SKES: 24]. Если принять во внимание географию русского диалектного слова, на наш взгляд, едва ли продуктивна версия Е. Н. Шиповой [Шипова 1976: 34], которая

рассматривает это слово как тюркское заимствование, ср. башк. *арай* 'сырой поемный луг', азерб. *аран* 'луг, низменное место'. Поскольку слово *арай* фиксируется в зонах влияния коми языка, то вероятней его происхождение из коми языка, с такой схемой распространения: рус. < коми < тюрк. языки. Прибалтийско-финское воздействие отпадает в силу дистантности ареалов. Ср. также коми верхнесысол., печор., присыктывкар. *арай* 'сырой болотистый луг', верхневыхегод. *арай* 'сырое место с хламником в долинах рек' [ССКЗД: 12].

В ряде случаев из пермского континуума, наряду с вхождением в севернорусский диалектный лексикон, слово также распространялось уже далее в обско-угорские языки.

Арт 'толк, сметливость, рассудительность' Чердын. Перм. [Опыт]. Чердын. Перм. [СРНГ 1: 278]. Слово восходит к коми *арт* 'ряд, порядок', 'ряд, толк, порядок в работе' [ССКЗД: 13; КЭСКОЯ: 34]. Причем из коми *артал*- слово вошло в обско-угорские языки: хант. *arta tta*, манс. *artal*- [КЭСКОЯ: 34]. Вряд ли прав Я. К. Грот, сопоставляющий данный материал со швед. *art* 'качество, нрав: удача, сила, талант', нем. *Art* [Грот 1854]. М. Фасмер полагает, что объяснение А. М. Шёгрена в связи с коми *art-alny* 'думать, размышлять' ненадежно [Фасмер 1: 88]. Я. Калима материалы В. И. Даля: *арт* 'толк, лад, смысл, уменье' (Перм.) не вполне уверенно сопоставляет с коми *art* 'дело' [Kalima 1927: 14]. См. также: [Кривошечкова-Гантман 1981: 56; Аникин РЭС: 294].

В некоторых случаях, при наличии сходных самодийских, русских, пермских и обско-угорских данных, при традиционной мансийской этимологии, не вполне понятны их взаимосвязи.

Няры 'войлочные сапоги с кожаными подошвами' Перм., 1848; 'охотничьи короткие сапоги с опушкой и загнутыми кверху носами из оленьей кожи' Перм., 1857. Свердл. [СРНГ 21: 335]. *Няры, нярки* 'охотничьи короткие сапоги из оленьего меха с опушкой': *Няры вогулы шили*. Акчим [СГДА 3: 86]. *Нярки* 'войлочные сапоги с кожаными подошвами' Ивдел. Свердл., Тагил. Перм., 1930. Свердл., Сев.-Урал. [СРНГ 21: 334]; 'меховые домашние тапочки' Ивдел. Свердл., 1971 [СРНГ 21: 334]. *Няры* 'охотни-

чьи короткие сапоги из оленьего меха с опушкой': *Зимой няры носили из оленей шкуры*. Акчим [СГДА 3: 86]. *Нярки* 'то же': *Это вогула шьют нярки-те*. Акчим [СГДА 3: 86]. Сопоставляется с хант. *ńara* 'обувь' [Фасмер 3: 94]. Ср. коми *няр* 'замша' [КЭСКЯ: 202], см. [Матвеев 1959: 66]. Б. Кальман приводит разнообразные мансийские данные, ср. манс. *när* 'сапог', *ńerä* 'лапоть', *ńara* 'чирки, обувь из оленьих кисов', отмечает, что слово фиксируется в хантыйских диалектах, хант. *ńir* 'башмак', предполагая, что «судя по форме, русское слово заимствовано из какого-л. северного говора мансийского языка» [Кальман 1952: 259]. На наш взгляд, нельзя проходить мимо самодейских данных, ср. ненец *няра* 'замша; ровдуга' [Терещенко 1965], хотя коми *няр* 'замша', 'облезлая шкурка', 'перепонка (на ногах водоплавающей птицы)', *нярку* 'шкура без шерсти', *няр* ижем., удор. 'мягкая тонкая кожа, замша', при том, что авторы КЭСКЯ сопоставляют их с удмуртскими данными: удм. *няр*, *нярзем* 'мозоль' [КЭСКЯ: 202].

В ряде случаев детальный анализ финно-угорских и русских диалектных данных может скорректировать уже устоявшуюся неисконную этимологию русского слова.

Возьма 'полынья' Тобол., 1911–1920; 'прорубь' Урал., 1931 [СРНГ 5: 30]. *Возьма* 'большая прорубь, которую делают при зимнем лове рыбы': *Возьма — больша такая пролубь, невод за шест привязывали и опуцали туда*. Турин., Табор., Гарин. Свердлов. [Матвеев 1959: 55]. *Озьма* 'то же' Гарин., Табор. [Матвеев 1959: 55]. *Вожма* 'то же' Гарин. [Матвеев 1959: 55]. *Озимь* 'то же' Гарин. [Матвеев 1959: 55]. *Войма* 'то же' Гарин. [Матвеев 1959: 55]. А. К. Матвеев возводит приведенный материал к манс. лит. *асмас* 'полынья', при манс. *ас* 'дыра, отверстие', сопоставляя также с хант. конд. *wäs* 'отверстие, яма', при пермских соответствиях: удм. *ошмес* 'родник, ключ' [Матвеев 1959: 56]; см. также [Аникин 2000: 157]. На наш взгляд, весьма проблематично сопоставление с обско-угорскими данными по фонетическим параметрам, конечный формант [-ас] отсутствует в русских данных. Ср., однако, сходные семантически русские исконные материалы: *вѣбор* 'большая прорубь, через которую после окончания лова рыбы вытаскивают

невод' Тобол., 1899 [СРНГ 5: 248]. *Выволока* 'прорубь для подледного лова, через которую опускают и вытаскивают невод' Арх., 1858. *У вас выволока-то мала: невод туго идет. Тащат невод через выволоку за шест, а у шеста кляч.* Арх. Петрозав., Заонеж. Олон. [СРНГ 5: 258]. *Выем* 'прорубь, из которой вынимают невод при подледном лове рыбы, — приемная майна': *Возьма — это запуск, там невод спускам, а дальше выем.* Таборин. Свердлов., 1964 [СРНГ 5: 277]. *Выемная* 'прорубь, через которую вытаскивают невод, «вытягальное корыто»' Пск. [Кузнецов, 1912–1914; СРНГ 5: 277]. *Выздымка* 'прорубь, через которую вытягивают невод при подледном лове рыбы' Заон., Петрозав., Повен. Олон., 1885–1898 [СРНГ 5: 282]. *Выманья* 'прорубь во льду, через которую протягивают веревку от невода во время подледного лова рыбы' Галлич. Костром. [СРНГ 5: 308]. *Вынимальное корыто* 'прорубь, через которую вынимают невод при подледном лове' Пск., 1912–1914 [СРНГ 5: 318]. *Возмилка, возмилка* 'рыболовная сеть, вроде невода, 10 сажен длины, 6 сажен ширины с балберками (поплавками) и ташами (грузилами), без мотни; она много посажена и вся вздувается кошелем; ловят с двух лодок, как на плавке, в ледоплав, стерлядь и мелкую рыбу'. Астрах. [Даль]. *Возмилка* 'особого рода сеть с балберью сверху и с свинцом снизу, употребляемая для ловли стерляди, когда она залегает в ямы' Саратов., 1846–1847 [СРНГ 5: 26]. *Возмиха, возмиха* 'то же, что возмилка' Астрах. [Даль].

В ряде случаев прибалтийско-финские и обско-угорские данные весьма близки по форме и семантике, и встает проблема дифференциации результатов их воздействия на русские говоры, т. е. когда коми и хантыйские лексемы представляют собой как будто этимологически сходные единицы на финно-угорской почве. Так, например, имеются наименования болота *янга* с фиксациями на обширной территории.

Янга 'болото' Плесецк. (Пекшлахта, Конево, Федотово) [ПЛГО]. *Янга есть — гладь, гладь, нигде леса нет, по ней жаровицу, голубику собирают.* Плесецк. (Афоносово) [КСРНГ]; 'болото, поросшее лесом' Пудож. (Кривцы) [ПЛГО], Каргоп. [КСРГК]. *Янга красная* 'болота и топи, поросшие мхом, елью и сосною' Кар-

гоп. [КСРНГ]; ‘большое болото, поросшее мхом и невысокими чахлыми сосенками’ Каргоп. (Низ, Полуборье, Черепеха) [Гусева 1971: 131]; ‘моховое, топкое болото, поросшее небольшим сосновым лесом’ Каргоп. Олон. [Куликовский]; ‘сухое лесистое болото’ Олон., Арх., 1823 [КСРНГ]; ‘топкое болото, трясина’ Плесецк., Беломор., Онеж. [КСРГК], *В жарах есть болото, в котором можно утонуть, там идешь по грядкам, в ином месте не перейдешь, это место называется янга. На нашей янге сейгод много морошки, голубицы.* Плесецк. (Плесо) [КСРНГ], Север [Барсов]; ‘топкое непроходимое место на болоте’ Каргоп. (Семеновская, Соколовская) [Гусева 1971]. *Янга* ‘небольшое болото’ *Янга маленька, болото — большо.* Онеж. (Кривой Пояс) [КСРНГ]; ‘место в лесу после пожара’ Онеж. (Прилуки) [КСРГК]; *Пустая Янга, Малая Янга* ‘болото’ Прионежье [Мурзаев 1984: 649]. *Янгозеро* Пудож. [Куликовский]. *Янгáлово* ‘пустошь’ Черепов. Новг. [Герасимов 1910; КСРНГ]. *Янгосорье* ‘волость’ Волог. Волог., 1896 [КСРНГ]. *Янгосорье* ‘покос’ Черепов. (Музога) Волог. [КСРГК]. *Янгосорка* ‘дорога, ведущая в Янгосорье’ Волог. Волог., 1896 [КСРНГ]. *Янсельга* Пудож. (Бураково) [ПЛГО]. *Янгболото. Янгенская кара* ‘залив’ *Янгозеро* [СГБРС: 46, 65].

Я. Калима возводит данное слово к фин. *jänkkä* ‘болото, трясина, болотистая долина’ [Kalima 1915: 251], А. Л. Погодин предлагает вепскую реконструкцию, вепс. *janga [Погодин 1904: 70], Т. Итконен не исключает и саамскую этимологию, саам. печенг. *j'egg^E* [Itkonen 1932: 65]; см. также: [Фасмер 4: 557]. А. И. Попов примыкает к прибалтийско-финской, саамской версии исходя из ареала слова [Попов 1955: 13]. Авторы SKES предполагают направление заимствования из прибалтийско-фин. > русск., при фиксации кар. сев. *iänkä* ‘большое болото посреди тундры’, саам. швед. *jegge*, норв. *jæg'ge* ‘болото’, коми *jegîr* ‘болото, лес на болоте’, манс. *janĵk* [SKES: 130]. И. И. Муллонен, анализируя гелонимы *Янгболото, Янгинское болото* на р. Оять, делает вывод о саамском происхождении части *Янг-* [Муллонен 1988: 82]. Фиксация лексемы *jänkä* ‘большое болото’ на периферии карельского языка (Кестеньга) свидетельствует, по всей видимости, о саамском про-

исхождении данного слова в карельских диалектах [KKS 1: 567], что несомненно подтверждает версию И. И. Муллонен о саамской этимологии в том числе и русского материала, ареал которого — Беломорье, Каргополье, Кенозеро, Водлозеро — не противоречит этой гипотезе. Л. П. Михайлова отмечает употребление слова *янга* в медвежьегорских говорах в 3-х значениях: 1. 'топкое место в болоте', 2. 'глубокая яма в поле', 3. 'каменистый берег озера', что не подтверждается данными ПЛГО [Михайлова 1986: 81, 82].

Сходные данные отмечаются на Урале. *Янга* 'трудно проходимое чистое болото, моховое или травяное, часто топкое, зыбучее с трясинами' Гарин. Свердл. [Матвеев 1959: 80]. *Янгочка* Гарин. Свердл. [Матвеев 1959: 81]. *Янга* 'поселок'. *Подъянга* 'название сырого леса' Гарин. (Пономарево) Свердл. [Матвеев 1959: 81]. *Янга* 'открытое безлесное болото' р. Конда [Розен, Малолетко: 100]. Следует подчеркнуть, что уральские материалы: *янга* 'болото' (Тавда), *янг*, *янк* 'болото' — напрямую никоим образом не связаны с беломорско-каргопольскими данными, а являются соответствующими заимствованиями из манс. *janjk*, хант. *jenk* [Кальман 1952: 269; Матвеев 1959: 81; Collinder 1955: 84], о чем свидетельствуют фиксации топонимов у Э. М. Мурзаева в этом регионе: *Тумгыянг* 'болото', *Янктумп* 'остров' [Мурзаев 1984: 649]. Дистрибуция топонимов с частью *-янг-* в Белозерье, на востоке от Онежского озера подтверждает саамскую этимологию; см. также [Чайкина 1993: 124]. Таким образом, рассмотренные единицы следует рассматривать как материалы гетерогенного происхождения.

В ряде случаев возможны корректировки коми единиц, которые рассматривались как русские заимствования, например, коми диал. *абача* 'толстый, здоровенный', *абача рушку* 'ненасытный, ненасытная утроба', где *рушку* 'живот, брюхо'; коми-перм. *abatš* 'пугало, чучело' [КЭСКЯ: 29]. Авторами КЭСКЯ предлагается версия заимствования русск. *абатиса* 'настоятельница (римско-католического монастыря)' [Даль], что кажется совершенно невозможным ввиду книжного характера слова. На наш взгляд, более вероятна связь коми слова с русск. диал. *охобачивать* 'есть

много, с жадностью' Южн. Сиб., 1847. Пск., Костром. *Проработайся и давай охабачивать все, кашицу, любую похлебку.* Моск. Перм., Калуж., Олон. *Пробегался Володька, так хлеб охабачивал.* Арх. Сиб., Иркут., Забайкал., Урал., Свердл., Нижегород. *Эк как он охабачивает! Только ложка звенит.* Вят. Твер., Калинин., Волог., Новг., Нижегород., Курск. [СРНГ 25: 42]. При отсутствии в коми языке фонемы [x] нельзя исключать влияние корня *охоб-* на коми данные.

В ряде случаев имевшаяся коми этимология русского диалектного слова, при сходных обско-угорских данных, после ареального анализа отвергалась.

Варáш 'ястреб' Совет. (Фокино). Килемар. (Водозерье). Мари-Турек. (Хлебниково, Алексеевское) [Мызников 2005]. *Варáш* 'ястреб' Уржум. Вят., 1882 [СРНГ 4: 45]. *Ворáш* Вят. Васнецов. [СРНГ 5: 98]. *Варашóк* Уржум. Вят. [КСРНГ]. Ранее для этого слова имелись только данные по Вятской губернии, однако по последним полевым данным география заимствования значительно расширилась. И. Г. Иванов предлагает мари́йскую этимологию, ср. мар. *вараиш* 'ястреб' [Иванов 1969: 106]. Я. Калима возводит данные Н. М. Васнецова к коми *variš* 'ястреб' [Kalima 1927: 20]; см. также: [Фасмер 1: 351]. Авторы КЭСЯ говорят о заимствовании из пермских языков в русские говоры: коми *варыш*, удм. *варыш*, мар. *вараиш*, *вāраиш* 'ястреб', при манс. *vōrēs* 'хищная птица' [КЭСЯ: 47], но, исходя из вокализма, более предпочтительна мари́йская этимология. Ср. также мар. *варош*, *вāрāиш* 'ястреб', *калья вāрāиш* 'ястреб-мышатник', *орави вāрāиш* 'воробьиный ястреб', *вараиш цывы* 'ястреб-цыплятник', *кадыр вараиш* 'ястреб-тетеревятник' [Петров 1988: 129]. Б. А. Серебренников также говорит о мар. *вараиш* [Серебренников 1962: 31]. Следует отметить, что чуваш. *варакиш* 'ястреб-тетеревятник', зафиксированное в говорах верхового диалекта, рассматривается как мари́йское заимствование [Петров 1988: 129]. При чем хантыйские данные рассматриваются как коми заимствование, а мансийские — как результат хантыйского влияния: коми > хант. *vvrās* 'ястреб' > манс. *vores* 'название одной хищной птицы' [КЭСЯ: 47].

Таким образом, детальный анализ совокупности всех данных, зафиксированных в разных территориально смежных языках одного региона, позволяет верифицировать некоторые этимологические версии, а в ряде случаев и проводить корректировки утвердившихся этимологий. Кроме того, при конструировании дальних этимологий крайне важно учитывать возможности разнонаправленных этноязыковых воздействий.

Литература

Грот Я. К. (1854) Областные великорусские слова финского происхождения. *Материалы для сравнительного и объяснительного словаря и грамматики*, I–III. СПб.: 65–68.

Гусева Л. Г. (1971) Заимствованные слова в географической терминологии Каргопольского края. *Вопросы топониматики*, 5: 128–132.

Дмитриева Т. Н. (1981) *Лексические заимствования в русских говорах нижнего Прииртышья*. Дисс. ... канд. филол. наук. Свердловск.

Иванов И. Г. (1969) Марийские лексические заимствования в русских говорах Вятского края. *Советское финно-угроведение*, V, 1: 105–113.

Ивашко Л. А. (1958) Заимствованные слова в печорских говорах. *Ученые записки Ленинградского государственного университета, Сер. филологические науки*, 42(343): 84–103.

Игушев Е. А. (2006) *Введение в финно-угроведение: учеб. пособие для студентов*. Ханты-Мансийск.

Кальман Б. (1952) Русские заимствования из объ-угорских языков. *Acta Linguistica Academiae Scientiarum Hungaricae*, 1 (2–4): 249–272.

Кривошлёкова-Гантман А. С. (1981) Коми-пермяцкие заимствования в русских говорах Верхнего Прикамья. *Этимологические исследования*. Свердловск: 46–62.

Лабунец Н. В., Усминский О. И. (2012) Финно-угорское наследие в русских говорах Тюменской области. *Вестник Тюменского государственного университета, Филология*, 1: 205–208.

Матвеев А. К. (1959) *Финно-угорские заимствования в русских говорах Северного Урала*. (Ученые записки Уральского государственного университета, 32).

Матвеев А. К. (1964) Заимствования из пермских языков в русских говорах Северного и Среднего Урала. *Acta Linguistica Academiae Scientiarum Hungaricae*, 14 (3–4): 285–315.

Михайлова Л. П. (1986) Географическая лексика в русских говорах Карелии (названия болот). *Севернорусские говоры в иноязычном окружении*: сб. Сыктывкар: Изд-во Сыктывкарского госуниверситета: 76–88.

Муллонен И. И. (1988) *Гидронимия бассейна реки Ояти*. Петрозаводск: Карелия.

Мызников С. А. (2005) *Русские говоры Среднего Поволжья: Чувашская республика, Республика Марий Эл*. СПб.: Наука.

Новьюхова Н. В. (2009) *Заимствованная лексика хантыйского языка (на материале казымского диалекта)*. Дисс. ... канд. филолог. наук. Ханты-Мансийск.

Ольгович С. И. (1963) *Иноязычные слова в русских старожильческих говорах средней части бассейна р. Оби*. Дисс. ... канд. филолог. наук. Томск.

Панченко С. В. (2003) *Лексика хантыйского происхождения в русских письменных источниках конца XIX – начала XX века*. Дисс. ... канд. филолог. наук. Екатеринбург.

Петров Л. П. (1988) Чувашские орнитонимы марийского происхождения. *Межъязыковое взаимодействие в Волго-Камье*: Сб. Чебоксары: Чуваш. гос. ун-т: 127–130.

Погодин А. Л. (1904) Севернорусские словарные заимствования из финского языка. *Варшавские университетские известия*, 4: 1–72.

Попов А. И. (1955) Из истории славяно-финно-угорских лексических отношений. *Acta Linguistica Academiae Scientiarum Hungaricae*, 5 (1–2): 1–19.

Розен М. Ф., Малолетко А. М. (1986) *Географические термины Западной Сибири*. Томск: Изд-во Томского ун-та.

Ромбандеева Е. (2003) Мансийские народные географические термины. *Финно-угроведение*, 1: 80–83.

Серебренников Б. А. (1962) О финно-угорских этимологиях в «Этимологическом словаре русского языка» М. Фасмера. *Лексикографический сборник*, V. М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей: 30–35.

Itkonen T. I. (1932) Lappische Lehnwörter im Russischen. *Annales Academiae Scientiarum Fennicae. Ser. B.*, XXVII, Helsinki: 45–65.

Kalima J. (1915) *Die ostseefinnischen Lehnwörter im Russischen*. Helsingfors.

Kalima J. (1927) Syrjänisches Lehngut im Russischen. *Finnisch-ugrische Forschungen*, XVIII: 1–56.

Kálmán B. (1961) *Die russischen Lehnwörter im Wogulischen*. Budapest.

Kannisto A. (1925) Die tatarischen Lehwörter im Wogulischen. *Finnisch-ugrische Forschungen*, 17: 1–264.

Maticsák S. (2013) Finnugor etimológiai szótárak. *Nyelvtudományi közlemények. A Magyar Tudományos Akadémia Nyelvtudományi Intézetének folyóirata*, 109: 33–68.

Rédei K. (1970) *Die syrjänischen Lehnwörter im Wogulischen*. Bloomington.

Sirelius U. (1906) *Über die Sperrfischerei bei den finnisch-ugrischen Völkern*. Helsingfors.

Steinitz W. (1959) Zu den samojedischen Lehnwörter im Ob-Ugrischen. *Ural-Altäische Jahrbücher*, 31: 426–453.

Steinitz W. (1960) Ostjakische Lehnwörter im Russischen. *Zeitschrift für Slawistik*, 5(1): 483–519.

Steinitz W. (1961) Beiträge zu den finnisch-ugrisch-samojedischen Lehnwörter im Russischen. *Zeitschrift für Slavistik*, 6(4): 597–601.

Steinitz W. (1963) Selkupische Lehnwörter im Ostjakischen. *Acta Linguistica Academiae Scientiarum Hungaricae*, 13 (3–4): 214–223.

Steinitz W. (1962) Zu den syrjänischen Lehnwörtern des Obugrischen. Etymologische beiträge (II). *Acta Linguistica Academiae Scientiarum Hungaricae*, 12 (3–4): 247–254.

Toivonen Y. H. (1956) Über die syrjänischen Lehnwörter im Ostjakischen. *Finnisch-ugrische Forschungen*, 32 (1–2): 1–169.

Сокращения источников

Аникин 1997 — Аникин А. Е. *Этимологический словарь русских диалектов Сибири. Заимствования из уральских, алтайских и палеоазиатских языков*. Новосибирск: Наука, 1997.

Аникин 2000 — Аникин А. Е. *Этимологический словарь русских диалектов Сибири. Заимствования из уральских, алтайских и палеоазиатских языков*. 2-е изд., испр. и доп. М.; Новосибирск: Наука, 2000.

Аникин РЭС — Аникин А. Е. *Русский этимологический словарь*. Вып. 1–12. А–Дбать. М.; СПб.; Новосибирск: Рукописные памятники Древней Руси; Знак; Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова; Ин-т филологии Сибирского отделения РАН; Нестор-История, 2007–2018.

Барсов — Барсов Е. В. *Причитания Северного края*. Ч. 1–2. М., 1872–1882.

Герасимов 1910 — Герасимов М. К. *Словарь уездного Череповецкого говора*. Сб. ОРЯС, 1910, 87, 3: 1–111.

- Даль — Даль В. И. *Толковый словарь живого великорусского языка*. Второе издание, исправленное и значительно умноженное по рукописи автора. Т. 1–4. М.; СПб., 1880–1882.
- КСРГК — Картотека «Словаря русских говоров Карелии и сопредельных областей» (хранится в Словарном кабинете им. Б. А. Ларина филологического факультета Санкт-Петербургского государственного университета).
- КСРНГ — Картотека «Словаря русских народных говоров» (хранится в Словарном отделе ИЛИ РАН).
- Куликовский — Куликовский Г. И. *Словарь областного олонцецкого наречия в его бытовом и этнографическом применении*. СПб., 1898.
- КЭСЯ — Лыткин В. И., Гуляев Е. С. *Краткий этимологический словарь коми языка*. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1999.
- Мурзаев 1984 — Мурзаев Э. М. *Словарь народных географических терминов*. М.: Мысль, 1984.
- Опыт — *Опыт областного великорусского словаря*, изданный Вторым отделением Академии наук. СПб., 1852.
- ПЛГО — Полевое лингвогеографическое обследование (материалы, собранные автором в диалектологических экспедициях по русским говорам, и финно-угорским языкам).
- ПФГЛК — Мамонтова Н. Н., Муллонен И. И. *Прибалтийско-финская географическая лексика Карелии*. Петрозаводск: Карельский научный центр, 1991.
- СГБРС — Муллонен И. И., Азарова И. В., Герд А. С. *Словарь гидронимов юго-восточного Приладожья. Бассейн реки Свирь*. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1997.
- СГДА — *Словарь говора д. Акчим Красновишерского района Пермской области (Акчимский словарь)*. Гл. ред. Ф. Л. Скитова. Вып. 1–6. Пермь: Изд-во Пермского гос. ун-та, 1984–2011.
- СРГНП — *Словарь русских говоров Низовой Печоры*. Под ред. Л. А. Ивашко. Т. 1–2. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2003–2005.
- СРГСПК — *Словарь русских говоров севера Пермского края*. Гл. ред. И. И. Русинова. Вып. 1. А–В. Пермь: Изд-во Пермского гос. ун-та, 2011.
- СРНГ — *Словарь русских народных говоров*. Гл. ред. Ф. П. Филин (т. 1–23), Ф. П. Сороколетов (т. 24–46), С. А. Мызников (т. 47–50). Т. 1–50. Аа–Хоглок. М.; Л.; СПб.: Наука, 1965–2018.
- ССКЗД — *Сравнительный словарь коми-зырянских диалектов*. Сыктывкар: Коми книжное изд-во, 1961.

- Терещенко — Терещенко Н. М. *Ненецко-русский словарь*. М.: Советская энциклопедия, 1965.
- Фасмер — Фасмер М. *Этимологический словарь русского языка*. Т. 1–4. М.: Прогресс, 1964–1973.
- Чайкина 1993 — Чайкина Ю. И. *Словарь географических названий Вологодской области*. Вологда: Вологодский ИПКИППК, 1993.
- Шипова 1976 — Шипова Е. Н. *Словарь тюркизмов в русском языке*. Алма-Ата: Наука, 1976.
- Collinder 1955 — Collinder B. *Fenno-Ugric Vocabulary. An Etymological Dictionary of the Uralic Languages*. Uppsala, 1955.
- DEWOS — Steinitz W. *Dialektologisches und Etymologisches Wörterbuch der ostjakischen Sprache*. Bd. I–XV, Berlin, 1966–1993.
- KKS — *Karjalan kielen sanakirja*. Toim. P. Virtaranta, R. Koponen, M. Torikka, L. Joki. O. 1–6. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1968–2005. (Lexica Societatis Fenno-Ugricae. XVI).
- SKES — Toivonen Y. H., Itkonen E., Joki A. J., Peltola R. *Suomen kielen etymologinen sanakirja*. O. 1–7. Helsinki, 1955–1981. (Lexica Societatis Fenno-Ugricae. XII).
- SYRW — Wichmann Y., Uotila T. E. *Syrjänischer Wortschatz*. Helsinki, 1942. (Lexica Societatis Fenno-Ugricae. VII).
- UEW — Rédei K. *Uralisches etymologisches Wörterbuch*. B. I–III. Budapest, 1986–1988.

OB-UGRIC LEXICAL DATA IN PERMIC AND NORTH RUSSIAN CONTEXT

Sergey Myznikov^{1,2}, Zoya Ryabchikova¹

¹ A. Herzen Russian State Pedagogical University,
St. Petersburg, Russia;

² Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia

E-mail: myznikovs@rambler.ru

Citation: Myznikov S., Ryabchikova Z. (2018) Obsko-ugorskiye leksicheskiye dannyye v permskom i severnorusskom kontekste [Ob-Ugric lexical data in Permic and North Russian context]. *Severnorusskiye govory* [Northern Russian dialects], 17: 59–87. (in Russian)

Abstract. This paper attempts to provide an integrated etymological analysis of Northern Russian dialect borrowed data, the possible etymons that are recorded in the Komi language, Baltic-Finnish, Ob-Ugric languages, as well as in Samoyed languages. Provides information about the language contacts of the Ob-Ugric languages and the history of their study. The interaction between Komi and Ob-Ugric speakers is also noted. It is noted that a significant number of such borrowings relate thematically to the fishing and hunting lexicon.

In some cases, the Baltic-Finnish and Ob-Ugric data are very close in form and semantics, and there is the problem of differentiating the results of their impact on Russian dialects; that is, when Komi and Khanty lexemes are as if etymologically similar units on the Finno-Ugric soil. So, for example, there are names of a bog of ya'nga with fixations in a wide area.

In some cases, the Komi etymology of the Russian dialect word, with similar Ob-Ugric data, was rejected after the areal analysis.

Some data have single fixations, and it is not always clear under what conditions and who recorded these materials, for example, the Khanty or the Russians.

There are a number of similar data, which presents materials that are considered on Russian, Permian and Ob-Ugric soil.

For example, various etymological versions are given. The next version is not excluded: the primary unit is the next unit in the Komi language “angle”, which is preserved in the word blue “eyebrow” (literally, “eye — angle”). Compare also: Chupa, Kulma, which have a primary value of ‘angle’, but at the present time are names for fishing traps.

A detailed analysis of the totality of all the data recorded in different geographically related languages of the same region allows one to verify some etymological versions, and in some cases to make corrections of established etymologies. In addition, when designing distant etymologies, it is extremely important to take into account the possibilities of multidirectional ethno-linguistic influences.

Keywords: Ob-Ugric, Baltic-Finnish, Permian, Samoyed, vocabulary, Komi, Khanty, Mansi, dictionary.

References

Anikin A. Ye. (1997) *Etimologicheskii slovar' russkikh dialektov Sibiri. Zaimstvovaniya iz ural'skikh, altayskikh i paleoaziatskikh yazykov* [Etymological dictionary of Russian dialects of Siberia. Loans from the Ural, Altai and Palaeo-Asiatic languages]. Novosibirsk: Nauka. (in Russian)

Anikin A. Ye. (2000) *Etimologicheskii slovar' russkikh dialektov Sibiri. Zaimstvovaniya iz ural'skikh, altayskikh i paleoaziatskikh yazykov* [Etymological dictionary of Russian dialects of Siberia. Loans from the Ural, Altai and Palaeo-Asiatic languages]. 2nd ed. Moscow; Novosibirsk: Nauka. (in Russian)

Anikin A. Ye. (2007–2018) *Russkiy etimologicheskii slovar'* [Russian etymological dictionary]. Vol. 1–12. A–Dbat'. Moscow; St. Petersburg; Novosibirsk: Rukopisnyye pamyatniki Drevney Rusi; Znak; In-t rus. yaz. im. V. V. Vinogradova; In-t filologii Sibirskogo otdeleniya RAN; Nestor-Istoriya. (in Russian)

Chaykina Yu. (1993) *Slovar' geograficheskikh nazvaniy Vologodskoy oblasti* [Dictionary of place names of the Vologda region]. Vologda: Vologodskiy IPKIPPK. (in Russian)

Collinder B. (1955) *Fenno-Ugric Vocabulary. An Etymological Dictionary of the Uralic Languages*. Uppsala.

Dal V. I. (1880–1882) *Tolkovyy slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka* [Explanatory dictionary of the living Great Russian language]. 2nd ed. Vol. 1–4. Moscow; St. Petersburg. (in Russian)

Dmitriyeva T. N. (1981) *Leksicheskiye zaimstvovaniya v russkikh govorakh nizhnego Priirtysh'ya* [Lexical borrowing in the Russian dialects of the lower Irtysh]. Diss. ... cand. of Sciences (Philology). Sverdlovsk. (in Russian)

Fasmer M. (1964–1973) *Etimologicheskii slovar' russkogo yazyka* [Etymological dictionary of the Russian language]. Vol. 1–4. Moscow: Progress. (in Russian)

Filin F. P., Sorokoletov F. P., Myznikov S. A. (eds.) (1965–2018) *Slovar' russkikh narodnykh govorov* [Dictionary of Russian folk dialects]. Vol. 1–50. Moscow; Leningrad; St. Petersburg; Nauka. (in Russian)

Guseva L. G. (1971) Zaimstvovannyye slova v geograficheskoy terminologii Kargopol'skogo kraya [Borrowed words in the geographical terminology of the Kargopol Territory]. *Voprosy toponomastiki* [Topomastics Issues], 5: 128–132. (in Russian)

Igushev Ye. A. (2006) *Vvedeniye v finno-ugrovedeniye* [Introduction to Finno-Ugric Studies]. A Student Tutorial. Khanty-Mansiysk. (in Russian)

Itkonen T. I. (1932) *Lappische Lehnwörter im Russischen* [Saami loanwords in Russian]. *Annales Academiae Scientiarum Fennicae. Ser. B*, XXVII, Helsinki: 45–65. (in German)

Ivanov I. G. (1969) Mariyskiye leksicheskiye zaimstvovaniya v russkikh govorakh Vyatskogo kraya [Mari lexical borrowing in the Russian dialects of the Vyatka region]. *Sovetskoye finno-ugrovedeniye* [Soviet Finno-Ugric Studies], V (1): 105–113. (in Russian)

Ivashko L. A. (1958) Zaimstvovannyye slova v pechorskikh govorakh [Borrowed words in Pechora dialects]. *Uchenyye zapiski Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta, Ser. filologicheskkiye nauki* [Scientific notes of Leningrad State University, Philological sciences], 42(343): 84–103. (in Russian)

Ivashko L. A. (ed.) (2003–2005) *Slovar' russkikh govorov Nizovoy Pechory* [Dictionary of Russian dialects of the Lower Pechora]. Vol. 1–2. St. Petersburg: Izd-vo SPbGU. (in Russian)

Kalima J. (1915) *Die ostseefinnischen Lehnwörter im Russischen* [The Baltic-Finnic loanwords in Russian]. Helsingfors. (in German)

Kalima J. (1927) *Syrjänisches Lehngut im Russischen* [Syrian loans in Russian]. *Finnisch-ugrische Forschungen*, XVIII: 1–56. (in German)

Kálmán B. (1952) Russkiye zaimstvovaniya iz ob'-ugorskikh yazykov [Russian loans from Ob-Ugric languages]. *Acta linguistica*, 1 (2–4): 249–272. (in Russian)

Kálmán B. (1961) *Die russischen Lehnwörter im Wogulischen* [The Russian loanwords in Mansi]. Budapest. (in German)

Kannisto A. (1925) Die tatarischen Lehnwörter im Wogulischen [The Tatar loanwords in Mansi]. *Finnisch-ugrische Forschungen*, 17: 1–264. (in German)

Krivoshchekova-Gantman A. S. (1981) Komi-permyatskiye zaimstvovaniya v russkikh govorakh Verkhnego Prikam'ya [Komi-Permyak loans in the Russian dialects of the Upper Kama Region]. In: *Etimologicheskkiye issledovaniya* [Etymological Studies]. Sverdlovsk: 46–62. (in Russian)

Labunets N. V., Usminskiy O. I. (2012) Finno-ugorskoye naslediyе v russkikh govorakh Tyumenskoy oblasti [Finno-Ugric heritage in the Russian dialects of the Tyumen region]. *Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta, Filologiya* [Bulletin of Tyumen State University, Philology], 1: 205–208. (in Russian)

Lytkin V. I., Gulyayev Ye. S. (1999) *Kratkiy etimologicheskii slovar' komi yazyka* [A brief etymological dictionary of the Komi language]. Syktyvkar: Komi knizhnoye izd-vo. (in Russian)

Mamontova N. N., Mullonen I. I. (1991) *Pribaltiysko-finskaya geograficheskaya leksika Karelii* [Baltic-Finnic geographical vocabulary of Karelia]. Petrozavodsk: Karel'skiy nauchnyy tsentr. (in Russian)

Maticsák S. (2013) Finnugor etimológiai szótárak [Finno-Ugric Etymological Dictionaries]. *Nyelvtudományi közlemények. A Magyar Tudományos Akadémia Nyelvtudományi Intézetének folyóirata* [Linguistics publications. Journal of the Institute of Linguistics of the Hungarian Academy of Sciences], 109: 33–68. (in Hungarian)

Matveyev A. K. (1959) *Finno-ugorskiye zaimstvovaniya v russkikh govorakh Severnogo Urala* [Finno-Ugric loans in the Russian dialects of the Northern Urals]. Sverdlovsk. (Uchenyye zapiski Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta [Scientific notes of the Ural State University], 32). (in Russian)

Matveyev A. K. (1964) Zaimstvovaniya iz permskikh yazykov v russkikh govorakh Severnogo i Srednego Urala [Borrowing from the Permian languages in the Russian dialects of the Northern and Middle Urals]. *Acta linguistica*, 14 (3–4): 285–315. (in Russian)

Mikhaylova L. P. (1986) Geograficheskaya leksika v russkikh govorakh Karelii (nazvaniya bolot) [Geographical vocabulary in the Russian dialects of Karelia (the names of the marshes)]. In: *Severnorussskiye govory v inoyazychnom okruzhenii* [North Russian dialects in a foreign language environment]. Syktyvkar: Izd-vo Syktyvkarskogo gosuniversiteta: 76–88. (in Russian)

Mullonen I. I. (1988) *Gidronimiya basseyna reki Oyati* [Hydronymy of the Oyat River Basin]. Petrozavodsk: Karelia. (in Russian)

Mullonen I. I., Azarova I. V., Gerd A. S. (1997) *Slovar' gidronimov yugovostochnogo Priladozh'ya. Basseyn reki Svir'* [Dictionary of hydronyms of the south-eastern Ladoga area. The basin of the river Svir]. St. Petersburg: SPbGU. (in Russian)

Murzayev E. M. (1984) *Slovar' narodnykh geograficheskikh terminov* [Dictionary of folk geographical terms]. Moscow: Mysl'. (in Russian)

Myznikov S. A. (2005) *Russkiye govory Srednego Povolzh'ya: Chuvashskaya respublika, Respublika Mariy El* [Russian dialects of the Middle Volga

region: Chuvash Republic, the Republic of Mari El]. St. Petersburg: Nauka. (in Russian)

Novyukhova N. V. (2009) *Zaimstvovannaya leksika khantyyskogo yazyka (na materiale kazym'skogo dialekta)* [The borrowed vocabulary of the Khanty language (on the material of the Kazym dialect)]. Diss. ... cand. of Sciences (Philology). Khanty-Mansiysk. (in Russian)

Ol'govich S. I. (1963) *Inoyazychnyye slova v russkikh starozhil'cheskikh govorakh sredney chasti basseyna r. Obi* [Foreign words in Russian old-voiced dialects of the middle part of the river Ob]. Diss. ... cand. of Sciences (Philology). Tomsk. (in Russian)

Panchenko S. V. (2003) *Leksika khantyyskogo proiskhozhdeniya v russkikh pis'mennykh istochnikakh kontsa XIX – nachala XX veka* [Vocabulary of Khanty origin in Russian written sources of the late 19th – early 20th century]. Diss. ... cand. of Sciences (Philology). Yekaterinburg. (in Russian)

Petrov L. P. (1988) Chuvashskiy ornitonimy mariyskogo proiskhozhdeniya [Chuvash ornithonyms of Mari origin]. In: *Mezh'yazykovoye vzaimodeystviye v Volgo-Kam'ye* [Interlingual interaction in the Volga-Kamye]. Cheboksary: Chuvashskiy gosuniversitet: 127–130. (in Russian)

Popov A. I. (1955) Iz istorii slavyano-finno-ugorskikh leksicheskikh otnosheniy [From the history of Slavic-Finno-Ugric lexical relations]. *Acta linguistica*, 5 (1–2): 1–19. (in Russian)

Rédei K. (1970) *Die syrjänischen Lehnwörter im Wogulischen* [The Zyryan loanwords in Mansi]. Bloomington. (in German)

Rédei K. (1986–1988) *Uralisches etymologisches Wörterbuch* [Uralic Etymological Dictionary]. Vol. I–III. Budapest. (in German)

Rombandeyeva Ye. (2003) Mansiyskiye narodnyye geograficheskiye terminy [Mansi folk geographical terms]. *Finno-ugrovedeniye* [Finno-Ugric studies], 1: 80–83. (in Russian)

Rozen M. F., Maloletko A. M. (1986) *Geograficheskiye terminy Zapadnoy Sibiri* [Geographical terms of Western Siberia]. Tomsk: Izdatel'stvo Tomskogo universiteta. (in Russian)

Rusinova I. I. (ed.) (2011) *Slovar' russkikh govorov severa Permskogo kraya* [Dictionary of Russian dialects of the north of the Perm region]. Vol. 1. A–V. Perm: Izd-vo Perm. un-ta. (in Russian)

Serebrennikov B. A. (1962) O finno-ugorskikh etimologiyakh v «Etimologicheskom slovare russkogo yazyka» M. Fasmera [On the Finno-Ugric etymologies in the “Etymological Dictionary of the Russian Language” by M. Fasmer]. In: *Leksikograficheskiy sbornik* [Lexicographic collection], V. Moscow: Gosudarstvennoye izdatel'stvo inostrannykh i natsional'nykh slovarey: 30–35. (in Russian)

Shipova Ye. N. (1976) *Slovar' tyurkizmov v russkom yazyke* [Dictionary of Turkisms in Russian.]. Alma-Ata: Nauka. (in Russian)

Sirelius U. (1906) *Über die Sperrfischerei bei den finnisch-ugrischen Völkern* [On the fishing lexicon of the Finno-Ugric peoples]. Helsingfors. (in German)

Skitova F. L. (ed.) (1984–2011) *Slovar' govora d. Akchim Krasnovisherskogo rayona Permskoy oblasti (Akchimskiy slovar')* [Dictionary of the village Akchim, Krasnovishersky district of the Perm region (Akchim dictionary).]. Vol. 1–6. Perm: Izd-vo Perm. gos. un-ta. (in Russian)

Sravnitelnyy slovar' komi-zyryanskikh dialektov (1961) [Comparative Dictionary of Komi-Zyryan dialects.]. Syktyvkar: Komi knizhnoye izd-vo. (in Russian)

Steinitz W. (1959) Zu den samojedischen Lehnwörter im Ob-Ugrischen [To the Samoyed loanwords in Ob-Ugric]. *Ural-Altäische Jahrbücher* [Ural-Altai Yearbook], 31: 426–453. (in German)

Steinitz W. (1960) Ostjakische Lehnwörter im Russischen [Khanty loanwords in Russian]. *Zeitschrift für Slavistik* [Journal of Slavic Studies], 5(1): 483–519. (in German)

Steinitz W. (1961) Beiträge zu den finnisch-ugrisch-samojedischen Lehnwörter im Russischen [Contributions to the Finno-Ugric-Samoyed loanwords in Russian]. *Zeitschrift für Slavistik* [Journal of Slavic Studies], 6(4): 597–601. (in German)

Steinitz W. (1962) Zu den syrjänischen Lehnwörtern des Obugrischen. Etymologische beiträge (II) [To the Zyryan loanwords of the Ob-Ugric. Etymological contributions (II)]. *Acta Linguistica Academiae Scientiarum Hungaricae*, 12 (3–4): 247–254. (in German)

Steinitz W. (1963) Selkupische Lehnwörter im Ostjakischen [Selkup loanwords in the Khanty]. *Acta linguistica* [Acta linguistica], 13 (3–4): 214–223. (in German)

Steinitz W. (1966–1993) *Dialektologisches und Etymologisches Wörterbuch der ostjakischen Sprache* [Dialectological and Etymological Dictionary of the East Khanty language]. Vol. I–XV. Berlin. (in German)

Tereshchenko N. M. (1965) *Nenetsko-russkiy slovar'* [Nenets-Russian dictionary]. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya. (in Russian)

Toivonen Y. H. (1956) Über die syrjänischen Lehnwörter im Ostjakischen [About the Zyryan loanwords in Khanty]. *Finnisch-ugrische Forschungen*, 32 (1–2): 1–169. (in German)

Toivonen Y. H., Itkonen E., Joki A. J., Peltola R. *Suomen kielen etymologinen sanakirja* (1955–1981) [Finnish etymological dictionary]. Vol. 1–7. Helsinki. (in Finnish)

Virtaranta P., Koponen R., Torikka M., Joki L. (eds.). (1968–2005) *Karjalan kielen sanakirja* [Dictionary of the Karelian language]. Vol. 1–6. Helsinki. (Lexica Societatis Fenno-Ugricae XVI). (in Finnish)

Wichman Y., Uotila T.E. (1942) *Syrjänischer Wortschatz* [Zyryan vocabulary]. Helsinki. (Lexica Societatis Fenno-Ugricae VII). (in German)

ИСКОННЫЕ И ЗАИМСТВОВАННЫЕ ЛЕКСИЧЕСКИЕ СТРАТЫ В ДОЛГАНСКОМ ЯЗЫКЕ

Назмутдинова Татьяна Станиславовна

Российский государственный
педагогический университет
им. А. И. Герцена,
Санкт-Петербург, Россия
E-mail: scurumoch@mail.ru

Цитирование: Назмутдинова Т. С. (2018) Исконные и заимствованные лексические страты в долганском языке. *Севернорусские говоры*, 17: 88–106.

Аннотация. В статье представлен анализ лексических пластов долганской лексики, выявляется общетюркская исконная лексика. Выделяются слова, имеющие монгольские, тунгусо-маньчжурские соответствия. Отмечается, что в долганском языке предпочтительное употребление имеют слова тюркского происхождения, нежели их параллели монгольского происхождения. Значителен пласт лексики, заимствованной из русского языка. Хотя ряд лексем был заимствован из русского языка достаточно давно, они представляют собой в долганском языке часть активного словаря.

Ключевые слова: долганский тюркский, якутский, заимствования, субстрат, тематическая группа лексики.

Долганский язык, как и все языки малочисленных народностей России, не является литературным языком, обслуживающим все сферы культурного обихода народа. Такие языки, как долганский, функционируют в своей культурной «нише», в основном в области бытового общения. Возможны отдельные проявления языка вне данной сферы в виде издания газет, передач по радио, публикаций художественной и другой литературы. Ведется обучение родному языку в начальной школе. Долганский язык преподается в институте народов Севера РГПУ им. А. И. Герцена студентам — будущим педагогам.

Лексика долганского языка в настоящее время остается недостаточно изученной. В имеющихся исследованиях она рассматривалась в основном с точки зрения ее происхождения и по некоторым аспектам диалектного членения. Лексика — наиболее подвижная часть языка, подвергающаяся постоянным изменениям: словарный состав расширяется за счет заимствований и в связи с реализацией внутренних возможностей языка. Лексика долганского языка обнаруживает наличие и той, и другой возможности формирования своего состава [Артемьев 2001: 63–126], причем лексические единицы можно охарактеризовать как субстратные и заимствованные в зависимости от этнического состава той или иной группы долган, их употребляющих. Механизм этого явления четко прослеживается на примере слов в языке долган, имеющих тунгусо-маньчжурские и русские соответствия.

Классификации долганской лексики посвящен раздел в монографии Е. И. Убрятовой «Язык норильских долган». Весь словарный состав долганского языка здесь разделен на три группы: слова якутского происхождения (основной фонд), слова эвенкийского происхождения, слова, заимствованные из русского языка [Убрятова 1985]. Эта классификация представляется важной точкой отсчета при изучении лексики долганского языка и этнической истории народа в целом, отражающей процессы взаимодействия разных этнических групп (якутов, эвенков, русских) и их языков.

Научное исследование лексики языка долган предполагает комплексный историко-лингвистический, дифференцированный подход к этой проблеме и должно отразить более глубокие лексические связи и процессы, происходившие в языке. Речь, безусловно, должна идти об изучении функционирования тюркских, монгольских, тунгусо-маньчжурских, славянских основ в составе лексики долганского языка, что важно для выяснения некоторых вопросов этногенеза якутов и долган, их языков в развитии [Артемьев 2002: 67], начиная с периода первых волн переселения носителей якутского языка (и якутоязычных групп) сначала на среднюю Лену, а затем на северо-запад Якутии.

Долганский язык до сих пор во многом сохраняет старые черты якутского языка, ставшего основой для языка общения нескольких этнических групп, из которых формировались группы современных долган и развивался их язык [Артемьев 1999].

Общетюркская исконная лексика

Этим термином обозначают часть лексики, имеющейся во всех (или в большинстве) современных тюркских языках и имеющей общее происхождение (общий корень). Для долганского языка, этнический состав носителей которого является разнородным, — это результат распространения якутского языка среди ассимилировавшихся родов разного происхождения. При этом важным обстоятельством является сохранение в долганском языке якутской лексики времени распространения примерно с XVI в. [Артемьев 2001].

Основная часть лексики долганского имеет тюркские соответствия, причем слова близки к общетюркским и по значению, и по происхождению. Как правило, это слова, обозначающие основные понятия, явления окружающей действительности, важные компоненты картины мира¹:

1. Названия частей и органов тела человека и животных: *төбө* 'голова', *һанны* 'плечо', *илии* 'рука', *кол* 'лопатка', *атак* 'нога и обувь вообще', *карак* 'глаза', *һурэк* 'сердце', *тыл* 'язык', *быар* 'живот, печень', *мэньиш* 'голова', *ас* 'волосы', *баттак* 'волосы на макушке головы оленя' и т. д.

2. Термины родства: *иньэ* 'мать', *уол* 'мальчик', *кыыс* 'девочка', *убай* 'старший брат', *балты* 'младший брат или сестра', *кинъишт* 'невеста', *күтүөт* 'жених' и т. д. Два слова из этой обширной терминологии являются эвенкийскими по происхождению: *иньэрээ* 'мачеха' (*энирээн*), *амираан*, *агараан* 'отчим'. Можно заметить, что в первой части слов *иньэрээн* и *агараан* отчетливо выявляются тюркские корни.

---

¹Все примеры даны из: [Спиридонова 2015].

3. Явления природы: *кун* 'солнце', *һир* 'земля', *уу* 'вода', *таас* 'камень, гора', *кумак* 'песок', *ый* 'луна', *һулу* 'звезда', *Бамыыр* 'дождь', *буу* 'след', *күөл* 'озеро' и т. д.

4. Названия птиц, животных: *бөрө* 'волк', *тиин* 'белка', *кырас* 'песец', *кус* 'утка', *балык* 'рыба' и т. д.

5. Некоторые названия домашних животных: *таба* 'олень', *ыт* 'собака', *ат* 'лошадь', *тыһы* 'важенка, самка', *тугут* 'олененок', *иргэк* 'самец' и т. д.

6. Времена года, названия разных времен суток: *кыһын* 'зима', *һаас* 'весна', *һайын* 'лето', *киэгэ* 'вечер', *һарсиэрда* 'утро', *күнүс* 'днем' и т. д.

7. Мифологические понятия: *аньыы* 'грех', *кут* 'душа', *алгыс* 'благопожелание', *абааны* 'злой дух', *Тангара* 'Бог' и т. д.

8. Слова разного назначения: *киһи* 'человек', *күүс* 'сила', *һуол* 'след', *тимир* 'железо', *алтан* 'медь', *аан* 'дверь', *тимэк* 'пуговица', *тыас* 'шум' и т. д.

9. Слова, обозначающие цвета, качества, признаки: *кара* 'черный', *кыһыл* 'красный', *күөк* 'зеленый, синий', *үрүн* 'белый', *киэн* 'просторный', *угун* 'длинный', *көнө* 'прямой', *баай* 'богатый', *һугас* 'близкий' и т. д.

10. Слова, обозначающие основные виды действий, движения: *бар* 'идти', *кэл* 'прийти', *тур* 'стоять', *олор* 'сидеть', *аһаа* 'есть', *утуй* 'спать', *киир* 'зайти', *һүүр* 'бежать', *буол* 'быть', *кап* 'ловить', *диэ* 'сказать', *ыл* 'взять' и т. д.

11. Все числительные, кроме *маннайгы* 'первый', *тыһычча* 'тысяча': *биш* 'один', *икки* 'два', *алта* 'шесть', *гүүрбэ* 'двадцать', *һүүс* 'сто' и т. д.

12. Местоимения: *мин* 'я', *эн* 'ты', *бигиги* 'мы', *ким* 'кто', *канна* 'куда', 'где' и т. д.

13. Наречия: *натыы* 'пешком', *бүгүн* 'сегодня', *бэгэһэ* 'вчера', *инни* 'спереди', *кэнни* 'сзади' и т. д.

Разумеется, состав общетюркской исконной лексики вышеперечисленными тематическими группами не ограничивается. Со времени выделения из общего тюркского корня многие слова

претерпели значительные фонетические изменения, например: *итии* — *исиг*, *уу* — *суу*, *һуол* — *йол*, *уос* — *абыз*, *кус* — *куц* и др.

В долганском языке многие слова тюркского происхождения имеют предпочтительное употребление, чем, например, их параллели монгольского происхождения: тюрк. *үгүс* ‘много’ употребляется чаще, чем монг. *элбэк*; ср., например: *үгүсчир* ‘большие земли’, *үгүс киһилэр* ‘много людей’. В целом в долганском употребляется меньше слов монгольского происхождения, чем в говорах центральной Якутии. Не вызывает сомнения, что общетюркская исконная лексика является основой словарного состава долганского языка.

Слова, имеющие монгольские соответствия

В словарном составе долганского языка этот пласт лексики функционирует в результате распространения якутского языка в качестве языка общения для формирующегося нового этноса, т. е. долганы приняли эту группу слов вместе с якутским языком, не имея при этом длительной истории взаимодействия с монголоязычными племенами, как предки якутов [Артемьев 1997: 4–6]. Тем не менее, это значительная часть лексики современного долганского языка, широко употребляющаяся во многих сферах повседневной жизни.

Основные тематические группы слов, имеющих монгольские соответствия, следующие²:

1. Слова, связанные с хозяйственной деятельностью, употребляемые в быту: *һүөһү* ‘домашние животные’, *атыыр* ‘самец’, *һырга* ‘сани’, *дьэс* ‘медь’, *кэргэн*, *кэргэттэр* ‘семья, родители’, *һолуур* ‘ведро, котел’, *һүгэ* ‘топор’, *калган* ‘дверь’, *коргун* ‘жировая прослойка в супе’, *ойуур* ‘лес’, *элбэк* ‘много’, *аймак* ‘родня’, *дьон* ‘люди’, *толбон* ‘вид узора’ и др.

2. Названия частей тела: *таболай* ‘нёбо’, *былчын* ‘мускул’, *күөмэй* ‘гортань, голос’, *тоболок* ‘локоть’, *эрбэк* ‘большой палец’, *чабыркай* ‘висок’ и др.

---

²Все примеры даны из: [Спиридонова 2015].

3. Абстрактные понятия: *эрэл*, *эрэбил* 'надежда', *һэмэ* 'замечание', *эйэ* 'мир', *эйэгэс* 'вежливый', *эрэй* 'беда', *бараксан* 'милый сердцу', *һорук* 'поручение', *дьүһүн* 'облик, внешность' и др.

4. Слова, обозначающие признак: *көрсүө* 'скромный', *һэрэк* 'осторожный', *дьэңкэ* 'ясный', *балши*, *балай* 'слепой', *модьу* 'мощный, прочный', *маннайгы* 'первый', *төгүрүк* 'круглый', *эриэн* 'пестрый'.

5. Глаголы: *һоруй* 'велеть', *комуй* 'собирать', *һуруй* 'писать', *кол-боо* 'соединять', *таһый* 'хлопать', *һимээ* 'украшать', *налый* 'успокоиться', *ой* 'прыгать', *коргуй* 'проголодаться' и др.

Многие слова могут быть интерпретированы как тюркско-монгольские, т. к. в настоящее время трудно установить границы и время взаимопроникновений. Например: *бэлэк* 'дар, приношение', *һар* 'орел, сокол', *дунгүр* 'шаманский бубен', *буур* 'самец', *торго* 'ткань', *һарбанньак* 'узор, орнамент' и др.

Слова, имеющие монгольские соответствия, входят в состав исконной лексики, они обогащают язык синонимами, функционируя наравне со словами с тюркскими основами. Например: *уруу/аймак* 'родня', *үгүс/элбэк* 'много', *дьүһүн* 'цвет, облик', *аччык-таа/коргуй* 'голодать' и др. Но в большинстве случаев такие слова оказываются единственными обозначениями соответствующих понятий. Слова монгольского происхождения существенно обогатили образную лексику якутского языка, однако в долганском языке эта часть лексики не имеет большого распространения и употребления.

Исследование слов, имеющих монгольское соответствие, в языке долган может прояснить некоторые вопросы, связанные с временными рамками проникновения этой группы слов в якутский праязык и в говоры, распространившиеся в свое время в среде взаимодействия различных этнических групп. Видимо, в центральной зоне говоров якутского языка эти процессы происходили в довольно позднее время, т. к. многие слова этого пласта не вошли в состав лексики, сформировавшей в конечном итоге словарь языка долган.

Слова, имеющие тунгусо-маньчжурские соответствия

Все слова этого слоя лексики можно разделить на субстратные и заимствованные. Для той части долган, родным языком которых был эвенкийский, они оказывались словами-субстратами. Эта группа долган, не найдя в новом для них языке многие слова, необходимые в повседневной хозяйственной, производственной деятельности, взяла их из своего родного языка. Для других групп (якутоязычных и русскоязычных), ассимилировавшихся в новом этносе, эти же слова являются заимствованиями по той же причине.

Многие слова, оказавшиеся в настоящее время архаизмами (чаще всего, связанные с древними верованиями), тунгусо-маньчжурского происхождения. Это свидетельствует о значительном влиянии культуры эвенков на формирующуюся общую культуру долган. Например, слова, связанные с шаманизмом: *аркалаан* 'подвеска на костюме шамана, расположенная поперек спины', *ба-аптин* 'кровавая жертва', *дьолоптин* 'ритуальные камешки', *гин-кан* 'приманка для духов (изображение животных и птиц)', *гэмэк-ээн* 'деревянный идол', *эксээн* 'заветная вещь' и др.

Лексика, заимствованная из русского языка

В словаре долганского языка, как во всех языках народов России, эта лексика составляет заметный пласт. Она может быть охарактеризована с точки зрения контактологии очень широко и разнообразно [Петров 1999: 138].

В научной литературе отмечается, что пути проникновения иностранных слов в якутский и в долганский языки отнюдь не идентичны. Порой легче назвать исходный источник (или же один из источников) данного слова, чем непосредственный, т. к. для выявления непосредственного обязательно нужно установить пути заимствования, и предпочтительнее относить то или иное слово к заимствованиям из языка, послужившего непосредственным источником, напр. долг. *kandydiit* 'кандидат' из русск.

кандидат, а не из немецкого (*Kandidat*), английского (*candidate*), французского (*candidat*), хотя это слово в русский язык несомненно попало из других европейских языков [Stachowski 2002: 2].

Современные условия развития языков малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока позволяют в такой же степени условно обозначить смешанные языки. В речи таймырских долган, особенно западных, отчетливо проявляется серьезное русское влияние.

Лингвистическое явление «смешанности» наблюдается во многих сферах языкового разнообразия мира. В этом смысле язык долган, как, впрочем, и многих языков малочисленных этносов, приближается к области креолистики — особого направления лингвистики. Во многих указанных языках наблюдается и так называемое «смещение кодов» — окказиональное заимствование [Назмутдинова 2016: 10]. Некоторые слова оказываются, так же, как слова тунгусо-маньчжурского происхождения, словами-субстратами, но абсолютное большинство их них — это заимствования, причем слова-субстраты, как правило, принадлежат лексике местного употребления (диалектные) в русском языке.

Процесс проникновения русской лексики в язык долган можно разделить, по крайней мере, на три периода: 1) период внесения слов в долганский язык группой ассимилировавшихся затундринских крестьян; 2) период обогащения лексики с началом массовых культурно-хозяйственных контактов с русскими; 3) период проникновения слов в долганский язык в последние десятилетия.

Наиболее интересными представляются слова русского происхождения, оказавшиеся в составе лексики долганского языка в первый период. Это слова из активного словаря долган, например, *боскуой*, *баской* ‘красивый’, *биэквек* ‘всегда, постоянно, вовек’, *эбиэнньэ*, *эмиэнньэ* ‘имение, иметь, вещь, принадлежащая человеку’, *ускаан*, *ушкан* ‘заяц’, *уудауда* ‘удочка’, *һээркэлэ*, *зеркало* ‘зеркало и любое стекло’, *лаапкы*, *лавка* ‘магазин’, *кусэйн* ‘хозяин, владелец, дух какого-либо места’, *пааснай* ‘крестьянин’, *һуйутаа*, *суета* ‘шум-гам, толкотня, хлопоты’, *ништнить* ‘нитка’, *му-*

отмот, моток ‘пряжа для вязки сетей’, *hanaabus, занавес* ‘занавеска, полог’, *пылаатплат* ‘платок’, *наас, пасть* ‘орудие для лова песцов’, *падаарка, подарок* ‘подарок (человеку)’, *туолкулаак, толковый* ‘умный’, *лапка, ловко* ‘точно, вовремя’, *лопкуой, ловкий* ‘удобный’, *мылаа, мгла* ‘пасмурный’ и др.

Проникновение в словарный состав слов, заимствованных из русского языка или через русский язык, связано с развитием торговых, хозяйственных, культурных (в широком аспекте) отношений в регионе проживания долган. Достаточно перечислить области жизнедеятельности долган, где наиболее распространены заимствованные слова:

— бытовая лексика, связанная с пищей, посудой, одеждой и т. д.;

— орудия труда, строительство, инструменты, охотничьи и рыболовные снасти;

— домашние животные, объекты охоты и рыбной ловли, хозяйственные термины;

— термины торгово-обменных сделок;

— слова, связанные с христианской верой;

— лексика, связанная с образованием, медициной, культурой;

— слова, отражающие развитие науки, техники (в том числе бытовой), общественно-политические термины;

— абстрактные понятия.

Особенностью слов, заимствованных из русского языка, является то, что многие из этих слов переработаны носителями по фонетическим нормам своего языка (*боскуой, килиэп, кинигэ, остоол* и т. д.), некоторые слова только частично изменили свой звуковой облик. Такое явление характерно для долганского языка. Фонетические нормы не всегда строго соблюдаются, видимо, в силу того, что долганский язык является языком, сформировавшимся в результате распространения якутского языка в иноязычной среде. Поэтому для носителей долганского языка фонетические законы скорее являются только правилами, легко допускающими исключения. Примеры: *биилка, учитал, купунас, баанья, праазник, бригадишр, носкилар, паартук, гуорат* и т. д. Большин-

ство заимствований последних десятилетий в долганском языке сохраняют русскую орфографию (особенно термины).

Все слова, составляющие словарь языка, независимо от их происхождения, составляют лексическое богатство данного языка. Это касается и исконной лексики, и заимствований, вошедших в лексическую систему.

Внутренние возможности развития лексики обусловлены изменениями в семантике слов в силу воздействия различных факторов. Это явление, известное в тюркских языках с древних времен, проявляет себя в долганском языке как бы в миниатюре, повторяя, например, связи современных тюркских языков с древнетюркским, и, более узко, якутского языка с древнетюркским и другими тюркскими языками. Например: *алтан медь* (золото), *тыя лес* (гора), *һуус лоб* (лицо), *аҕа отец* (старший брат), *көгүс спича* (грудь), *уос губа* (рот), *болот меч* (сталь), *ас открывать* (протыкать, прокалывать) и др. [Пекарский 1907–1930].

То же самое произошло в семантике слов долганского языка по отношению к якутскому. Например: *тыя тундра* (лес); *атак* нога и обувь вообще (нога); *тарбак коготь* (палец); *аллара вниз*, север (вниз); *үүһэ верх*, юг (верх), здесь долганский язык сохраняет более древнее обозначение севера и юга в тюркских языках; *быар печень*, живот (печень); *мэньии голова* (головной мозг), головной мозг в долганском языке обозначается эвенкийским словом *иргэ*; *ас* волосы (баттах), в долганском языке *баттак* шерсть на макушке головы оленя; *һыһаак щека* (челюсть, подбородок); *тыгы важенка* (самка); *һон* верхняя одежда (пальто); *олонко* сказка (название эпоса), в последнем случае в языке долган употребляется *ырыалаак олонко олонхо* с пением; *бус вариться*, обжечься (вариться).

В некоторых случаях в долганском языке сохраняется более древнее значение слов: *бэлэҕ дар* 'приношение священному месту'. В якутском языке значение этого слова расширилось и применяется для обозначения любого подарка. В этом случае в долганском языке употребляется заимствованное слово *падарка*.

Наиболее распространенный способ преобразования семантики, охватывающий значительную группу слов, связан, по видимому, с интенсивным взаимодействием языков, двуязычием и частичным смешением. Приведенные примеры дают достаточно полное представление о характере и глубине подобных семантических сдвигов.

Макрорегион интенсивных языковых контактов и смешений (северо-запад территории Якутии и Таймыр) имеет характерные особенности, проявляющиеся в хозяйственном укладе этносов, в их культуре и, особенно, в языках. С одной стороны, удаленностью от основной массы носителей обеспечивалось условие относительно обособленного развития отдельных этнических групп, что способствовало некоторой консервации языковых явлений, с другой, достаточно мобильные этнические группы постоянно соприкасались, взаимодействовали и смешивались. Поэтому создавались условия для интенсивных заимствований, смещений в семантике слов, образований внутри языка лексических параллелей и т. д.

Из всего вышесказанного следует, что основу лексики долганского языка составляют якутские слова (по происхождению, в основном, тюркские, монгольские и тунгусо-маньчжурские), в некоторых семантических группах, например, в названиях жилища и его частей, в названиях домашних животных (в частности, все половозрастные наименования оленей), птиц, рыб, насекомых, в промысловой терминологии многочисленны слова эвенкийского происхождения [Убрятова 1996: 45]. Значительная часть лексики — слова, заимствованные из русского языка или через русский язык. Эти языки и образовали основную языковую среду в регионе формирования долганского этноса.

Степень участия в развитии лексики долганского языка енисейских и самодийских языков (второстепенная языковая среда) пока установить трудно; имеющиеся факты и результаты предварительных поисков свидетельствуют о том, что их вклад в долганскую лексику не был значительным.

В последние годы, особенно в связи с развитием письменности, создаются условия для обогащения словарного состава за счет реализации внутренних возможностей языка. Так, с помощью древних и новых аффиксов могут образоваться новые слова или значения (имена существительные): *һырсыйы* 'состязание, соревнование', *ыһырыы* 'призыв', *көрөөччү* 'зритель', *туту* 'строительство', *һуруйааччы* 'писатель', *тылдыт* 'словарь', *һирдыт* 'проводжатый, вождь', *тылбаас*, *тулмаас* 'перевод', *коһоон* 'стихотворение' и др.; имена прилагательные: *туолкулаак* 'умный', *үөр-эктээк* 'образованный', *билишлээк* 'знающий' и др.; глаголы: *чаай-даа* 'чаевничать, кушать', *һууччалаа* 'говорить по-русски', *каар-тылаа* 'играть в карты' и др.; устойчивые сочетания: *күөкһугун* 'голубика', *чээлкэ эбэкэ* 'белый медведь', *кыһыл / үрүҥ көмүс* 'золото, серебро', *боскуой от* 'цветок', *дуума-танаа* 'мысли', *кулуун дьитэ* 'здание клуба', *танара дьитэ* 'церковь' и др.

Развитие письменного языка, кроме того, укрепляет статус диалектных, с точки зрения якутского языка, слов в качестве общепотребительных и литературных, повышает возможности языка, связанные со сферой употребления слов и их функционирования в новых условиях. В целом эти процессы способствуют расширению функций долганского языка и его сближению с другими родственными языками и говорами.

Звуковой и, особенно, лексический строй долганского языка достаточно ясно обозначают особенности развития этого уникального языка, сформировавшегося в особых социолингвистических условиях. Анализ грамматических категорий показывает, что грамматическая система долганского языка в целом остается якутской. Длительное взаимодействие с эвенкийским и русским языками оставило свои следы в основном в области фонетики и лексики. В последнее время заметно воздействие русского языка в синтаксисе — в результате использования структуры и схем русского синтаксиса в письменности, в переводах, в газетно-публицистической сфере и широкого влияния разговорной и письменной русской речи на речь долган.

В последние годы в связи с созданием и развитием письменности долганский язык приобретает черты литературного языка. В прежних сравнительных исследованиях приходилось сопоставлять факты устного, разговорного языка (долганский) с таковыми письменного литературного языка (якутский, эвенкийский, русский). Некоторая некорректность такого изучения очевидна. В настоящее время опубликованные письменные источники долганского языка позволяют проводить более детальные исследования зафиксированных фактов языка. Нормирующая роль письменности сказывается в формировании облика языка, повторяющего путь всех письменных языков в развитии от диалектов, говоров, подговоров к единой литературной норме.

В целом лексика долганского языка отражает те процессы, которые происходили в среде совместного проживания эвенков, якутов, русских и привели к образованию нового этноса. Три основные этнические группы, составившие ядро долганского этноса, внесли каждая свой вклад в общий словарный фонд современного долганского языка. Это слова якутского происхождения, которые составляют основной лексический пласт языка; слова эвенкийского происхождения, представляющие значительную часть того раздела лексики, которая отражает хозяйственные, климатические, природные особенности среды обитания долган; слова, заимствованные из русского языка, которые могут быть охарактеризованы с точки зрения контактологии очень широко и многообразно [Акбердина 1975].

В то же время нужно отметить, что такое деление лексики долганского языка условно, т. к. предполагает, что при более углубленном анализе можно говорить об основах тюркских (прежде всего), монгольских, тунгусских, славянских, о субстратах и заимствованиях. Большая часть этих слов (в основном тюркские и монгольские) бытует в словаре долганского языка как результат распространения якутского языка среди тех групп, которые составили часть народности, т. е. через якутский язык. Остальная часть слов может быть охарактеризована весьма неоднозначно. Например, слова эвенкийского происхождения для той

части долган, которые имеют прямое происхождение от эвенков, оказываются словами-субстратами, для других — просто заимствованиями. То же самое можно сказать и о словах русского происхождения.

В проникновении русской лексики в язык долган можно выделить, по крайней мере, три периода: 1) слова, которые внесла в долганский язык группа ассимилированных затундринских крестьян; 2) слова, обогатившие лексику языка долган с началом массовых культурно-хозяйственных контактов с русскими; 3) слова, влившиеся в словарный фонд языка в последние десятилетия [Артемьев 1997: 4–6].

Таким образом, формирование долганской лексики происходило при взаимодействии слов различного происхождения: тюркских, монгольских, тунгусских, славянских (незначительное количество слов имеют иное происхождение, но это предмет особого исследования). Разумеется, наибольшее распространение среди них имеют слова с тюркскими и монгольскими корнями.

В таких лингвистических условиях закономерно наличие *лексических параллелей* — явления, свойственного языкам, лексика которых сформировалась в сравнительно недавнее время. Для примера можно привести некоторые из них: тунгусско-тюркско-монгольская *чээлкээ-үрүн-манан* ‘белый’; русско-тунгусско-монгольская *баабачка-лөрүө-үрүмэччи* ‘бабочка’; русско-тюркская *боскуой-кэрэ* ‘красивый’; тюркско-тунгусская *мэньии-иргэ* ‘голова, мозг’ (здесь произошло смещение в семантике); русско-монгольская *муот-һан* ‘нитка’; тюркско-монгольская *иргэк-атыыр* ‘самец’ и др. Таких примеров в разных вариациях можно привести очень много.

Для истории якутского и долганского языков наиболее важными представляются тюркско-монгольские параллели. Их исследование может прояснить некоторые детали истории языка и самого этноса, как долган, так и якутов. Пока можно отметить только следующее: в долганском языке значительно меньше монгольских слов (или они реже употребляются), чем в говорах цен-

тральных районов Якутии; намного реже встречаются образные слова, большая часть которых, как известно, монгольского происхождения; в долганском языке совершенно отсутствует «акающий» вариант произношения, который связывают с монгольским влиянием и др.

Таким образом, научное изучение долганского языка, входящего в якутскую подгруппу тюркских языков вместе с якутским, — это одна из актуальных задач создания фонетической, лексической и грамматической системной базы якутского языкознания. С одной стороны, язык долган становится ценным историко-лингвистическим источником для разработки вопросов в целом этой базы, с другой стороны, в настоящее время якутское языкознание является теоретическим фундаментом развития и практического функционирования долганского языка.

Литература

Акбердина А. К. (1975) *К проблеме контактов языков: (О влиянии русского языка на структуру простого предложения в тюркских языках)*. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Алма-Ата.

Артемьев Н. М. (1997) Выражение пространственных отношений в долганском языке. *Лингвистические вопросы североведения*. СПб.: РГПУ им. А. И. Герцена: 4–6.

Артемьев Н. М. (1999) Долганский язык: современное состояние, соотношение с якутским языком, следы контактов, проблемы и исследования. *Issues in Turkic Languages — description and language contact. Department of Linguistics. Kyoto University*: 43–51.

Артемьев Н. М. (2001) *Долганский язык*. Ч. 1. СПб.: РГПУ им. А. И. Герцена: 63–126.

Артемьев Н. М. (2002) Долганский язык. *Языки народов России. Красная книга. Энциклопедический словарь-справочник*. М.: Academia: 66–75.

Назмутдинова Т. С. (2016) *Синтаксическая интерференция в речи долгано-русских билингов (на материале языка анабарских долган): Монография*. СПб.: РГПУ им. А. И. Герцена.

Петров А. А. (1999) Тюркские языки Северо-Востока Сибири и тунгусо-маньчжурские языки: современное состояние, проблемы кон-

тактирования и перспективы изучения. *Issues in Turkic Languages — description and language contact. Department of Linguistics. Kyoto University*: 135–143.

Убрятова Е. И. (1966) О языке долган. *Языки и фольклор народов Сибирского Севера*. М.; Л.: Акад. наук СССР, Сиб. отд-ние: 41–68.

Убрятова Е. И. (1985) *Язык норильских долган*. Новосибирск: Наука.

Stachowski M. (2002) Заимствованные слова в долганском языке (Обзор проблем). *Kyoto University Linguistic Research*, 21: 1–24.

Сокращения источников

Пекарский — Пекарский Э. К. *Словарь якутского языка*. Т. 1–13. Пб., Пг., Л., 1907–1930.

Спиридонова 2015 — Спиридонова Ж. П. *Долганский язык. Ч. 4. Долганско-русский словарь*. СПб.: Алмаз-Граф, 2015.

ABORIGINAL AND BORROWED LEXICAL STRATES IN THE DOLGAN LANGUAGE

Tatyana Nazmutdinova

A. Herzen Russian State Pedagogical University,
St. Petersburg, Russia
E-mail: scurumoch@mail.ru

Citation: Nazmutdinova T. (2018) *Iskonnyye i zaimstvovannyye leksicheskiye straty v dolganskom yazyke* [Aboriginal and borrowed lexical strates in the Dolgan language]. *Severnoruskiye govory* [Northern Russian dialects], 17: 88–106. (in Russian)

Abstract. The article presents an analysis of lexical layers, Dolgan vocabulary. The Dolgan language still largely retains the old features of the Yakut language, which became the basis for the language of communication of several ethnic groups, from which groups of modern Dolgans were formed and their language developed. Common Turkic original vocabulary. This term designates a part of the vocabulary that is present in all (or in most) modern Turkic languages and has a common origin (common root). The words having Mongolian correspondences are part of the original vocabulary, they enrich the language with synonyms, functioning on a par with the words with the Turkic bases. The study of words with Mongolian correspondence in the Dolgan language can clarify some questions related to the timeframe for the penetration of this group of words into the Yakut orthodoxy and into the dialects that at one time were spread among the interaction of various ethnic groups. Apparently, in the central zone of the Yakut language dialects, these processes took place at a rather late time, since many words of this stratum were not included in the vocabulary that eventually formed the Dolgan language dictionary. The words having Mongolian, Tungus-Manchu correspondences are distinguished. It is noted that in the Dolgan language many words of Turkic origin have preferred usage than their parallels of Mongolian origin. A significant layer of vocabulary borrowed from the Russian language. Although a number of lexemes were borrowed from the Russian language for a long time, they are part of active vocabulary in the Dolgan language. In the speech of the Taimyr Dolgans, especially Western ones, a serious Russian influence is clearly manifested. Penetration into the vocabulary of words borrowed from the Russian language or through the Russian language is associated with the development of trade, economic,

cultural (in a broad aspect) relations in the region of residence of the Dolgans. For the history of the Yakut and Dolgan languages, the Turkic-Mongolian parallels are the most important. Their research can clarify some details of the history of the language and the ethnic group itself, both the Dolgans and the Yakuts.

Keywords: Dolgan Turkic, Yakut, borrowing, substrate, thematic group.

References

Akberdina A. K. (1975) *K probleme kontaktov yazykov: (O vliyaniy rus-skogo yazyka na strukturu prostogo predlozheniya v tyurkskikh yazykakh)* [To the problem of contacts of languages: (On the influence of the Russian language on the structure of a simple sentence in the Turkic languages)]. Author. dis. ... Cand. philol. sciences. Alma-Ata.

Artemyev N. M. (1997) *Vyrazheniye prostranstvennykh otnosheniy v dolganskom yazyke* [Expression of spatial relations in the Dolgan language]. *Lingvisticheskiye voprosy severovedeniya* [Linguistic Issues of North]. St. Petersburg: RGPU im. A. Herzena: 4–6.

Artemyev N. M. (1999) *Dolganskiy yazyk: sovremennoye sostoyaniye, sootnosheniye s yakutskim yazykom, sledy kontaktov, problemy i issledovaniya* [Dolgan language: current state, correlation with the Yakut language, traces of contacts, problems and research]. *Issues in Turkic Languages — description and language contact. Department of Linguistics*. Kyoto University: 43–51.

Artemyev N. M. (2001) *Dolganskiy yazyk* [Dolgan language]. Part 1. St. Petersburg: RGPU im. A. Herzena: 63–126.

Artemyev N. M. (2002) *Dolganskiy yazyk. Yazyki narodov Rossii. Krasnaya kniga. Entsiklopedicheskiy slovar'-spravochnik* [The Dolgan language. Languages of the peoples of Russia. Red Book. Encyclopedic dictionary-reference]. Moscow: Academia: 66–75.

Nazmutdinova T. S. (2016) *Sintaksicheskaya interferentsiya v rechi dolgano-russkikh bilingvov (na materiale yazyka anabarskikh dolgan)* [Syntactic interference in the speech of Dolgan-Russian bilinguals (based on the Anabar Dolgan language)]. Monograph. St. Petersburg: RGPU im. A. Herzena.

Pekarskiy E. K. (1907–1930) *Slovar' yakutskogo yazyka* [Dictionary of the Yakut language]. Vol. 1–13. St. Petersburg, Petrograd, Leningrad.

Petrov A. A. (1999) *Tyurkskiye yazyki Severo-Vostoka Sibiri i tungusoman'chzhurskiye yazyki: sovremennoye sostoyaniye, problemy kontaktirovaniya i perspektivy izucheniya* [Turkic languages of the North-East of Siberia

and the Tungus-Manchu languages: current state, problems of contacting and prospects for studying]. *Issues in Turkic Languages — description and language contact. Department of Linguistics*. Kyoto University: 135–143.

Spiridonova Zh. P. (2015) *Dolganskiy yazyk. Chast' 4. Dolgansko-russkiy slovar'* [Dolgan language. P. 4. Dolgan-Russian dictionary]. St. Petersburg: Almaz-Graf.

Stachowski M. (2002) Zaimstvovannyye slova v dolganskom yazyke (Obzor problem) [Borrowed words in the Dolgan language (Problem Review)]. *Kyoto University Linguistic Research*, 21: 1–24.

Ubryatova E. I. (1966) *O yazyke dolgan. Yazyki i fol'klor narodov Sibirskogo Severa* [On the language of Dolgans. Languages and folklore of the peoples of the Siberian North]. Moscow; Leningrad: AN SSSR: 41–68.

Ubryatova E. I. (1985) *Yazyk noril'skikh dolgan* [The language of the Norilsk Dolgan]. Novosibirsk: Nauka.

ГИДРОЛАНДШАФТНАЯ ЛЕКСИКА КОМИ ЯЗЫКА

Ракин Анатолий Николаевич

Институт языка, литературы и истории
Коми научного центра Уральского отделения РАН,
Сыктывкар, Россия
E-mail: anatolij.rakin@mail.ru

Цитирование: Ракин А. Н. (2018) Гидроландшафтная лексика коми языка. *Севернорусские говоры*, 17: 107–122.

Аннотация. Предметом лингвистического анализа в статье является гидронимическая лексика литературного коми-зырянского языка, относящаяся к категории нарицательных слов. Данная группа, входящая в основной словарный фонд, имеет древние истоки, ее формирование и развитие происходило на всех важнейших этапах эволюции коми-зырянского языка, начиная с прауральской эпохи. Древний пласт гидронимов имеет генетические соответствия как в пермских, так и в большинстве современных финно-угорских языков. Поздние образования появляются в период самостоятельного существования исследуемого языка, после его расхождения с близкородственными удмуртским и коми-зырянским.

Исходя из предметно-понятийного содержания обозначений, в работе выделяются и рассматриваются две категории гидронимов. Одна из них, состоящая исключительно из исконных слов, является системообразующей или доминантной, предназначена для номинации основных типов водных объектов данной территории. Вторая группа сосредоточена вокруг доминантных единиц и выступает по отношению к ним внутрисистемными образованиями. Немногочисленный иноязычный компонент коми гидронимической лексики начинает складываться в общепермскую эпоху. Большинство неисконных обозначений представляет собой поздний тип заимствований, проникших либо из русского литературного языка, либо из соседних народных говоров.

Ключевые слова: коми язык, гидроландшафтная лексика, доминантные гидронимы, внутрисистемные обозначения, исконные слова, заимствования.

Введение

Ландшафтная лексика коми языка предназначена для номинации естественно-природных географических объектов на территории Республики Коми, расположенной на Северо-Востоке Европейской части России. Данная отрасль основного словарного состава, ранее не подвергавшаяся специальному исследованию, состоит из двух компонентов: ландшафтная лексика суши и гидроландшафтная лексика. Настоящая работа посвящена второму компоненту.

Корпус анализируемой нами гидроландшафтной лексики, состоящей из 263 номинативных единиц, относится к пяти типам объектов номинации: река, ручей, озеро, мелкий водоем, родник. Обозначения более крупных водных пространств, не имеющих на данной территории, в лексикографических источниках тоже даются, но они, как правило, являются не исконными словами, а заимствованиями, например, *саридз* 'море' [КРК: 578], *море* 'море' [КРК: 398], *океан* 'океан' [КРК: 455].

Следует отметить, что ландшафтные обозначения не относятся к категории собственных имен (топонимов), а являются нарицательными словами и всегда включаются в словари общеупотребительной лексики. Многие из этих слов участвуют в образовании топонимов, например, *Еджыдва* (название реки), *Льёмъю* (название реки), *Кёмшор* (название реки), *Даньель* (название реки), *Ёстывис* (название реки), *Сырвож* (название реки), *Возейты* (название озера), *Ёкышавад* (название озера) и т. д. В таких случаях гидроландшафтные обозначения с топоосновами, как правило, пишутся слитно и считаются апеллятивами.

Коми гидроландшафтная лексика, как и в любом естественном языке, не однородна по своему составу. Обозначения основных типов водных объектов (*ю* 'река', *шор* 'ручей', *ты* 'озеро', *гөн* 'водоём', *мӧс* 'родник') являются системообразующими или доминантными гидронимами. Вся остальная гидроландшафтная лексика сосредоточена вокруг доминантных названий и в составе

каждого из них образует соответствующие подсистемы или внутрисистемные разряды.

На материале коми языка можно выделить следующие группы подсистемных обозначений:

1) обозначения составных частей водных объектов: *кырас* 'русло', *пыдӧс* 'дно', *дорӧс* 'берег', *йыв* 'исток', *вом* 'устье', *вомын* 'плёс' и др.;

2) слова, обозначающие такие гидрообъекты, как приток (*вож*), старица (*кӧджӧрӧм*), залив (*куръя*), проток (*вис*), водопад (*борган*) и др.;

3) названия, отражающие соответствующие особенности, конфигурацию составных частей гидрообъектов: *шыльыд пыдӧс* 'гладкое дно', *изъя пыдӧс* 'каменистое дно', *йир* 'омут', *кыркӧтти* 'обрывистый берег', *ю кусынь* 'изгиб реки', *чукыльӧсь шор* 'извилистый ручей' и др.;

4) названия, отражающие ту или иную характеристику обозначаемых объектов: *паськыд ю* 'широкая река', *ляпкыд шор* 'мелкий ручей', *ыджыд ты* 'большое озеро', *джуджыд ты* 'глубокое озеро' и др.;

5) названия, выражающие качество и свойства воды, ее уровень в тот или иной период времени, характер протекания: *сӧдз ты* 'олигофторное озеро', *нюйта ты* 'илистое озеро', *визув ю* 'быстрая река', *лӧнь ю* 'тихая река', *ытва* 'половодье', *ойдӧм* 'паводок', *ямас* 'спад воды', *кос ва* 'межень', *ва ныр* 'стрежень', *виска ты* 'сточное озеро', *сулалан ты* 'бессточное озеро' и др.;

6) названия, указывающие на наличие препятствий на пути водного потока, на вихревое течение воды в местах столкновения встречных течений: *кось* 'порог', *вабергач* 'водоворот' и др.;

7) названия, указывающие на местоположение объекта номинации: *вӧр ю* 'лесная река', *эль* 'лесной ручей', *вад* 'лесное озеро', *адз ты* 'пойменное озеро', *гача гӧп* 'маленькое озеро на лугу', *мӧд-лапӧв* 'противоположный берег', *талапӧв* 'этот берег' и др.

Примеры, приведенные выше, свидетельствуют о том, что часть из данных названий является общей для всех или многих доминантных объектов: *пыдӧс* 'дно (реки, ручья, озера, водоёма),

ва 'вода (реки, ручья, озера, водоёма, родника)', *йыв* 'исток (реки, ручья)' и т. д. Для конкретизации семантики этих слов и соответственно обозначаемых ими объектов номинации они употребляются, как правило, в сочетании с системообразующими названиями: *ю ва* 'речная вода', *шор ва* 'ручьевая вода', *ты ва* 'озерная вода', *ключ ва* 'родниковая вода'; *ю пыдӧс* 'дно реки', *шор пыдӧс* 'дно ручья', *ты пыдӧс* 'дно озера', *гӧн пыдӧс* 'дно водоёма' и др.

Теперь рассмотрим состав гидроландшафтной лексики коми языка более подробно.

1. Системообразующие гидронимы

1. *Ю* 'река' [КРК: 773], кп. *ю* 'река' [КПРС: 334], удм. *ю-шур* 'река' [КЭСК: 334]; генетические соответствия также имеются в финском, эстонском, саамском, эрзя-мордовском, марийском, хантыйском, мансийском, венгерском, ненецком, селькупском, камасинском языках; ур. *joke 'река' [Rédei: 99]. В словарях современного удмуртского языка гидроним *ю-шур* не приводится, вместо него в настоящее время употребляется слово *шур* 'река', которое с коми названиями *ю* этимологически не связано.

2. *Шор* 'ручей' [КРК: 741], кп. *шор* 'ручей' [КПРС: 565], удм. *шур* 'река' [УРС 1983: 510] < общеп. *šor 'ручей, поток, течение, река' [КЭСК: 322], генетическое соответствие также имеется в венгерском языке; ф.-у. *šerz [šärz] 'ручей' [Rédei: 499]. В удмуртском языке произошло изменение семантики исходного прафинно-угорского слова.

3. *Ты* 'озеро' [КРК: 671], кп. *ты* 'озеро' [КПРС: 499], удм. *ты* 'озеро' [УРС 1983: 132] < общеп. *ti 'озеро' [КЭСК: 292]; генетические соответствия также имеются в хантыйском, мансийском, венгерском, ненецком, селькупском, камасинском языках; ур. *towz 'озеро' [Rédei: 533].

4. *Гӧн* 'яма с водой; лужа' [КРК: 154], кп. *гӧн* 'яма, небольшая впадина' [КПРС: 106], удм. *гон* 'яма, ямка' [УРС 1983: 111] < общеп. *gõr 'ямка' [КЭСК: 80]; генетическое соответствие также имеется в финском языке; ф.-п. *kzppa 'углубление, яма' [КЭСК: 80].

Гидронимическим значением обладает только коми-зырянское слово.

5. *Мӧс* ‘родник’ [КРК: 402], кп. *ӧшмӧс* уст. ‘ключ, источник’ [КПС: 402], удм. *ошмес* ‘родник’ [УРС 1983: 325] < общеп. *ӧштзс ‘источник, ключ’ [КЭСК: 213]. Коми этимологи считали, что первоначально данный гидроним являлся сложным словом, компоненты которого были синонимами [‘приток’ — ‘источник’], но уже в общепермское время они деэтимологизировались [КЭСК: 213]. В современном коми-зырянском языке это название родника употребляется без первого компонента.

Таким образом, все без исключения системообразующие гидронимы коми языка являются исконными словами, унаследованными либо из прауральского [*ю, ты*], либо из прафинно-угорского [*шор*], либо из прафинно-пермского [*гӧп*], либо из прапермского [*мӧс*] языка.

II. Внутрисистемная гидроландшафтная лексика

Данная категория обозначений по сравнению с предыдущей группой более разнообразна по составу и намного превосходит ее в количественном отношении: сюда относится более 200 номинативных единиц. Отличается она и тем, что состоит как из исконных номинативных единиц, так и из заимствований.

1. Исконный фонд внутрисистемной гидроландшафтной лексики. С точки зрения происхождения, исконный фонд представляет собой многослойную структуру. В соответствии с хронологией возникновения, в его составе, как и во многих других рядах словарного состава коми языка, различаются допермские, общепермские, пракоми и собственно коми-зырянские образования. Допермские (прауральские, прафинно-угорские, прафинно-пермские), прапермские и пракоми обозначения составляют общее наследие всех трех или двух современных пермских языков. Собственно коми-зырянские — поздние названия, возникшие после распада прапермской и пракоми языковых общностей.

К числу самых древних слов, т. е. прауральских и прафинно-ургорских, относятся лишь два примера:

va ‘вода’ [КРК: 76], кп. *va* ‘вода’ [КПРС: 52], удм. *ву* ‘вода’ [УРС 1983: 96] < общеп. *va [vã] ‘вода’ [КЭСК: 46]; генетические соответствия имеются также в финском, эстонском, мордовских, марийском, мансийском, венгерском, ненецком, камасинском языках; ур. *wete ‘вода’ [Rédei: 570];

тыкõла ‘небольшое озеро (образовавшееся из пересохшей старицы); мелкий залив’ [КРК: 672]. Состоит из двух частей: *ты-* ‘озеро’ (этимологию см. выше) и *-кõла*, представляющая собой деэтимологизированное слово, в современном коми языке самостоятельно не употребляющееся и никак не осмысливаемое. В этимологических источниках второй компонент данного гидронима сопоставляется с удмуртскими словами *kalem* ‘залив в реке’, *kalym* ‘лужа’ [КЭСК: 140], *kalẽm* ‘залив, бухта в реке’, *kalim* ‘лужа’ [Rédei: 134] < общеп. **kõl-* ‘маленький залив, маленькое озеро’ [КЭСК: 140]. Коми-зырянское и удмуртские слова сопоставляются с хантыйскими и мансийскими генетическими примерами; ф.-у. *kãlz ‘(заболоченное) озеро, залив’ [Rédei: 134].

Группа гидронимов финно-пермского происхождения состоит из следующих четырех гидронимов:

вис ‘проток, протока, канал (соединяющий озеро с рекой)’ [КРС: 104], кп. *вис* ‘проток, протока’ [КПРС: 75], удм. *вис* ‘промежуток, интервал; щель, трещина’ [УРС 1983: 83] < общеп. **visk-* ‘узкий канал, щель’ [КЭСК: 58]. Пермские слова сопоставляются с марийскими примерами; ф.-п. *wiskz ‘промежуток, пустое место’ [Rédei: 823]. Гидронимическое значение у коми слов, видимо, является семантической новацией, возникшей в общекоми период;

вож ‘приток’ [КРК: 109], кп. *вож* ‘приток’ [КПРС: 77] < общеп. *vož ‘приток’ [КЭСК: 60]. Генетические соответствия имеются в эрзянском, мокшанском, марийском языках; ф.-п. *woša ‘разветвление (реки, дороги)’ [Rédei: 825]. В удмуртском языке приток обозначается словом *чальдэт* [УРС 1983: 467], которое с коми названиями этимологически не связано;

джум 'омут' [КРК: 175], кп. *джум-*: *джумдор* 'обрыв, крутой берег' [КПРС: 118] < общек. *žiu [КЭСК: 89], коми слова сопоставляются с финским и эрзя мордовским соответствиями; ф.-п. **čъъз-* [КЭСК: 89]. В удмуртском языке генетическое соответствие отсутствует, там значение 'омут' выражается словом *кож* [УРС 1983: 203];

йур 'омут' [КРК: 247], кп. *йур* 'омут' [КПРС: 157] < общек. *jiŕ 'омут' [КЭСК: 111]. Коми слова сопоставляются с финскими и самскими словами; ф.-п. **jiŕз-* (*jiŕз*) 'глубокое место в воде' [Rédei: 635].

Гидронимическая лексика общепермского происхождения сформировалась в прапермскую эпоху. Номинативные единицы данной диахронической группы употребляются только в современных пермских языках и дальнеродственных соответствий не имеют. Кроме однословных структурных типов сюда относятся также составные обозначения.

Подгруппа однословных гидронимов состоит из следующих названий:

визув 'течение, быстрина' [КРК: 101], кп. *визув* 'быстрое течение, быстрина' [КПРС: 73], удм. *визыл* 'стремнина' [УРС 1983: 81] < общеп. **vizðl-* 'быстрина' [КЭСК: 56];

ворга 'русло' [КРК: 114], кп. *өр* 'русло' [КПРС: 306], удм. *өр* 'русло' [УРС 1983: 326]. В КЭСК общепермская праформа не реконструируется [КЭСК: 63]. Коми слово является суффиксальным образованием. Непроизводная форма содержится в словосочетании *ворйись петны* 'разлиться, выйти из берегов (о реке)' [КЭСК: 396];

йыв 'исток' [РКС: 317], кп. *йыв* 'верховье, исток' [КПРС: 160], удм. *йыл* 'исток, верховье' [УРС 1983: 175] < общеп. *jiŭl 'верховье' [КЭСК: 113];

келанін 'брод' [КРК: 267], удм. *колан инты* 'брод' [УРС 2008: 253] < общеп. *kelan-in 'брод'. В коми-пермяцком языке генетическое соответствие не употребляется, данный гидрообъект здесь обозначается словом *вуджанін* (см. [КПРС: 87]);

омлöd диал. 'речной залив' [КРК: 457] < общеп. *оһз-һз- 'яма, борозда, провал, углубление (напр., на дне водоема)' < доперм. *аһа- 'углубление, проем' [КЭСК: 205]. В других пермских языках этимологические соответствия не употребляются. Гипотезу допермского происхождения данного гидронима К. Редее не поддерживает из-за семантического расхождения между коми словом и сопоставляемыми с ним примерами из других финно-угорских языков (см. [Rédei: 11]);

чаль диал. 'ответвление, рукав (ручья)' [КРК: 695], *чальёг* 'приток ручья' [КЭСК: 301], кп. *чальёг* 'ответвление (оврага), ложбинка' [КПС: 525], удм. *чальды* 'приток реки' [УРС 2008: 719], *чальдэт* 'приток, рукав (реки)' [УРС 1983: 467]. Все перечисленные гидронимы пермских языков, видимо, имеют один и тот же этимологический источник: общеп. **č'al*'- 'ответвление, рукав (реки)' [КЭСК: 301];

чер диал. 'приток' [КРК: 701] < общеп. **č'er* [КЭСК: 303, 311]. В других пермских языках соответствия не употребляются.

Составные гидронимы общепермского происхождения. Как правило, подобного рода обозначения, состоящие из двух слов, которые имеют самостоятельное употребление, в этимологических изданиях не рассматриваются, несмотря на их наличие во всех пермских языках и совпадение как по семантике, так и по структуре.

Данная группа гидронимов состоит из следующих номинативных единиц:

кос ва 'межень' [КРК: 293], кп. *кõс ва* 'межень, мелководье', удм. *кõс ву* 'межень, мелководье' < общеп. *kõsk-va 'межень, мелководье';

ты дор 'берег озера' [КРК: 194], кп. *ты дор* 'берег озера', удм. *ты дур* 'берег озера' [УРС 2008: 191] < общеп. *ti-dor 'берег озера';

ты йыв 'верховье озера' [КРК: 253], кп. *ты йыв* 'верховье озера', удм. *ты йыл* 'верховье озера' < общеп. *ti-jül 'верховье озера';

ты-пыдõс 'дно озера', кп. *ты пыдõс* 'дно озера', удм. *ты пыдэс* 'дно озера' < общеп. *ti-püdes 'дно озера'.

Гидронимическая лексика пракоми происхождения характеризуется тем, что ее формирование происходило после распада прапермской языковой общности и расхождения предков коми с древними удмуртами. Поэтому данный разряд лексических единиц в основном употребляется только в двух северных пермских языках — в коми-зырянском и коми-пермяцком:

кз. *борган* ‘журчащий водопад’ [КРК: 51], кп. *борган* ‘журчащий водопад’ [КПРС: 37]; кз. *ва гөн* ‘лужа’ [КРК: 154], кп. *ва гөн* ‘лужа’ [КПРС: 52]; кз. *вад* ‘лесное озеро; непроточное, с топкими берегами озеро’ [КРК: 77], кп. *вад* ‘лесное озеро [с заболоченными берегами]’ [КПРС: 52]; кз. *вуджанін* ‘брод’ [КРК: 125], кп. *вуджанін* ‘брод’ [КПРС: 87]; кз. *гобльög* ‘омут’ [КРК: 145], кп. *гобльög* ‘омут’ [КПРС: 99]; кз. *кось* ‘порог, перекат’ [КРК: 295], кп. *кось* ‘мель, перекат [на реке]’ [КПРС: 187]; кз. *көджөрөм* ‘проток, старица’ [КРК: 300], кп. *көдж орөм* ‘проток, старица’ [КПРС: 190]; кз. *курья* ‘заводь, залив’ [КРК: 319], кп. *курья* ‘заводь, залив [в реке, в озере]’ [КПРС: 204]; кз. *мөдлапөв* ‘тот, другой берег’ [КРК: 401], кп. *мөдлапөв* ‘тот (другой) берег’ [КПРС: 254]; кз. *таладор* ‘этот берег’ [КРК: 635], кп. *таладор* ‘этот берег’ [КПРС: 469]; кз. *шор йыв* ‘исток ручья’ [КРК: 253], кп. *шор йыв* ‘исток ручья’ [КПРС: 565]; кз. *ю йыв* ‘верховье реки’ [КРК: 773], кп. *ю йыв* ‘верховье реки’ [КПРС: 586] и т. д.

Слово *курья* широко распространено также в севернорусских говорах русского языка. О происхождении данного гидронима существуют различные гипотезы, одни считают коми слово заимствованием из русского языка, другие, наоборот, русское название выводят из коми языка (см. [КСК: 147]).

Как показывают названия пракоми происхождения, они полностью совпадают в двух коми языках. Для таких примеров генетические соответствия в удмуртском языке отсутствуют, данные гидрообъекты там обозначаются совершенно иными словами: кз. кп. *ва гөн* — удм. *пукыл* ‘лужа’ [УРС 1983: 363], кз. кп. *вуджанін* — удм. *вувьжон* ‘брод’ [УРС: 142], кп. кз. *гобльög* — удм. *кож* ‘омут’ [УРС 1983: 203], кз. кп. *курья* — удм. *сюм* ‘залив’ [УРС 1983: 406], кз. кп. *мөдлапөв* — удм. *ту пал ярдур* ‘тот другой берег’, кз. кп. *шор*

йыв — удм. *пичи шур йыл* ‘исток ручья’, кз. кп. *ю йыв* — удм. *шур йыл* ‘исток реки’ и др.

В диахронической иерархии исследуемой лексической системы самый верхний (или поздний) слой составляют собственно коми-зырянские названия, которые возникли в нашем языке после отделения от коми-пермяков. В составе гидроландшафтной лексики данная группа является самой многочисленной, в нее входит более 170 обозначений.

Часть собственно коми-зырянских названий имеет однословную и композитную структуру:

виям ‘проток’ [КРК: 196], *вом* ‘устье’ [КРК: 112], *вомын* ‘плёс’ [КРК: 113], *дорӧс* ‘берег’ [КРК: 195], *эль* ‘ручей в лесу; лесная речка’ [КРК: 211], *кӧж* ‘мелководье’ [РКС: 424], *кырас* ‘русло’ [КРК: 336], *кыркӧтши* ‘крутой, обрывистый, высокий берег’ [КРК: 336], *лӧньтасін* ‘заводь’ [КРК: 361], *лыа* ‘песчаный [низкий] берег’ [КРК: 367], *ляпкыдін* ‘мель’ [КРК: 379], *пычкӧд* ‘ключ, родник’ [КРК: 552], *сибдӧг* ‘перекат’ [КРК: 586], *сюр* ‘коса’ [РКС: 363], *тузьылӧм* ‘паводок’ [КРК: 659], *ытва* ‘половодье’ [КРК: 764], *ямас* ‘спад паводка’ [КРК: 783] и др.

Следующие гидроландшафтные обозначения представляют собой составные названия, образованные из нескольких слов:

арся тузьылӧм ‘осенний паводок’ [КРК: 659], *ва веркӧс* ‘поверхность воды’ [КРК: 92], *важ ю сёртас* ‘старица’ [РКС: 930], *ва лэччан канава* ‘водосточная канава’ [РКС: 93], *ва ныр* ‘стрежень’ [РКС: 937], *вомын бӧж* ‘низовье плёса’ [КРК: 113], *вомын юр* ‘верховье плёса’ [КРК: 113], *гача гӧп* ‘маленькое озеро на лугу’ [КРК: 254], *гумьльгаа визув* ‘быстрина, стремнина’ [КРК: 163], *изйӧсь вадор* ‘каменистый берег’ [КРК: 240], *изья кось* ‘каменистый перека́т’ [КРК: 295], *ичӧт ва* ‘мелководье’ [КРК: 76], *ичӧт ю* ‘речушка’ [КРК: 245], *кадья ты* ‘заболоченное озеро’ [КРК: 255], *кос ю* ‘мелкая река’ [КРК: 293], *курья вом* ‘устье залива’ [КРК: 319], *нюйта вадор* ‘илистый берег’ [РКС: 303], *чукльӧсь шор* ‘ручей с поворотами’ [КРК: 719], *шор сёртас* ‘русло ручья’ [КРК: 587], *ытва ямӧм* ‘спад весеннего половодья’ [КРК: 783], *ю вом* ‘устье реки’ [КРК:

773], *ю кусынь* ‘изгиб реки’ [КРК: 320], *юлön ойдöм* ‘разлив реки’ [КРК: 454] и др.

Особенностью рассмотренных выше примеров является то, что они распространены только на территориях проживания коми-зырян, в других пермских языках употребляются совсем иные обозначения, ср. кз. *вом* ‘устье’ — кп. *уссё*, удм. *усён* ‘устье’ [УРС 1083: 455], кз. *дорöс* ‘берег’ — кп. *берег* [КПРС: 31], удм. *ярдур* ‘берег’ [УРС 1983: 538], кз. *важ ю сёртас* ‘старица’ — кп. *арай* [КПРС: 19], удм. *өрты* ‘старица’ [УРС 2008: 504] и т. д.

2. В системе гидроландшафтной лексики коми языка иноязычный компонент занимает незначительное место. Он состоит из ранних и поздних заимствований. К числу древних заимствований относится лишь один гидроним, проникший в пермские языки в прапермскую эпоху из иранских языков: *саридз* ‘море’ [КРК: 578], кп. *саридз* уст. ‘южное море’ [КПРС: 419], удм. *зарезь* ‘море’ [УРС 1983: 153] < общеп. *sarōžž’ < иранск., ср. авест. *zrayah-*, др.-инд. *jráyas* [*ž’áryas-*] [КЭСК: 249].

Группа поздних заимствований состоит из 20 слов русского происхождения. В качестве источника для 12 из них послужила лексика русского литературного языка:

берег ‘берег’ [КРК: 44] < рус., ср. *берег* ‘край земли у водной поверхности’ [СРЯ 1981: 79];

залив ‘залив’ [КРК: 224] < рус., ср. *залив* ‘вдавшаяся в сушу часть океана, моря или озера’ [СРЯ 1981: 537];

затон ‘затон’ [КРК: 226] < рус., ср. *затон* ‘глубоко вдавшийся в сушу речной залив; заводь’ [СРЯ 1981: 584];

канал ‘канал’ [КРК: 259] < рус., ср. *канал* ‘наполненное водой искусственное русло, предназначенное для судоходной связи между отдельными реками, озерами и морями, а также для целей водоснабжения, орошения, отвода или стока воды’ [СРЯ 1982: 25];

ключ ‘ключ, родник, источник’ [КРК: 277] < рус., ср. *ключ* ‘бьющий из земли источник, родник’ [СРЯ 1982: 61];

кõса ‘коса, отмель’ [КРК: 306] < рус., ср. *коса* ‘длинная узкая отмель, идущая от берега, или низменный узкий мыс’ [СРЯ 1982: 110];

лиман ‘лиман [саридзса куръя]’ [РКС: 395] < рус., ср. *лиман* ‘затопленное водами моря расширенное устье реки, превратившееся в залив, иногда отделенное от моря широкой косой’ [СРЯ 1982: 183];

межень ‘межень; самый низкий уровень воды в реке’ [КРК: 390] < рус., ср. *межень* ‘самый низкий уровень воды в реке, в озере’ [СРЯ 1982: 246];

море ‘море’ [КРК: 398] < рус., ср. *море* ‘часть Мирового океана, более или менее обособленная сушей или возвышенностями подводного рельефа’ [СРЯ 1982: 299];

океан ‘океан’ [КРК: 455] < рус., ср. *океан* ‘все водное пространство, окружающее материки и острова’ [СРЯ 1982: 606];

порог ‘порог [каменистое возвышение поперек речного дна]’ [КРК: 515] < рус., ср. *порог* ‘каменистое поперечное возвышение дна реки, нарушающее плавность течения’ [СРЯ 1983: 303];

пруд ‘пруд’ [КРК: 536] < рус., ср. *пруд* ‘небольшой искусственный водоем, а также место разлива реки, ручья перед запрудой’ [СРЯ 1983: 549].

В качестве источника заимствования для следующих обозначений послужили соседние русские говоры:

вадега диал. ‘заводь, тихое место на реке’ [КРК: 77] < рус., ср. *вадега* ‘водяга, омут, подводная яма’ [Даль 1989: 160], *вадега* ‘глубокое место реки с тихим течением, плес; омут’ [СРНГ 1969: 11];

корга диал. ‘порог, пережат’ [КРК: 291] < рус., ср. *корга* ‘подводный камень, гряда, риф; каменистый, отлогий берег’ [Даль 1989: 162], *корга* ‘скалистый островок, риф или подводный камень’ [СРНГ 1978: 313];

навёлк ‘низменный берег реки’ [КРК: 419] < рус., ср. *наволок* ‘заливной луг, низменный берег реки’ [СРЯ 1982: 334], *наволок* ‘низменный берег реки, пойменный луг’ [СРГСУ 1971: 160];

перебор диал. ‘пережат [в реке]’ [КРК: 494] < рус., ср. *перебор* ‘мель, пережат на реке’ [СРГСУ 1981: 127];

полой 'полой; проток, протока [рукав реки в ее излучине]' [КРК: 511] < рус., ср. *полой* 'старое русло реки' [СРГСУ 1983: 83];

прилук 'берег речной луки' [КРК: 532] < рус., ср. *прилука* или *прилук* 'внешняя большая дуга берега, при луке, изгиб реки, где прибой течения и берег крут' [Даль 1990: 424];

слуда 'крутой песчаный берег' [КРК: 599] < рус., ср. *слудка* 'крутой берег реки, особ. бугристый' [Даль 1991: 223];

щелля 'высокий, крутой берег' [КРК: 755] < рус., ср. *щелье* 'каменный, гладкий, пологий берег, особ. гранитный, приморский' [Даль 1991: 654].

Заключение

В заключение отметим, что гидроландшафтная лексика коми языка представляет собой самостоятельную лингвистическую систему со своим составом объектов номинации и предназначенным для их обозначения конкретным набором номинативных единиц. Данная отрасль основного словарного фонда имеет древние истоки, ее формирование и развитие происходило на всех важнейших этапах эволюции коми-зырянского языка: в прауральскую, прафинно-угорскую, прафинно-пермскую, прапермскую и пракоми эпоху, а также в более поздние периоды его существования после расхождения с носителями удмуртского и коми-пермяцкого языков. Исследование показало, что гидроландшафтная лексика характеризуется наличием в ее составе двух, различающихся по предметно-понятийному содержанию групп названий. Одна из них, состоящая исключительно из исконных слов, является системообразующей или доминантной, т. е. обозначающей основные типы находящихся на данной территории водных объектов. Вторая группа гидронимов, более многочисленная и более разнообразная по составу, сосредоточена вокруг доминантных единиц и выступает по отношению к ним внутрисистемными разрядами. Составной частью гидронимической лексики являются заимствования. Этот компонент начал складываться в общепермскую эпоху, о чем свидетельствует слово древнеиранского происхождения *саридз* 'море'. Остальные 20 не исконных

слов являются поздними заимствованиями, проникшими либо из русского литературного языка, либо из русских народных говоров.

СОКРАЩЕНИЯ

Сокращения источников

- Даль — Даль В. *Толковый словарь живого великорусского языка*: В 4 т. М.: Русский язык, Т. 1–2: 1989; Т. 3: 1990; Т. 4: 1991.
- КПРС — *Коми-пермяцко-русский словарь*. М.: Русский язык, 1985.
- КРК — *Коми-роч кывчукёр*. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 2000.
- КЭСК — Лыткин В. И., Гуляев Е. С. *Краткий этимологический словарь коми языка*. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1999.
- РКС — *Русско-коми словарь*. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 2003.
- СРГСУ — *Словарь русских говоров Среднего Урала*. Свердловск: Изд-во УрГУ, Т. 2: 1971; Т. 3: 1981; Т. 4: 1983.
- СРНГ — *Словарь русских народных говоров*. Гл. ред. Ф. П. Филин, Ф. П. Сороколетов, С. А. Мызников. М.; Л.; СПб.: Наука, Вып. 4: 1969; Вып. 14: 1978.
- СРЯ — *Словарь русского языка*. Под ред. А. П. Евгеньевой. М.: Русский язык, Т. 1: 1981; Т. 2: 1982; Т. 3: 1983.
- УРС 1983 — *Удмуртско-русский словарь*. М.: Русский язык, 1983.
- УРС 2008 — *Удмуртско-русский словарь*. Ижевск: Удм. ин-т ИЯЛ УрО РАН, 2008.
- Rédei — Rédei K. *Uralisches etymologisches Wörterbuch*: [Bde. I–II]. Budapest: Akadémiai Kiadó, 1986–1988.

Сокращения названий языков и диалектов

авест.	— авестийский язык	общеп.	— общепермский язык-основа
диал.	— диалектное слово		
др.-инд.	— древнеиндийский язык	рус.	— русский язык
иранск.	— иранские языки	удм.	— удмуртский язык
кз.	— коми-зырянский язык	ур.	— уральский праязык
кп.	— коми-пермяцкий язык	уст.	— устаревшее слово
общек.	— общекоми язык-основа	ф.-п.	— финно-пермский праязык
		ф.-у.	— финно-угорский праязык

HYDROLANDSCAPE VOCABULARY OF THE KOMI LANGUAGE

Anatolij Rakin

Komi Research Centre, Russian Academy of Sciences,
Syktyvkar, Russia
E-mail: anatolij.rakin@mail.ru

Citation: Rakin A. (2018) *Gidrolandshaftnaya leksika komi yazyka* [Hydro-landscape vocabulary of the Komi language]. *Severnorusskiye govory* [Northern Russian dialects], 17: 107–122. (in Russian)

Abstract. The subject of linguistic analysis is hydronymic vocabulary of the literary Komi-Zyryan language belonging to the category of common words. This branch of the basic word fund has ancient origins, its formation and development occurred at all important stages of the evolution of our language, starting with proto-Uralic era. Ancient layer of hydronyms has a genetic correspondence both in the Permian, and in the majority of modern Finno-Ugric languages. Recent formations appear in the period of independent existence of the studied language after its divergence from the closely related Udmurt and Komi-Zyryan languages.

On the basis of the subject and conceptual content of the designations two categories of hydronyms are identified and discusses. One of them, consisting solely of primordial words is system-forming or dominant intended for the nomination of the main types of water bodies of the given territory. The second group is concentrated around the dominant units and acts in relation to them as intra-systemic formations. The non-numerous foreign-language component of the Komi hydronymic vocabulary begins to develop in the common-Permian epoch. Most of the non-primordial formations is a late type of borrowings that have penetrated either from the Russian literary language, or from neighboring folk dialects.

Keywords: Komi language, hydrolandscape vocabulary, dominant hydronyms, intra-system designations, primordial words, borrowings.

References

Dal V. (1989–1991) *Tolkovyy slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka* [Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language]: In 4 vols. Moscow: Russkiy yazyk. (in Russian)

Komi-permyatsko-russkiy slovar (1985) [Komi-Permian-Russian dictionary]. Moscow: Russkiy yazyk. (in Russian)

Komi-roch kyvchukör (2000) [Komi-Russian dictionary]. Syktyvkar: Komi knizhnoye izdatel'stvo. (in Komi)

Lytkin V., Gulyayev Y. (1999) *Kratkiy etimologicheskiy slovar' komi yazyka* [A short etymological dictionary of the Komi language]. Syktyvkar: Komi knizhnoye izdatel'stvo. (in Russian)

Rédei K. (1986–1988) *Uralisches etymologisches Wörterbuch* [Uralic Etymological Dictionary]. Bande I–II. Budapest: Akadémiai Kiadó. (in German)

Russko-komi slovar' (2003) [Russian-Komi Dictionary]. Syktyvkar: Komi knizhnoye izdatel'stvo. (in Russian)

Slovar' russkikh govorov Srednego Urala (1971–1983) [Dictionary of Russian dialects of the Middle Urals]. Vol. 2–4. Sverdlovsk: Izd-vo UrGU. (in Russian)

Slovar' russkikh narodnykh govorov (1969) [Dictionary of Russian folk dialects]. Vol. 4. Lenigrad: Izd-vo Nauka, Lenigradskoye otdeleniye. (in Russian)

Slovar' russkikh narodnykh govorov (1978) [Dictionary of Russian folk dialects]. Vol. 14. Lenigrad: Izd-vo Nauka, Lenigradskoye otdeleniye. (in Russian)

Udmurtsko-russkiy slovar' (1983) [Udmurt-Russian dictionary]. Moscow: Russkiy yazyk. (in Russian)

Udmurtsko-russkiy slovar' (2008) [Udmurt-Russian dictionary]. Izhevsk: Udm. in-t IYAL UrO RAN. (in Russian)

Yevgenyeva A. P. (ed.) (1981–1983) *Slovar' russkogo yazyka* [Dictionary of the Russian language]. Vol. 1–3. Moscow: Russkiy yazyk. (in Russian)

К ВОПРОСУ О КОМИ ПРОИСХОЖДЕНИИ СЕВЕРНОРУССКОГО СЛОВА *КУЛЯШ* ‘ЧЕРТЕНОК’

Федюнева Галина Валерьяновна

Институт языка, литературы и истории
Коми научного центра Уральского отделения РАН,
Сыктывкар, Россия
E-mail: fedyuneva@mail.illhkomisc.ru

Цитирование: Федюнева Г. В. (2018) К вопросу о коми происхождении севернорусского слова *куляш* ‘чертенок’. *Севернорусские говоры*, 17: 123–145.

Аннотация. В статье рассматривается русское диалектное слово *куляш* ‘святочный мифологический персонаж’, ‘ряженный’, которое, согласно распространенной этимологии, является результатом контаминационного развития коми слова *куль* ‘черт, дьявол’ и русских слов с основой *куль-*, связанных со святочной обрядностью и переодеванием. Предпринята верификация гипотезы о коми источнике, которая не получила достаточного освещения и является наиболее слабым звеном данной этимологии. Впервые рассмотрены следующие вопросы: 1) первоначальная форма коми заимствования и возможный процесс ее рецепции в русские говоры; 2) субстратный характер коми заимствования; 3) географическая локализация предполагаемого процесса контаминации и др. Предлагается авторская версия о субстратном вхождении коми слова в форме множественного числа в контактной зоне восточных вологодских и исчезнувших юго-западных коми-зырянских говоров. Дальнейшие семантические, фонетические и словообразовательные трансформации этой формы объясняются контаминацией с русскими лексемами вроде *куль*, *кулик* и т. д. и иррадиацией в контактные вологодские, вятские и пермские говоры.

Ключевые слова: языковые контакты, субстрат, севернорусские говоры, коми язык, этимология.

I

Гипотеза о связи русского диалектного слова *кулеш* ‘чертенок’, ‘ряженный на Святках’ с коми словом *куль* ‘черт’, впервые высказанная Яло Калимой [Kalima 1927: 28] и поддержанная другими этимологами [Фасмер II: 414; КЭСК 1970: 145; Аникин 2000: 320, 701], до сих пор цитируется в работах по исторической лексикологии, этнографии, мифологии, фольклористике. Со ссылкой на работы О. А. Черепановой [Черепанова 1983: 85] этимология включается в более широкий круг славянской и финно-угорской лексики с основой *кол-/кул-* ‘злой дух’, ‘призрак’, ‘мертвец’, ‘болезнь’, ‘ряженный’, ‘неряха’ и т. д. и рассматривается в контексте фольклорно-мифологических и этнических связей русского и финно-угорских народов Европейского севера России [Винокурова 1994: 45–47; 2015: 174; Морозов, Слепцова 2004: 22, 846; Власова 2008: 274; Штейнгольд 2008: 120; Березович, Виноградова 2010: 49; Русинова 2014а: 125; 2014б: 239–240 и др.].

Наиболее полно история вопроса, источники и имеющиеся этимологии изложены в недавней статье Е. Л. Березович [2017]. В ней приведены фонетические и словообразовательные варианты слова, даны их ареальные характеристики с учетом базовых значений ‘мифологический персонаж’ и ‘ряженный’. Автор придерживается мнения о заимствованном характере лексем со значением ‘нечистая сила’ и предлагает новую мотивационную версию для формирования значения ‘ряженный’.

Благодаря привлечению надежного полевого материала этимологическая история слова выглядит весьма убедительной.

Прежде всего, география распространения слова *куляш* однозначно говорит в пользу версии Калимы: оно зарегистрировано в вологодских, вятских и пермских говорах [СРНГ 16: 60, 69, 78]. Важно также, что в своем ‘демоническом’ значении оно «образует сплошной ареал (восточные районы Вологодской, Костромской, Кировской областей, Пермский край), который является контактным по отношению к местам проживания коми» [Березович 2017: 38]. Это позволяет абстрагироваться от «широкого круга финно-

угорской мифологической лексики с основой *кол-/кул-*»¹ и сосредоточиться на коми источнике.

Однако как ареальные, так и структурно-семантические характеристики слова указывают на то, что речь не может идти о прямом, непосредственном, заимствовании из коми языка. Начиная с В. Даля, который (хотя и под вопросом) сопоставил волог. *куляши* с перм. *куляжки* 'переряженцы, святочные ряжи' и новг. *кулик*² 'парень, пришедший на посиделки с завешенным лицом', распространение получила версия о контаминационном происхождении этого слова [Даль II: 217, 216; также Фасмер II: 413].

Новый полевой материал позволил объяснить семантическую трансформацию 'нечистый дух' → 'святочный мифологический персонаж' → 'ряженный', дополнив картину формирования дериватов слова в севернорусских говорах: «они сформировались в гнезде слав. *kuliti и имели первоначальное значение превращения → оборотничества. Встретившись в лексическом пространстве говоров, бытующих на коми-русских контактных территориях, эти слова образовали единое морфосемантическое поле и даже — в ряде случаев — общие лексико-семантические парадигмы» [Березович 2017: 27].

Однако роль коми слова *куль* в этом процессе остается не совсем ясной. Какие именно коми (зырянские или пермяцкие) диалекты были источником (заимствования? субстрата? адстрата?), на какой территории могла произойти «встреча коми и русских слов», каким образом происходила фонетико-морфологическая и функционально-семантическая контаминация и т. д. — эти вопросы пока не получили освещения. Версия о коми источнике слова, на мой взгляд, остается наиболее слабым звеном в изложенной этимологии и требует дополнительной верификации.

---

¹Об этой лексике см.: [Setälä 1912: 170–187].

²Славянское *кулик* имеет не вполне ясную этимологию. Обычно его связывают с пол. *kulik* 'поезд ряженных на масленице', лат. *kulniëks* 'ряженный' [Фасмер II: 411, 413; ЭССЯ 13: 97 и др.]. Даль под вопросом сравнивает с *куль* 'капюшон' [Даль II: 217].

II

Прежде всего, нет никаких свидетельств того, что коми слово *куль* когда-либо в каком-либо качестве было заимствовано в севернорусские говоры.

Демоним *куль* представлен в обоих коми языках [КРС: 312; КПРС: 200; СКД I: 765; ССКЗД: 179]. Он имеет надежную финно-угорскую этимологию: коми *куль* ‘бес, черт’, удм. *кыль* ‘болезнь’ < общеп. *kul’ < доперм. *kolja- ‘злой дух’ [КЭСК: 145, 412] < FU *kolja ‘Bözer Geist’ [UEW: 173–174], что говорит о его исконном происхождении и широком бытовании в прошлом. Из коми языка слово было заимствовано в обско-угорские языки, откуда, по общепринятой этимологии, проникло в тобольские русские говоры: тобол. *куль* ‘черт’ [СРНГ 16: 73] < манс., хант. *куль* ‘черт, злой дух’ < коми *куль* ‘черт’ [Аникин 2000: 320; Setälä 1912: 177; Фасмер II: 412; КЭСК: 145 и др.].

Однако ни в зонах бытования слова *куляш*, ни в зонах современных живых контактов на территории Республики Коми и Коми-Пермяцкого округа его ‘деривационная основа’ не обнаружена³. Конечно, слово *куль* могло быть бесследно утрачено, но, скорее всего, прямого заимствования не было. На эту мысль наводит несоответствие семантики коми и русского слов.

Коми *куль* — это демонический персонаж, ‘нижний, темный демиург’, ‘водяной дух’, ‘властелин подводного мира’, после христианизации — ‘сатана’, ‘дьявол’ [Мифология 1999: 218; Петрухин 2005: 223–225; Хольмберг 1998: 105 и др.], в разговорно-бытовом контексте — ‘черт’ (напр., *куль тӧдас* ‘черт (его) знает’).

В отличие от коми, русский *куляш* — это ‘мелкий бес’, ‘бесенок’, который появляется в составе некоего мн о ж е с т в а таких же мелких вредоносных духов, напр.: *На Крещение куляши из во-*

---

³И. И. Русинова в одной из статей, правда, говорит об «использовании русскими заимствованного слова *куль*» [2014б: 240], однако речь идет, видимо, о коми *куль* как источнике пермского слова *кулешата* ‘нечистая сила, находящаяся в подчинении у колдуна’, а не о собственно заимствовании.

ды вылазят, почему и не ходят по воду, чтобы не зачерпнуть куляша [Даль II: 217]. Куляши, имея сезонный характер, в о м н о ж е с т в е появляются на Святках: между Новым годом да Крещением куляши ходят; под Рождество все куляши беснуются [ОСВГ 5: 149] и т. д.

Коннотация множественности, имплицитно содержащаяся в мифологеме 'куляш/куляши', как мне кажется, позволяет предположить, что коми слово было освоено русскими говорами в форме множественного числа⁴, которая в коми-зырянском литературном языке и большинстве коми-зырянских диалектов образуется с помощью суф. -яс [йас], в коми-пермяцком — -ез [йэз], -эз [эз]: кз. *кульяс*, кп. *кульез* 'черти'.

Важно отметить, что звук [й], находящийся в анлауте суффикса, в коми языках относится к числу слабо артикулируемых; в частности, находясь в позиции после мягкого согласного, он подвергается прогрессивной ассимиляции [ССКЗД: 459]. Это приводит к различным трансформациям и формированию диалектных вариантов форманта [Баталова 1982: 81–85]. Этот процесс наблюдается в большинстве диалектов коми языков, однако наиболее последовательно он представлен в южно-коми регионе⁵. В южных коми-зырянских диалектах (л., вс., сс.), отдельных говорах контактных с ними диалектов (нв. уд.) и диалектов позднего образования (вв., печ.) у суффикса [-йас] сформировался даже алломорф -С'ас (где С' — любой мягкий гласный), напр., лл. *пэл* 'ухо' — *пэл'л'ас* 'уши', вс. *киз* 'пуговица' — *киз'з'ас* 'пуговицы'; сс. *чан* 'жеребенок' — *чан'н'ас* 'жеребята'; нв. *бат* 'отец' — *бат'т'ас* 'отцы'; кан 'кошка' — *кан'н'ас* 'кошки', пан 'ложка' — *пан'н'ас* 'ложки' и т. д. [Попова, Сажина 2014: 92–93]. Соответственно, в коми-зырянских диалектах слово *куль* во

---

⁴Ср. *пурьяс* усть-сысол. 'плот из бревен, сплаваемый по реке' [СРНГ 33: 139] < коми *пурьяс* 'плоты' (*пур* 'плот').

⁵Здесь четко прослеживается определенная изоглосса, которая тянется с севера Коми-Пермяцкого округа в северо-западном направлении — в бассейн Летки, а оттуда — к северо-востоку: на верхнюю Сысолу и верхнюю Вычегду [Баталова 1982: 81].

множественном числе звучит как *кул'л'ас*, в коми-пермяцких — *кул'л'эз* 'черти'.

Эта форма позволяет процесс рецепции объяснить более последовательно, а именно: неисконная лексема [*кул'л'ас*] 'черти', имплицитно содержащая значение множественности, попала под влияние русских слов с финалью *-ши*, выражающих множественность эксплицитно⁶ (*мальшии*, *мураши*, *племяши*, *клуши*, *копуши* и т. д.), и подверглась закономерным фонетико-морфологическим преобразованиям: коми *кул'л'ас* ~ *кул'л'ес* 'черти' → рус. *куляс 'черт', → *кулясы 'черти (во множестве)' → *куляши* 'черти' → *куляш* 'черт (один из множества)'.

Дальнейшая история вполне вписывается в этимологическую версию, изложенную выше. Контаминация с русскими лексемами вроде *куль*, *кулик* и т. д. и последующая иррадиация в контактные вологодские, вятские и пермские говоры обусловили семантический сдвиг и появление фонетических и словообразовательных вариантов. Не случайно, как отмечает Березович, значение 'ряженный' в русских говорах фиксируется значительно шире, чем значение 'нечистая сила' [Березович 2017: 34].

III

Изложенные структурные и семантические преобразования слова должны были происходить в достаточно длительной исторической ретроспективе. Это наводит на мысль о его с у б с т р а т н о м происхождении. Судя по реконструируемой форме, источником слова, вероятнее всего, были южные древнекоми говоры.

По данным исторических исследований, до появления русских регион обитания древнекоми населения находился западнее и южнее нынешних границ республики Коми. В XI–XIV вв. в него

---

⁶«Отметим попутно, что для многих наименований мелкой нечисти грамматической константой является употребление только во множественном числе, что на морфологическом уровне эксплицитно выражает идею несчитаемого множества» [Штейнгольд 2008: 116].

«входили верховья р. Камы, верхнее и среднее течение р. Вятки с притоками Чепца, Молома, Летка, Кобра, из бассейна Северной Двины — Вычегда с притоками Вышь, Сысола, Виледь и Яренга, Юг с притоком Луза, Сухона, Уфтюга, верхнее течение р. Ваги и ее приток Устья, Пинега, а также приток р. Мезени Вашка» [Жеребцов 1982: 32] (см. рис. 1).

Разумеется, коми население в этих местах не было ни многочисленным, ни постоянным. Уже в XII в. с усилением русской экспансии территория расселения коми на западе постепенно сокращалась, расширяясь в восточном и северо-восточном направлениях. К концу XIV в. в бассейнах Сухоны, Юга (кроме Лузы) и Вятки (кроме северных притоков) пермское население полностью исчезает. Однако отдельные ‘осколки’ западного древнекоми населения сохраняются еще до середины XVII в. Это — близкие к удорским коми ‘пермяне пинежские’ и так называемая Вилегодская Пермица, долгое время представлявшая известное единство с Пермицей Лузской [Жеребцов 1982: 25–42].

А. И. Туркин, в свое время предпринявший попытку описания исчезнувших пинежского и вычегодско-вилегодского диалектов, считал, что последний был распространен от Межога до Котласа и имел характеристики, близкие к говорам Прилузья [Туркин 1992: 13–16]. Вероятнее всего, эти исчезнувшие в процессе ассимиляции вилегодские и/или лузские говоры и были источником новообразования. В пользу этого говорит география распространения слова *куляши* (> *кулеименцы*) в Костромской (Павинский р-н) [Березович 2017: 29, 34] и Вятской (Лузский р-н) [ОСВГ 5: 149] областях, где слово сохранилось в своем первоначальном ‘демоническом’ значении.

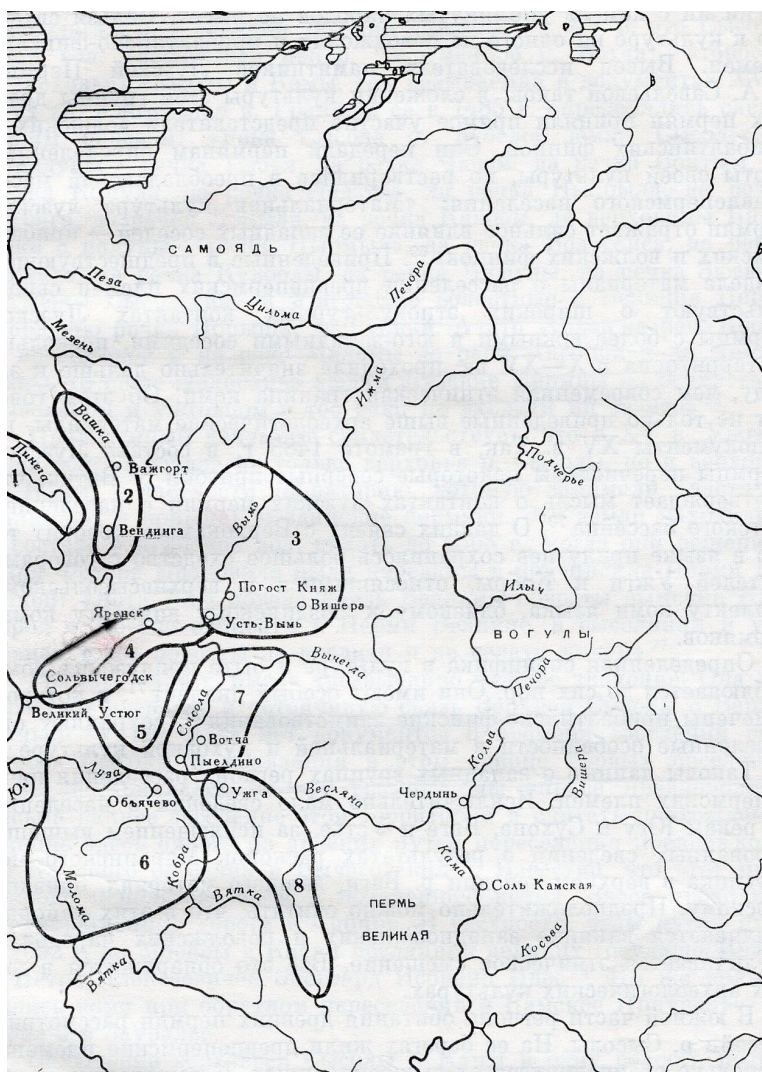
Стоит отметить, что в восточных архангельских говорах, т. е. на более северных территориях, где выявлена топонимия и большой пласт лексики, этимологизирующейся из коми языка [Сидоров 1992; Туркин 1972; Теуш 2011 и др.], слова *куляш* или его дериватов обнаружить не удалось, во всяком случае, в имеющихся у меня источниках.

Дополнительным доказательством того, что коми форма [кул'л'ас] может быть отнесена к раннему слою субстратной лексики, на мой взгляд, служит и тот факт, что слово *куляш* никак не обнаруживается в составе коми мифологической лексики. Между тем известно, что, начиная с XIV в., в процессе христианизации Коми края коми полностью восприняли русский святочный обрядовый комплекс, включая все его компоненты: посиделки, игрища, ряжение, ритуальную еду, гадания, славление и т. д. [Дукарт 1978: 91]. Вместе с ним были усвоены мифологические персонажи, образы святочных духов и связанные с ними ритуалы.

Не удивительно, что в коми язык проникла и значительная часть календарной терминологии, которая в виде прямых заимствований или калькирования подверглась фонетико-морфологической адаптации, приводила к смешению исконных и неисконных форм, появлению гибридных композит и т. д. Этот пласт мифологической лексики хорошо прослеживается, напр., *куття-войся* букв. 'тот, который в ночь кутьи (появляется)'; *куття-васа* букв. 'тот, который в воде во время кутьи (живет)'; *вежа пуляк* иж. 'святочный пуляк'⁷, *бубаяс* 'буки', *мисьтӧмъяс* 'некрасивые', *омӧльяс* 'плохие', диал. *машкуръяс* 'нечистые'; *шораяс* 'святочные духи' и т. д. — все это маленькие страшные существа, которые в Святки выходят из воды, хватают одиноких прохожих и топят их в проруби [Дукарт 1978: 102; Хольмберг 1998: 105–106; Мифология 1999: 219–220 и др.]. Для обозначения ряженных также используются русские слова вроде *маска*: *маскаа* 'в маске', *маскаӧн пасьтасьӧм* 'одетый в маску', *жӧник*: *жӧникӧс примитны* 'ряженого принять' [РКС: 855] или кальки, вроде диал. уд. *кокась* 'маска' (ср. *кокасьны* 'клевать, долбить клювом'); печ. вым. сс. *кокуллю* 'журавль (ряженный)' [Дукарт 1978: 95]. Однако никаких *куляшей*, в том числе, в виде обратного заимствования, в коми языке не обнаружено, хотя ни фонетических, ни семантических препятствий для этого нет. На мой взгляд, это косвенно свидетельствует об

---

⁷Кз. иж *пуляк* < ? рус. *куляк* 'ряженный'.

Территория обитания Перми Вычегодской в XIV–XV вв. (по археологическим и архивным данным): 1 — пермяне пинежские; 2 — пермяне удорские (вашские); 3 — пермяне вычские; 4 — пермяне нижневычегодские; 5 — Вилегодская Пермица; 6 — Лузская Пермица; 7 — сысольские зыряне (сырьяне); 8 — сыряне ужговские. Карта публикуется по: [Жеребцов 1982: 39].

узколокальном происхождении слова в виде субстратного вхождения в зоне исчезнувших коми-зырянских говоров.

IV

Если приведенная аргументация может быть принята в качестве рабочей версии, нет никаких оснований связывать слово *куляш* с к о м и-п е р м я ц к и м языком, что иногда встречается в литературе⁸. Несмотря на то, что коми-пермяцкое слово ни фонетически, ни семантически не отличается от коми-зырянского, а в форме множественного числа [*кул'л'ез* ~ *кул'л'ес*] даже больше подходит для описанного выше процесса адаптации на русской почве, все же география распространения русского слова свидетельствует против коми-пермяцкой версии.

Почти вся лексика, так или иначе связанная со словом *куляш*, относится к вологодским и вятским говорам, в пермских же зарегистрировано одно слово: соликам. *кулешата* 'нечистая сила, находящаяся в подчинении у колдуна' [СРНГ 16: 60]. Ясно, что перед нами вторичный дериват не только с точки зрения структуры, но и по семантике, ср., *кулеши* 'мелкие вредоносные духи, во множестве появляющиеся на Святках', *кулеш* 'бесенок, один из кулешей' и *кулешата* — 'мелкие бесы' со специальной функцией участников колдовских мероприятий.

В пользу более позднего формирования пермского слова свидетельствуют и исторические данные. Известно, что освоение Прикамья русскими в XI–XIV вв. было эпизодическим, а первое оседлое русское население появилось только в XIV–XV вв. Пермь Великая заселялась преимущественно из Поморья, т. е. жителями бассейна Северной Двины, Вологды и Вятки, где уже сложились в своей основе севернорусские говоры, до некоторой степени свя-

---

⁸Например: «Автор поддерживает мнение этимологов о заимствованном характере лексем со значением 'нечистая сила' (из коми-перм. *kul'* 'злой дух')...»; «Участие коми-перм. *куль* 'злой дух' в процессе образования обсуждаемых слов наиболее вероятно для лексем, обозначающих собственно демонов, особенно водяных (этому значению соответствует семантика коми-пермяцкого слова)» [Березович 2017: 26, 38].

занные с контактными с ними говорами коми-зырян [Полякова 1998: 16–17]. С этими переселенческими потоками северо-западное слово могло попасть в формирующиеся пермские говоры.

Таким же образом, по-видимому, можно объяснить бытование лексемы *куляш* (орл. орч. ктл.) ‘представитель нечистой силы, мифологический персонаж Рождественских праздников’ в центральной группе вятских говоров [ОСВГ 5: 149; СРНГ 16: 60]. По свидетельству историков, активная колонизация бассейна средней Вятки происходила достаточно поздно, в XIV–XV вв. Русские поселенцы двигались из Новгородской земли по Северной Двине, Югу, Моломе и из Владимиро-Суздальского княжества по Волге, Унже, Ветлуге на Молому, и оба потока попадали на Среднюю Вятку [Макаров 1985: 13–14; Славянская энциклопедия 2001: 259]. Вятские говоры сформировались при участии обоих колонизационных потоков, однако северо-западное влияние было преобладающим. По имеющимся исследованиям, большинство лексем, характерных для большей части вятских говоров, имеют северо-западное происхождение [Долгушев 2006: 32].

Весьма вероятно, что слово *куляш* в обоих значениях сформировалось уже в зоне северо-восточных вологодских говоров, а затем продвигалось в юго-восточном и восточном направлениях, а не наоборот.

В этом контексте несколько проясняется и вопрос о коми-пермяцком слове *кулюшун*, которое после публикации А. С. Кривощёковой-Гантман [Кривощёкова-Гантман 1981: 57–58] обычно рассматривается в общем контексте с загадочным словом *шилукун* ‘нечистый дух’, ‘черт’, ‘бес’, ‘ряженный на Святках’ и т. д. Последнее имеет широкую географию распространения, переменную семантику, связанную с мифологией и рождественской обрядностью, и весьма запутанную этимологическую историю [Аникин 2000: 700–701; Березович, Виноградова 2010: 49–51, 2012: 583–585; Мызников 2017: 231–234 и др.].

В отличие от него, коми-пермяцкое слово — единичное образование, не отмеченное в имеющихся словарях. Кривощёкова-Гантман не дает его диалектной привязки, однако судя по кон-

тактным русским говорам, о которых идет речь в ее статье (ил., кар., сол.), слово принадлежит южному наречию коми-пермяцкого языка. Это подтверждает Т. Г. Голева, которая локализует редкий мифологический термин *кульшун* (видимо, из *кулюшун*) ‘водяной дух’ как раз в бассейне р. Иньва, в зоне распространения южного кудымкарско-иньвенского диалекта [Голева 2011: 161, 264].

Обращает на себя внимание тот факт, что слово *куль* и его дериваты бытуют только в южных коми-пермяцких говорах, где имеют значения ‘водяной дух’ и ‘святочный мифологический персонаж’. Здесь же регистрируется наиболее плотный ареал распространения слов *шулюкен*, *силигун* и т. д. в тех же значениях ‘водяной дух’ и ‘святочный мифологический персонаж’ и, кроме того, в значении ‘святочный ряженный’. См. карты 2 и 3 [Голева 2011: 263, 264]. По материалам полевых исследований Т. Г. Голевой слово не имеет повсеместного распространения: в большинстве случаев ареалы его бытования граничат с русскими поселениями [Голева 2009: 83].

Все это позволяет утверждать, что *шиликуны* были заимствованы в коми-пермяцкий язык в общем потоке мифологической лексики, связанной со святочной обрядностью. Как и в случае с коми-зырянским языком, коми-пермяцкая святочная лексика формировалось в русле русской обрядности. В ее составе обнаруживаются как исконные слова (часто с семантическими девиациями под русским влиянием), так и прямые заимствования, кальки, описательные термины и т. д. В северном коми-пермяцком регионе святочные персонажи имеют названия *калянез* ‘каляны’, *ишишез* ‘шиши’, *чуддез* ‘чуды’⁹, ряженные обозначаются своим словом *вёчдöдöчм* букв. ‘наряженный’ или русскими заимствованиями *калян*, *иши*, *чёрт*, *лешак*, *бес* и т. д. В южном иньвенском регионе наименования святочных персонажей, соответственно, —

---

⁹Этимологии слов *калян*, *чуд*, *иши* также относятся к числу дискутируемых [об этом, напр., Голева 2009: 83–84], однако в коми-пермяцкий язык они проникли, несомненно, из русского.

куль, вакуль¹⁰, кулишун, ряженных — мӧддӧдӧм букв. ‘наряженный’, маскированной, маскаа, силигун, шулкун, кульшун, чӑрт, чуд [Голева 2011: 48–58]. В этом потоке мифонимов, подвергающихся различного рода адаптационным изменениям, весьма вероятно, что коми-пермяцкое слово *кулишун* — результат метатезы заимствованного из русского языка ‘темного’ слова *шиликун*, а не наоборот.

Из этого также следует, что связывать коми-пермяцкое окказиональное слово *кулишун* с соликамскими *кулешатами* и тем более с вологодско-вятскими *кулешами* нет никаких оснований. Есть ли связь между *кулешами* и *шиликунами*, еще предстоит выяснить. Е. Л. Березович считает ее весьма вероятной [Березович 2017: 43], однако привлечение коми материала к этой этимологической истории, на мой взгляд, дальнейших перспектив не имеет.

Выражение благодарности

Исследование выполнено в рамках научно-исследовательского проекта № 8-6-6-30 «Этнокультурные процессы в циркумполярной зоне Северо-Востока Европы в железном веке и средневековье» / Программа комплексных фундаментальных исследований УрО РАН: 6. «Социально-экономические и гуманитарные проблемы развития общества».

Литература

Баталова Р. М. (1982) *Ареальные исследования по восточным финно-угорским языкам (коми языки)*. М.: Наука.

---

¹⁰В условиях активного доминирования русского языка эти слова в южно-коми-пермяцких говорах повергаются дальнейшей семантической трансформации: ‘черт, дьявол’ → ‘мелкий бес, чертенок’: *вакуль* ‘водяной, водяной дух’ → *вакуллез* ‘водяные духи’ → *вакультиян* ‘чертенок, букв. сын вакуля’, что ведет к появлению новых форм с участием русских деривационных формантов, напр., *вакулёк*, *вакулюк*, *вакулёнок* ‘мелкий бес, чертенок’, *вакулёноккез* ‘чертенята, мелкие водяные бесы’ (устное сообщение Т. Г. Голевой).

Березович Е. Л. (2017) Еще раз о русском диалектном демониме кулеш. *В созвездии слов и имен*. Сб. статей. Екатеринбург: Изд-во УрГУ: 26–46.

Березович Е. Л., Виноградова Л. Н. (2010) Из словаря «Славянские древности». *Славяноведение*, 6: 41–56.

Березович Е. Л., Виноградова Л. Н. (2012) Шуликуны. *Славянские древности: этнолингв. словарь*: в 5 т. Под общ. ред. Н. И. Толстого. Т. 5. М.: Международные отношения: 583–585.

Винокурова И. Ю. (1994) *Календарные обряды, обычаи и праздники вепсов (конец XIX – нач. XX вв.)*. СПб.: Наука.

Винокурова И. Ю. (2015) *Мифология вепсов: энциклопедия*. Петрозаводск: ПетрГУ.

Власова М. (2008) *Энциклопедия русских суеверий*. СПб.: Азбука-Классика.

Голева Т. Г. (2009) Мифологические персонажи зимних святок у коми-пермяков. *Традиционная культура*, 2: 81–92.

Голева Т. Г. (2011) Мифологические персонажи в системе мировоззрения коми-пермяков. СПб.: Маматов.

Долгушев В. Г. (2006) *Лексика вятских говоров в ареальном и ономастическом аспектах*. Автореф. дисс. ... д. филол. н. М.

Дукарт Н. И. (1978) Святочная обрядность коми конца XIX – начала XX вв. *Традиционная культура и быт народа коми. Труды Института языка, литературы и истории КФАН СССР*, 20: 91–103.

Жеребцов Л. Н. (1982) *Историко-культурные взаимоотношения коми с соседними народами*. М.: Наука.

Кривощёкова-Гантман А. С. (1981) Коми-пермяцкие заимствования в русских говорах Верхнего Прикамья. *Этимологические исследования*. Вып. 2. Под ред. А. К. Матвеева. Свердловск: Изд-во УрГУ: 46–62.

Макаров Л. Д. (1985) *Вятская земля в эпоху средневековья (по данным археологии и письменным источникам)*. Автореф. дисс. ... канд. ист. н. Л.

Морозов И. А., Слепцова И. С. (2004) «Круг игры». *Праздник и игра в жизни севернорусского крестьянина (XIX–XX вв.)*. М.: Индрик.

Мызников С. А. (2017) Этимология некоторых мифологических данных пермского и прибалтийско-финского происхождения в русских говорах. *Языковые контакты народов Поволжья X: актуальные проблемы нормативной и исторической фонетики, грамматики, лексикологии и стилистики*. Сб. статей. Ижевск: Изд. УдГУ: 226–236.

Петрухин В. Я. (2005) *Мифы финно-угров*. М.: Астрель АСТ: Транзиткнига.

Полякова Е. Н. (1998) Формирование пермских говоров. *Русские говоры Пермского региона. Формирование. Функционирование. Развитие*. Пермь: ПермГУ: 4–30.

Попова Р. П., Сажина С. А. (2014) *Фонетические и морфологические особенности коми диалектов (сравнительный аспект исследования)*. Сыктывкар: СыктГУ.

Русинова И. И. (2014а) Пермские названия злых духов — помощников колдуна на севернорусском языковом фоне. *Труды КАЭЭ ПГГПУ*. Вып. 9. Пермь: ПермГУ: 124–128.

Русинова И. И. (2014б) Кто такие бусеньки и кулешата? *Севернорусские говоры*, 13: 229–241.

Сидоров А. С. (1992) О некоторых особенностях языка русского населения бассейна р. Яреньги. *Избранные статьи по коми языку*. Сыктывкар: Коми книжное издательство: 36–44.

Теуш О. А. (2011) Новые материалы по коми заимствованиям в говорах Русского Севера (Ленский район Архангельской области). *Урало-алтайские исследования*, 1(4): 110–120.

Туркин А. И. (1972) Коми топонимия на территории Архангельской области (бассейн нижней Вычегды). *Коми филология. Труды ИЯЛИ Коми филиала АН СССР*, 14: 62–76.

Туркин А. И. (1992) Размышления о диалектном членении коми языка. *Linguistica Uralica*, 1: 13–23.

Хольмберг У. (1998) Водяные божества зырян. Глава из книги: Uno Holmberg. *Die Wassergottenheiten der finisch-ugrischen Völker*. (Helsinki, 1913. S. 96–113). Пер. Л. Сажинной: *Арт*: 104–113.

Черепанова О. А. (1983) *Мифологическая лексика русского Севера*. Л.: ЛГУ.

Штейнгольд А. (2008) К проблеме реконструкции дохристианских воззрений староверов Эстонии (этимологический анализ слова колупешка). *Res Humanitariae IV*. Klaipėda: 108–124.

Kalima J. (1927) Syrjänisches Lehngut im Russischen. *Finnisch-ugrische Forschungen*, XVIII: 1–56.

Setälä E. N. (1912) Aus dem gebiet der lehnbeziehungen. *Finnisch-Ugrische Forschungen*. B. XII. Heft 1–3: 161–289.

СОКРАЩЕНИЯ

Сокращения источников

- Аникин — Аникин А. Е. *Этимологический словарь русских диалектов Сибири: Заимствования из уральских, алтайских и палеоазиатских языков*. М.; Новосибирск: Наука, 2000.
- Даль — Даль В. И. *Толковый словарь живого великорусского языка*: в 4 т. Т. II. М.: Русский язык, 1981.
- КПРС — Баталова Р. М., Кривощёкова-Гантман А. С. *Коми-пермяцко-русский словарь*. М.: Русский язык, 1985.
- КРС — Безносилова Л. М., Айбабина Е. А., Коснырева Р. И. *Коми-русский словарь*. Сыктывкар: Коми книжное издательство, 2000.
- КЭСК — Лыткин В. И., Гуляев Е. С. *Краткий этимологический словарь коми языка*. 2-е изд. Сыктывкар: Коми книжное издательство, 1999.
- Мифология — Мифология коми. *Энциклопедия уральских мифологий*. Ред. Н. Д. Конаков, В. В. Напольских. Т. 1. М.; Сыктывкар: ДИК, 1999.
- ОСВГ — *Областной словарь вятских говоров*. Вып. 5. Под ред. З. В. Сметаниной. Киров: ВятГУ, 2008.
- РКС — Безносилова Л. М., Забоева Н. К., Коснырева Р. И. *Русско-коми словарь*. Сыктывкар: Коми книжное издательство, 2003.
- СКД — Безносилова Л. М., Айбабина Е. А., Коснырева Р. И. *Словарь диалектов коми языка*. В 2-х т. Т. 1. Сыктывкар: Коми книжное издательство, 2012.
- СРНГ — *Словарь русских народных говоров*. Гл. ред. Ф. П. Филин, Ф. П. Сороколетов, С. А. Мызников. Вып. 1–49. М.; Л.; СПб.: Наука, 1965–2016 (издание продолжается).
- ССКЗД — Жилина Т. И., Сахарова М. А., Сорвачева В. А. *Сравнительный словарь коми-зырянских диалектов*. Сыктывкар: Коми книжное издательство, 1961.
- Фасмер — Фасмер М. *Этимологический словарь русского языка*: в 4 т. Пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. 2-е изд. М.: Наука, 1986–1987.
- Энциклопедия — *Славянская энциклопедия. Киевская Русь — Московия*. В 2 т. Сост. В. В. Богуславский. Т. 1. М.: Олма Пресс, 2001.
- ЭССЯ — *Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд*. Под ред. О. Н. Трубачева. Вып. 13. М., 1997.
- UEW — Rédei K. *Uralisches etymologicshes Wörterbuch*. В. I. Uralische und finnisch-ugrische Schicht. В. II. Finnisch-permische und finnisch-wolgaische Schicht. Ugrische Schicht. Budapest, 1988.

Сокращения языков и диалектов

- вв. — верхневычегодский диалект коми-зырянского языка
- волог. — вологодские русские говоры
- вс. — верхнесысольский диалект коми-зырянского языка
- вым. — вымский диалект коми-зырянского языка
- доперм. — допермский праязык
- иж. — ижемский диалект коми-зырянского языка
- ил. — русские говоры Ильинского района Пермской области
- кар. — русские говоры Карагайского района Пермской области
- кз. — коми-зырянский язык
- кп. — коми-пермяцкий язык
- ктл. — русские говоры Котельничского района Кировской области
- л. — летский говор лузско-летского диалекта коми-зырянского языка
- нв. — нижневычегодский диалект коми-зырянского языка
- новг. — новгородские русские говоры
- общеп. — общепермский праязык
- орл. — русские говоры Орловского района Кировской области
- орч. — русские говоры Оричевского района Кировской области
- перм. — пермские русские говоры
- печ. — печорский диалект коми-зырянского языка
- сол. — русские говоры Соликамского района Пермской области
- сс. — среднесысольский диалект коми-зырянского языка
- тобол. — тобольские русские говоры
- уд. — удорский диалект коми-зырянского языка
- удм. — удмуртский язык

TO THE PROBLEM OF THE KOMI ORIGIN OF THE NORTHERN RUSSIAN WORD *KULYASH* “IMP”

Galina Fedyuneva

Komi Research Centre, Russian Academy of Sciences,
Syktyvkar, Russia
E-mail: fedyuneva@mail.illhkomisc.ru

Citation: Fedyuneva G. (2018) K voprosu o komi proiskhozhdenii severnorusskogo slova *kulyash* ‘chertenok’ [To the problem of the Komi origin of the Northern Russian word *kulyash* “imp”]. *Severnorusskiye govory* [Northern Russian dialects], 17: 123–145. (in Russian)

Abstract. The Russian dialect word *kuliash* “Yule mythological character”, “mummer”, which, according to popular etymology, is the result of contamination development of the Komi word *kul* “devil” and the Russian words with the base *kul-* associated with the Yuletide rites, and dressing up, are considered. The hypothesis about Komi source, which has not received sufficient coverage and is the weakest link of this etymology, has been verified. For the first time the following questions were considered: 1) the initial form of the Komi borrowing and the possible process of its reception in Russian dialects; 2) the substrate character of the Komi borrowing; 3) the geographical localization of the supposed process of contamination, etc. The author’s version of a substrate joining of the Komi word in the plural form in the contact zone of the Eastern Vologda and disappeared South-West Komi-Zyryan dialects is given. Further semantic, phonetic and word-forming transformations of this form are explained by contamination with Russian lexemes like *kul*, *kulik* etc. and irradiation in the contact Vologda, Vyatka and Perm dialects.

The proposed version excludes the possibility of borrowing words from the Komi-Permyak language. It in both meanings (“imp” and “mummer”) was formed already in the zone of the North-Eastern Vologda dialects, and then during the further colonization by the Russians of the basins of Vyatka and Kama together with resettlement flows moved in the South-Eastern and Eastern directions. Historically, the Great Perm was populated mostly by inhabitants of the basin of Northern Dvina river, Vologda and Vyatka, where the Northern Russian dialects already existed, contacting in varying degrees with the dialects of the Komi-Zyryans. Accordingly, the word in question was

introduced into the Perm dialects, formed with the direct participation of the North-Western Russian dialects, and not vice versa.

Keywords: language contacts, substrate, Northern Russian dialects, the Komi language, etymology.

Acknowledgements

The study was carried out within the framework of the research project № 8-6-6-30 “Ethno-cultural processes in the circumpolar zone of the North-West Europe in the iron age and the middle ages” / The programme of the complex fundamental research of the Ural Branch of the RAS: 6. “Socio-economic and humanitarian problems of the society development”.

References

Anikin A. E. (2000) *Etimologicheskiy slovar' russkikh dialektov Sibiri: Zaimstvovaniya iz ural'skikh, altayskikh i paleoaziatskikh yazykov* [Etymological dictionary of Russian dialects of Siberia: Borrowings from the Uralic, Altaic and Paleo-Asiatic languages]. Moscow, Novosibirsk: Nauka. (in Russian)

Batalova R. M. (1982) *Areal'nyye issledovaniya po vostochnym finno-ugorskim yazykam (komi yazyki)* [Areal research on Eastern Finno-Ugric languages (Komi languages)]. Moscow: Nauka. (in Russian)

Batalova R. M., Krivoshchekova-Gantman A. S. (1985) *Komi-permyatsko-russkiy slovar'* [Komi-Permian-Russian dictionary]. Moscow: Russkiy yazyk. (in Russian)

Berezovich Ye. L. (2017) Yeshche raz o russkom dialektnom demonime kulesh [Once again about the Russian dialectal demon of Kulesh]. In: *V sozvezdii slov i imen* [In the constellation of words and names]. Yekaterinburg: Ural'skiy universitet: 26–46. (in Russian)

Berezovich Ye. L., Vinogradova L. N. (2010) Iz slovarya «Slavyanskiye drevnosti» [From the dictionary “Slavic antiquities”]. *Slavyanovedeniye* [Slavic Studies], 6: 41–56. (in Russian)

Berezovich Ye. L., Vinogradova L. N. (2012) Shulikuny [Shulikuny]. In: *Slavyanskiye drevnosti: etnolingvisticheskiy slovar'* [Slavic antiquities: ethnolinguistic dictionary]. Vol. 5. Moscow: Mezhdunarodnyye otnosheniya, 583–585. (in Russian)

Beznosikova L. M., Aybabina E. A., Kosnyreva R. I. (2000) *Komi-russkiy slovar'* [Komi-Russian dictionary]. Syktyvkar: Komi knizhnoye izdatel'stvo. (in Russian)

Beznosikova L. M., Aybabina E. A., Kosnyreva R. I. (2012) *Slovar' dialektov komi yazyka* [Dictionary dialects Komi language]. Vol. 1–2. Syktyvkar: Komi knizhnoye izdatel'stvo. (in Russian)

Beznosikova L. M., Zaboyeva N. K., Kosnyreva R. I. (2003) *Russko-komi slovar'* [Russian-Komi Dictionary]. Syktyvkar: Komi knizhnoye izdatel'stvo. (in Russian)

Boguslavskiy V. V., Kuksina E. I. (eds.) (2001) *Slavyanskaya entsiklopediya. Kiyevskaya Rus' — Moskoviya* [The Slavic Encyclopedia. Kievan Rus — Muscovy]. In 2 vol. Vol. 1. Moscow: OLMA Press. (in Russian)

Cherepanova O. A. (1983) *Mifologicheskaya leksika russkogo Severa* [Mythological vocabulary of the Russian North]. Leningrad: LGU. (in Russian)

Doligushev V. G. (2006) *Leksika vyatskikh govorov v areal'nom i onomasiologicheskom aspektakh* [Lexis of Vyatka dialects in the areal and onomasiological aspects]. The author's abstract of the dissertation of the Doctor of Philology. Moscow. (in Russian)

Dukart N. I. (1978) Svyatochnaya obryadnost' komi kontsa XIX – nachala XX vv. [The Christmas rite of the Komi late XIX – early XX centuries]. *Traditsionnaya kul'tura i byt naroda komi* [Traditional culture and life of the people of Komi], 20: 91–103. (in Russian)

Fasmer M. (1964–1973) *Etimologicheskii slovar' russkogo yazyka* [Etymological Dictionary of the Russian Language]. Vol. I–IV. Moscow. (in Russian)

Filin F. P., Sorokoletov F. P., Myznikov S. A. (eds.) (1965–2016) *Slovar' russkikh narodnykh govorov* [Dictionary of Russian folk dialects]. Vol. 1–49. Moscow; Leningrad.; St. Petersburg: Nauka. (in Russian)

Goleva T. G. (2009) Mifologicheskiye personazhi zimnikh svyatok u komi-permyakov [Mythological characters of winter Christmastide from Komi-Permyaks]. *Traditsionnaya kul'tura* [Traditional culture], 2: 81–92. (in Russian)

Goleva T. G. (2011) *Mifologicheskiye personazhi v sisteme mirovozzreniya komi-permyakov* [Mythological characters in the Komi-Permyaks' worldview system]. St. Petersburg: Mamatov. (in Russian)

Holmberg U. (1998) Vodyanyye bozhestva zyryan [Water demigods of Zyryans]. A chapter from the book: Holmberg U. Die Wassergötterheiten der finisch-ugrischen Völker (Helsinki, 1913. S. 96–113). Trans. by L. Sazhina. *Art. Syktyvkar*: 104–113. (in Russian).

Kalima J. (1927) Syrjänisches Lehngut im Russischen [Syrian feud in Russian]. *Finnisch-ugrische Forschungen* [Finnish-Ugric Studies], XVIII: 1–56. (in German)

Konakov N. D., Napol'skikh V. V. (eds.) (1999) *Mifologiya komi* [Mythology of the Komi]. In: *Entsiklopediya ural'skikh mifologiy* [Encyclopedia of Ural mythologies]. Moscow, Syktyvkar: DIK. (in Russian)

Krivoshchekova-Gantman A. S. (1981) *Komi-permyatskiye zaimstvovaniya v russkikh govorakh Verkhnego Prikam'ya* [Komi-Permian borrowings in the Russian dialects of the Upper Kama region]. *Etimologicheskkiye issledovaniya* [Etymological studies], 2: 46–62. (in Russian)

Lytkin V. I., Gulyayev E. S. (1999) *Kratkiy etimologicheskii slovar' komi yazyka* [A short etymological dictionary of the Komi language]. Syktyvkar: Komi knizhnoye izdatel'stvo. (in Russian)

Makarov L. D. (1985) *Vyatskaya zemlya v epokhu srednevekov'ya (po dannym arkheologii i pis'mennym istochnikam)* [Vyatka land in the Middle Ages (according to archeology and written sources)]. The author's abstract of the dissertation of the Doctor of History. Leningrad. (in Russian)

Morozov I. A., Sleptsova I. S. (2004) «*Krug igry*». *Prazdnik i igra v zhizni severnorusskogo krest'yanina (XIX–XX vv.)* [The Circle of the Game. A holiday and a game in the life of a North-Russian peasant (XIX–XX centuries)]. Moscow: Indrik. (in Russian)

Myznikov S. A. (2017) *Etimologiya nekotorykh mifologicheskikh daniykh permskogo i pribaltiysko-finskogo proiskhozhdeniya v russkikh govorakh* [The etymology of some mythological data of the Permian and Baltic-Finnish origin in Russian dialects]. *Yazykovyye kontakty narodov Povolzh'ya, X: aktual'nyye problemy normativnoy i istoricheskoy fonetiki, grammatiki, leksikologii i stilistiki* [Language contacts of the peoples of the Volga region, X: actual problems of normative and historical phonetics, grammar, lexicology and stylistics]. Izhevsk: Udmurtskiy universitet: 226–236. (in Russian)

Petrukhin V. Y. (2005) *Mify finno-ugrov* [Myths of the Finno-Ugrians]. Moscow: Astrel' AST: Tranzitkniga. (in Russian)

Polyakova Ye. N. (1998) *Formirovaniye permskikh govorov* [The formation of Perm dialects]. *Russkiye govory Permskogo regiona. Formirovaniye. Funktsionirovaniye. Razvitiye* [Russian dialects of the Perm region. Formation. Functioning. Development]. Perm: Permskiy universitet: 4–30. (in Russian)

Popova R. P., Sazhina S. A. (2014) *Foneticheskiye i morfologicheskkiye osobennosti komi dialektov (sravnitel'nyy aspekt issledovaniya)* [Phonetic and morphological features of Komi dialects (comparative aspect of the study)]. Syktyvkar: Syktyvkar'skiy universitet. (in Russian)

Rédei K. (1988) *Uralisches etymologisches Wörterbuch* [Uralic etymological dictionary]. B. I. Uralische und finnisch-ugrische Schicht [Finnish-Permian and Finnish-Volgaic layer]. B. II. Finnisch-permische und finnisch-

wolgaische Schicht. Ugrische Schicht [Finnish-Permian and Finnish-Volgaic layer. Ugric layer]. Budapest. (in German)

Rusinova I. I. (2014a) Permskiye nazvaniya zlykh dukhov — pomoshchnikov kolduna na severnorusskom yazykovom fone [The Perm names of evil spirits are sorcerer's assistants on the North Russian linguistic background]. *Trudy Kamskoy arkheologo-etnograficheskoy ekspeditsii Permskogo gosudarstvennogo gumanitarno-pedagogicheskogo universiteta* [Proceedings of the Kamsky Archeological and Ethnographic Expedition of the Perm State Humanitarian and Pedagogical University], 9: 124–128. (in Russian)

Rusinova I. I. (2014b) Kto takiye busen'ki i kuleshata? [Who are the beads and kuleshata?]. *Severnorusskiye govory* [Northern Russian dialects], 13: 229–241. (in Russian)

Setälä E. N. (1912) Aus dem gebiet der lehnbeziehungen [From the field of loan relations]. *Finnisch-Ugrische Forschungen* [Finnish-Ugric Studies], B. XII, Heft 1–3: 161–289. (in German)

Shteyngold A. (2008) K probleme rekonstruktsii dokhristianskikh vozreniy staroverov Estonii (etimologicheskii analiz slova kolushechka) [On the problem of reconstruction of pre-Christian views of Old Believers in Estonia (etymological analysis of the word “kolushechka”)]. *Res Humanitariae IV*. Klaipėda: 108–124. (in Russian)

Sidorov A. S. (1992) O nekotorykh osobennostyakh yazyka russkogo naseleniya basseyna r. Yaren'gi [On some features of the language of the Russian population of the Yaren'ga River basin]. In: *Izbrannyye stat'i po komi yazyku* [Selected articles on the Komi language]. Syktyvkar: Komi knizhnoye izdatel'stvo: 36–44. (in Russian)

Smetanina Z. V. (2008) *Oblastnoy slovar' vyatskikh gororov* [Regional dictionary of Vyatka dialects]. Kirov: VyatGU. (in Russian)

Teush O. A. (2011) Novyye materialy po komi zaimstvovaniyam v govorakh Russkogo Severa (Lenskiy rayon Arkhangel'skoy oblasti) [New materials on Komi borrowings in the dialects of the Russian North (Lensky District, Arkhangelsk Region)]. *Uralo-altayskiye issledovaniya* [Ural-Altai Studies], 1(4): 110–120. (in Russian)

Trubachev O. N. (ed.) (1997) *Etimologicheskii slovar' slavyanskikh yazykov: Praslavyanskiy leksicheskiy fond* [Etymological Dictionary of Slavic Languages. Proto-Slavic Lexical Stock]. Vol. 13. Moscow: Nauka. (in Russian)

Turkin A. I. (1972) Komi toponimiya na territorii Arkhangel'skoy oblasti (basseyn nizhney Vychehdy) [Komi toponymy on the territory of the Arkhangelsk Region (basin of the Lower Vychehda)]. *Komi filologiya* [Komi philology], 14: 62–76. (in Russian)

Turkin A. I. (1992) Razmyshleniya o dialektnom chlenenii komi yazyka [Reflections on the dialectal division of the Komi language]. *Linguistica Uralica*, 1: 13–23. (in Russian)

Vinokurova I. Yu. (1994) *Kalendarnyye obryady, obychai i prazdniki vepsov (konets XIX – nach. XX vv.)* [Calendar ceremonies, customs and holidays of the Veps (late XIX – early XX centuries)]. St. Petersburg: Nauka. (in Russian)

Vinokurova I. Yu. (2015) *Mifologiya vepsov: entsiklopediya* [Mythology of the Veps: encyclopedia]. Petrozavodsk: Petrozavodskiiy universitet. (in Russian)

Vlasova M. (2008) *Entsiklopediya russkikh suyeveriy* [Encyclopedia of Russian superstitions]. St. Petersburg: Azbuka-Klassika. (in Russian)

Zherebtsov L. N. (1982) *Istoriko-kul'turnyye vzaimootnosheniya komi s sosednimi narodami* [Historical and cultural relations of the Komi with neighboring peoples]. Moscow: Nauka. (in Russian)

Zhilina T. I., Sakharova M. A., Sorvacheva V. A. (1961) *Sravnitel'nyy slovar' komi-zyryanskikh dialektov* [Comparative dictionary of Komi-Zyryan dialects]. Syktyvkar: Komi knizhnoye izdatel'stvo. (in Russian)

ЛЕКСИЧЕСКАЯ ОСНОВА
ЭТНОДИАЛЕКТНОЙ НЕРЕХТСКОЙ ЗОНЫ

*Ганцовская Нина Семеновна,
Горлова Татьяна Владимировна*

Костромской государственный университет,
им. Н. А. Некрасова,
Кострома, Россия
E-mail: gantsovsky_n@mail.ru

Цитирование: Ганцовская Н. С., Горлова Т. В. (2018) Лексическая основа этнодиалектной Нерехтской зоны. *Севернорусские говоры*, 17: 146–157.

Аннотация. В статье рассмотрены особенности лексики живых говоров этнодиалектной нерехтской зоны, лингвогеографические особенности которой выявляются на фоне костромских диалектов в пределах административных границ Костромской области. Сопоставление лексики нерехтской этнодиалектной зоны с лексикой говоров других районов Костромской области производится на материале краткого Костромского областного словаря (КрКОС), где за основу описания словарного состава говоров всех 24 районов Костромской области взят список слов VIII раздела Программы лексического атласа русских народных говоров «Семантика и ареалы». Общерусская лексика, содержащаяся в КрКОС, дает возможность проверить степень близости нерехтских говоров и литературного языка, что в дальнейшем позволит установить

возможные диалектные источники происхождения лексики литературного языка, а также скорректировать принадлежность изучаемых говоров к типу центральных или периферийных.

Данная работа посвящена памяти А. С. Герда и выполнена в русле тех методических приемов лингвогеографического анализа, которые он некогда применил при исследовании псковских говоров, взяв за образец определенный массив лексики.

Ключевые слова: диалектная лексика, костромские говоры, нерехтская этнодиалектная зона, краткий Костромской областной словарь.

Данная работа посвящена тем особенностям лексики живых говоров этнодиалектной нерехтской зоны, лингвогеографические особенности которой выявляются на фоне костромских диалектов в пределах административных границ Костромской области. Согласно внутреннему членению костромских говоров [Ганцовская 2017], говоры Костромской области делятся на северо-западные, юго-западные и восточные, но их лексика, несмотря на то что в составе северо-западных говоров находится Костромской акающий остров, является севернорусской. В силу исторических причин (преобладания черт древнейших волн славянского заселения края, новгородской или владими́ро-суздальской) в каждой из этих трех групп в неравной степени проявляются особенности говоров центрального или периферийного типа (о говорах центрального и периферийного типа см. [Русская диалектология 1964]). Черты периферийных говоров господствуют в восточных костромских землях, в состоянии динамического равновесия находятся в северо-западных и в минимальной степени в юго-западных территориях области. Выявление ареальных связей нерехтских говоров с говорами всех этих групп покажет их специфику в качестве говоров центрального или периферийного типа, определит объем общерусской лексики в их составе и соотношение с лексикой литературного языка.

Сопоставление нерехтской лексики с лексикой говоров других районов Костромской области производится на материале краткого Костромского областного словаря [Ганцовская 2018], где за основу описания словарного состава говоров всех 24 рай-

онов Костромской области взят список слов VIII раздела Программы лексического атласа русских народных говоров «Семантика и ареалы». К ним добавлены костромские аналоги диалектных слов из произведений Н. А. Некрасова и А. Н. Островского. Словарь имеет элементы энциклопедизма, построен по дифференциальному принципу отбора материала, понимаемому широко, близко к Программе ЛАРНГ. Отсюда наличие в нем большого количества общерусской лексики, которая даст возможность проверки степени близости нерехтских говоров и литературного языка, т. е. позволит точнее установить возможные диалектные источники происхождения лексики литературного языка, скорректировать принадлежность изучаемых говоров к типу центральных или периферийных.

Слова с пометой *нерехт.* присутствуют в подавляющем количестве словарных статей КрКОС, составляя примерно около 70 процентов лексического состава словаря. Наличие ареальных связей с лексикой трех групп лексики на территории Костромской области позволяет распределить их по трем позициям:

1. нерехтские слова, имеющие географические связи внутри юго-западной группы говоров;
2. нерехтские слова, имеющие географические связи с говорами северо-западной группы;
3. нерехтские слова, имеющие географические связи с говорами восточной группы, а также с говорами всех зон на территории Костромской области.

Рассмотрим более детально подобные связи на материале лексики, представленной в словарных статьях на четыре первые буквы алфавита. Это лексика служебная и знаменательная разных частей речи, в большей степени многозначная, что предопределено списком слов VIII раздела Программы ЛАРНГ, имеющая также омонимы и большое количество прилагательных и приставочной глагольной лексики, не входящих в основной тематический состав лексики ЛАРНГ. Обращение к словникам диалектной лек-

сики Н. А. Некрасова и А. Н. Островского позволило привлечь в словарь этнодиалектную лексику, лексику природы и лексику терминологического характера.

1 ПОЗИЦИЯ. Слова юго-западной группы говоров Нерехтского, Красносельского, Костромского, Сусанинского, Судиславского, Буйского, Островского районов.

Здесь оказалось сравнительно немного слов. Это разделительный союз *альбо*, который употребляется в нерехтских говорах (*В Ярославль-то сегодня поедешь, альбо нет?*) и в говорах Костромского района; та же самая территория распространения и у слова *бабурка* 'бабочка'; *баска* в первом значении 'оборка на блузке, платье'. Иногда слово встречается только в нерехтских говорах, но чаще в сочетаниях с лексикой этой группы. Таковы слова *бракованный* 'неполноценный' (*Да он бракованную невесту-то взял, бельмо у ей на левом глазу. А ничего, хорошо живут*); *брáтчик* 'двоюродный брат'; *бузун* 'крикун, скандалист'; *варáксать, варить* 'кипятить'; *вёдриться* 'наступать: о хорошей погоде' (*К вечеру-то вроде ведрится*); *вёдры* 'хорошая погода' (*На дворе-то всю неделю вёдры стояли...*); *верёнька* 'плетеная корзина из неочищенных прутьев' (*В верёньку картошку кладут, когда копают...*); *вершúна* 'верхушка снопа'; *взбуетёнить* 'нарушить порядок'; *вилók* 'кочан капусты'; *водополье* 'весенний разлив при таянии снега, половодье' (*В водополье-то к магазину не пройдёшь, не то, что за овраг*); *гад* 'прорицатель'; *гладыш* 'плоский, гладкий камень'; *гнёт* 'камень или другая тяжесть, которую кладут на капусту, грибы, когда их солят'; *гнетить* 'утеплять стены избы снаружи, обкладывая соломой'.

2 ПОЗИЦИЯ. Это слова юго-западной и северо-западной группы говоров Парфеньевского, Галичского, Чухломского, Солигаличского районов, поунженских говоров Макарьевского, Мантуровского районов и примыкающих к ним Антроповского и Нейского районов.

В данной позиции значительно больше нерехтских слов, имеющих ареальные связи внутри группы и за ее пределами. Это слова *бабочка* 'укладка снопов в поле' (*Сначала лен улежитя по-*

том его поднимают и в бабочки ставят); *бáска* ‘атласная блузка в талию с длинными рукавами’; *бели́ть* ‘добавлять молоко, сметану в кушанье’ (*Суп-то бели, вкусней будет*) и ‘отбеливать (холсты)’ (*Раньше-то белье али новину выстилали на наст, белили — как снеговое получалось*); *бели́ши* ‘белок яйца’ (*Белиши-то цыпляткам потяпай, пускай поклюют*); *благóй* ‘ненормальный, невменяемый человек’ (*Сын-то у нее как из армии пришел, совсем благой стал*); *болóтина* ‘болото’ (*Они в болотине было утонули*); *больша́к* ‘большая, проезжая дорога’ (*Еле на большак вышла, грязь такая*); *бор* ‘сосновый лес’ (*В бору чисто, мы, помню, сорьё убирать ходили*); *борови́к* ‘гриб-подосиновик’ (*Боровики-красноголовики в осиннике растут, туда и пойдём*) и ‘о крепком, здоровом человеке’ (*Вон он ещё какой боровик: двоих переживёт*); *борово́к* ‘окученный рядок овощей, главным образом картофеля’ (*Боровок-то длинный какой!*) и ‘снопы льна или зерновых, поставленный для просушки в длинный рядок’ (*Вчера лен вязали, в боровки ставили*); *браковáть* ‘брезговать, пренебрегать’ (*Раньше замуж за солдат не шли, браковали ими*); *братовья́* ‘мн. братья’ (*У меня все братовья погибли*); *буера́к* ‘рытвина на дороге’; *булы́га* ‘камень, валун, булыжник’ (*Ну, опеть булыг полно поле, как растут*); *бура́к* ‘свекла’ (*Ой, что я бураков нонче посадила!*); *бурачо́к* ‘спичечный коробок’; *ва́га* ‘деревянная перекладка, палка или верёвка, за которую тянули плуг, если пахали без лошадей’ (*В войну-то бабы... впрягутся в вагу и тянут плугот*); *вну́ка* ‘внучка’ (*У внуки моей глазенки большие, голубые-голубые*); *впросо́нках* ‘спросонья’; *в́ишка* ‘деревянное сооружение на высоких столбах для наблюдения за окрестностью’; *гла́дкий* ‘упитанный, откормленный’ (*Лошади-то какие у вас гладкие*); *гнездó* ‘пара снопов или веников, связанных вместе’ (*Я уж десятка два гнезд-от веников повесила на подволоке*); *годи́ть* ‘ждать’ (*Чего годить-то? Собирайся давай!*); *голомя́* ‘безвременно, давно’; *голь* ‘беднота, го́лью хлеба́ть’ ‘есть без хлеба’; *горба́ч* ‘горбатый человек’ и ‘трудолюбивый человек’ (*Ну, наш горбач с утра и дотемна горбачит*); *го́рка* ‘шкаф для посуды’ (*Возьми вон ополовник в горке, внизу*); *горла́ч* ‘узкогорлый кувшин’; *го́рница* ‘парадная комната

для гостей в деревенском доме' (*Я сковороду-то в горницу вынесла, чай, не понадобится совсем*); *гостьба́* 'пирушка'; *гра́бать* 'грести сено граблями'; *гребёнка́* 'металлический гребень для чесания льна' (*Лен-от вот этой гребённой чесали*).

3 ПОЗИЦИЯ. В данную группу входит количественно преобладающая по сравнению с другими позициями нерехтская лексика, имеющая ареальные связи с лексикой говоров к востоку от реки Унжи, а также и с другими костромскими территориями: *али́* 'разве, неужели' (*Али ты не слыхала о пожаре-то?*); *ба́бка* 'народная целительница' (*А потом её бабка в бане парила, травами поила*); *ба́бка* 'малая укладка снопов, включающая от 10 до 30 штук' (*За день, бывало, штук по сто бабок ставили*), 'деревянные козлы для распилки дров' (*Дрова-то на бабке пилили*); 'часть ткацкого станка в виде дощечки с дырочками, в которую вставляется гвоздь для передвижки пришвы́' (*Гвоздь-то в бабку вставляется — о ткацком стане*); *ба́йня* 'баня' (*Сейчас он из байни придет, погоди*), *ба́йня по-чёрному́* 'баня с печью без трубы́'; *балахо́н* 'верхняя рабочая одежда свободного покро́я' (*В балахоне-то я коров дою, хорошей оде́жи не напасёшься*); *ба́чить* 'говорить, болтать' (*Дедуля любил бачить с мужиками*); *белёный суп* 'вид овощного супа, забелённого сметаной' (*Мам, беленого супа свари*); *братáн* 'брат' (*Теперь надо к братану зайти*); *брате́льник* 'брат' (*Брательник на Май в гости звал*); *бры́ла* и *бры́ла* 'губа человека или животного' (*Смотри, брылы ошпаришь. Чай-то горяч*); *буе́ра́к* 'рытвина, ухаб, яма на дороге' (*На дороге буераки одне — не пройти, не проехать*); *бузу́н* 'каменная кормовая соль для животных' (*Посыть скотине бузуна!*); *валёк* 'деревянная дощечка с ручкой для околачивания головок льна' (*А потом лен на скамейке вальком околачивали*) и 'широкая лопатка с ручкой для выколачивания белья при полоскании' (*Зазевалася, валёк в воду уронила*); *вар* 'специальная чёрная смола для сапожного дела' (*Варом нитки натирали, сапоги подшивать*); *сварга́нить* 'сготовить, сделать быстро' (*Сейчас я быстро яишенку сварганю*); *ва́рево* 'горячее первое блюдо' (*Бывало, поставят варево на стол, а там вода да картошка*); *ве́дреный* 'ясный, погожий' (*День завтра вед-*

ренный будет); *ведрено* ‘ясно, солнечно’ (*Сегодня ведрено, но морозно*); *ведрить* ‘становиться ясным, проясняться (о погоде)’ (*Вроде ведрить начинает к вечеру-то, хоть бы завтра косить начать*); *вэкса* ‘белка’ (*Нашли они вексу в лесу, слабая такая, больная*) и как *вэкса* ‘быстрый, юркий, подвижный человек’ (*Ты куда, как векса, залезла?*); *вэрес* ‘можжевельник’ (*Вэрес-то заваривали да пили. Лечебный он*); *вершинник* ‘сучья, хворост от деревьев’ (*Вершиннику натяпала сорок пучков, перевозить надо*); *вечэрять* ‘сумерничать, отдыхать, не зажигая света’ (*Где была-то? — Да вечерять к Марье ходила*); *выть* ‘громко плакать, рыдать’ (*Матрена-то всю ночь по Косте выла*); *гашиник* ‘пояс у мужских штанов’ (*В лужу провалилась по самый гашиник*); *голиця* ‘рабочие рукавицы из грубой ткани, кожи’ (*Без голиц-то в поле лучше и не суйся*); *гребтэться* ‘иметь назойливое желание, предчувствие’ (*Так и гребтэтся, что надо к тебе зайти*); *грядка* ‘перекладина, на которой крепятся полати’ (*Держись за грядку-то и полезай на полати*) и ‘полка вдоль стены для посуды или выпечки’ (*Горячие хлебы мама на грядку кладёт под полотенце*); *губа* ‘съедобный гриб’ (*У нас черные грузди ореховые губы зовут, а больше никакие*), *гулянка* ‘гулянье с гармонью и песнями’ (*Гулянки по деревне у нас каждый праздник были*) и ‘пирушка, застолье’ (*У них сегодня гулянка: сына в армию провожают*); *гулять* ‘развлекаться, праздновать, отдыхать’ (*Весело гуляли. Впереди гармонист. Частушки пели*), *гулять свадьбу* ‘праздновать бракосочетание’ (*Нынче у племянницы свадьбу гулять будем*).

Лексика рассмотренных позиций характеризует разные стороны жизни крестьянина:

1. мир природы (животный мир, растения и грибы, состояние погоды, рельеф местности):
  - 1 ПОЗИЦИЯ: *бабурка, ведрится, ведры, водополье, гладыш*;
  - 2 ПОЗИЦИЯ: *болотина, бор, булыга*;
  - 3 ПОЗИЦИЯ: *буерак, ведренный, ведрить, вэкса, как векса, вершинный*.

2. мир дома и человека (убранство дома, одежда, продукты, еда и ее приготовление, родство, характеристика человека):

- 1 ПОЗИЦИЯ: *верёнька, вилók, взбутетёнить, гнёт, гнетитъ, бáска, бракованный, бра́тчик, бузун, гад;*
- 2 ПОЗИЦИЯ: *бáска, благой, бельиш, браковать, братовья, бура́к, внука, га́шник, голь, го́лью хлебáть, горбáч, гóрка, гóрница;*
- 3 ПОЗИЦИЯ: *балахóн, бáчить, белёный суп, братáн, брательник, бри́ла, бузун, варгáнить, как вёкша, вечёрять, га́шник, голи́ца, гребтётся, грядка, гулянка, гуля́ть, гуля́ть свадьбу.*

3. мир трудовой деятельности (сельское хозяйство и др. трудовая деятельность, ремесла):

- 1 ПОЗИЦИЯ: *верши́ть;*
- 2 ПОЗИЦИЯ: *ба́бочка, боровóк, ва́га, вы́шка, гра́бать, гребёнка, гла́дкий (о лошади).*
- 3 ПОЗИЦИЯ: *валёк, вар.*

Рассмотренные материалы свидетельствуют о континуальности лексики на всем пространстве Костромской области и о ее большей монотонности в области изосем, чем в области изолекс в западнокостромских говорах, а также об обратном явлении в восточнокостромских говорах. В последних заметна также известная задержка архаической областной лексики в ее разнообразных значениях, свидетельствующих о сложности семантической структуры слова, нередко приводящей к гомогенной омонимии, которую, впрочем, можно отметить на всей территории области. Обращает на себя внимание тематический состав лексики всего пространства Костромской области на сегодняшний день — хорошая сохранность лексики 1 ПОЗИЦИИ и особенно 2 ПОЗИЦИИ и малая актуальность на сегодняшний день производственной лексики, уже ушедших или почти ушедших в прошлое ремесел, а также составляющих сельскохозяйственного труда.

Что касается общерусской лексики, то в большей мере она присутствует в составе лексики 1 и 2 ПОЗИЦИЙ, здесь же мы можем наблюдать и ее известную переключку с лексикой литературного языка. Правда, часть ее, типа слов *бáска, благóй, бракованный, гáсник, иордáнь, капóт, лабáз, напáрник, рíга* и др. мы можем считать заимствованными из литературного языка в говоры, но слова 2 ПОЗИЦИИ *болóтина, бор, буерáк, вершiнный, вилóк, взбутетéнить, впросóнках, гнёт, гнетiть, бракованный, бузún, гад, голь, гóрка, гóрница, балахóн, братáн, брательник, бузún, сваргáнить, вечеря́ть, гáшник (загáшник), голiца, гребтéться, грядка, гуля́нка, гуля́ть, вершiть, бáбочка, боровóк, ва́га, вiшка, гра́бать, гребёнка, глáдкий, валёк, вар* как изолексы присутствуют в разных сферах литературного языка, его кодифицированных и некодифицированных, просторечных и проч. формах. В наших материалах по известным причинам (источник их — наш КрКОС дифференцированного типа) нет неотъемлемой для всех севернорусских говоров лексики и считающейся бесспорно литературной типа *изба, горшок, кринка, ухват, свёкла, морковь, грибы, хвоя, баба, дядька, дедка* и др. Преимущественное наличие ее в севернорусских говорах центрального типа позволяет предположить, что именно костромские говоры являются одним из наиболее вероятных источников формирования лексики русского литературного языка нового типа. Однако этот вопрос требует более детального обоснования и может быть разрешен при последующих исследованиях разного рода, особенно этимологических. И здесь надо прислушаться к мнению С. А. Мызникова о том, что «основой для этимологического исследования в сфере этимологии может быть только полная совокупность данных: варианты формы слова, полный семантический объем гнезда, ареальная привязка анализируемых данных» [Мызников 2015: 33]. Многомерные исследования русских говоров на стыке многих наук и в разных направлениях, в том числе и при изучении связи говоров и русского литературного языка, «могут многое сделать, — как подчеркивал А. С. Герд, — в уточне-

нии таких общих категориальных понятий, как этническая общность, этнос, субэтнос, идентичность» [Герд 2015: 13].

Выражение благодарности

Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований. Проект № 18-012-00809а «Диалектное исследование лексики и ономастики Костромского края».

Литература

Аванесов Р. И., Орлова В. Г. (ред.) (1964) *Русская диалектология*. М.: Наука.

Ганцовская Н. С. (2017) Говоры Костромской области: проблемы внутреннего членения. *Вестник Костромского государственного университета*, 23: 65–70.

Ганцовская Н. С. (2018) Краткий Костромской областной словарь. *Костромские говоры: учебный комплекс*: в 2 т. Т. 2. Кострома: Изд-во КГУ.

Герд А. С. (2015) Языкознание и этнография. *Севернорусские говоры*, 14: 5–13.

Мызников С. А. (2015) Севернорусская лексика в восточнославянском контексте. *Севернорусские говоры*, 14: 21–36.

Сокращения источников

КрКОС — Ганцовская Н. С., Маширова Г. И. (2006) *Живое костромское слово: краткий костромской областной словарь*. Кострома: КГУ им. Н. А. Некрасова.

ЛАРНГ — Лексический атлас русских народных говоров.

THE LEXICAL BASIS OF THE NEREKHTA ETHNO-DIALECTAL ZONE

Nina Gantsovskaya, Tatyana Gorlova

Kostroma State University,
Kostroma, Russia
E-mail: gantsovsky_n@mail.ru

Citation: Gantsovskaya N., Gorlova T. (2018) Leksicheskaya osnova etnodialektnoy Nerekhtskoy zony [The lexical basis of the Nerekhta ethno-dialectal zone]. *Severnorusskiye govory* [Northern Russian dialects], 17: 146–157. (in Russian)

Abstract. The article deals with the features of the vocabulary of living dialects of the ethno-dialectal Nerekhta zone, whose linguistic and geographic features are revealed against the background of Kostroma dialects within the administrative boundaries of the Kostroma region. A comparison of the vocabulary of the ethno-dialectal zone with the vocabulary of dialects of other regions of the Kostroma region is made on the basis of the “Short Kostroma regional dictionary” (KRKOS), where the list of words of the VIII section of the Program of the lexical atlas of Russian folk dialects “Semantics and Areal is taken as a basis for the description of the vocabulary of dialects of all 24 districts of the Kostroma region”. The all-Russian lexis contained in the KRKOS makes it possible to verify the degree of affinity of the Nerekhta dialects and the literary language, which in the future will allow us to establish possible dialectal sources of the origin of the lexis of the literary language, and also to adjust the affiliation of the dialects to the type of central or peripheral ones.

This work is devoted to the memory of A. Gerd and performed in the mainstream of those methodological methods of linguogeographical analysis, which he once applied in the study of Pskov dialects, taking for a sample a certain array of lexis.

Keywords: dialectal lexis, Kostroma dialects, Nerekhta ethno-dialectal zone, Short Kostroma regional dictionary.

Acknowledgements

The article was prepared with the financial support of the Russian Foundation of Basic Research. Project № 18-012-00809 “Study of the dialectic lexis and onomastics of the Kostroma Region”.

References

Avanesov R. I., Orlova V. G. (eds.) (1964) *Russkaya dialektologiya* [Russian dialectology]. Moscow: Nauka. (in Russian)

Gantsovskaya N. S. (2017) Govory Kostromskoy oblasti: problemy vnutrennego chleneniya [Kostroma region dialects: internal division issues]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Kostroma State University], 23: 65–70. (in Russian)

Gantsovskaya N. S. (2018) Kratkiy Kostromskoy oblastnoy slovar' [Short Kostroma regional dictionary]. *Kostromskiye govory: uchebnyy kompleks* [Kostroma dialects. Tutorial. Vol. 2]. Kostroma: Izd-vo KGU. (in Russian)

Gantsovskaya N. S., Mashirova G. I. (2006) *Zhivoye kostromskoye slovo: kratkiy kostromskoy oblastnoy slovar'* [A living Kostroma word: a short Kostroma regional dictionary]. Kostroma: Izd-vo KGU.

Gerd A. S. (2015) Yazykoznaniye i etnografiya [Linguistics and Ethnography]. *Severnorusskiye govory* [Northern Russian Dialects], 14: 5–13. (in Russian)

Myznikov S. A. (2015) Severnorusskaya leksika v vostochnoslavlyanskom kontekste [Northern Russian Lexicon in the East Slavic Context]. *Severnorusskiye govory* [Northern Russian Dialects], 14: 21–36. (in Russian)

БОРБУШИНСКИЙ ГОВОР: 30 ЛЕТ ИЗУЧЕНИЯ

Ильина Елена Николаевна

Вологодский государственный университет,
Вологда, Россия
E-mail: filfak@list.ru

Цитирование: Ильина Е. Н. (2018) Борбушинский говор: 30 лет изучения. *Севернорусские говоры*, 17: 158–168.

Аннотация. В статье подводятся итоги изучения говора деревни Борбушина Кирилловского района Вологодской области и определяются перспективы сведения полученных данных в единый электронный корпус. В течение 30 лет вологодские студенты и преподаватели собирали образцы народного говора по программе «Лексического атласа русских народных говоров» и специализированным словообразовательным программам, записывали устные рассказы об истории деревни, о ее бытовой и духовной культуре, формировали фото-, видео- и аудиоархив, представляющий внешний облик деревни и ее жителей, а также отражающий историю работы диалектологов с этими материалами. Большое количество местных слов представлено в «Словаре вологодских говоров» и отражено в картотеке «Лексического атласа русских народных говоров». Особенности словообразовательной системы говора отражены в нескольких диссертациях и монографических исследованиях, а также в базе данных «Диалектного словаря строения слов». Речевые портреты жителей деревни послужили основой для монографий «Народная речь Вологодского края: говоры Кирилловского района Вологодской области» и «Народная речь Вологодского края: опыт мужского речевого портрета», а также для опыта электронного «Словаря языковой личности уроженца Кирилловского района Вологодской области». Устные рассказы о трудовых и игровых традициях Борбушина определили логику создания электронного корпуса локальных текстов «Жизненный круг». Значительный по объему и разнообразный по проблематике сбора речевой материал, полученный в результате изучения говора деревни Борбушина Кирилловского района Вологодской области, требует гипертекстовой формы хранения и репрезентации. В заключительной части статьи определяются ее необходимые свойства, обеспечивающие надежность сохранения информации, многообразие видов

ее поиска и, в конечном итоге, адекватность представления лингвистической и культурной самобытности изучаемой территории.

Ключевые слова: диалектология, говоры Вологодской области.

Описание говоров Вологодского края относится к числу актуальных научных задач, решение которых продолжается уже не одно столетие, на каждом из этапов своего развития приобретая новые черты. В начале XXI в. было завершено первое издание регионального толкового «Словаря вологодских говоров» [СВГ], а также был опубликован ряд работ, предлагающих системное многоаспектное описание говоров отдельных диалектных систем [Андреева, Громыко, Драчева и др. 2015; Андреева, Варникова, Глебова и др. 2016], в том числе говоров территорий исторического Белозерья [Ильина, Ганичева, Драчева и др. 2014; Волкова, Ганичева, Загуменнов и др. 2017]. Один из говоров этой территории — говор деревни Борбушина Кирилловского района Вологодской области — вологодские диалектологи изучают с 1988 г. В данной статье подводятся некоторые итоги этой работы, а также определяются перспективы систематизации ее результатов.

Деревня Борбушино расположена в 120 км от областного центра (ее географические координаты составляют примерно 59°54' с. ш. и 38°32' в. д.), в настоящее время входит в состав Ферапонтовского сельского поселения. Название деревни Ю. И. Чайкина связывает с личным именем *Борбуша / Борбоша* «тот, кто бормочет, говорит», обращая внимание на то, что первое упоминание об этом поселении датируется серединой XVI в. [Чайкина 1988: 17]. Говор деревни Борбушина относится северному наречию, эксплицируя черты вологодской и белозерско-бежецкой групп говоров (подробнее об этом: [Ильина, Ганичева, Драчева и др. 2014; Ильина, Ганичева, 2012]). В XX в. деревня Борбушино была довольно многочисленной: основное ее население было занято сельскохозяйственным трудом — в поле или на молочной ферме; до 1970-х гг. в деревне работала начальная школа, примерно до конца 1990-х – начала 2000-х гг. функционировали почтовое отделение, магазин, медпункт и сельский клуб. Согласно переписи

си населения 2002 г., в деревне было зарегистрировано 30 жителей; в настоящее время в Борбушине постоянно проживает не более десяти человек.

Наиболее ранние экспедиции в Борбушино (80-е – начало 90-х гг. XX в.) были ориентированы на сбор диалектной лексики для «Словаря вологодских говоров» и работу по тематическим разделам программы «Лексического атласа русских народных говоров». На данный момент апробированы все разделы этой программы, получен весьма обширный речевой материал, вошедший в картотеку лексического атласа и продублированный для картотеки регионального толкового словаря. В седьмом и последующих выпусках «Словаря вологодских говоров» введена специальная помета (Кир. Борб.), многие лексемы в его составе проиллюстрированы исключительно борбушинскими примерами: *слабьяк* ‘физически слабый человек’ [СВГ 10: 41]; *славутничать* ‘проводить молодые годы до замужества или женитьбы’ [СВГ 10: 44], *слакун* ‘человек, который любит сладкое’ [СВГ 10: 47], *средняк* ‘средний сын’ [СВГ 10: 110] и др. В это же время в Борбушино приезжали многие иностранные студенты, изучавшие в Вологде русский язык как иностранный. Целью их работы было знакомство с бытовой и духовной культурой северной деревни. Результаты этой деятельности были представлены в творческих работах студентов: рассказах об одном дне, проведенном в Борбушине, словесных портретах коренных жителей деревни, описаниях диалектных слов, значение и происхождение которых студенты узнали, и др.

Во второй половине 1990-х и начале 2000-х гг. при изучении говора этой территории разрабатывались и активно апробировались вопросники, ориентированные на исследование структурной организации слов [Шаброва 1997; Шаброва 1998; Шаброва 2003]. Описание ретроспективных связей слов, ранее представленных в «Словаре вологодских говоров», дало возможность подтвердить существование в борбушинском говоре многих бесприставочных глаголов: *на-вирзать* ‘надеть’ [СВГ 5: 27; Кир.] — *вирзать*: *Что было, то и вирзали на себя, не разбирали, навирзаешь*

и идёшь (Кир. Борб.); *на-зукать* ‘натравить’ [СВГ 5: 27; Кир.] — *зукать*: *Зукали на каждого прохожего* (Кир. Борб.); *вы-шихать* ‘прогнать’ [СВГ 1: 104; Баб.] — *шихать*: *Куриц шихаю, у самого крылечка порхают, грязи сколько кругом* (Кир. Борб.); др. А использование методики матричного построения словообразовательного гнезда позволило систематизировать структурно-семантические связи однокоренных слов и описать специфику словообразовательной системы исследуемого говора [Шаброва 2004], положив тем самым начало созданию диалектного словаря строения слов, с одной стороны, как базы данных с различными вариантами поиска по компонентам сегментированных словоформ [Голубев, Ильина, Крылова и др. 2010], а с другой, как словаря диалектных корневых гнезд деривационного, недеривационного и смешанного типов. Пример подобного гнезда, реализующего словообразовательный потенциал глагола *блудить* ‘терять дорогу, сбиваться с пути; делать то, что не подобает; нарушать супружескую верность’, приводится ниже.

1) <i>блуд/и/ть</i> → ‘терять дорогу, сбиваться с пути’	<i>блуд-н(я)</i> ‘тот, кто заблудился’ <i>блудить-ся</i> → ‘терять дорогу, сбиваться с пути’	<i>за-блудиться</i> → ‘потерять дорогу, сбиться с пути’	<i>заблуж-а-ться</i> ‘терять дорогу, сбившись с пути’ <i>заблуд-ящ(ий)</i> (в знач. сущ.) ‘тот, кто заблудился’
<i>но-блудить</i> ‘поплутать, сбившись с дороги’ <i>про-блудить</i> ‘проплутать некоторое время, сбившись с дороги’			

2) <i>блуд/и/ть</i> → ‘портить; воровать, таскать без спросу’	<i>блуд-н(я)</i> ‘тот, кто берет что-либо без спросу’ <i>из-блудить</i> ‘изрезать, плохо раскроить; испортить, слизав сливки на всех, многих емкостях’ <i>на-блудить</i> ‘сделать что-либо некачественно, плохо; украсть’ <i>но-блудить</i> ‘украсть, взять молча’	

3) блуд/и/ть → ‘нарушать супружескую верность’	блуд → ‘прелюбодеяние, супружеская неверность’	блуд-н(ый) ‘неверный’	
	блуд-ил(о) ‘неверный супруг, супруга’		
	блуд-н(я) ‘неверный супруг (супруга)’		
	блуд-яч(ий) ‘склонный к супружеской неверности’		
	из-блудить ‘изнасиловать’		
	до-блудить ‘получить какие-либо неприятные последствия в результате нарушения супружеской верности’		
	на-блудить ‘нарушить супружескую верность’		
	по-блудить ‘попрелюбодействовать в течение какого-либо времени’		
	*при-блудить →	приблуд-ок ‘незаконнорожденный ребенок’	приблуд-ыш ‘незаконнорожденный ребенок’
	с-блудить ‘нарушить супружескую верность’	приблуд-н(ый) ‘внебрачный, незаконнорожденный’	

Устные рассказы жителей Борбушина о своей жизни, собираемые в течение нескольких десятилетий, положили основу лингвоперсонологического направления в исследовании местного говора: начиная с 2014 г. Вологодский государственный университет публикует серию речевых портретов жителей Борбушина, наших основных информантов — Анны Алексеевны и Николая Павловича Шабровых, Аполлинарии Виссарионовны Харитоновой и др. При активном участии Н. П. Шаброва результаты наших бесед с ним и написанные автором воспоминания о родной деревне трансформировались в опыт электронного словаря языковой личности [Ганичева 2015], а также составили значительный по объему и интересный по проблематике раздел коллективной монографии, посвященной мужскому речевому портрету жителей Вологодского края [Волкова, Ганичева, Загуменнов и др. 2017]. Ниже приводится один из рассказов, написанных Н. П. Шабровым о родной деревне.

Раньше в Ферапонтово ходили и ездили через перевал, который называли серёдка. Тропинки проходили из двух деревень: Борбушина и Быкова — и у самого перевала соединялись в одну. Ещё в раннем детстве я запомнил ту тропинку, что шла из Борбу-

шина: по ней в Ферапонтово уходили мать и Александра Дмитриевна за пайком (хлебом или чем-нибудь ещё). И вот, движимые голодом, мы втроем: сестра Ольга, Нина Семёнова и я — отправлялись по этой тропинке к перевалу. Мы боялись леса и поэтому доходили только до опушки, сидели там и ждали, когда возвратятся матери. А когда дождёмся, получали по маленькому куску хлеба, который тут же жадно съедали. Матери заранее специально отрезали по кусочку каждому: знали, что дети придут их встречать.

Вот такие первые воспоминания о дороге в Ферапонтово. С сентября и до декабря и с апреля до июня наша дорога шла туда, в школу. Она начиналась у Глиняного отвода (там, старухи говорили, в далёкие времена стояла наша деревня, но потом, после эпидемии, жители ушли на новое место), до самого Загорья шла лесом, в котором пасли скот. Так что лесной дороги мы не боялись — людей в ту пору ходило много.

Лес был в основном лиственный по причине грандиозного пожара, случившегося в тех местах около 1906–1907 годов: все еловые и сосновые деревья сгорели, а на их месте выросли осина, ольха, берёза, черёмуха. Это сейчас гора Роскина одевается елью, вытесняя лиственные породы (сто лет требуется, чтобы выросли те деревья, что сгорели в огне лесного пожара). Но и сейчас кое-где видны острова черёмухи, выделяющиеся белыми пятнами в нарастающих массивах ельника.

Одному же ходить по этой дороге, хоть и знакомой с детства, было жутковато, но надо. Старался ходить засветло. Если же было темно, то ходили через Оленьво: той дорогой перелесок был меньше и дорога шла больше полями и лугами. Идёшь серёдкой, весь в ознобе, по сторонам оглядываешься! Но идёшь: надо домой, надо в школу! А как показался отвод у Загорья или Глиняный отвод (завор на перевале), страх пропадает, словно и не было никогда. Становится радостно: никто не напугал, волк не съел! А уж оставшиеся километры идёшь с хорошим настроением, уже забыл, что только что дрожал от страха на лесной дороге.

Вот так прошли три года учёбы в ФерAPONTOBe. Те чувства, что терзали детскую душу на лесной дороге, не забыть никогда! Для смелости в руках всегда была палка. И это придавало силы, уверенности, что лес преодолею. Не знаю, какие чувства терзали взрослых, которые знали о том, что дети идут сейчас лесом одни по ночной дороге.

Зимой ходили через Оденёво. Но и там, как стемнеет, было жутко. Лезли в голову мысли, что нападут волки, съедят и оставят только ноги в катаниках, так как катаники труднее всего разгрызть. Зимой ходили обычно толпой. А потом опять приходила весна, было много солнца, и по дороге уже веселее было ходить.

Систематизируя данные, полученные в процессе многолетне-го изучения борбушинского говора, мы столкнулись с проблемой поиска адекватной формы хранения и репрезентации полученных данных. Наиболее приемлемым нам представляется создание электронного ресурса, который обеспечил бы хранение как значительного по объёму и разнопланового по содержанию речевого материала в формате орфографической или приближенной к ней записи, так и аудиозаписей речи, а также многочисленных фото- и видеоиллюстраций. Существование прототипических разработок, уже содержащих материал борбушинского говора [Голубев, Ильина, Крылова и др. 2010; Ганичева 2015; др.], убеждают нас в реальности достижения этой цели.

Литература

Андреева Е. П., Громыко С. А., Драчева Ю. Н., Загуменнов А. В., Зорина Л. Ю., Зубова Н. Н., Иванова Е. Н., Ильина Е. Н., Колесова И. Е., Комлева Н. В., Овсянникова Т. Г., Парменова Т. В., Яцкевич Л. Г. (2015) *Народная речь Вологодского края: между прошлым и будущим*. Вологда: Легия.

Андреева Е. П., Варникова Е. Н., Глебова Д. В., Зорина Л. Ю., Иванова Е. Н., Ильина Е. Н., Комлева Н. В., Овсянникова Т. Г. (2016) *Режские тексты как источник этнолингвистического описания севернорусского идиома*. Вологда: ВоГУ.

Волкова Н. А., Ганичева С. А., Загуменнов А. В., Ильина Е. Н., Мельникова Н. Г. (2017) *Народная речь Вологодского края: опыт мужского рецевого портрета. Монография*. Вологда; Череповец: ЧГУ.

Ганичева С. А. (2015) *Материалы к словарю уроженца Кирилловского района Вологодской области*. [http://pi.vogu35.ru/slovar_yaz_lichnosti/index.htm].

Голубев О. Б., Ильина Е. Н., Крылова А. Б., Никифоров О. Ю. (2010) *Диалектный словарь строения слов: принципы создания электронной версии. Слово и текст в культурном сознании эпохи*. Вологда: Легия: 180–184.

Ильина Е. Н., Ганичева С. А., Драчева Ю. Н., Мельникова Н. Г. (2014) *Народная речь Вологодского края: говоры Кирилловского района Вологодской области: монография*. Вологда: Легия.

Ильина Е. Н., Ганичева С. А. (2012) *Основы лингвистической географии Вологодской области: учебно-методическое пособие*. Вологда: Легия.

Чайкина Ю. И. (1988) *Географические названия Вологодской области*. Архангельск; Вологда: Северо-Западное книжное издательство, Вологодское отделение.

Шаброва Е. Н. (1997) *Структура производных глаголов в вологодских говорах*. Дисс. ... канд. филол. наук. Вологда: ВГПУ.

Шаброва Е. Н. (1998) *Производные глаголы в русских говорах*. Учебно-методическое пособие. Вологда: ВоГУ.

Шаброва Е. Н. (2003) *Морфемика диалектного глагола*. Дисс. ... д. филол. наук. СПб.: СПбГУ.

Шаброва Е. Н. (2004) *Морфемный и словообразовательный анализ слова в русских народных говорах: монография*. Вологда: Легия.

Сокращения источников

СВГ — *Словарь вологодских говоров*. Учебное пособие по русской диалектологии. Ред. Т. Г. Паникаровская (Вып. 1–7); Т. Г. Паникаровская, Л. Ю. Зорина (Вып. 8–12). Вологда, 1983–2007.

BORBUSHIN'S DIALECT: 30 YEARS OF STUDY

Elena Ilyna

Vologda State University,
Vologda, Russia
E-mail: filfak@list.ru

Citation: Ilyna E. (2018) Borbushinskiy govor: 30 let izucheniya [Borbushin's dialect: 30 years of study]. *Severnoruskiye govory* [Northern Russian dialects], 17: 158–168. (in Russian)

Abstract. The article sums up the study of the dialect of the village of Borbushin in the Kirillovsky district of the Vologda region and determines the prospects for reducing the data to a single electronic building. For 30 years, Vologda students and teachers collected samples of folk dialects according to the program “Lexical Atlas of Russian Folk Dialects” and specialized word-building programs, recorded oral stories about the history of the village, its everyday and spiritual culture, formed a photo, video and audio archive representing the external appearance of the village and its inhabitants, as well as reflecting the history of the work of dialectologists with these materials. A large number of local words are presented in the “Dictionary of Vologda dialects” and is reflected in the card file of the “Lexical Atlas of Russian Folk Dialects”. The features of the word-formation system of the dialect are reflected in several dissertations and monographic studies, as well as in the database of the “Dialectal Dictionary of the Structure of Words”. Speech portraits of the villagers served as the basis for the monographs “The People's Speech of the Vologda Region: Dialects of the Kirillovsky District of the Vologda Region” and “The People's Speech of the Vologda Region: Experience of the Male Speech Portrait”, as well as for the experience of the electronic “Dictionary of the Language Person of the Citizen of the Kirillovsky District of the Vologda Region”. Oral stories about the labor and game traditions of Borbushin determined the logic of creating an electronic body of local texts “The Life Circle”. Significant in terms of volume and diverse in terms of collection, speech material obtained as a result of studying the dialect of Borbushin village of the Kirillovsky district of the Vologda region requires a hypertext form of storage and representation. In the final part of the article, its necessary properties are determined, ensuring the reliability of information preservation, the variety of types of its search and, ultimately,

the adequacy of the representation of the linguistic and cultural identity of the studied territory.

Keywords: dialectology, dialects of the Vologda region.

References

Andreyeva E. P., Gromyko S. A., Dracheva Yu. N., Zagumennov A. V., Zorina L. Yu., Zubova N. N., Ivanova E. N., Ilyina E. N., Kolesova I. E., Komleva N. V., Ovsyannikova T. G., Parmenova T. V., Yatskevich L. G. (2015) *Narodnaya rech Vologodskogo kraya: mezhdru proshlym i budushhim* [Folk speech of the Vologda region: between the past and future]. Vologda: Legia. (in Russian)

Andreyeva E. P., Varnikova E. N., Glebova D. V., Zorina L. Yu., Ivanova E. N., Ilyina E. N., Komleva N. V., Ovsyannikova T. G. (2016) *Rezhskie teksty kak istochnik ehtnolingvisticheskogo opisaniya severnorusskogo idioma* [Texts of the Rezh dialect as a source of the ethnolinguistic description of North Russian idiom]. Vologda: VOGU. (in Russian)

Chaykina Yu. I. (1988) *Geograficheskiye nazvaniya Vologodskoy oblasti* [Geographical names of the Vologda region]. Arkhangelsk; Vologda: Severo-Zapadnoye knizhnoye izdatel'stvo, Vologodskoye otdeleniye.

Ganicheva S. A. (2015) *Materialy k slovaryu urozhentsa Kirillovskogo rayona Vologodskoy oblasti* [Materials to the dictionary of the native of Kirillovsky district of the Vologda region] [http://pi.vogu35.ru/slovar_yaz_lichnosti/index.htm] (in Russian)

Golubev O. B., Ilyina E. N., Krylova A. B., Nikiforov O. Yu. (2010) *Dialektnyy slovar' stroeniya slov: printsipy sozdaniya ehlektronnoy versii* [Dialect dictionary of a structure of words: the principles of creation of the electronic version]. *Slovo i tekst v kul'turnom soznanii ehpokhi* [The Word and the text in cultural consciousness of an era]. Vologda: Legia: 180–184. (in Russian)

Ilyina E. N., Ganicheva S. A. (2012) *Osnovy lingvisticheskoy geografii Vologodskoy oblasti* [Fundamentals of linguistic geography of the Vologda region: the manual]. Vologda: Legia. (in Russian)

Ilyina E. N., Ganicheva S. A., Dracheva Yu. N., Melnikova N. G. (2004) *Narodnaya rech Vologodskogo kraya: govory Kirillovskogo rayona Vologodskoy oblasti* [Folk speech of the Vologda region: dialects of Kirillovsky district of the Vologda region: Monograph]. Vologda: Legia. (in Russian)

Panikarovskaya T. G., Zorina L. Yu. et al. (Eds.). (1983–2007) *Slovar' vologodskikh govorov*. [Dictionary of Vologda dialects. Textbook on Russian dialectology]. Vol. 1–12. Vologda. (in Russian)

Shabrova E. N. (1997) *Struktura neproizvodnykh glagolov v vologodskikh govorakh* [Structure of non-productive verbs in the Vologda dialects. Dissertation of the Candidate of Sciences (Philology)]. Vologda: VGPU.

Shabrova E. N. (1998) *Proizvodnye glagoly v russkikh govorakh* [Derivative verbs in the Russian dialects: the manual]. Vologda: VOGU.

Shabrova E. N. (2003) *Morfemika dialektного glagola* [Morphemics of a dialect verb. Dissertation of the Doctor of Sciences (Philology)]. SPb: St. Petersburg State University.

Shabrova E. N. (2004) *Morfemnyy i slovoobrazovatel'nyy analiz slova v russkikh narodnykh govorakh* [The morphemic and word-formation analysis of a word in the Russian national dialects: Monograph]. Vologda: Legia.

Volkova N. A., Ganicheva S. A., Zagumennov A. V., Ilyina E. N., Melnikova N. G. (2017) *Narodnaya rech Vologodskogo kraya: opyt muzhskogo rechevogo portreta* [Folk speech of the Vologda region: experience of a men's speech portrait. Monograph]. Vologda; Cherepovets: ChGU. (in Russian)

ЭЛЕМЕНТЫ ДИАЛЕКТНОЙ ЛЕКСИКИ ПОМОРСКОЙ И ОНЕЖСКОЙ ГРУПП В ГОВОРАХ САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОЙ ГУБЕРНИИ

Колосько Елена Валентиновна

Институт лингвистических исследований РАН,
Санкт-Петербург, Россия
E-mail: evkolosko@mail.ru

Цитирование: Колосько Е. В. (2018) Элементы диалектной лексики поморской и онежской групп в говорах Санкт-Петербургской губернии. *Севернорусские говоры*, 17: 169–183.

Аннотация. В статье рассматриваются лексические материалы Словаля русских народных говоров (СРНГ), которые свидетельствуют о процессе междиалектного взаимодействия на территориях северных губерний России в XIX в. Диалектная лексика, зафиксированная на территории Санкт-Петербургской губернии, имеет различные источники происхождения. Данные, опубликованные в СРНГ, дают возможность реконструировать процессы лексической «миграции», выявить зоны наиболее активных междиалектных контактов, определить тематический диапазон лексики, получившей распространение в соседствующих говорах. В статье приводятся примеры диалектизмов, относящихся к лексико-семантическим группам ландшафтных наименований и наименований растений. Автор анализирует полученные данные с точки зрения степени корреляции словоформ и их значений, выделяет полные и неполные соответствия, а также соотносимые лексические и семантические дериваты, которые косвенно свидетельствуют о наличии в рассматриваемых говорах сходных явлений.

Ключевые слова: говоры Санкт-Петербургской губернии, говоры поморской группы, говоры онежской группы, реконструкция междиалектных лексических связей, словообразовательная и семантическая деривация диалектной лексики.

В XIX в. происходил постоянный прирост населения Санкт-Петербурга. Население увеличивалось в основном за счет переселенцев из других регионов России. Это было связано, во-первых, с появлением крупных промышленных предприятий, развити-

ем ремесленничества и необходимостью обслуживать дворянское население, живущее в столице. Во-вторых, благодаря тому, что в нечерноземных губерниях России получила распространение оброчная система, значительная часть крестьян направилась на отхожий промысел в города. В Энциклопедическом словаре Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона говорится о том, что «в одном только С.-Петербургском уезде встречаются селения с числом жителей свыше 3000 благодаря большому количеству пришедшего населения, проживающего здесь» [Брокгауз, Ефрон 1900: 278].

Северная часть Российской империи, к которой принадлежала Санкт-Петербургская губерния, занимала территорию по берегам Финского залива, Ладожского и Чудского озер. Губерния граничила с Новгородской и Псковской губерниями на юге, Олонецкой губернией на востоке, Эстляндской губернией на западе и с Выборгской губернией Великого княжества Финляндского на севере. Жители всех прилегающих к Санкт-Петербургу губерний приезжали на работу в столицу, селились как в городе, так и в окрестных деревнях. Это явление отразилось в народных говорах: *питеря́к* ‘человек, временно живущий или живший в Петербурге на заработках’ Шенк. Арх., 1893 [СРНГ 27: 54], *зимогóр* ‘сезонный рабочий, тот, кто остается зимовать вне Петербурга: в Шувалове, в Лесном, в Удельной, в Царском, в Тярлеве’ Петерб., Даль [СРНГ 11: 280].

Системный сбор диалектной лексики по уездам Санкт-Петербургской губернии начал осуществляться со второй половины XIX в. по программе, разработанной Российской Академией наук. Программа по сбору лексических данных реализовывалась в различных регионах России. Собирателями русской народной речи в XIX в. были писатели, историки, лингвисты, члены Российского географического общества. За каждым собирателем закреплялся ряд российских губерний и уездов [Колосько 2017: 293]. Уездами Санкт-Петербургской губернии в середине XIX в. были: Санкт-Петербургский, Гдовский, Лужский, Новоладожский, Петергофский (ранее Ораниенбаумский), Царскосельский, Шлиссельбург-

ский и Ямбургский. Кроме этих уездов, в составе Санкт-Петербургской губернии с 1864 г. появился Сестрорецкий уезд, выделенный из состава Выборгской губернии Великого княжества Финляндского. В 1917 г. Санкт-Петербургская губерния была переименована в Петроградскую, а в 1924 — Ленинградскую губернию. Поскольку за короткий временной период географические наименования сменялись несколько раз, материалы исследований диалектной лексики северного региона России, датируемые началом XX в., обозначенные как петроградские и ленинградские, включаются в состав рассматриваемых в данной работе материалов по Санкт-Петербургской губернии.

Лексикологическая работа с архивными материалами осложняется неполнотой сохранившихся данных и недостаточным количеством иллюстративного материала. Иногда запись диалектного слова ограничивается словоформой и обобщенным толкованием, например, «из названий растений», «бранное». Часто диалектная словоформа зафиксирована в каком-либо говоре только в виде фонематического, словообразовательного или семантического варианта. Такие данные лишь гипотетически подтверждают проникновение диалектной лексики из одной в другую языковую микросистему.

Говоры Санкт-Петербургской губернии входили в общую диалектную систему русских говоров и в отдельную подсистему севернорусских говоров, где они занимали промежуточное положение между различными северно-великорусскими подсистемами русских говоров. Это показывают материалы СРНГ, одним из принципов которого является ареальный способ расположения географических помет. Помета «петербургское» располагается в центре словарных статей на фонематические, семантические и словообразовательные диалектизмы широкого спектра распространения в русских говорах, например, таких, как *ба́йня*, *бо́лько*, *врѣда*, *евóнный*, *клеть*, *суслóн*, *сусѣк*, *пахáть*.

Ареальный принцип подачи географических помет в СРНГ позволяет увидеть процессы сближения и взаимного обогащения говоров соседствующих с Санкт-Петербургской губернией реги-

онов. В данной работе мы рассматриваем диалектную лексику, зафиксированную в Санкт-Петербургской губернии, в сравнении с лексикой, относящейся к поморской и олонецкой группам северного наречия, а также частично лексику вологодских, новгородских и псковских говоров. До составления первой диалектологической карты русского языка не существовало четкого разделения севернорусских говоров по группам, поэтому данное деление основано на одной из современных классификаций, изложенной В. И. Трубинским в учебнике «Русская диалектология» [Трубинский 2004: 156]. В. И. Трубинский относит к поморской группе говоры Архангельской области (главным образом, по нижнему течению рек Северной Двины, Онеги и Мезени), говоры северных районов Республики Коми, а также говоры западного (Северная Карелия) и северного (Мурманская область) побережья Белого моря. Олонецкая группа занимает юго-восточную часть Карелии, часть Каргопольского района Архангельской области и северо-западную часть Вологодской области. Исторически олонецкая группа располагалась на территории Олонецкой губернии, которая включала в себя Карелию, ряд уездов, располагавшихся ранее на территории нынешней Архангельской области, Вологодской и Ленинградской областей [Трубинский 2004: 156–158].

Для исследования говоров Санкт-Петербургской губернии очевидна условность этой современной классификации, по которой ленинградские говоры относятся к западной, новгородской группе. Следует заметить, что, исследуя языковые контакты жителей уездов северных российских губерний и жителей петербургских уездов, невозможно четко разделить диалектные материалы Санкт-Петербургской губернии и материалы соседствующих говоров по уездам. Даже поверхностное сравнение показывает, что наибольшее количество общих с северными говорами лексем отмечено не только в северных уездах Петербургской губернии, но и в Лужском уезде, который располагался в южной части губернии. Причин этому может быть несколько: большее, по сравнению с другими, количество диалектного материала, собранного, например, Вильером-де-Лиль-Адамом и О. И. Срезнев-

ской, или компактное поселение выходцев из северных губерний именно в этом уезде, возможно, связанное с развитием здесь определенных видов земледелия и крестьянских промыслов.

Другим основополагающим принципом, определяющим структуру словарных статей СРНГ, является исторический подход к представлению фиксации диалектной лексики. Так, широко распространенный фонематический диалектизм *анбар* сопровождается большим списком географических помет, в центре которого отмечен Лужский уезд с датой фиксации 1895 г., а далее указан Шлиссельбургский уезд с датой 1912 г. К сожалению, в дальнейшем произошли изменения в системе подачи материала в СРНГ. Если в первых выпусках при каждой географической помете приводился год фиксации слова, то в дальнейшем стали оставлять только дату первой фиксации, что, безусловно, обедняет СРНГ. Историческая ретроспектива может быть выстроена за счет расположения после пометы Петерб. помет Петрогр. и Ленингр. Например: «Гумно́: 2. Сарай, в котором молотят хлеб. Охан., Соликам. Перм., Волегов. Влад., Волог., Петергоф. Петерб. *На гумне молотили, на гумне пол наслан, пол с дерева.* Ленингр.» [СРНГ 7: 230]. Петроградские и ленинградские материалы подтверждают регулярное употребление фонетических вариантов, впервые зафиксированных в петербургских говорах, например: «Отсу́ль ‘отсюда’ Петерб. *Отсуль дует.* Ленингр. Отсу́ль. Луж. Петерб., 1871. Петрогр., Ленингр., Арх., Мурман., Былины Печоры и Зимнего Берега, КАССР, Сев.-Двин., Олон.» [СРНГ 24: 330].

Указание на географию употребления слова в СРНГ приводится при каждом значении, благодаря чему мы можем выделить не только особые диалектные словоформы, отмеченные только в интересующих нас говорах, но и отдельные значения интердиалектных слов, распространенные только в сравниваемых языковых микросистемах. Например, слово *западня́* в 11 значениях ‘ворота в изгороди между полями’ отмечено только в Петрозаводском уезде Олонецкой губернии (1885–1898 гг.) и в Лужском уезде Петербургской губернии [СРНГ 10: 297]. Слово *красну́ха* имеет в русских говорах 17 значений, но именно в значении ‘красная

глина' отмечено в петербургских говорах, а в более широком значении 'плохая глинистая красная земля' — в карельских говорах [СРНГ 15: 187]. Глагол *обряжать* в 6 значениях 'прятать, убирать куда-либо' впервые отмечен в Олонецкой губернии, а затем зафиксирован в петербургских, ленинградских, новгородских говорах, в Карельской АССР. Кроме того, в близком по смыслу значении 'вытереть нос' с цитатой: *Обряди пули* (т. е. убери сопли), *еретица!* слово зафиксировано в 1885 г. в поморских говорах [СРНГ 22: 224]. Эти данные свидетельствуют о тесных языковых контактах диалектоносителей, о проникновении лексики в петербургский регион из северных диалектных микросистем.

Цель настоящей работы — выявить лексико-семантические группы диалектизмов, объединенных территориальной принадлежностью к Петербургской губернии и к Архангельской, Олонецкой, Вологодской губерниям, к Ленинградской, Мурманской областям, Карелии и другим северным регионам. Задачей исследования является также разделение диалектных данных по степени полноты корреляции словоформ и их значений в говорах, принадлежащих к ряду севернорусских говоров.

Одну из ярко выраженных лексико-семантических групп составляют **наименования особенностей ландшафта**, а в ее составе — лексико-семантическая группа обозначений залива на реке или озере. Многозначное слово *ка́ра* в значении 'залив на реке или озере' было широко распространено на берегах Ладожского озера, реки Свирь: *Наши сегодня в кару поехали*. Олон. Вслед за упоминанием Новгородской, Вологодской и Петербургской губерний отмечена Ленинградская область, где слово зафиксировано в оттеночном значении 'залив на озере между двумя мысами'. О частоте этого словоупотребления в севернорусских говорах свидетельствуют и сходные по семантике значения 'овраг' и 'яма'. Первые фиксации всех этих значений относятся ко второй половине XIX в. и к региону, ограниченному Олонецкой, Петербургской, Новгородской и Вологодской губерниями, а последующие фиксации — к XX в. и к Ленинградской области [СРНГ 13: 62].

Известное в петербургской топонимике слово *лáхта* означало ‘небольшой морской залив’. Это заимствованное из финского (*lahti*) и вепского (*laht*) языков слово известно северным говорам с XV в. [Фасмер II: 467]. Диалектизм *лáхта*, по данным СРНГ, с середины XIX в. фиксируется только в архангельских, беломорских и петербургских говорах [СРНГ 16: 296].

Особенности севернорусского ландшафта отражают слова *креж* и *крёж*. В значениях ‘крутой склон горы’, ‘высокий обрывистый берег’, ‘каменистый берег’ эти слова зафиксированы в Олонецкой, Архангельской и Новгородской губерниях. Есть здесь и ленинградская фиксация. Значение ‘продолговатый невысокий холм, возвышенность’, отмеченное собирателем Срезневской в Лужском уезде, а затем и в Ленинградской области и в Карелии, семантически связано с основными значениями диалектизмов *креж* и *крёж* [СРНГ 15: 207].

Не случайно в петербургских говорах зафиксировано диалектное слово *лúда*. Издавна это полисемантическое слово в карельских и олонецких говорах обозначало глыбу камня, гранита, песчаную отмель и каменистое русло реки [Фасмер II: 528]. В севернорусских говорах развились значения ‘каменистая мель (в море, реке, озере)’, ‘подводный (или выступающий из воды) камень’, ‘подводная скала’, ‘каменистый высокий берег’, ‘группа каменистых островов, каменистая гряда в море’. Слово *лúда* в XIX в. активно употреблялось жителями побережья Белого моря, берегов Северной Двины, Карелии, Олонецкой, Архангельской и Петербургской губерний. Собирателями подчеркивалась привязанность этого слова к конкретной местности: «Мелкое место на Онежском озере, где ловят рыбу». Олон., Копаневич. «Луда — мелкое каменистое место на Ладожском озере». Чудск., Псковск. и Ладожск. оз., Лазаревский [СРНГ 17: 178]. Отмечалось это слово и в северных былинных текстах: *Еще наш-от корабль не на мели ли стоит, Не на мели ли стоит, не на луду ли нашел, Не на луду ли нашел не на подводную?* Беломор., Марков [Там же]. Слово *лúда* входило в состав устойчивых сочетаний (*дívьи лúды, пёсьи лúды, лúда пóемная*), сравнительных оборотов: *Был колдун, — го-*

ворят, самый большой, — много делов делал, много колдовал. Как луда в падуне, крепкий был, а помер [из сказок Лапландского севера]. Арх., 1910 [Там же]. В дальнейшем это слово эпизодически появлялось и в других регионах России, на Урале, в Сибири. Благодаря активному употреблению слово *луда* могло приобретать переносные значения: *Как зашли в лядину, луды лудами* [кучи кучами] *груздей*. Заонеж. Олон., 1896. *Луда — роцца, лесной остров*. Урал, 1959 [Там же]. Петербургская фиксация словообразовательного варианта слова, говорит о широком употреблении его в данном регионе: *луджи, мн.* ‘мели; каменные отмели’ Новолад. Петерб., Слов. карт. ИРЯЗ [СРНГ 17: 180].

Большое значение имели в севернорусских говорах **наименования лесов**. Значения этих слов иногда выходили за пределы первичного семантического поля, смыкаясь с семантическими полями наименований ландшафта и растений. Характерным примером является слово *бор*, обозначавшее возвышенность, поросшую лесом, в архангельских и олонечких говорах: «Бор ‘возвышенность, холм, гора, поросшая лесом’. Арх., 1885. *Одинокий, отметный бор*. Арх., 1855. *Около неё (деревни) находится несколько боров или холмов*. Арх., 1877» [СРНГ 3: 96]. Эти данные проясняют мотивировку диалектного слова *бор* в значении ‘вереск, кустарник, растущий в сосновом лесу на высоком месте’ Луж. Петерб., 1898. Объясняется и мотивировка значения слова *бор* ‘подводная мель на озерах’ в сочетаниях *глубокий бор* и *мелкий бор* Луж. Петерб., Срезневская [Там же]. В свою очередь, петербургское и ленинградское слова *боровина* в значениях ‘холм, поросший лесом’ и ‘холм, бугор среди болота’ показывают, насколько широко были распространены в этом регионе лексемы с корнем *бор-* в комбинированном значении ‘невысокая возвышенность, поросшая растительностью’. Это позволяет сосуществовать в слове *борок* (*борки*) семантически разнонаправленным значениям ‘хвойная роцца на холме’, ‘островок леса среди болота или безлесного пространства’ и ‘холмик, поросший лесом или без леса’, которые за-

фиксируются почти одновременно в архангельских и петербургских говорах [СРНГ 3: 104].

Диалектизм *ельня́к*, его фонетический вариант *ельня́г* ‘еловый лес’ и ласкательно-уменьшительная форма *ельня́жек* ‘молодой еловый лес’ изначально имели северный ареал распространения: Олонецкая, Архангельская, Петербургская и Вологодская губернии. Отмечена эта словоформа и в Ленинградской области: *В ельняги ходила* (лошадь) [СРНГ 8: 353].

На фоне разнообразных диалектных наименований растений четко выявляется лексико-семантическая группа **наименований растений**, произрастающих на рассматриваемой территории, характерных для хвойных лесов, болотистых почв. Эта группа наименований имела распространение в петербургских говорах, носители которых — крестьяне из неурожайных северных зон России. Так, слово *за́ростель* ‘заросль’, отмеченное О. И. Срезневской в Лужском уезде, имеет более конкретные и более актуальные значения в архангельских говорах: ‘заросли кустарника’ и ‘место на пашне, заросшее травой, или запущенный луг, пашня, заросшие молодым кустарником’ [СРНГ 11: 5].

Диалектизм *бор*, рассмотренный выше, в одном из своих значений является членом лексико-семантической группы распространенных в северных говорах наименований вереска, растения, произрастающего на глинистой, влажной почве северных лесов и пустошей. Наименования *кана́бра*, *калабра*, *кана́борник*, *кана́бреник*, *канабря́* составляют гнездо родственных слов, объединенных четким ареалом распространения: Олонецкая, Архангельская и Петербургская губернии. Более поздний ареал включает Ленинградскую, Новгородскую область и Карельскую АССР, где отмечен еще один вариант *кана́браник*, имеющий семантически модифицированные значения, ‘куст (голубики)’ и ‘камыш’, развивающие признак «высота растения»: *Голубика на кустах, так это канабраник высокий, куст то, не как черница*. Медвежьегор. КАССР [СРНГ 13: 34, 35]. О частоте употребления этого наименования в петербургских говорах свидетельствуют вариан-

ты *канáрник* (Петерб., Анненков) и *канáврик* (Новолад. Петерб., 1905–1921) [СРНГ 13: 36, 37].

Широко распространенным растением, имеющим ценность для сельского хозяйства, был клевер. Н. И. Анненков включил в свой «Ботанический словарь» слово *медуніца* как наименование клевера, распространенное в Олонецкой, Архангельской и Петербургской губерниях. Другие наименования клевера *хлѣбцы*, *хлѣбчики* появились не случайно: соцветия клевера употребляли в пищу животные и дети: *Скоту кормят хлебцы*. Карел. *Боговы хлебцы бывают беленькие, бывают красненькие; бывало, бегаешь по полю, наберѣшь ребятам, когда сладки бывают, дак есть можно*. Подпорож. Ленингр., 2005 [СРНГ 50: 201]. Первые отмеченные именно в Ладожском уезде Петербургской губернии в 1865 г. слово *хлѣбцы* затем фиксировалось в Олонецкой губернии, Прионежье, Архангельской области и Карелии. *Бóговы хлѣбцы* — устойчивое сочетание, отмеченное уже в Ленинградской области. Впоследствии в этом же регионе появились однокоренные наименования клевера: *Это клевер, а по-деревеньски — хлебушко*. Пинеж. Арх., 1960. *Ромашки раньше назывались упыри, а кливерны — хлебушком*. Медвежьегор. Карел. *Красненькие хлебчики тоже на лепѣшки шли, рассучишь в руках и печѣшь*. Кириш. Ленингр., 2005 [Там же].

Наименование северной ягоды морошки *гláжі* было широко распространено в севернорусских говорах, оно отмечалось и в петербургских и в ленинградских говорах. Диалектизм *гláжі* получил распространение в виде словообразовательных вариантов: *глажѣвник, глажевѣйна, глажѣйна, глажѣнина, глажѣнник, глажѣха*. Это гнездо слов пополнилось наименованиями места, где растет морошка: *глажевѣшка, глажѣвник, глажѣйна*. Уникальные лексемы *гláзье* в собирательном значении ‘ягоды морошки’ и *глажевнѣг* в значении ‘поросшее лесом торфяное болото, на котором растут клюква и морошка’ были отмечены в Петербургской губернии.

На приведенных примерах мы видим результаты влияния ранее сложившихся диалектных микросистем на говоры более позднего формирования. Лексические данные петербургских го-

воров, зафиксированные собирателями в середине и конце XIX в. и в начале XX в. свидетельствуют о тесных языковых контактах жителей Архангельской, Олонецкой, Вологодской и Петербургской губерний. Виды лексических параллелей можно разделить на полное соответствие формы и значения слова (например, *ельня́г, ла́хта, лу́да, хле́бцы*); неполное соответствие, как то: фиксация фонематического вариантов слова, оттенков значения (*ка́ра* с оттенком 'залив на озере между двумя мысами', зафиксированным только в Ленинградской области); косвенное соответствие, наличие словообразовательного варианта в петербургских, петроградских, ленинградских говорах (*борови́на, гла́зье, глажевня́г, лу́джи*), фиксация слова в семантически близком производном значении (*бор, кана́браник, креж и кре́ж*). Более поздняя фиксация слова в ленинградских говорах при отсутствии петербургских данных также свидетельствует о возможных более ранних контактах. В некоторых случаях на примере одного слова можно увидеть несколько видов соответствий. Наконец, свидетельством взаимного обогащения говоров могут служить случаи появления новых слов в говорах более раннего образования под влиянием формирующихся позднее новых говоров. Так, в Лодейнопольском уезде Петербургской губернии в 1930-х гг. зафиксировано наименование белого гриба *пи́терский о́бабок*. Позднее в Архангельской области записан контекст: *А этот гриб у нас зовется питерский*. Пинеж. Арх., 1977 [СРНГ 27: 53].

Мы рассмотрели небольшой фрагмент диалектной лексики, зафиксированной в говорах Санкт-Петербургской губернии в XIX в., лексики, имеющей коррелирующие словоформы и значения этих словоформ в говорах, возникших в более ранний период на территориях северных губерний России. Как показывает лексический состав северных и южных групп псковских и новгородских говоров, в частности, наименования особенностей ландшафта и наименований растений, характерных для холодного влажного северного климата, на базе петербургских говоров происходило языковое взаимовлияние говоров северного, западного

и южного наречий. Большое количество диалектных лексических единиц, зафиксированных в петербургских говорах, приобрело статус междиалектных единиц.

Литература

Колосько Е. В. (2017) Санкт-Петербургская губерния в источниках «Словаря русских народных говоров» И. И. Срезневский и русское историческое языкознание: опыт и перспективы. К 205-летию со дня рождения И. И. Срезневского: сб. статей Международной научно-практической конференции, 21–23 сентября 2017 г. Рязань: Ряз. гос. ун-т имени С. А. Есенина: 288–292.

Трубинский В.И. (2004) *Русская диалектология*. М.; СПб.: Изд-во СПбГУ.

СОКРАЩЕНИЯ

Сокращения источников

Брокгауз, Ефрон — Брокгауз Ф. А., Ефрон И. А. *Энциклопедический словарь*. СПб., 1900.

СРНГ — *Словарь русских народных говоров*. Гл. ред. Ф. П. Филин, Ф. П. Сороколетов, С. А. Мызников. Вып. 1–50. М.; Л.; СПб.: Наука, 1965–2018 (издание продолжается).

Фасмер М. (1986) *Этимологический словарь русского языка*. Т. I–IV. Издание второе. М.: Прогресс, 1986.

Сокращения географических названий

Арх. — Архангельская губерния (область)

Беломор. — Беломорское

Волог. — Вологодская губерния (область)

Гдов. — Гдовский уезд Санкт-Петербургской губернии

Заонеж. Олон. — Заонежье Олонецкой губернии

КАССР — Карельская АССР

Кириш. Ленингр. — Киришский р-н Ленинградской области

Ленингр. — Ленинградская область

Луж. — Лужский уезд Санкт-Петербургской губернии

Медвежьегор. Карел. — Медвежьегорский р-н Карелии

Новолад. Петерб. — Новоладожский уезд Санкт-Петербургской губернии
Олон. — Олонецкая губерния
Петербург. — Петербургская губерния
Петергоф. — Петергофский уезд Санкт-Петербургской губернии
Петрогр. — Петроградская губерния
Пинеж. Арх. — Пинежский р-н Архангельской области
Подпорож. Ленингр. — Подпорожский р-н Ленинградской области
Пск. — Псковская губерния (область)
Царскосельск. — Царскосельский уезд Санкт-Петербургской губернии
Ямб. — Ямбургский уезд Санкт-Петербургской губернии

ELEMENTS OF THE DIALECTAL VOCABULARY
OF THE POMOR AND ONEGA GROUPS
IN THE DIALECTS OF THE ST. PETERSBURG PROVINCE

Elena Kolosko

Institute for Linguistic Studies
of the Russian Academy of Sciences,
Saint Petersburg, Russia
E-mail: evkolosko@mail.ru

Citation: Kolosko E. (2018) Elementy dialektnoy leksiki pomorskoy i onezhskoy grupp v govorakh Sankt-Peterburgskoy gubernii [Elements of the dialectal vocabulary of the Pomor and Onega groups in the dialects of the St. Petersburg Province]. *Severnorusskiye govory* [Northern Russian dialects], 17: 169–183. (in Russian)

Abstract. The article discusses the lexical materials of the Dictionary of Russian Folk Dialects, which testify to the process of interdialect interaction in the territories of the northern provinces of Russia in the 19th century. Dialectal vocabulary, recorded on the territory of the St. Petersburg province, has various sources of origin. The data published in the VNG allow us to reconstruct the processes of lexical “migration”, to identify the zones of the most active interdialect contacts, to determine the thematic range of vocabulary that has become widespread in neighboring dialects. The article contains examples of dialectisms related to lexico-semantic groups of landscape names and plant names. The author analyzes the obtained data in terms of the degree of correlation of word forms and their meanings, identifies complete and incomplete matches, as well as correlated lexical and semantic derivatives, which indirectly indicate the presence in the dialects of similar phenomena. The author comes to the conclusion that on the basis of the dialects of the St. Petersburg province there was a mutual influence of the dialects of the northern, western and southern dialects. This is evidenced by a comparison with the vocabulary of the northern and southern groups of the Pskov and Novgorod dialects, in particular, the names of landscape features and names of plants.

Keywords: dialects of the St. Petersburg province, dialects of the Pomor group, dialects of the Onega group, reconstruction of interdialectic lexical links, derivational and semantic derivation of dialectal vocabulary.

References

Fasmer M. (1986) *Etimologicheskiy slovar' russkogo yazyka* [Etymological Dictionary of the Russian Language]. Vol. I–IV. 2nd edition. M.: Progress. 1986. (in Russian)

Filin F. P., Sorokoletov F. P., Myznikov S. A. (eds.). (1965–2018) *Slovar' russkikh narodnykh govorov* [Dictionary of Russian folk dialects]. Vol. 1–50. Moscow; Leningrad—St. Petersburg: Nauka. (in Russian)

Kolosko E. V. (2017) Sankt-Peterburgskaya guberniya v istochnikakh «Slovary russkikh narodnykh govorov» [St. Petersburg province in the sources of the “Dictionary of Russian folk dialects”]. In: *Sreznevskiy i russkoye istoricheskoye yazykoznanie: opyt i perspektivy. K 205-letiyu so dnya rozhdeniya I. I. Sreznevskogo: sb. statey mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii* [I. I. Sreznevsky and Russian historical linguistics: experience and perspectives. To the 205th anniversary of the birth of I. I. Sreznevsky: Sat. articles of the International Scientific and Practical Conference]. September 21–23, 2017, Ryazan: Ryaz. gos. un-t imeni S. A. Esenina: 288–292. (in Russian)

Trubinskiy V. I. (2004) *Russkaya dialektologiya* [Russian dialectology]. Moscow; St. Petersburg. (in Russian)

ВОПРОСИТЕЛЬНАЯ ЧАСТИЦА VS. РАЗДЕЛИТЕЛЬНЫЙ СОЮЗ: ТИ В ГОВОРАХ РУССКО-БЕЛОРУССКОГО ПОГРАНИЧЬЯ

Рыко Анастасия Игоревна

Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург, Россия
E-mail: aryko@mail.ru

Цитирование: Рыко А. И. (2018) Вопросительная частица vs. разделительный союз: *ти* в говорах русско-белорусского пограничья. *Севернорусские говоры*, 17: 184–204.

Аннотация. В статье рассматривается употребление частицы/союза *ти* в говорах Невельского района Псковской области. Отмечены следующие основные случаи употребления *ти* — как частицы, так и союза — в разных контекстах и значениях: 1) чисто вопросительная частица; 2) модально-вопросительная частица; 3) разделительный союз; 4) разъяснительный союз. В разных значениях частицы/союза *ти* в Невельских говорах можно увидеть два полюса — чисто вопросительное значение и модальное значение, между которыми возникает довольно широкая «зона перехода». В результате мы получаем большое количество высказываний, в которых трудно (или даже невозможно) развести вопросительную частицу *ти* и союз *ти*.

Ключевые слова: южнопсковские говоры, вопросительная частица, разделительный союз.

1

Употребление вопросительной частицы *ти* обычно указывают в качестве характерной черты западной группы говоров южнорусского наречия [Захарова, Орлова, 2004: 124] или говоров, пограничных с белорусскими и украинскими, причем на этих же территориях отмечен и разделительный союз *ти* [Бромлей, Булатова, Гецова 2005: 195–196; Кузьмина 1993: 187]. Правда, материал атласов, приведенный в монографии И. Б. Кузьминой [Кузьмина 1993: 191–192], показывает, что частица/союз *ти* встречается и за

пределами указанной территории — в первую очередь в костромских и владими́ро-поволжских говорах.

В говорах Невельского района Псковской области, на территории, граничащей с Беларусью, как и в литературном белорусском языке, употребляется как частица, так и союз *ти*. В данной статье исследуется употребление союза/частицы *ти* в говорах юго-западной части Невельского района (современные Новохованский, Туричинский, Клястицкий, Стайкинский сельсоветы) по материалам полевых записей 2016 г.¹, также привлекается материал Картотеки Псковского областного словаря².

Иногда информанты сами указывают на употребление частицы/союза *ти* как на характерную черту их говора (*у нас здесь у мо́ди «ти» // ти пайдѣш / вот так вот / пайдѣш ли //* (Трехалево, Нев.)), иногда говорят о том, что эта черта была свойственна их говору в прошлом («*ти*» *слышала па-стариннаму // пашла / ти нѣт? / а тапѣрь уш браса́ють //* (Алё, Н-Сок.)), иногда указывают ее как характерную для говора ряда соседних деревень (*бы́ла раз-*

---

¹ Наши информанты: Шебанова Надежда Владимировна, род. в д. Емельяново Топорского с/с (сейчас Новохованского с/с), 1933, живет в д. Емельяново, зап. автора (Ем. (Ш.)); Сюртукова Зинаида Егоровна, род. в д. Емельяново, 1936, живет в д. Шекино Стайкинського с/с, зап. автора (Ем. (С.)); Вардяхова Валентина Игнатъевна, род. в д. Дудчино Стайкинського с/с, 1927, живет в д. Шекино, зап. автора, Д. В. Аверьяновой, К. В. Садовской (Д.); Скоромнова Лидия Сергеевна, род. в д. Глинчино Доминиковского с/с (сейчас Туричинского с/с), 1925, живет в д. Глинчино, зап. автора (Г.); Щербакова Валентина Никифоровна, род. в д. Козлы Соминского с/с, 1927, живет в д. Туричино Туричинского с/с, зап. Д. В. Аверьяновой, К. В. Садовской (Кзл.); Коваленко Валентина Яковлевна, род. в д. Косцы Доминиковского с/с (сейчас Туричинского с/с), 1934, живет в д. Косцы, зап. автора (Ксц.); Проскочилова Валентина Петровна, род. в д. Ермошино Туричинского с/с, 1931, живет в д. Новохованск, зап. Д. В. Аверьяновой, К. В. Садовской (Ерм.); Федоренко Валентина Григорьевна, род. в д. Ковалиха Доминиковского с/с, 1940, живет в д. Доминиково Туричинского с/с, зап. автора (Ков.); Быкова Зинаида Михайловна, род. в д. Тетеркино Стайкинського с/с, 1936, живет в д. Туричино, зап. Д. В. Аверьяновой, К. В. Садовской (Тет.); Михайлова Мария Тимофеевна, род. в д. Церковище Топорского с/с (ныне Новохованского с/с), 1932, живет в д. Церковище, зап. автора (Ц.).

² Хранится на филологическом факультете СПбГУ. Список сокращений названий районов см. в [ПОС 1: 27–41].

дяления *намасты́рышына* и *ба́рышына* // *намасты́рыцы* прибавляли *ти* / *ти пайдёш* / Яса́нова / Васько́ва // (Букино, Вл.).

В качестве равноправных фонетических вариантов рассматриваются также *ци* и *чи* (*чы*). Вариативность *ти* ~ *ци*, по-видимому, связана с характерной аффрицированностью [тʲ], свойственной белорусскому языку и говорам русско-белорусского пограничья, см., например, [Карский 1908: 434, 449]. С одной стороны, у многих информантов степень аффрицированности [тʲ] сильно варьирует, с другой, эта черта свойственна и нормативному русскому литературному произношению [Бондарко 1977: 85], поэтому при транскрибировании диалектного материала преимущественно выбирался вариант *ти*. Что касается вариативности *ци* ~ *чи*, то, как утверждает А. В. Птенцова, опираясь на данные памятников XI–XIV вв., существенных отличий в употреблении *ци* и *чи* нет, что позволяет рассматривать их как варианты одной единицы, несмотря на их различное происхождение [Птенцова 2000: 210–211]. Кроме того, *ци* и *чи* невозможно противопоставить и при неразличении аффрикат. ДАРЯ (I, карта 45) дает очень пеструю картину употребления аффрикат в Невельском районе: на месте литературного [ч] может быть [ч], [чʲ], [шʲ], [ц] в разных комбинациях по разным населенным пунктам. Наш материал дает более ровную картину: у всех информантов противопоставлены твердые аффрикаты [ч] и [ц], у многих встречаются отдельные примеры остаточного цоканья: *пóцки* (Ем. (С.)), *пришóццы* (Ем. (Ш.)), *яцмёнь* (Ц.) *мучы́цки*, *вади́цки* (Д.), *мучы́цки* (Ксц.), *цэрніку*; *цысьнѣ́ка* (при более частом *чарні́ка*, *часно́к*), *мучы́цки* (Ерм.).

Согласно этимологическим словарям, частицы *чи*, *ци*, *ти*, а также союз *ти* имеют различное происхождение [Фасмер IV: 54–55, 301, 330; ЭССЯ 3: 194; 4: 109–110], кроме того современная диалектная частица/союз *ти* по своему употреблению соответствует скорее древнерусским частицам *чи* и *ци*, а не древнерусской частице *ти*, см. [Зализняк 1993: 298–304], также см. примеры в [Срезневский III: 956–958, 1439–1441, 1516–1517]. Таким образом, все встретившиеся варианты частицы/союза *ти*, *ци* и *чы*

(несмотря на их различное происхождение), мы рассматриваем как фонетические варианты, а в качестве основного принимаем самый частотный, т. е. *ти*.

Представим встретившиеся нам случаи употребления союза/частицы *ти* в разных контекстах и значениях, хотя разграничение союза и частицы далеко не всегда очевидно, см. [Кузьмина 1993: 187].

1.1

Вопросительная частица *ти* используется в общем вопросе, усиливает вопросительное значение, может соответствовать русской вопросительной частице *ли*. Модальное значение частице в таких контекстах не присуще. Ср. блр.: *Я стаю адзін, адзін, Ноч вакол ляжыць глухая... Ці ж то свет сышоўся ў клін?* (Колас)³. Для древнерусской частицы *чи* (*ци*) такое употребление не характерно: в подавляющем большинстве случаев она «совмещает вопросительную модальность с другими модальными смыслами» [Птенцова 2000: 211–215]. Как правило, открывая общий вопрос, она стоит в начале синтагмы, но возможны и исключения, когда частица занимает вторую позицию в синтагме: *а іна́ / а ты́ ти прыуа́твіла?* // (Кзл.); *Наташа ти д́ома / сястра́ мая́* // (Осовик, Нев.); *сма́тры́ / Тама́ра чи х́одит дамо́й* // (Поздняково, Нев.); *а карто́шка ти йе́сь у ва́с?* (Ермолово, Пуст.); *а молочка ти нясе́ш?* (Черная, Себ.); *п’ішы́т / мо́жна ти прие́хать* // (Станки, Пуст.); *саску́чили ти у на́с дэ́вачки? ни кина́ не́т* // (Станки, Пуст.), см. также [Кузьмина 1993: 188–189]. Если в первых пяти примерах благодаря второй позиции *ти* в синтагме слово (местоимение или существительное), после которого стоит частица, выделяется, вопрос ставится именно к нему, то в последних двух примерах (где *ти* примыкает к глаголу) можно усмотреть влияние литературного языка: частица *ти* занимает такую же позицию в предложении, что и литературная частица *ли*:

---

³Здесь и далее примеры из белорусского языка приводятся по: Глувачальны слоўнік беларускай мовы Скарнік (<http://www.skarnik.by/tsbm>) — электронный словарь, созданный на основе ТСБМ.

*ти на́дъ сѣдни грятки пѣлива́тъ? / там ту́ча пѣшла́ чо́рнѣи-
чо́рнѣи // (Ем. (С.))*

ти уйшо́л мо́й дѣт к аўтола́ўки? // (Ем. (С.))

приду́ на метпункт // ти ради́тъ ты пришла́? // (Ем. (С.))

*[гадали] ну ти вѣдиж за́муш / ўси ж за́муш събира́лись / иш
на́дъ было́ ити́ // (Ем. (С.))*

*во́ц сича́с мне звонит падрѹ́га / Зи́нка / На́тъка / ти по́мниш /
как мы́ смита́ну пѣд я́блѣнѣй э́ли? // (Ем. (Ш.))*

А́нька / ти ту́т ты́? // (Ем. (Ш.))

ти хаді́ли х каму́? // (Кзл.)

ти буди́ш сво́й до́м пирядѣ́львѣтъ? // (Кзл.)

звонитъ мне дѣчка́ / ну ти прии́жжа́ль э́та? // (Кзл.)

*а мы́ гѣари́м / ти мо́жнѣ нам ў о́зира / та́к / у биряи́ску / зъ
вади́чкѣй схаді́тъ? // (Кзл.)*

ти бы́ли у э́тѣй старѹ́хи / ай не́? // (Кзл.)

ѹи мо́жнѣ у ва́с пажы́тъ? // (Кзл.)

*запиши́ти / ти пра́вильна я скъза́ла? // ти е́сь у ва́с та́к? //
(Ерм.)*

ти нясьти́ табѣ́? — не́ // (Тет.)

чы́ буди́ш ты е́сь што́-нибу́тъ? // (Тет.)

*и щас адна́ йе́сь [лошадь] // ти хо́чити пауляде́тъ? // (Треха-
лево, Нев.)*

ти мно́уга у тя́ ыпля́так? // (Поздняково, Нев.)

чы́ йе́сть кажы́нка теля́тина? // (Ч. Стайки, Нев.)

чы́ ня уо́нят бы́тта? (Ч. Стайки, Нев.)

чи́ принисѣ́ш ты тады́ нам тапо́р? // (Дубокрай, Нев.)

*чи́ наради́ўси ў нас малади́к / я йиу́б ни ра́зу ни ви́диў // (Дубо-
край, Нев.)*

чи́ е́сь у тибя́ рушні́к? // (Мисники, Нев.)

*чи́ зна́ете вы Ко́тава / Вітепскай уубернии Не́вельскауга
уэ́зда? // (Мисники, Нев.)*

чи́ мно́уга у тябе́ воўны́? / мож прадаў ба // (Мисники, Нев)

а ти пѣў ты наши́? / не́? // (Станки, Пуст.)

ти надбо́лга ш вы при́ехати́шы? // (Станки, Пуст.)

а ти уа́няют каро́ў? // уа́няють? // (Станки, Пуст.)

ти уаваря́ть у вас там пра вайну́? // (Станки, Пуст.)
Зо́я / ти ты купи́ла в мага́зине со́ль? // (Ермолово, Пуст.)
ту / а каќ эта́ яйе́? / ти апсма́трели? / ти апи́щупали? / мо́жа
эта́ и муши́ына // (Станки, Пуст.)

Козынька, милая, ти пи́ла что, ти ела? — Дедынька, не пи́ла
и не ела! (Пуст., Сказ. Пск. обл, 82)

— Да, говорить, — не знаю, ти пере́йдешь ты тоже: яма
глубокая, жердочка тоненькая. Ти пере́йдешь? (Пуст., Сказ. Пск.
обл., 65)

ти бли́ска ш вы́ яуады сабира́ли? // (Дивны, Себ.)

ти хвати́ла ш йим йись? // (Дивны, Себ.)

ти на́да брать адыва́цца? // (Черная Грязь, Себ.)

— пайдём трясти́ рѣбу // — а ти паста́вил он наро́т? // (Чер-
ная, Себ.)

бабушка / ти йе́сь ф тябе́ дэньуи? // (Аннинск., Себ.)

а ти плóтют вам за этъ́ / шта пи́шыти? // (Аннинск., Себ.)

ти до́уа ш вы́ будити // (Аннинск., Себ.)

ти е́сь у табе́ вада́ ў ямы? (Припиши, Себ.)

ти по́йдеж же в мали́ну? // (Ляхово, Себ.)

чи жалейи́ши ты́ дэда? // (Припиши, Себ.)

*чи были́ у вас? — были́, были́ (Старица, Себ., Песни Пск. зем-
ли, I)*

ти будити ўжына́ть? // (Липник, Пор.)

ти йе́сь кто у тибя́ / брат / систра́? // (Северики, Усв.)

чи насыла́ла ты́ Хвэ́ди письмо́? // (Синие Ворота, Вл.)

1.2

В риторическом вопросе или в утвердительной конструкции частица *ти* приобретает дополнительные модальные значения сомнения, предположения, допущения, возможности чего-л., утрачивая собственно вопросительное значение. Ср. рус. *или* (= *разве, неужели, может, может быть*): *Или ты не знаешь об этом? Или ты решил остаться? Ты сегодня невеселый, или ты заболел?* Такие конструкции употребляются в том случае, когда говорящий не задает вопрос собеседнику, а пытается припом-

нить какое-либо событие или ситуацию, сомневается в своих словах. Частица используется как в предложениях вопросительных, так и в утвердительных (которые часто трудно противопоставить друг другу). Во втором случае вопросительное значение отсутствует вовсе, частица *ти* становится модальной. Использование вопросительной частицы *ци* (*чи*) с дополнительным модальным значением характерно для древнерусских памятников — в подавляющем большинстве случаев эти частицы имеют значение, близкое значению современных частиц *разве*, *неужели* [Птенцова 2000: 212]. Именно в таком значении встречается частица *ти* и в севернорусских и среднерусских говорах [Кузьмина 1993: 192]:

тепёръ ужѹ тѹи бѣ / и ни ди... ни най... ти найдѣш тод буубѣр // (Ем. (Ш.)) (риторический вопрос; = *разве*)

ти пъяныи бѣли ай нѣ? // (Ем. (Ш.)) (= *может*)

а ныньчы ни былѣ / ти их вапишиз ни стѹла? // (Ем. (Ш.)) (= *может*)

а ци послѣдняи врѣмя ѡсвишиѹли? // (Д.) (= *разве, может*)

ци послѣднии нядѣли? // (Д.) (= *может*)

пѹтницѹ / яныи ужѣ ѣдудѣ дамѣй / нѣ / ти у субѣту былѣ дѣла? / у субѣту былѣ дѣлѣ // (Ксц.) (= *может, кажется*)

ти ѣтѣ мѣснѣи власѣть? // (Кзл.) (= *может*)

а прадѹкты ѹхныи / ти лучишы нѹшых пѣмидѣр? // (Ерм.) (= *разве*)

дѣшии чи ни пайдѣт // (Поздняково, Нев.) (= *может*)

чи жыѹ ѣн // (Трехолево, Нев.) (= *может*)

пашиѹпала / чи сыравѹта / дѹмала дѣить // (Мялюхи, Нев.) (= *вроде*; при вопросительной интонации частица скорее вопросительная, модальное значение появляется в том случае, если интонация утвердительная)

улавѹла без мѹтки и без бѹтѣки / у нас мнѣѹа такѹх / как же ѹих отѣчѣства / чи на сваѹ фамѹлию их пѹишут // (Прудиче, Нев.) (= *может*)

ти мантѣрам Шурка рабѣтаит // (Алѣ, Н-Сок.) (= *может*; *вроде*)

ти чатвѣрк сявѣньня // срядá // (Маево, Н-Сок.) (= разве; вроде)

а ти дѣбри ѣта? // не / не // (Красни, Себ.) (=разве)

ти лѣччи нáша малакѣ / как ѱ гѣради? // (Мышарино, Вл.) (=разве)

святкрѣѣ ушлá // ти вѣручии // (Липник, Пор.) (= может)

ти бумáгу нáда // (Липник, Пор.) (= может)

ня ем яе // т^ии хвáтит картѣшки // (Нестерово, Пор.) (= может)

ти знáйти вы? // с мѣжым ани таруѣют // (Севирики, Усв.) (= может)

ти смаркѣтился на мне? ти пѣйдешь ты? (Усв.) (= может)

ти мнѣга памѣрла // (Ермолово, Пуст.) (=наверное)

ти он к татáрке^и и хадѣл? // (Галузино, Пуст.) (= может)

фсáкие ѣсть / груздѣ / гаряшечки / лисѣчки / ани в ѣтам мѣсяцѣу чи бѣдут // (Вербилово, Пуст.) (=наверное)

1.3

Устойчивое сочетание *ти не* имеет значение наречия *почти что, едва ли не*. Ср. рус. *чуть (ли) не*: *Собирались чуть не каждый день. Обещал чуть ли не горы золотые*. Часто сочетаются с числительными для указания на приблизительное количество:

дярѣѣня у нас бѣлá / ци ни вѣсимнáцѣдѣ дварѣѣ бѣлѣ // (Ем. (Ш.))

скѣлькѣ вядрѣ / вѣсим килѣурáм / и штѣ-тѣ / ци ни на вѣсим капѣик килѣурáм бѣѣ // (Ем. (Ш.))

мѣш иѣ ѣмир / инá / я ни знáю / чѣи ни з двáцѣть пятѣѣуа уѣда // (Ц.)

мы ууляѣи са свайѣм ти ня трѣи уѣды / наканѣц пажанѣлись // (Смольное, Нев.)

ти ни на свáтѣю ямѣ // (Поздняково, Нев.)

гадѣ-ка / ти ня Валѣтѣкинаѣ ѣто тѣшѣи дачкá? // (Алѣ, Н-Сок.)

слѣвы бѣли и бѣлѣи и крáсныи / а нѣнчи ти ни навѣмерзли // (Пахомово, Вл.)

1.4

Устойчивое сочетание *ти что* имеет значение сомнения, неуверенности, сопоставимо с литературным вводным словом *что ли*. Ср. также блр.: *Ты што гэта, на Месяц ляцець сабралася, ці што? Гэтулькі пакункаў! — здзівіўся дзед, які зайшоў на кухню* (Гарбук). В таких сочетаниях *ти* употребляется в составе повествовательных предложений, а значение сочетания чисто модальное, без вопросительного компонента. В большинстве случаев в таких примерах *ти* можно трактовать и как разделительный союз (*ти ягод, ти что* [= зерен]; *ти лечат, ти что* [= заговаривают]; *дурный, ти что* [= умный]), поскольку *что* может выступать как заместитель любой альтернативы (см. ниже примеры с союзом *ти*):

мóжнѣ мѣлѣчкѣ вѣпитъ там ти штó // (Ксц.)

вazмѣиш во скóка / во пѣстѣчкѣй / ти яўт ти штó // (Ксц.)

атпраўки там какіи-тѣ ти штó / дѣлѣли // (Ксц.)

мóжѣ скáжыть / ѣддѣватъ нáдѣ / ти штó // (Кэл.)

там капѣйки какіи ти штó // (Ерм.)

дѣлѣйти / пиши́ти / ти штó // (Ерм.)

лѣчуть какім спóсѣбѣм ти штó // (Ерм.)

ну штó я / дурный / чи шо // (Дубокрай, Нев.)

а в уѣтам уадú мáла литáють мúхи / сúха / чи што // (Дубокрай, Нев.)

2

Разделительный союз *ти (ти... ти)* используется для сопоставления членов предложения и предложений, являющиеся равнозначными, при перечислении предполагаемых или взаимоисключающих событий, явлений; союз может быть как неповторяющимся, так и повторяющимся, сопоставимым с русским литературным *или... или; то ли... то ли*. Ср. блр.: *Рана ці позна, позна ці рана высахнуць слѣзы, загоіцца рана* (Вярцінскі). Поскольку в таких случаях всегда идет речь об альтернативе, выборе, то часто присутствует модальное значение неуверенности, сомнения, неизвестности.

2.1

Повторяющийся союз *ти... ти*:

забыла чысло / ти симна́цэ́тэи / ти вѣсим... // (Ем. (С.))

и зѣуа́дывѣють / там ти вѣйдидж за... ти вѣйду за́мэи там / ти памру́ / ти та́м / што-тэ што-тэ / што хож зѣуа́дывѣй // (Ем. (Ш.))

я-тэ вам ни скажу́ / кѣка́я там была́ / чи кирпíшнѣя / чи кѣка́я ана́ там была́ // (Ксц.)

празьник / та́м бажэ́сэ́твиный / чи какíй / ти э́тэ́т / ти уѣсуда́рствиный / тады́ спруу́ляюдь быва́ла // (Ксц.)

на́м ўсе́ раўно́ / ти на жы́тэ / ти на ро́ш // (Ксц.)

ти мо́ркава / ти марко́ўка / инá ўсе́ ўрэ́мя та́к // (Ксц.)

ти по́риши / ти ла́пти / адно́ и то́ жэ́ // (Ксц.)

вазьме́ш во ско́ка / во пѣстѣ́кэ́й / ти я́уэ́т там ти што́ // (Ксц.)

а у на́с я ня вíдила / ти были́ / ти не́ / ти на́шутэ / ти не́ // (Ксц.)

я быва́ль куды́ ни прие́ду / ти ў сѣ́нато́рий ти куда́ / вѣ з Би-лару́сии? // (Ков.)

мѣлатíли как-тэ́ иво́ ци цѣ́ня́ми / ци как-тэ́ // (Ков.)

прийи́жжали́ к на́м ци на де́сидэ́ днѣ́й / ци со́рэг днѣ́й дѣ́к / ци како́й-тэ́ бо́рши ва́рили́ / ци што́ / э́тэ́ на́дэ́ э́биза́тильна́ // (Ков.)

званю́ у пѣ́жарнѣ́ю / но́ль / ти два́ ти адíн / я ужэ́ забыла́ // (Тет.)

Зíна / аткрѣ́й / я табе́ тут што́-тэ́ принисла́ ти што́ / ти скажу́ / ня по́мню́ ужэ́ // (Тет.)

тэ́да́ крычы́м / ци ба́бушка́ / ци де́душка́ / вѣ́тинити на́с // (Ц.)

кто-то ўсих моих козленят де-то ти поеу́, ти што́! // (Нев., Сказ. Пск. обл., 84)

ти в про́шлом году́ / ти коудá // пришла́ / уово́ритэ́ / на́да де́нэ́ги мяня́тэ́ // (Трехалево, Нев.)

ти по́йдеши ты́ / ти по́йе́деш ты́ // (Дубокрай, Нев.)

яна́ чи два́ / чи три́ уа́да́ пра́жыла́ // (Дубокрай, Нев.)

ти будить сиродня дби / тi нёт // (Крутелево, Нев.)
а ти дэфки вы нитярййки / ти нёт // (Крутелево, Нев.)
ти хадили на яуады / ти нёт // (Крутелево, Нев.)
ў упряшку паработал / чи палавина дня / чи посли палавины
 (Мелюхи, Нев.)
када п спяклá чы пичёненья / чы блиноў // (Ч. Стайки, Нев.)
йдi Мiша мбiйся там / не панимáеть он ничóсь / чи пáриўся /
чи мбiўся // (Прудница, Нев.)
тi купляли тебе кóхту / ти шбiли // (Станки, Пуст.)
вóт патóm ея и запушiла / вóт и забалéла // ти хóда ти
прэсна / варатi у мéста // (Станки, Пуст.)
я уаварiт / ти задавлóсь / ти затаплóсь // (Станки, Пуст.)
ти пайдéш / ти пойéдеш / как // (Усохи, Пуст.)
чы халóдная вадá / чы нёт // (Ермолово, Пуст.)
ти на быкé / ти на лóшаде / ктó йéде // (Ермолово, Пуст.)
анá вжы была / ти сем / ти éта / дней убiта там лижáла //
 (Усв., 2011)
ти хужы / ти лóччы б была / а я бы ни дапустiла // (Приниши,
 Себ.)
ана ти с трiццáть сядьмóва / ти с трiццáть васьмóва гóда //
 (Заозерье, Себ.)
рассярдiлся друк милéнький / ти на мянiя / ти на дéтак
майiх // (Жуки, Себ.)
ти клóч / ти калóдиц / как клóч / так и завi // (Борисенки,
 Себ.)
вóт вéтер поднiлся / штó-нибóть надóе / чы снéгу / чы
дóжжык // (Борисенки, Себ.)
ти дóма / ти в Лóки уйéхала // (Маево, Н-Сок.)

2.2

Неповторяющийся союз *ти* употребляется, как правило, в сочетаниях с местоимениями и местоименными наречиями *ти что, ти куды, ти как*, а также с числительными и счетными словами:

шэрсъти нáдъ было здáть / килъурáм ти двá // (Ерм.)

вaзьмú я платóк / **ти** тря́нку какúю // (Ерм.)
то́льки пяцсо́т **ци** ско́льки там пълучы́ли? // (Д.)
бъя́рки э́ты / къда́ / ни зная́ / нъ сва́дьби / **чи** что́ там
бъя́рки? // (Ксц.)

низя́ хадитъ у лés / зьми́и э́ты / ухóдють / куды́ аны́? / у зямлú
чы куды́ аны́ там / хварóбъ иу зная́ // (Ксц.)

намéлиш хэраишэ́нка / два́ ра́зъ **ци** ско́льки ра́с прапúсьтиш /
и патóм дéльиш э́ту / кълату́шку такúю ясú // (Ксц.)

а типéрь я ни зная́ / мóжъ штúк пя́ть **ци** шэсь каро́ў
дэ́ржуть // (Кзл.)

дья́кэн **ци** каќ ивó зва́ли // (Ков.)

и сúмки дьвэ́ **ти** трé нэлажы́л бэ́рэхла́ // (Тет.)

в вады́ абва́риши / жыро́ў **чы** малачка́ падлúеиш / сúшыши
у пéчки // (Ч. Стайки, Нев.)

крапíва **ти** кастра́ растéт ф ли^есу и óкала дóма // (Станки,
Пуст.)

кíнула там како́й кажúх / тú тяльнáк // (Станки, Пуст.)

ха́ту зделал **ти** што́ // (Липник, Пор.)

ня зная́ / хто скаре́й привязéть / То́лька **ти** То́нька // (Черная
Грязь, Себ.)

а сто́ка атучúлась / на два́цать ты́сяч платúла ў мéсяц **чи**
в гот / э́та я ни зная́ // (Церковище, Усв.)

жарóванная **чи** варéная фсё́ одно́же // [о картошке] (Гора Бо-
были, Пск.)

Модальное значение неуверенности, сомнения характерно как для вопросительной частицы *ти* (в «риторических» вопросах), так и для союза (где всегда присутствует ситуация выбора между какими-то альтернативными, следовательно, возникает модальность неуверенности). Таким образом, можно утверждать, что именно благодаря этой модальности возникает «зона перехода» между союзом и частицей и появляются контексты, где их трудно (или невозможно) различить.

Кроме того, *ти* может выступать в качестве союза, присоединяющего предложения изъяснительного характера (содержащие косвенный вопрос), что отмечается в южнорусских говорах и что неизвестно древнерусской письменности [Птенцова 2000: 217]. Ср. блр.: *Толькі ў калідоры Надзя падумала, ці не збіраецца Сашка выступаць у канцэрце* (Гроднеў).

ни знаю / ци было / а знаю / што у Шульбу́ах хаді́ли на́шы // (Ем. (Ш.))

а я ни знаю / ци адно́ и то́я смѣла́ и живи́ца // (Ем. (Ш.))

пѣчка ичѣ ти была́ / ня по́мню // (Ем. (Ш.))

а ни знаю / дѣ вайны́ ти диржа́ли // (Ем. (Ш.))

ни знаю / ти будит што // (Кзл.)

ни знаю я / как там дражни́ли / ти што́ там дѣля́ли // (Ксц.)

хаді́ли уляде́ли / ци памѣ́рла / не́ / жива́ // (Тет.)

ня пужа́йся / Сави́к ваш зуарѣл / а́хти / ли́ханька / я хачу́ ли́ханька узна́ть / уарѣл ти Асави́к? // (Осовик, Нев.)

вѣвяжут попрѣсту са льна́ // я виза́ла / а час ни знаю / ци на́лажу // (Смольное, Нев.)

ана́ паши́унайить яво́ / ци живѣ́й // (Смольное, Нев.)

да ана́ уавари́ла / дѣ́бре ни^е знаю́ / ти ма́тка йево́ ищи́цо́ жи́ва // (Станки, Пуст.)

а но́не^чь я и не^ч примѣ́тила / ти бы́ў на раи́ство дѣ́ши // (Станки, Пуст.)

— Да, говорить, — не знаю, *ти* перейдѣшь ты тоже: яма глубокая, жердочка тоненькая. *Т*и перейдѣшь? (Пуст., Сказ. Пск. обл., 65)

а мы́ ня зна́ли / ти́ он [катер] на бе́ряу вы́тиунутый // (Чернец, Себ.)

Если рассматривать придаточное предложение как самостоятельную единицу, то в ней *ти* будет выступать в качестве вопросительной частицы, как правило, с модальным значением. Если *ти* не стоит в начале придаточного предложения, т. е. в характерной для союза позиции [*а ни знаю / дѣ вайны́ ти диржа́ли //* (Ем.

(Ш.)), то в таких случаях, скорее всего, мы имеем дело именно с модальной частицей *ти*.

4

Отмечен и редкий случай употребления союза/частицы *ти* в условной конструкции (присоединяет придаточные условные предложения; близок по значению союзу *если*). Ср. рус. ли: *Станет ли дверь закрывать, обязательно ключ сломает. Взглянешь ли на него, покраснеет и отвернется*. Подобные примеры редки в современных южнорусских говорах, но встречаются в древнерусской письменности, где такое употребление тоже является, скорее, периферийными [Птенцова 2000: 215–216].

а уавóрють / там дéривѣ ти упадѣть / засóринь усѣ / и тák и ляжы́ // (Кзл.)

5

Влияние русской литературной нормы. Невельский район (уезд) до 1924 г. относился к Витебской губернии, согласно карте 1915 г. [Ушаков, Соколов, Дурново 1915], это территория северо-восточных говоров белорусского языка. После того как уезд был присоединен к Псковской губернии, изменилась и лингвистическая интерпретация здешних говоров — согласно карте ДАРЯ, это территория западной группы говоров южнорусского наречия [ДАРЯ I: карта VI].

5.1

Потому не удивительно, что наряду с характерными для белорусского языка частицей и союзом *ти* в говоре присутствуют и конструкции, свойственные русскому литературному языку. Так, присутствуют общие вопросы без частицы *ти*:

дѣ замúжыства жылá в Ёимильянкѣви / вы бы́ли там навѣрна? // (Ем. (С.))

хтó тут? / и тѣ́ пришлá? // (курице) (Ем. (С.))

Наряду с разделительным союзом *ти*, употребляются и русские «литературные» союзы *или*, *или... или*, *то... то*:

нү / куды им на́да было́ / э́тъ / **или** вшы́шуйка кэ́каи **или** шó /
ста́рингы на́дъ было́ // (Кзл.)

тэ́к козы́ е́ты шэ́ / во́т / **или** в тэуарóди п нэ́виза́ль / **или**
п пупа́сьтила // (Кзл.)

бы́ялися **што́** / **или** рэ́стриля́ють / **или** зэ́бяру́ть куды́ /
зна́иш // (Кзл.)

а яны́ прие́дутъ / ту́т набу́дутъ няде́... э́ту / няде́лю **или** пэ́л-
та́ры / и атп́раваю́ць // (Кзл.)

друу́йй ра́с вот ка́кий пра́зьник / **или** в вэ́скрясе́нни де́леть
не́чыуэ́ дэ́к то́жэ / ва́змуд дэ́ та́кой / мэ́ладэ́ж ва́змэ́дэ дэ́
и па́лють та́кий // (Ксц.)

быа́ль казы́лицэ́ инá у мя э́кэ / **то** трéх при́нясе́ть / **то** двéх /
ме́ньшы ни при́наси́ла // (Кзл.)

то крыльцо́ разва́лицэ́ / **то** тэуарóда рэ́зва́лица // (Кзл.)

далéка / на́дэ нэ́ ауто́бэзи э́хэть **или** маи́шына // (Д.)

ну сэ́мауóнку кау́ уна́ли / э́тъ быва́ль с хлéба / та́м **или** зя́рно /
пи́шани́ца / **или** ро́ш / прэ́рашчывэ́ють / па́том мэ́лють // (Д.)

Также литературный союз ли может употребляться не вместо,
а наряду с диалектным **ти**: то́лька стару́хи гава́ря́т / амману́ила /
а **ти** по́зна ли сейча́с / **ти** не́т // (Пуст., Ермолово)

5.2

Кроме того, у некоторых информантов появляется и «гибрид-
ный» союз **ти... или**:

ну ишэ́ ни са́всім у́жынэ́ть / а та́к **што́** / та́м **ти** чайку́
папи́ть **или** **што́** та́м / ве́чырить // (Ксц.)

а хто́ э́тъ ве?... **ци** э́тъ мэ́снэ́я вля́сэ / **или** [...] мо́жэ райо́н? //
(Кзл.)

мо́жэ пэ́абиди́лся э́сли **цы** брóсил бы яé **или** **што́** // (Кзл.)

и кэ́лабóчык э́тыт усé нэ́ пэ́чио́ти / грíт / ни мау́у да́ть /
ни... **чи** та́к ужэ́ **или** ни та́к / ни зна́ю / ни дэ́ла йи́на на́м // (Кзл.)

зимля́ нэ́зыва́ицэ́ де па́ишыш / **ти** картóшку / **ти...** **или** ячме́нэ
(Ксц.) (в данном примере показательна коррекция — диалектная
единица заменяется на литературную):

йей **ти** васимна́цать лет / **или** дивятна́цать // (Усв., 2011)

ну / как каки́е пла́тьи / ф чом каки́е пла́тьи? // ти в móду ты спра́шива́еи / и́ли // (Борисенки, Себ.)

Интересно, что употребление подобного «гибридного» союза фиксируется не только в последние годы, но уже в первой трети XX в.:

Ти от дела лыта́еишь аль дела пыта́еишь? [Чернышев 1950: 334] (записи 1927–1929 гг.)

Видимо, сюда же следует отнести и возможность употребления частиц *ти* и *ли* в составе одного высказывания: *Ти придетъ ли вну́чек?* (Княжичи Жирятниск., Брян.), *Ти здоро́в ли?* (Даль) [Птенцова 2000: 217].

5.3

Влиянием литературного языка может быть объяснена и постпозиция *ти* (вопросительной частицы и изъянительного союза) по отношению к предикату, характерная для частицы/союза *ли*: *ня пужа́йся / Сави́к ваш зуа́рэл / а́хти / ли́ханька / я хачу́ ли́ханька узна́ть / зуа́рэл ти Асави́к? // (Осовик, Нев.)*

пи́ишыт / мо́жна ти при́ехать // (Станки, Пуст.)

саску́чили ти у на́с де́вачки? ни кина́ не́т // (Станки, Пуст.).

6

Обращает на себя внимание то, что употребление *ти* в Невельском районе в значении вопросительной частицы и разделительного союза неравномерно по разным идиолектам (говорам разных деревень), у разных информантов частица/союз *ти* встречается с разной частотой.

Так, можно утверждать, что *ти* как разделительный союз характерен для говора д. Косцы (10 примеров), в то время как случаев употребления *ти* в функции вопросительной частицы в этом материале всего 4, причем 3 из них — не в свободном употреблении, а в сочетании *ти что*. Также только разделительный союз отмечен в говоре д. Ковалиха (которая, по свидетельству всех информантов, прежде была старообрядческой). Напротив, в д. Козлы (ныне не существует) частотна вопросительная частица *ти*

(8 примеров, из них 6 — без модального значения), причем разделительный союз *ти* здесь встретился всего один раз. Похожую картину наблюдаем и в говоре д. Емельяново: на 7 случаев употребления вопросительной частицы приходится только 2 случая употребления разделительного союза (и 4 случая употребления *ти* для присоединения придаточного изъяснительного, где значение союза максимально близко значению вопросительной частицы).

7

Таким образом, в разных значениях частицы/союза *ти* в нелевельских говорах можно увидеть два полюса — чисто вопросительное значение и значение разделительного союза, предполагающее выбор между двумя альтернативами (двумя взаимоисключающими событиями). Между этими полюсами возникает довольно широкая «зона перехода». С одной стороны, если вопрос становится «риторическим», то к вопросительному значению частицы добавляется модальное значение сомнения, неуверенности, которое становится единственным при трансформации конструкции из вопросительной в повествовательную. С другой стороны, когда в разделительной конструкции одна из альтернатив становится общей (выражается местоимением или местоименным наречием), здесь тоже возникает модальное значение сомнения, неуверенности. В результате мы получаем большое количество высказываний, в которых трудно (или даже невозможно) развести вопросительную частицу *ти* и союз *ти*.

Литература

Бондарко Л. В. (1977) *Звуковой строй современного русского языка*. М.: Просвещение.

Бромлей С. В., Булатова Л. Н., Гецова О. Г. и др. (2005) *Русская диалектология: Учебник для студ. филол. фак. высш. учеб. заведений*. Под ред. Л. Л. Касаткина. М.: Академия.

Дурново Н. Н., Соколов Н. Н., Ушаков Д. Н. (1915) *Опыт диалектологической карты русского языка в Европе с приложением Очерка русской диалектологии*. М.

Зализняк А. А. (1993) К изучению языка берестяных грамот. Янин В. Л., Зализняк А. А. *Новгородские грамоты на бересте: из раскопок 1984–1989 гг.* М.: Наука: 191–343.

Захарова К. Ф., Орлова В. Г. (2004) *Диалектное членение русского языка*. М: Едиториал УРСС.

Карский Е. Ф. (1908) *Белоруссы*. Т. 2: Язык белорусского племени. Варшава.

Кузьмина И. Б. (1993) *Синтаксис русских говоров в лингвогеографическом аспекте*. М.: Наука.

Птенцова А. А. (2000) Семантика и функции служебного слова ЦИ (ЧИ) в языке древнерусских памятников (XI–XIV вв.) и в современных диалектах. *Вопросы русского языкознания*. Вып. 8: Функциональные и семантические характеристики, высказывания, слова: 209–220.

Сокращения источников

ДАРЯ — *Диалектологический атлас русского языка*. Центр Европейской части СССР: В 3 вып. Под ред. Р. И. Аванесова, С. В. Бромлей. М.: Наука, 1986–1996.

ПОС — *Псковский областной словарь с историческими данными*. Ред. Л. А. Ивашко, И. С. Лутовинова, М. А. Тарасова и др. Вып. 1–26. Л.; СПб.: Изд-во ЛГУ/СПбГУ, 1967–2016 (издание продолжается).

Срезневский — Срезневский И. И. *Материалы для Словаря древнерусского языка по письменным памятникам*. В 3 т. СПб., 1893–1923.

ТСБМ — *Тлумачальны слоўнік беларускай мовы*. Пад агульн. рэд. К. К. Атраховіча (К. Крапівы): У 5 т. Мінск: АН БССР, 1977–1984.

Фасмер — Фасмер М. *Этимологический словарь русского языка*. Т. I–IV. М.: Прогресс, 1964–1973.

Чернышев 1950 — *Сказки и легенды пушкинских мест: Записи на местах, наблюдения и исслед.* В. И. Чернышева. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950.

ЭСЛЯ — *Этимологический словарь славянских языков: Праславянский лексический фонд*. Под ред. О. Н. Трубачева, А. Ф. Журавлева. Вып. 1–37. М.: Наука, 1974–2011 (издание продолжается).

INTERROGATIVE PARTICLE
VS. SEPARATIVE CONJUNCTION:
TI IN THE DIALECTS OF THE RUSSIAN-BELARUSIAN
BORDER REGION

Anastasiya Ryko

St. Petersburg University,
St. Petersburg, Russia
E-mail: aryko@mail.ru

Citation: Ryko A. (2018) Voprositel'naya chastitsa vs. razdelitel'nyy soyuz: *ti* v govorakh russko-belorusskogo pogranich'ya [Interrogative particle vs. separative conjunction: *ti* in the dialects of the Russian-Belarusian border region]. *Severnoruskiye govory* [Northern Russian dialects], 17: 184–204. (in Russian)

Abstract. The article discusses the use of the particle/conjunction *ti* in the dialects of the Nevelsky district of the Pskov region (the research is based on the materials of field records and the Card indexes of the Pskov regional dictionary). This particle/conjunction is a feature the Western group of dialects of the South Russian dialect, but it is also fixed in other territories.

The following main cases of using *ti* — both particle and conjunction — are noted in different contexts and meanings: 1) interrogative particle (increases the interrogative meaning); 2) modal-interrogative particle, where the meaning of doubt, assumption becomes the main; 3) separative conjunction, comparable with Russian literature *ili* (*ili ... ili*), both repetitive and non-repetitive, the meaning of which implies the choice of two alternatives, which can also be accompanied by modality of doubt, uncertainty; 4) subordinating conjunction that joins subordinate clause, expressing an indirect question that is comparable to the modal-interrogative particle in a simple sentence.

The use of *ti* in the meaning of the interrogative particle and the separative conjunction is uneven across the dialects of different villages — some are characterized by the use of the conjunction, others — particles.

In different meanings of the particle/conjunction *ti* in the Nevel dialects one can see two poles — a pure interrogative meaning and the meaning of the separative conjunction, assuming a choice between two mutually exclusive events. Between these poles there is a wide “transition zone”. If the question becomes “rhetorical”, the modality of doubt and uncertainty is added to the interrogative meaning of the particle, which becomes the only one if

the construction changes from interrogative to narrative. In the separative construction, if one of the alternatives becomes common (expressed by a pronoun or adverb), then the modal meaning of doubt and uncertainty also arise. As a result, we get a large number of sentences in which it is difficult (or even impossible) to differentiate the interrogative particle and the conjunction.

Keywords: Pskov dialects, interrogative particle, separative conjunction.

References

Atrachovič K. K. (Krapiva K.) (eds.) (1977–1984) *Tłumačal'ny sloŭnik bielaruskaj movy* [Explanatory Dictionary of the Belarusian language]. Vol. 1–5. Minsk: AN BSSR. (in Belorussian)

Bondarko L. V. (1977) *Zvukovoy stroy sovremennogo russkogo yazyka* [Sound system of the Russian language]. Moscow: Prosveshcheniye. (in Russian)

Bromley S. V., Bulatova L. N., Getsova O. G. et al. (2005) *Russkaya dialektologiya* [Russian dialectology]: Uchebnik dlya stud. filol. fak. vyssh. ucheb. zavedeniy. Pod red. L. L. Kasatkina. Moscow: Akademiya. (in Russian)

Durnovo N. N., Sokolov N. N., Ushakov D. N. (1915) *Opyt dialektologicheskoy karty russkogo yazyka v Yevrope s prilozheniyem Ocherka russkoy dialektologii* [The dialectological map of the Russian language in Europe with the application of the Essay of Russian dialectology]. Moscow. (in Russian)

Fasmer M. (1964–1973) *Etimologicheskiy slovar' russkogo yazyka* [Etymological Dictionary of the Russian Language]. Vol. I–IV. Moscow. (in Russian)

Ivashko L. A., Lutovinova I. S., Tarasova M. A. et al. (eds.) (1967–2016) *Pskovskiy oblastnoy slovar' s istoricheskimi dannymi* [Pskov regional dictionary with historical data]. Vol. 1–26. Leningrad; St. Petersburg: Izd-vo LGU/SPbGU (the publication continues). (in Russian)

Karskiy Ye. F. (1908) *Belorussy* [The Byelorussians]. T. 2: *Yazyk belorusskogo plemeni* [The language of the Belarusian tribe]. Warsaw. (in Russian)

Kuzmina I. B. (1993) *Sintaksis russkikh govorov v lingvogeograficheskom aspekte* [Syntax of Russian dialects from the point of linguogeography]. Moscow: Nauka. (in Russian)

Ptentsova A. A. (2000) *Semantika i funktsii sluzhebnogo slova TSI (CHI) v yazyke drevnerusskikh pamyatnikov (XI–XIV vv.) i sovremennykh dialektakh* [Semantics and functions of the auxiliary word TSI (CHI) in the language of ancient Russian manuscripts (11th–14th centuries) and in modern dialects]. In: *Voprosy russkogo yazykoznanija*. Vyp. 8: Funktsional'nyye

i semanticheskiye kharakteristiki, vyskazyvaniya, slova [Questions of Russian linguistics. Issue 8: Functional and semantic characteristics, utterances, words]. Moscow: 209–220. (in Russian)

Trubachev O. N., Zhuravlev A. F. (eds.) (1974–2011) *Etimologicheskii slovar' slavyanskikh yazykov: Praslavyanskiy leksicheskiy fond* [Etymological Dictionary of Slavic Languages. Proto-Slavic Lexical Stock]. Vol. 1–37. Moscow: Nauka. (the publication continues) (in Russian)

Zakharova K. F., Orlova V. G. (2004) *Dialektnoye chleneniye russkogo yazyka* [The dialectal division of the Russian language]. Moscow: Editorial URSS. (in Russian)

Zaliznyak A. A. (1993) K izucheniyu yazyka berestyanykh gramot [Towards the research of the language of birch bark letters]. In: Yanin V. L., Zaliznyak A. A. *Novgorodskkiye gramoty na bereste: iz raskopok 1984–1989 gg.* [Novgorod birch bark letters: from the excavations of 1984–1989]. Moscow: Nauka: 191–343. (in Russian)

ДИАЛЕКТНЫЕ ЯВЛЕНИЯ: ДИНАМИКА И УСТОЙЧИВОСТЬ

ЭНАНТИОСЕМИЯ В ДИАЛЕКТНОЙ ЛЕКСИКЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ТВЕРСКИХ ГОВОРОВ)

Грибовская Наталья Юрьевна

Военная академия воздушно-космической обороны
им. Маршала Советского Союза Г. К. Жукова,
Тверь, Россия
E-mail: grinatal74@mail.ru

Цитирование: Грибовская Н. Ю. (2018) Энантиосемия в диалектной лексике (на материале тверских говоров). *Севернорусские говоры*, 17: 205–216.

Аннотация. В статье рассматривается явление энантиосемии в диалектном слове. В результате анализа тверской диалектной лексики, характеризующей человека, делается вывод, что наличие в семантической структуре противоположных знаков оценки характерно для лексики данной группы. Также называются некоторые причины, способствующие появлению и развитию оценочной энантиосемии в исследуемой лексической сфере.

Ключевые слова: русская диалектология, тверские говоры, энантиосемия.

В диалектной лексике, характеризующей человека, можно выделить группу слов, в значении которых присутствуют противоположные эмоционально-оценочные компоненты — мелиора-

тивные и пейоративные. О словах, в семантике которых сосуществуют противоположные оценочные компоненты, принято говорить как об энантиосемичных.

Явление энантиосемии активно изучается в современном русском языке, однако вопрос о видах энантиосемии, причинах ее возникновения и о месте энантиосемии среди других лексических категорий все еще является дискуссионным. Так, одни исследователи считают энантиосемию одним из видов антонимии — внутрисловной антонимией [Новиков 1973], другие относят ее к разновидности омонимии [Шанский 1964] или полисемии [Бацевич 1986; Бессонова 1982]. В работах последних лет рассматривают энантиосемию как «явление, смежное между полисемией и антонимией, т. к. энантиосемичные языковые единицы характеризуются наличием единого плана выражения, двух планов содержания и антонимического характера отношений между ними» [Кравцова 2006: 6], а также выделяют ее как отдельную лексическую категорию [Литвинова 2012: 7], поскольку «ни одна лексико-семантическая категория не обладает полным набором тех признаков, которые формируют энантиосемию» [там же: 87].

Нет единства и в отношении степени продуктивности энантиосемии в русском языке. Одни исследователи считают, что это «явление непродуктивно в современном языке и служит, в основном, своеобразным реликтом семантики древних корней» [Новиков 1973: 192]. Согласно противоположной точке зрения, энантиосемия активно развивается в языке. По оценкам исследователей, только в словарях русского языка зафиксировано от 300 до 400 энантиосемичных лексем [Кравцова 2006]. Однако в ненормированной устной речи, в частности диалектной, это явление может быть более продуктивным. «В практике речевого употребления лексического материала возможность появления энантиосемичных слов и значений потенциально безгранична... В каждый момент речи говорящий пытается наполнить имеющиеся в его распоряжении когнитивные модели конкретным содержанием, чтобы облечь в языковую форму свои мысли, и всякий раз, по сути, создает конкретные значения слов. <...> При подобной

концептуализации может актуализироваться энантиосемичный механизм и возникнуть любая оппозиция» [Литвинова 2012: 7]. Одним из источников возникновения энантиосемии исследователи называют диффузность значения слова. Б. Т. Ганеев пишет, что «существует проблема семантической диффузии слова, которая стимулировала появление гипотезы первоначальной энантиосемии. Дело в том, что очень многие слова (если не все) могут превратиться сначала в окказиональном плане, а затем в узуальном в энантиосинонимы» [Ганеев 2003: 23].

В зависимости от того, какие семантические компоненты в структуре значения энантиосемичных лексических единиц вступают в отношения противоположности, энантиосемию подразделяют на номинативную и эмоционально-оценочную. Если при номинативной энантиосемии в оппозиции находятся денотативные компоненты (*одолжить* — ‘дать в долг’ и ‘взять в долг’), то при эмоционально-оценочной энантиосемии в отношении противоположности вступают эмоционально-оценочные компоненты значения. Так, например, выражения *Красавец!* или *Молодец!* могут содержать как положительную, так и отрицательную характеристику субъекта. Ироничное употребление этих выражений способствует формированию противоположного значения, которое передается посредством особого интонационного оформления и будет правильно понято в контексте конкретной ситуации.

Энантиосемия, при которой противопоставленность лексико-семантических вариантов не понятийная, а коннотативная, характерна для лексики, характеризующей человека, т. к. такая лексика всегда содержит положительную или отрицательную оценку с позиций «хорошо — плохо», «красиво — некрасиво», «правильно — неправильно», «честно — нечестно». Поскольку отношение к той или иной реалии действительности может быть различным, то и оценка одного и того качества или поступка может также отличаться вплоть до противоположной. Например, в одной и той же ситуации человека можно назвать осторожным или трусливым, бережливым или скупым, смелым или наглым,

умным или заульным. Различная оценка поведения или качеств человека является одной из причин возникновения оценочной энантиосемии. Примером может служить прилагательное *упрямый*, имеющее в современном литературном языке значения как с отрицательной коннотацией — ‘неуступчивый, несговорчивый, стремящийся поступить по-своему, поставить на своем вопреки необходимости и здравому смыслу’: *Упрямый как осел* [СРЯ 4: 509], так и с положительной — ‘упорный, настойчивый’: *Старик Петровы говорили, что их сын Филипп упрямый и своего места в жизни добьется*. В. Иванов. Ночь. [Там же]. Также зыбкой является граница между чувством собственного достоинства и завышенной самооценкой, заносчивостью, что находит отражение в оценочной энантиосемии прилагательного *гордый*, употребляющегося в русском языке в значениях: ‘обладающий чувством собственного достоинства, самоуважения’ [СРЯ 1: 332] и ‘считающий себя выше, лучше других и с пренебрежением относящийся к другим; заносчивый, высокомерный’ [Там же].

В диалектной речи возможность для возникновения оценочной энантиосемии в данной группе лексики значительно возрастает. Этому способствует диффузность значения диалектных слов, устная форма бытования говоров и ненормированность диалектной речи.

Рассмотрим тверскую диалектную лексику, характеризующую человека по его внутренним качествам. Противоположные оценочные компоненты присутствуют в семантике лексем *лихой* и *лиходей*, функционирующих в значениях ‘злой’, ‘злодей’ и ‘бойкий, веселый человек’. *Лиходей* — это не лихие в смысле воры или разбойники. Это лихие в смысле весёлые [Селигер 2: 105]. Отсутствие четкой границы между веселым, озорным поведением и наглостью также отражена в энантиосемичных лексемах *наян*, *наянка*, *наяночка*, имеющих в тверских говорах значения ‘веселый, бойкий, озорной’ (*Я весёлая девчоночка... наяночка, я нигде не пропаду, ни на одной гуляночке* [Селигер 4: 101]) и ‘тот, кто поступает не так, как следует, дерзкий, упрямый человек’ (*Наян — настырный, назорливый человек, ему говоришь, а он все равно де-*

ляет. *Ная́н, на́янка* — нахалка, непослушница, не так, как надо говорит, не по порядку, не уважает [Там же]).

Прилагательное *мягкотéлый* в литературном языке употребляется в значении ‘легко поддающийся чужому влиянию, бесхарактерный’ [СРЯ 2: 320] и содержит отрицательный оценочный компонент. В Осташковском районе семантический диалектизм *мягкотéлый* зафиксирован в значении ‘добрый, отзывчивый’ с положительной коннотацией: *Она такая мягкотéлая, хорошая девочка* [Селигер 3: 32]. Энантисемичность лексемы *мягкотéлый* в литературном языке и в тверских говорах может объясняться противоположным отношением к одному и тому же качеству: доброта человека может быть расценена как проявление его слабости.

Прилагательное *жа́лкий* употребляется в современном литературном языке в значениях ‘вызывающий жалость, достойный сострадания’, ‘невзрачный, бедный, неказистый, вызывающий сожаление своим убожеством’ и ‘презренный, мелкий, пустой’ [СРЯ 1: 470], имеющих отрицательную оценочную коннотацию. В тверских говорах прилагательное *жа́лкий* функционирует с положительным оценочным компонентом в значении ‘милосердный, сдобольный’: *Были... люди и жа́лкие, а были и худые* [Селигер 2: 70].

Прилагательные *лестíвый* и *лестлívый*, мотивированные существительным *лесть*, также содержат в своей семантической структуре значения с противоположным эмоционально-оценочным компонентом — ‘ласковый’ и ‘хитрый, льстивый’: *Лестлívый* — ласковый. *Он такой, лестíвый, Павка мой. Она любит, когда ее ласкают, а я не лестлívая* [Селигер 3: 207]; *Лестлívый* — ласковый, говорят, что хитрая ласковая, подлиза [Там же]; *Лестлívый* — хорошее говорит, а сам обманет [КГТО]. Глагол *лестítь* в тверских говорах употребляется в значениях: 1) ‘угодливо хвалить, льстить’; 2) ‘льстиво уговаривать, соблазнять’; 3) ‘ухаживать, радушно принимать гостей’ [СРНГ 17: 13]. Критерием положительного или отрицательного отношения к ласковому, доброму, радушному поведению человека является степень искренности проявления его чувств.

Прилагательное *коры́стный* употребляется в тверских говорах в общерусском значении ‘стремящийся к личной выгоде, наживе’ [СРЯ 2: 109], а также в значении ‘настойчивый’ с положительной коннотацией. *Коры́стным быть хорошо, человек любое дело сделает. Трудно, нельзя это сделать, а он сделает* [КГТО]; *У нас человек коры́стный: если нельзя сделать, но человек все равно сделает* [Селигер 3: 111]. Возможность выделения различных аспектов в поведении человека, который, стремясь к личной выгоде, наживе, настойчиво добивается своей цели, способствует возникновению оценочной энантиосемии в данном прилагательном.

Прилагательное *зави́стливый*, функционируя в тверских говорах в общерусском значении ‘склонный к зависти; испытывающий чувство зависти’ [СРЯ 1: 503], в Осташковском районе Тверской области зафиксировано в значении с положительной коннотацией ‘трудолюбивый, мастер на все руки’: *У нас все зави́стливые, хорошие, все умеют* [Селигер 2: 103].

Оценочная энантиосемия характерна в тверских говорах для лексем *скупой* и *ску́дный*. В южных районах Тверской области (Бельский, Оленинский, Нелидовский районы) прилагательные *ску́дный* и *скупой* имеют положительную оценку, обозначая рачительного, хозяйственного человека: *Ску́дный — это скупой то есть. Ску́дным, скупым хорошо быть, правильно. Так и говорят: «Скупость не глупость»* [КГТО]. В северных районах Тверской области (Сандовский, Сонковский) значения ‘скупой’ и ‘жадный’ чаще не дифференцируются, здесь прилагательные *скупой* и *ску́дный* имеют отрицательную коннотацию: *Скупой, ску́дный — плохой человек, жадный, ничего никому не дает* [КГТО].

Не только эмоционально-оценочная, но и номинативная энантиосемия присутствует в диалектизмах *ко́постный*, *копо́стливый*, *ко́пошный*. В пределах одного говора данные лексемы функционируют в антонимичных значениях ‘неугомонный, неутомимый в работе, трудолюбивый’ и ‘медлительный’: *Копостный — трудолюбивый: что-то все делает, без всякого спокую. Копо́шная девка — эта та, которая все время при деле, ста-*

рается. Или та, которая медленно делает. **Кóпостный** — это деловой. **Кóпошный** — это человек такой непроворый: копается — тихоня, копуха. У, и **кóпошная ты!** Я бабка, и то быстрее сделаю [Селигер 3: 97].

Говоря об оценочной энантиосемии диалектной лексики, характеризующей человека, нельзя обойти вниманием уникальный полисемант *рахмáнный*, зафиксированный в русских говорах в 34 (!) значениях, в том числе с противоположными денотативными и оценочными компонентами в его семантической структуре. В тверских говорах лексема *рахмáнный* встречается в следующих значениях: 1) 'тихий, спокойный, смирный, кроткий': *Она говорит про меня, что я спокойная, рахмáнная* [Селигер 6: 69]; 2) 'вялый, медлительный, непроворный, нерасторопный' [СРНГ 34: 344]; 3) 'простодушный, бесхитростный, простой' [ТС: 70]; 4) 'добрый, добродушный' [СРНГ 34: 344]; 5) 'хилый, слабосильный, болезненный' *А второй сын у меня не такой. Здоровье у него плохое, рахмáнный такой. Он всегда был рахмáнный, нездоровый* [ТС: 70]; 6) 'щедрый, хлебосольный' [СРНГ 34: 344]; 7) 'бесхозяйственный, беспечный' *Парень-то больно рахмáнный у нее. Что заработает, то и разматает* [ТС: 70]; 8) 'грустный' *Ваня рахмáнный, грустный* [Селигер 6: 69]; 9) 'неряшливый'. *Они пыльно живут, пыль с ладонь, кругом рахмáнно так, она женщина рахмáнная* [Там же]. Как видим, в тверских говорах полисемант *рахмáнный* не характеризуется образованием антонимических оппозиций денотативных компонентов значений. Однако в значениях данного прилагательного содержатся различные оценочные компоненты. В зависимости от угла зрения поведение спокойного, кроткого человека, легко отдающего свою собственность, может расцениваться как проявление доброты и щедрости или же бесхозяйственности, бесхарактерности, слабости, излишней простоты и нерасторопности, получая соответственно положительную или отрицательную оценку окружающих. Спокойный, тихий человек оценивается положительно, однако если его спокойствие проявляется в особенностях моторных реакций,

препятствующих выполнению работы (в нерасторопности и медлительности), оценка меняется на противоположную.

Таким образом, можно сделать вывод, что наличие в семантической структуре слова противоположных знаков оценки характерно для диалектной лексики, характеризующей человека. Возникновению и развитию оценочной энантиосемии в этой лексической сфере способствуют диффузность значения диалектного слова, устная форма бытования диалектов, ненормированность диалектной речи, а также экстралингвистические факторы — амбивалентность чувств и мышления, различные ценностные ориентиры и установки, позволяющие увидеть противоположные аспекты одного явления и оценить его с различных точек зрения.

Литература

Бацевич Ф. С. (1986) Технология энантиосемичных значений глаголов в современном русском языке. *Исследования по семантике*. Вып. 12. Уфа: БГУ: 33–40.

Бессонова Л. Е. (1982) Энантиосемия как особый тип в системе лексических противопоставлений. *Проблемы лексической и категориальной семантики*. Вып. 2. Симферополь: СГУ: 27–31.

Ганеев Б. Т. (2003) Первоначальная энантиосемия и диффузность в языке. *Вестник Оренбургского государственного университета*, 4: 9–14.

Кравцова В. Ю. (2006) *Энантиосемия лексических и фразеологических единиц: язык и речь*. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Ростов-на-Дону.

Литвинова Е. А. (2012) Эмоционально-оценочная энантиосемия. *Филологические науки. Вопросы теории и практики*, 2: 86–90.

Новиков Л. А. (1973) *Антонимия в русском языке (семантический анализ противоположности в лексике)*. М.: Высшая школа.

Шанский Н. М. (1964) *Лексикология современного русского языка*. М.: Просвещение.

Сокращения источников

- КГТО — *Картотека говоров Тверской области*, кафедра русского языка
Тверского государственного университета.
- Селигер — *Селигер: Материалы по русской диалектологии*. Словарь.
Под ред. А. С. Герда, Н. В. Богдановой-Бегларян. Вып. 1–7. СПб.:
Изд-во СПбГУ; Тверь: Тверской ун-т, 2003–2017. (издание продол-
жается)
- СРНГ — *Словарь русских народных говоров*. Гл. ред. Ф. П. Филин,
Ф. П. Сороколетов, С. А. Мызников. Вып. 1–50. М.; Л.; СПб.: Наука,
1965–2018 (издание продолжается).
- СРЯ — *Словарь русского языка*: В 4-х т. АН СССР, Ин-т рус. яз.; Под ред.
А. П. Евгеньевой. Изд. 3-е стереотип. М.: Русский язык, 1985–1988.
- ТС — *Тематический словарь говоров Тверской области*. Сост. Т. В. Ки-
риллова, Л. Н. Новикова, Т. В. Габлина, Е. В. Николаева. Вып. 4.
Тверь: Золотая буква, 2005.

ENANTIOSEMY IN THE DIALECT LEXIS (BASED ON THE TVER DIALECTS)

Natalya Gribovskaya

Military Academy of Air and Space Defense
Marshal of the Soviet Union G. K. Zhukov,
Tver, Russia
E-mail: grinatal74@mail.ru

Citation: Gribovskaya N. (2018) Enantiosemya v dialektnoy leksike (na materiale tverskikh govorov). [Enantiosemy in the dialect lexis (based on the Tver dialects)]. *Severnorussskiye govory* [Northern Russian dialects], 17: 205–216. (in Russian)

Abstract. This article discusses the phenomenon of enantiosemy in dialectal word. Today the phenomenon of enantiosemy actively studied in the modern Russian language. However, the question of the types of enantiosemy, the cause of its occurrence and the place of enantiosemy among other lexical categories is still debatable. Some researchers believe enantiosemy one of the types of antonymy. Other researchers attribute this phenomenon to a variety of homonymy or polysemy. A number of linguists allocate enantiosemy as a separate lexical category. Some researchers believe that today enantiosemy is not developed in the language, other linguists, on the contrary, argue that this phenomenon is actively developing in the modern Russian language.

The article analyzes the Tver dialect vocabulary characterizing a person by his moral qualities. The author identifies a significant number of dialect words, in the meaning of which there are opposite emotional and evaluative components — positive and negative.

As a result of the analysis of the Tver dialect lexicon characterizing the person, the author draws a conclusion that existence in semantic structure of opposite signs of an assessment is characteristic for lexicon of this group. The author describes some of the reasons that contribute to the emergence and development of evaluation enantiosemy in the studied lexical field. The main reasons contributing to the emergence of evaluative enantiosemy in this group of vocabulary are the diffusivity of the meaning of dialect words, the presence of only the oral form of dialect speech, the lack of codified norms in dialect speech, as well as extralinguistic factors — ambivalence of feelings

and thinking, various value orientations and attitudes that allow you to see the opposite aspects of one phenomenon and evaluate it from different points of view.

Keywords: Russian dialectology, Tver dialects, enantiosemy.

References

Batsevich F. S. (1986) Tekhnologiya enantiosemykh znacheniy glagolov v sovremennom russkom yazyke [Technology of enantiosemic values of verbs in modern Russian Research on semantics]. *Issledovaniya po semantike* [Research on Semantics], 12. Ufa: BGU: 33–40. (in Russian)

Bessonova L. E. (1982) Enantiosemya kak osoby tip v sisteme leksicheskikh protivopostavleniy [Enantiosemia as a special type in the system of lexical contrasts]. *Problemy leksicheskoy i kategorialnoy semantiki* [Problems of lexical and categorized semantics], 2. Simferopol': SGU: 27–31. (in Russian)

Evgenyeva A. P. (ed.) (1985–1988) *Slovar russkogo yazyka* [Dictionary of the Russian language: In 4 vol]. Ed. 3rd, stereotype. Moscow: Russkiy yazyk, 1985–1988. (in Russian)

Filin F. P., Sorokoletov F. P., Myznikov S. A. (eds.) (1965–2018) *Slovar' russkikh narodnykh govorov* [Dictionary of Russian folk dialects]. Vol. 1–50. Moscow; Leningrad; St. Petersburg: Nauka (the publication continues). (in Russian)

Ganeev B. T. (2003) Pervonachalnaya enantiosemya i diffuznost' v yazyke [Original enantiosemia and diffuseness in language]. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Orenburg State University], 4: 9–14. (in Russian)

Gerd A. S., Bogdanova-Beglaryan N. V. (eds.) (2003–2017) *Seliger: Materialy po russkoy dialektologii. Slovar'* [Seliger: Materials on Russian dialectology. Dictionary]. Vol. 1–7. St. Petersburg; Tver: Izdatelstvo SPbGU; Tverskiy universitet (the publication continues). (in Russian)

Kirilova T. V., Novikova L. N., Gablina T. V., Nikolayeva Y. V. (2005) *Tematicheskyy slovar' govorov Tverskoy oblasti* [Thematic dictionary of dialects of the Tver region]. Vyp. 4. Tver: Zolotaya bukva. (in Russian)

Kravtsova V. Yu. (2006) *Enantiosemya leksicheskikh i frazeologicheskikh edinits: yazyk i rech* [Enantiosemia of lexical and phraseological units: language and speech. The author's abstract of the diss. kand. philol. sciences]. Rostov-on-Don. (in Russian)

Litvinova E. A. (2012) Emotsional'no-otsenochnaya enantiosemya [Emotional-evaluative enantiosemia]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii*

i praktiki [Philological Sciences. Questions of theory and practice], 2: 86–90. (in Russian)

Novikov L. (1973) *Antonymy in the Russian language (semantic analysis of the opposite in vocabulary)* [Antonymy in the Russian language (semantic analysis of the opposite in vocabulary)]. Moscow. (in Russian)

Shanskiy N. M. (1964) *Leksikologiya sovremennogo russkogo yazyka* [Lexicology of the modern Russian language]. Moscow: Prosveshheniye. (in Russian)

СЕМАНТИКА ГЛАГОЛОВ С ФОРМАНТОМ *НЕЗА-* В ГОВОРАХ АРХАНГЕЛЬСКОГО РЕГИОНА

Ковригина Елена Андреевна

Московский государственный университет
им. М. В. Ломоносова,
Москва, Россия
E-mail: el.kovrigina7@yandex.ru

Цитирование: Ковригина Е. А. (2018) Семантика глаголов с формантом *неза-* в говорах архангельского региона. *Севернорусские говоры*, 17: 217–227.

Аннотация. Статья посвящена анализу семантики глаголов с формантом *неза-* в говорах архангельского региона. Ставится проблема о существовании словообразовательного форманта *неза-*, приносящего в семантику производного глагола значение ‘прекращение текущей ситуации’. Глаголы с начинательным префиксом *за-* при общем отрицании, напротив, означают ‘отсутствие начала ситуации’. В статье разграничиваются эти две фазы и делаются выводы об особенностях функционирования глаголов с формантом *неза-* в современных говорах.

Ключевые слова: диалектное словообразование, глагольные дериваты, формант *неза-*.

В современных русских говорах, как и в русском литературном языке, глагол имеет грамматическую категорию аспектуальности, которая тесным образом связана с семантикой исходной языковой единицы. Кроме значений линейной аспектуальности глагольные лексемы обладают фазовыми значениями. Вслед за В. А. Плунгяном мы определяем фазовые значения как «утверждения о существовании или несуществовании ситуации по сравнению с некоторым более ранним моментом времени» [Плунгян 2003: 305]. Традиционно выделяются три временные фазы: начало (инхоатив), продолжение (континуатив) и конец (терминатив). Формальным выразителем фазовых значений глагола, как правило, являются словообразовательные аффиксы.

В статье рассматриваются фазовые значения глагольных образований с формантом *неза-*. Источниками материала являются 1–18 выпуски «Архангельского областного словаря» (АОС), картотека АОС, включая ее компьютерный вариант, а также данные экспедиций последних лет.

Одним из основных типов глагольных образований с префиксом *за-* в современных говорах архангельского региона, как и в русском литературном языке, является тип глаголов со значением ‘начать действие, названное мотивирующим глаголом’ [Русская грамматика 1980, 1: 359]. Например:

Фсэ спомира́ли, ко́рю-то заболéли, у меня́ дéвушка уж годовá была́, бо́льшэ гóду; Она́ весну́хой заболéла. Весну́ха — болéсь — ‘пришли в состояние болезни, начали страдать какой-л. болезнью’;

Пролéжал в гóспитале, в́ыправился, говорíт, замо́к малéнько; А потóм я замогlá, дак самá стáла обрежа́ция — ‘достигли хорошего физического состояния, начали хорошо себя чувствовать’;

У меня́ ráно заговорíли робятíшка, ráно заходили́ и ráно заговорíли; Я та́г дово́льна, она́ ужэ мно́го койе-цегó заговорíла — ‘начали овладевать речью, способностью говорить’;

Она́ заревéла та́ким непúтьнем гóлосом; А óн йещé опозна́л меня́ ф пéрвый рас, заревéл — я бо́льшэ не оста́нусть тут — ‘начали кричать’;

Гдé жэ телефо́н зарóбит, когда́ провода́ разорва́ло; Сйэ́здила за пошшо́чину (дала парню пощечину) — што́, мото́р зарóбил? — ‘начали функционировать’.

Глаголы совершенного вида с префиксом *за-* типа *заболéть, замогчí, заговорíть, заревéть, зарóбить* и др. относятся к инхоативным, т. е. обозначают начальную фазу описываемой ситуации: в данный момент ситуация «началась», а в предшествующий ему момент времени этой ситуации не существовало.

В отрицательных предложениях с глагольными инхоативами с префиксом *за-* реализуется значение ‘не начаться’: и в настоящий, и в предшествующий момент ситуации не существовало. Например:

(1 группа) *У меня с того времени спина чёрбыть не заболела* — ‘не начала испытывать ощущение боли’;

Нать пролежация да пол мыть, замогу — затру, а не замогу — не затру — ‘не начну хорошо себя чувствовать’;

Сразу он не заговорил, а потом заговорил — ‘не начал овладеть речью, способностью говорить’;

Опять штоп не заревёл, заревёт как под ножом — ‘не начал кричать’;

А у нас свету нет, хоть и машина дак не заробит она одна — ‘не начнет функционировать’.

Однако в современных говорах архангельского региона встречается значительное количество контекстов с глаголами совершенного вида, имеющими словообразовательный формант *неза-*:

(2 группа) *незаболеть*: *У большого сына тоже глаза болели, а вырос, так и незаболели*;

незамогчи: *Швабра-то, когда незамогу софсём, дак вот тогда швабра, а не стану скланивацца, дак я окостенёю, мне надо, гоорю, двигацца*;

незаговорить: *Нос-то надо греть, незаговорила ты софсём*;

незареветь: *Дак вот раньше через матицу как-то умывали робёнка да шэптали чё-то, да вот из медново [умывальника] тоже умывали робёнка, шобы вот уроки снимать — бываэт, умбют, робёнок незаревит*;

незаробить: *Пошо телефон-то не робит? — Незаробил и фсёл! У Раи крйшу снёсло с экой-то погодой; а у нас телефон незаробил*.

В таких контекстах глагольные лексемы с формантом *неза-* являются терминативными, т. е. реализуют значение ‘начаться не, прекратиться’: в предшествующий момент времени описываемая ситуация существовала, в настоящий момент ситуации не существует. В приведенных выше примерах глагол *незаболеть* имеет семантику ‘перестать испытывать ощущение боли’, *незамогчи* — ‘перестать хорошо себя чувствовать’, *незаговорить* — ‘потерять способность говорить’, глагол *незареветь* — ‘перестать кричать’ и глагол *незаробить* — ‘перестать функционировать’.

Таким образом, необходимо различать контексты с общим отрицанием (1 группа) и контексты, в которых отрицательная частица *не* входит в состав словообразовательного форманта *неза-* глагольной лексемы (2 группа). Поэтому имеет место иное написание частицы *не* с глаголами: в первом случае общего отрицания — раздельное, во втором — слитное (как и в глаголах с формантом *недо-*).

И. С. Юрьева в своей диссертации «Семантика глаголов *имѣти, хотѣти, начати (почати)* в сочетаниях с инфинитивом в языке древнерусских памятников XII–XV вв.» отмечает, что в древнерусском языке были возможны сочетания «*начьноу (почьноу) + не + инфинитив*». Значения данной конструкции «являются зеркальными отражениями значений той же конструкции без отрицания, в соответствии со смыслом самого отрицания» [Юрьева 2009: 200–230]. Так, конструкция «*начьноу (почьноу) + не + инфинитив*» имеет следующие значения:

(1). ‘с момента *t* ситуация *X* перестанет / перестала существовать’;

(2). ‘к моменту *t* ситуация *X* не обнаруживается’.

В работе И. С. Юрьевой имеются следующие примеры из Московского летописного свода (МС) 1479 г. и Жития Андрея Юродивого (ЖАЮ) X в.:

(1) И княжившү емү ꙗ лѣтъ на великомѣ княженѣи и сѣде бо Ордаѣ ннѣ царь именовѣ Оубакъ и вонде в богомерзкүю вѣрү Брачиньскүю и оттоле нача наипаче не пощадеѣти (и *вовсе перестал щадить*) роду христианьского (МС 208 об./209 — 161, под 6826 = 1318 г.). Яце ли велиши да емү створю. да оубанеть похоть его. да немощи начнеть (перестанет быть способным) съ женою быти... (ЖАЮ 3407/3409 — 320).

(2) И первое бо оубити хоцетъ Илию. чяже и иенюх. а по нихъ громаго сѣа. и потомъ. нже начнүтъ невѣровати емү (которые не окажутся верующими в него). и смѣртью горкою погубитъ (ЖАЮ 5482/5484 — 420). Да аце начнеши мощи дѣбьство хранити. да слаба бѣ. аце ли начнеши немощи (не окажешься в состоянии) да понцеши жены добры (ЖАЮ 3124/3127 — 307).

В (1) инфинитив выражает конец ситуации, имевшей место до названного момента в тексте, и возникновение новой: 'теперь существует ситуация не-Х'. Во (2) не говорится о возникновении новой ситуации, а указывается тот момент, когда человек узнает о присущих ему свойствах: имеется необходимость отметить временной момент *t*, с которого существует названное инфинитивом положение дел [Там же: 200–214].

В современном литературном языке такие конструкции невозможны. Как отмечает Е. В. Падучева, ситуация типа **начал не работать* не может быть представлена в языке. Причина — «структурное вытеснение»: сочетание **начал не работать = перестал работать*» [Падучева 2004: 194].

В говорах архангельского региона обнаруживается иная ситуация. Можно предположить, что в диалекте глаголы с элементом *неза-* ведут себя по принципу «начинательность + отрицание + инфинитив», отмеченному в древнерусском языке.

Проанализируем контексты употребления глаголов *незаболеть* и *незамогчи́* в говорах архангельского региона.

Спина болела, надо прижать берёста-то — смоци́дь да прижать, горит: ницё́ незаболело.

В данном примере сообщается о новой ситуации: существует ситуация Р (*болит спина*), к моменту *t* возникает ситуация не-Р (*спина начала не болеть = перестала болеть*). Таким образом, контексты употребления глагола *незаболеть* соотносятся с (1) значением древнерусской конструкции.

Глагол *незамогчи́* имеет три типа употреблений:

(а) *Она́ незамогла́ — появи́лись визьде́ церви на ней.*

(б) *Я как незамогу́, и затоплю́ жарца́йе, и спи́.*

(в) *Я огород держа́ла, да незамогла́ — фсё́ позапутьело́ да нарушилось.*

В примерах (а) и (б) указываются конец ситуации, имевшей место до названного момента, и начало новой: существует ситуация Р (*человек здоров* [**может*]), к моменту *t* возникает ситуация не-Р ((а) *начал не мочь = перестал мочь = заболел*; (б) *начал не мочь = перестал мочь = плохо себя почувствовал*). Употреб-

ления глагола *незамогчи* такого типа соотносятся с (1) значением древнерусской конструкции. В примере (в) новая ситуация не вводится, а отмечается временной момент *t*, с которого начинается существование ситуации *P* в новом качестве, актуальном на данный момент: есть ситуация *P* (*человек находится в состоянии для чего-л. [*может]*), к моменту *t* ситуация *P* не обнаруживается в том виде, в котором она существовала до момента *t* (*человек не оказывается в состоянии для чего-л.*). Данный тип употребления глагола *незамогчи* соотносится со (2) значением древнерусской конструкции «*начьноу (почьноу) + не + инфинитив*».

Так как в современных говорах отрицательная частица *не-* не может находиться между приставкой и корнем глагола, отрицание занимает позицию перед приставкой *за-* (в глаголе *занемогчи* приставка *за-* присоединяется к глаголу *немогчи*, а не к глаголу *могчи*). Такой порядок элементов («отрицание + начинательность + глагол») оказывается возможным в старорусском языке. В памятниках XV–XVI вв. появляется оборот «не + начати + инфинитив», который восходит к древнерусской конструкции. Так, в «Повести о болезни и смерти Василия III» (XVI в.) встречаем контексты: *И отъ чого мѣста порушися ему ества, не нача ѣсти (= перестал есть). И потомъ, конецъ его приближашеся, не нача языкомъ изглаголати (= перестал языком владеть), но прояще погтрижения; и емлюще прогтыню, и начать целовати ея* [БЛДР 2000, 10: 24]. В данной конструкции отрицание занимает позицию перед обозначением начинательности, а не перед инфинитивом глагола, как это было в древнерусском языке.

В говорах архангельского региона приставка *за-* обозначает начало существования ситуации в настоящий момент времени. Однако в сочетании с отрицательной частицей *не-* в семантике глаголов совершенного времени с приставкой *за-* появляется сема ‘перестать’, т. е. элемент *неза-* выражает прекращение ситуации в момент времени.

Круг такого рода употреблений в говорах архангельского региона довольно широк. Рассмотрим другие глаголы со словооб-

разовательным формантом *неза-* в говорах. Префикс *неза-* может присоединяться к следующим глаголам:

— глаголы, обозначающие действие: *незавстава́ть*, *незагну́ться*, *незастря́пать*, *незагоре́ть*, *незареве́ть*, *незакукова́ть*, *незаподыма́ться*, *незаде́йствовать*, *незаходи́ть*:

Она́ у нас и незафстава́ла и незаговори́ла; Ни рука́, ни нога́ незагне́ца, немно́го прожыве́ш; Она́ рани́шэ люби́ластря́пать, а ши́яс незастря́пала; Све́т-то незагоре́л, электр́чества не́т, све́т незагоре́л. Электр́чество вы́ключат, све́т незагоре́л; Ка́к вы́йдет хле́п на́ колос, та́к она́ и незакуку́ет, куку́шка-та; Ну! но́ги-те незаподыма́лись; У меня́ бы ту́тока незаде́йствовали па́льцы-то, э́стоко-то вре́ме фсе́ цирка́й, фсе́! Меня́ фсю́ жы́сь но́ги корми́ли, незаходи́л и тепе́рь.

— глаголы, обозначающие речевое действие: *незаба́ять*:

Ну, ты ба́йела-ба́йела, как ф ка́мский мо́х провали́лась — отключи́лась, дак незаба́йела.

— глаголы, обозначающие движение: *незае́здить*, *незалета́ть*:

Тебя́ што́бы ду́ху не́ было́, ненави́жу пья́ных. Ну́, он ы незайе́з-дил; Как самолёты незалета́ли, так в Мезе́ни и не была́.

— глаголы, обозначающие свойства и качества: *незадои́ть*, *незакружа́ться*, *незапока́зывать*, *незапомога́ть*, *незарисова́ть*, *незасходи́ться*:

У меня́ коро́ва, не ма́сла ни сметаны́ не ста́ло, коро́ва незадои́ла, на́до запуска́ть; Ак а йе́та бе́ла шту́чка, кото́ра кружа́эця, она́ незакружа́лась, она́ перержаве́ла; Незапока́зывал телеви́зор, да и о́ддали; Фсе́ курт́ки незасходи́лись, ну́гофки ло́пают; А пото́м апарáт (слуховой) йе́й незапомога́л; Сломáлся он, ну вот, па́стик незарисова́л.

В таких примерах глагол называет свойства и качества, при-
сущие их носителям, т. е. способность коровы давать молоко —
свойство и качество коровы; способность возвращаться — вертуш-
ки; показывать изображение — телевизора и т. д. Формант *неза-*
вносит в значение элемент 'потерять названные свойства и каче-
ства'.

— глаголы, обозначающие чувственное восприятие: *незавидеть, незаслы́шать*:

Тод гла́з-от, с котóрым опера́цию на́до бы́ло де́лать, и он у йей софсём незавидеу; Вра́ць та́к-то бы, при́едед домóй (на пенсии) — се́ця-то на пёнсийи, ста́ренькой, з два́тцять восьмо́го. (Это плохо.) — Да ка́к не пло́хо! Он бо́ле незаслы́шал нице́го дак.

— глаголы, обозначающие состояние: *незавладе́ть, незаговори́ть, незалюби́ть, незапу́хнуть, незасили́ть, незаслужи́ть, незаспа́ть, захватáть*:

*Си́цяс вот — Буыга́кова сидéла, то́жо ха́нькали розговáривали, сидéла — **незавладе́ла**, корóву ла́дяця изводит сево́годы — Ко́ля грид, до но́вово го́ду держу́ то́лько; А вот не живе́т то́жо с мужыко́м, вот с э́ких-то годо́ф схлесну́лася, а ны́нь не живе́т, **незалюби́ла** да и фсé; **Добре́, си́лиши-си́лиши**, дак **незаси́лиши**, дак уж беда́-то большáя; Уко́л зде́лають сюды́, но́ги-то **незапу́хнут**; Нога́ **незаслужи́ла** шó заотнимáлся нёрф, вереди́лся нёрф. Я наберу́ свои́ продукты, пока́ хватáют, йём их, а как **захватáют**, приходи́ца и́сьть.*

Итак, в современных говорах архангельского региона с помощью словообразовательного форманта *неза-* образуются глаголы совершенного вида с двумя типами значений. Во-первых, глаголы с префиксом *неза-* могут указывать на конец ситуации, существовавшей до момента речи, т. е. в момент речи фиксируется начало новой ситуации, противоположной прошлой, как в примере *Спи́на боле́ла, на́до прижа́ть берё́ста-то — смоци́дь да прижа́ть, горит: нице́ **незаболе́ло*** (= перестала болеть). Во-вторых, такие глаголы могут вводить только временные границы без обозначения новой ситуации, т. е. указывать на определенный момент, когда ситуация, актуальная ранее, перестает существовать в том виде, в котором она была до этого времени: *Я огоро́д держáла, да **незамогла́** — фсé позапусьтéло да нару́шылось* (= перестала иметь достаточное количество сил для работы на огороде). Можно предположить, что истоки такой семантики глагольных лексем находятся в древнерусском языке, в котором были возможны

сочетания «начьноу (почьноу) + не + инфинитив», употребляющиеся для обозначения подобных временных значений.

Литература

Падучева Е. В. (2004) *Динамические модели в семантике и лексике*. М.: Языки славянской культуры.

Плунгян В. А. (2003) *Общая морфология. Введение в проблематику*. М.: Едиториал УРСС.

Шведова Н. Ю. (1980) *Русская грамматика*. Т. 1. М.: Наука.

Юрьева И. С. (2009) *Семантика глаголов имѣти, хотѣти, начати (почати) в сочетаниях с инфинитивом в языке древнерусских памятников XII–XV вв.* Дисс. ... канд. филол. наук. М.

Сокращения источников

АОС — *Архангельский областной словарь*. Под ред. О. Г. Гецовой, Е. А. Нефедовой. Вып. 1–18. М.: МГУ; Наука, 1980–2017.

БЛДР — *Библиотека литературы древней Руси*. Под ред. Д. С. Лихачева, Л. А. Дмитриева. Т. 10. М.: Наука, 2000.

ЖАЮ — *Житие Андрея Юродивого* // Молдован А. М. *Житие Андрея Юродивого в славянской письменности*. М.: Азбуковник, 2000: 159–450.

МС — *Московский летописный свод конца XV века* // Полное собрание русских летописей. Т. XXV. М.: Языки славянской культуры, 2004.

SEMANTICS OF THE VERBS CONTAINING THE FORMANT *NEZA-* IN THE DIALECTS OF THE ARKHANGELSK REGION

Elena Kovrigina

Lomonosov Moscow State University,
Moscow, Russia
E-mail: el.kovrigina7@yandex.ru

Citation: Kovrigina E. (2018) Semantika glagolov s formantom *neza-* v govorkakh arkhangel'skogo regiona. [Semantics of the verbs containing the formant *NEZA-* in the dialects of the Arkhangelsk region]. *Severnorusskiye govory* [Northern Russian dialects], 17: 217–227. (in Russian)

Abstract. The paper focuses on analyzing the semantics of those verbs belonging to the dialects of the Arkhangelsk Region that contain the formant *neza-*. In particular, phase meanings of the verbs containing the formant *neza-* are studied in detail. The used data were obtained from Archangelsk Regional Dictionary issues 1–18, and from the data file of Archangelsk Regional Dictionary; moreover, they were supported by the observations made by the author in dialectological expedition trips of recent years.

The question to be raised concerns the actual existence of the word-forming formant *neza-*, which adds to the derived stem the connotation ‘to stop the current situation’. On the contrary, the verbs with the inceptive prefix *za-* in the negative context acquire the meaning ‘the absence of the beginning of the situation’. The article distinguishes between these two stages and draws the conclusions on the way the verbs with the formant *neza-* function in contemporary dialects.

In the course of the analysis a parallel is drawn between the verbs containing the formant *neza-* which are used in contemporary dialect of the Russian North and the Old Russian language constructions “*nachati (pochati) + ne + infinitive*” and “*ne + nachati + infinitive*” with the similar semantics.

Keywords: word-formation in dialects, verbal derivatives, formant *neza-*.

References

Getsova O. G., Nefedova E. A. (eds.) (1980–2017) *Arkhangel'skiy oblastnoy slovar'* [Arkhangelsk Regional Dictionary]. Vol. 1–18. Moscow: MGU; Nauka (the publication continues). (in Russian)

Likhachev D. S., Dmitriyev L. A. (eds.) (2000) *Biblioteka literatury Drevney Rusi* [Library of the literature of ancient Russia]. Vol. 10. Moscow: Nauka. (in Russian)

Paducheva E. V. (2004) *Dinamicheskiye modeli v semantike i leksike* [Dynamic models of lexical semantics]. Moscow: Yazyiki slavyanskih kultur. (in Russian)

Plungyan V. A. (2003) *Obschaya morfologiya. Vvedeniye v problematiku*. [General morphology: An introduction] Moscow: Editorial URSS. (in Russian)

Yuryeva I. S. (2009) *Semantika glagolov imeti, khoteti, nachati (pochati) v sochetaniyakh s infinitivom v yazyke drevnerusskikh pamyatnikov XII–XV vv.* [The semantics of verbs to have, to want, to begin with infinitive in the language of the ancient Russian scripts of the 12th–15th centuries. Diss. ... Cand. philol. sciences]. Moscow. (in Russian)

ОСОБЕННОСТИ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СЕМАНТИКИ СУФФИКСА $-k(a)$ В СМОЛЕНСКИХ ГОВОРАХ

Лунькова Екатерина Сергеевна

Смоленский государственный университет,
Смоленск, Россия
E-mail: lunkova@yahoo.com

Цитирование: Лунькова Е. С. (2018) Особенности словообразовательной семантики суффикса $-k(a)$ в смоленских говорах. *Севернорусские говоры*, 17: 228–239.

Аннотация. Суффикс $-k(a)$ является наиболее репрезентативным в смоленских говорах и широко функционирует в сферах отсубстантивной и отглагольной деривации. В каждой из названных сфер данный суффикс участвует в формировании словообразовательных типов, включающих целый ряд словообразовательных моделей. В этих моделях проявляется диалектная специфика суффикса $-k(a)$ в сфере словообразовательного значения по сравнению с аналогичными словообразовательными типами общерусского языка.

Ключевые слова: словообразовательное значение, суффикс $-k(a)$, смоленские говоры.

Суффикс $-k(a)$ является самым распространенным формантом в смоленских говорах как в сфере отглагольной, так и отсубстантивной деривации, причем он представлен примерно одинаковым количеством дериватов (около трехсот) в каждой из названных сфер [ССГ: 1974–2005]. Широкое распространение данного суффикса может быть объяснено разными факторами, среди которых особенно выделяется многозначность словообразовательной семантики, которая проявляется в разных аспектах в разных словообразовательных типах.

В общерусском языке этот суффикс имеет исключительно модификационное словообразовательное значение в сфере отсубстантивной деривации, которое он реализует в ряде подвидов (тождества или подобия, единичности, части от целого и др.) [РГ I: 150, 199; Ефремова 2005: 236–245]. В смоленских говорах все мо-

дификационные значения, присущие похожим по структуре отсубстантивам общерусского языка с суффиксом *-к(а)*, существуют, но наравне с ними обнаруживается и мутационное словообразовательное значение — то, которое как раз нехарактерно для общерусского языка. Это значение не является доминирующим (модификационное значение в смоленских говорах в полном соответствии с тенденциями общерусского языка преобладает), но, даже с учетом относительной количественной ограниченности, оно выделяется в представительной группе существительных — примерно у 60 слов, или одной четвертой части от общего количества подобных образований, составляющих соответствующий словообразовательный тип. Рассмотрим эти существительные, демонстрирующие яркую деривационную особенность частной диалектной системы, подробнее.

Отсубстантивы с суффиксом *-к(а)*, называющие конкретно-предметные существительные и имеющие мутационную словообразовательную семантику, в силу их высокой репрезентативности можно распределить в подгруппы с учетом их значения:

1. Одежда и украшения на одежде:

жерёлка ‘вышивка на воротнике, рукаве’ от *жерелó* ‘ворот рубашки’,

испóдка ‘нижняя рубашка’ от *испóд* ‘низ’,

кашемíрка ‘головной кашемировый платок’,

коленкóрка ‘женская рубашка из коленкора, как правило, вышитая’,

плю́шка ‘женская куртка, жакет из плюшевой ткани’,

смерётка ‘одежда, приготовленная на смерть’,

сподка ‘вязаная теплая рукавица, варежка’ от *спод* ‘низ’,

суконка ‘портянка’.

2. Емкости и их части:

бальза́нка ‘фляга для хранения и перевозки жидкостей (керосина и т. п.)’,

бечáйка ‘деревянная крышка для квашни’ от *бечей* ‘лыковый обруч’,

кандéйка ‘глиняный горшок’ от *кандéй* ‘суп из просяной муки’,

консёрвка ‘консервная банка’,
мякóтка ‘небольшая дежка для замешивания теста’,
половínка ‘сосуд объемом 0,5 литра’,
ракíтка ‘корзина, сделанная из ракиты’,
сулéйка ‘бутылка’,
чернiлка ‘чернильница’.

3. Кушанья и напитки:

бёрька ‘березовый сок’,
вечёрка ‘кушанье для вечерней еды’,
конопéлька ‘кушанье из толченого конопляного семени’,
кру́пка ‘суп с крупой’,
пту́шечка ‘обрядовые изделия из теста, которые пекли на со-
роки’,

пшени́чка ‘каша из пшеничной муки’.

Остальные семантические микрогруппы относительно немногочисленны (включают от двух до четырех производных от-
субстантивов) и называют:

— обувь (*голёнка* ‘голенище сапога’, *лы́чка* ‘лапоть из лыка’,
шахтёрка ‘клееная галоша’),

— головные уборы (*голёвка* ‘женская головная повязка, платок, косынка’, *реши́точка* ‘узкая полоска материала, иногда вышитая, повязывающая голову’),

— орудия труда (*арши́нка* ‘коса длиною в аршин с вершком’,
лежа́чка ‘самодельная прялка’),

— средства передвижения либо их части (*копы́лка* ‘деревянный брусок, которым скрепляют полоз с верхней частью саней’,
па́рка ‘пара лошадей в упряжке’, *пассажи́рка* ‘пассажирский автобус’,
чухóнка ‘повозка на полозьях с откидной спинкой’),

— части печи (*гли́нка* ‘верхняя часть русской печки, на которой спят, сушат вещи’, *гонча́рка* ‘железная труба, выведенная на крышу’),

— устройства и приспособления (*кроси́нка* ‘керосиновая лампа, *та́мбурка* ‘вязальный крючок, вязальная спица’, *ча́ска* ‘керосиновая лампа без стекла; коптилка’).

Ряд существительных, обладающих мутационным словообразовательным значением, не образует родственных в семантическом отношении групп: *жёрдка* 'шест около печи, на котором сушат мелкие хозяйственные вещи', *жёрдка* 'жердочка для перехода через ров, речку и под', *жерёдка* 'жердь, жердочка', *леска* 'легкая изгородь из тонких жердочек; плетень', *лúтка* 'дверная или оконная обсада' от *лúта* 'плетеное изделие', *ночёвка* 'железный или стальной лист, на который просеивали муку' от *ночва* 'корытце, долбленный деревянный лоток для различных хозяйственных надобностей', *районка* 'дорога, ведущая в районный центр', *трётка* 'участок земли', *цепíнка* 'бьющая часть молотильного цепа' от *цепíна* 'ручка молотильного цепа', *ярцевка* 'простые нитки' от *Ярцево* (город в Смоленской области, где раньше находилась ткацкая мануфактура).

Следует еще раз отметить, что преобладающим словообразовательным значением данного типа отсубстантивных существительных является модификационное значение, которое, в свою очередь, подразделяется на ряд подвидов.

Синонимы мотивирующих слов (лексические дублиеты) в количественном отношении преобладают над существительными с иными модификационными значениями и представлены более чем ста словами (например, *зáпонка* 'фартук' от *зáпон* с тем же значением, *канáпка* 'небольшой диван' от *канáпа*, *комéйка* 'деревянное долбленое корыто, из которого поят (чаще) или кормят животных' от *комья́*, *комя́жка* 'деревянное долбленое корыто' от *комя́га*, *ковы́лка* 'сажень в виде буквы А' от *ковы́ль*, *маржéтка* 'манжета' от *маржéта*, *моту́лка* 'приспособление для перематывания пряжи в мотки' от *моту́ля*, *пресну́шка* 'пирожок, лепешка из пресного теста с картофелем' от *пресну́ха*, *толчу́шка* 'кушанье из толченого картофеля' от *толчу́ха*, *ху́стка* 'платок' от *ху́ста*, *целку́шка* 'картофелина, сваренная целиком' от *целку́ха*, *цукéрка* 'конфета' от *цукéра* и др.).

Предметы, похожие по внешнему виду (цвету, форме, расположению) или функции на предмет, названный производящим словом, по составу образуют примерно аналогичную группу

в рамках словообразовательного типа отсубстантивов с суффиксом *-к(а)* и включают также около ста слов (например, *балёйка* ‘жестяной сосуд для хранения керосина’ от *балёя* ‘деревянное или железное корыто’, *гузка* ‘верхняя часть брюк, на которой носят ремень’ от *гуз* ‘веревка, жгут’, *жлудка* ‘бочка’ от *жлукт* ‘кадка, в которой бучат белье, бук’, *казакінка* ‘женская кофта в талию, со сборками сзади’ от *казатін* ‘казакин’, *косоушка* ‘рукав женской рубашки, вырезанный по косой линии’ от *косову́ха* ‘женская длинная рубашка с рукавами типа реглан’, *лагу́нка* ‘деревянный закрытый бочонок с отверстием сверху для хранения дегтя’ от *лагу́н* ‘деревянный бочонок’, *ла́точка* ‘глиняная посуда небольшого размера (чашка, миска, плошка)’ от *ла́тка* ‘миска глиняная, алюминиевая, деревянная’, *ну́чка* ‘портянка’ от *о́ну́ча*, *одру́нка* ‘сарай’ от *одру́ны* ‘пристройка к хлеву и хате для защиты от снега’, *ря́мка* ‘рамка’ от *ря́ма* ‘рама’, *шлёйка* ‘бретелька’ от *шлея* и др.).

Существительные с модификационным выделительным значением части от целого составляют немногочисленную группу в смоленских говорах по сравнению с названными выше объединениями и включают шесть слов (*брйтовка* ‘лезвие’, *гру́бка* ‘обогревающая стена печи’ от *гру́ба* ‘печь’, *зажа́рочка* ‘подлива от жаркого’ от *зажа́рка* ‘жаркое’, *кра́лька* ‘мелкая бусинка’ от *кра́ли* ‘бусы’, *кулі́точка* ‘небольшая горсть вытеребленного льна’ от *кулі́тка* ‘сноп льна’, *лэ́стничка* ‘планка или ступенька лестницы’). Схожим образом представлены существительные, обозначающие предметы, которые называют целое по характерному признаку части (целое по части) — там отмечается также шесть слов (*болонка* ‘маленькое окно в избе’ от *болона* ‘рама’, *ковне́рка* ‘мужская рубашка-косоворотка’ от *ковне́рь* ‘воротник любой одежды’, *колёска* ‘самодельная коляска для детей’, *лисичка* ‘сани без раздужий’ от *лиси́ца* ‘брус, положенный поперек саней’, *рессо́рка* ‘легкая прогулочная повозка, снабженная рессорами’, *фитю́лька* ‘коптелка’ от *фитёль* ‘фитиль’). В целом можно констатировать невысокое распространение данных словообразовательных моделей в рамках словообразовательного типа отсубстантивов с суффиксом *-к(а)* в смоленских говорах и, как след-

ствие, слабую выраженность модификационного словообразовательного значения «часть от целого» и «целое от части» в рамках рассматриваемого словообразовательного типа.

Некоторые установленные закономерности, а именно регулярное употребление суффикса *-к(а)* в разных словообразовательных моделях отсубстантивных существительных с модификационным словообразовательным значением по отношению к моделям со значением мутационным (в процентном отношении 75% к 25%), позволяют говорить о семантическом ослаблении номинативной модели с суффиксом *-к(а)* и предпочтительном использовании его для оформления дублетных отношений или отношений подобия в рамках частной диалектной системы. Иначе говоря, в данном словообразовательном типе параллельно существуют два процесса в сфере словообразовательной модификации: идет размывание семантического наполнения суффикса, однако его высокая продуктивность позволяет использовать морфему в предельно широком количестве случаев.

Представляется очевидной связь между некоторыми видами словообразовательного значения в рамках словообразовательного типа отсубстантивов с суффиксом *-к(а)* и характером производящих основ этого же типа. Преобладающее модификационное словообразовательное значение в целом равномерно присуще производящим основам с разными деривационными характеристиками — производным и непроизводным, общерусским и собственно диалектным. Мутационное словообразовательное значение возникает лишь из отношений между производными словами и непроизводными производящими основами, причем эти основы преимущественно известны общерусскому языку и относительно слабо распространены в говорах. Так, мутационное словообразовательное значение устанавливается в рамках деривационного процесса с участием общерусских производящих основ типа *аршин*, *бальзам*, *тамбур (шов)*, *чернила*, *шахтёр* и др., всего в 38 словах. Мутационное словообразовательное значение при образовании производных от диалектных производящих основ встре-

чается лишь в 17 словах: *бечей, жерело, кандей, копыл, спод, чухна* и др.

Мутационное словообразовательное значение у отсубстантивов с предметной семантикой не встречается в рамках деривационного процесса с участием производных производящих основ, причем принадлежность основы к говорам или общерусскому языку, по всей видимости, роли в данном случае не играет.

В рамках частной диалектной системы смоленских говоров на участке словообразования устанавливается следующая оппозиция словообразовательных типов с суффиксами *-к(а)*. Словообразовательному типу отсубстантивов, обладающих предметной семантикой, противостоит такой же по представительности словообразовательный тип отглагольных образований — и в первом, и во втором случаях каждый тип включает примерно по 300 производных диалектных слов.

В отличие от словообразовательного значения отсубстантивов, где имеет место ярко выраженная диалектная специфика, проявляющаяся за счет развития в смоленских говорах мутационного словообразовательного значения, не присущего аналогично образованным словам общерусского языка, отглагольные диалектные существительные обнаруживают в разных видах словообразовательной семантики полное соответствие аналогичным образованиям общерусского языка. Однако необходимо заметить, что и в этом случае можно говорить о собственно диалектной специфике глагольного словообразовательного типа: важно количественное соотношение разных видов словообразовательной семантики, представленных в отдельно взятых словообразовательных моделях, установление определенных отношений конкуренции между словообразовательными моделями, дополняющими тип.

Словообразовательное значение отглагольных существительных с суффиксом *-к(а)*, зафиксированных в смоленских говорах, имеет четыре разновидности: объекта действия; объекта, служащего средством для осуществления действия; объекта и частично результата действия; субъекта действия.

Среди названных групп однозначно преобладают первая и вторая, поскольку каждая из них включает около ста производных существительных.

Первая группа объединяет наименования предметов, являющихся объектом действия. Сюда входит около ста производных диалектных существительных, например: *жа́мка* 'пряник' от *жа́мать* 'жевать', *задвѣжка* 'выдвижной ящик', *запѣвка* 'третье блюдо во время еды', *лу́пка* 'картофель в мундире', *ма́чка* 'творог с молоком или сметаной', *надѣвка* 'одежда', *напрѣтка* 'верхняя одежда' от *напрѣтáть* 'одевать верхнюю одежду', *насы́пка* 'нижняя наволочка (чехол) у подушки', *нахлѣбка* 'похлѣбка', *отворóтка* 'воротник', *переодѣвка* 'одежда, в которую можно переодеться', *подобúвка* 'обувь', *подшѣвка* 'желобок', *привѣска* 'серьга', *прѣвѣзка* 'жердь на гребне соломенной крыши для укрепления настила', *пригрѣбка* 'погреб', *прикóлка* 'брошь, булавка', *присáдка* 'притолока', *расклáдка* 'подтопа', *растѣлка* 'покрывало' и др.

В группу, называющую предметы (орудия труда, приспособления, помещения и т. п.), которые служат для осуществления действия, входит около ста производных диалектных слов, т. е. данная группа также является репрезентативной в количественном отношении из четырех выделенных: *гра́ба́рка* 'совковая лопата для земляных работ' от *гра́ба́рить* 'выполнять земляные работы', *до́йка* 'электрический доильный аппарат', *жа́тка* 'жнейка', *загрѣбка* 'кочерга', *залóжка* 'задвижка у окна, двери и т. п.', *за́перка* 'задвижка, засов', *запѣрка* 'толстая палка, которая вставляется в две железные скобы, для запирания дверей, ворот', *запóрка* 'деревянная или металлическая задвижка, засов', *зы́бка* 'детская колыбель' от *зы́бать* 'качать', *ка́пка* 'мотыга', *карау́лка* 'колотушка у сторожа', *кóпка* 'тыпка', *подцѣпка* 'корзина, в которой носят сено', *прокóлка* 'то, чем протыкают (игла, шило)', *распа́шка* 'небольшой плут с отвалом в обе стороны', *рэзка* 'инструмент для сверления дырочек в дереве', *сво́йка* 'инструмент для плетения лаптей, веревок' от *свивáть*, *сгрѣбка* 'грабли', *скря́бка* 'скребок', *трѣпка* 'орудие для трепания льна, теребилка', *ца́пка* 'мотыга' и др.

Третья группа слов обозначает предметы, являющиеся объектом и частично результатом действия, здесь встречается меньшее количество производных диалектных существительных — около 50. В данную группу входят следующие слова: *взв́арка* ‘отвар чая, заварка’, *вв́качка* ‘подовая лепешка из ржаной муки’, *забо́лка* ‘кушанье из размятой свеклы, заправленной мукой’ от *заболта́ть*, *заги́бка* ‘пирожок из ржаной муки и картофеля’, *зажа́рка* ‘жаркое’, *зала́нка* ‘заплата’ от *зала́нить* ‘поставить заплатку’, *ме́шка* ‘корм для домашнего скота или птицы’, *нало́жка* ‘полоска ткани с застежкой на одежде’, *обло́жка* ‘ленточка, которой обшивали ворот платья вместо воротника’, *обса́дка* ‘косяки окна или двери’, *обтёска* ‘поверхность доски, обработанная рубанком’, *опеча́тка* ‘соты с запечатанным медом’, *отбо́рка* ‘остатки сена, которыми прикрывают верхушку стога’, *пекле́вка* ‘пеклеванная мука’, *пригоро́дка* ‘отгороженное во дворе или избе место для скота’, *расчи́стка* ‘место, очищенное от леса’, *со́лка* ‘посоленный впрок продукт, соленье’, *стра́ска* ‘смесь сена с соломой’, *схо́вка* ‘спрятанная вещь’, *торно́вка* ‘обмолоченный сноп’ от *торновать* ‘обмолачивать снопы’ и др.

Наконец, четвертая группа включает диалектные существительные, называющие предметы, которые являются субъектами действия. И в смоленских говорах, и в общерусском языке это традиционно наименее репрезентативная в количественном отношении группа среди существительных, называющих артефакты и образованных от глаголов. В смоленских говорах в эту группу входят менее 20 производных существительных, среди которых *балабо́нка* ‘самодельный колокольчик на шее животных’ от *балабо́нить*, *би́рка* ‘льнотеребилка’ от *братъ*, *вёйка* ‘веялка’, *мару́тка* (в написании, возможно, должно быть *мару́дка*) ‘самодельная керосиновая лампа, коптилка’ от *мару́дить* ‘медлить, мешкать’, *начёска* ‘машина для обработки (чесания) льна’, *обжимка* ‘теплая женская безрукавка на вате, плотно прилегающая к телу’, *обли́пка* ‘плотно прилегающий к телу низ рукава, платья, рубашки’, *телио́пка* ‘женская утепленная кофта с застежкой сзади’ от *телепа́ться* ‘развеваться’ и др.

Особенность функционирования отглагольных существительных с суффиксом *-к(а)* в смоленских говорах проявляется в количественном наполнении первых двух групп, включающих слова, называющие объекты действия и предметы для осуществления действия. В каждой из групп с указанными словообразовательными значениями обнаруживается около ста производных слов. Значительно уступают вышеназванным группы слов, реализующие словообразовательные значения, связанные с объектом и частично результатом действия или субъектом действия. Именно данное соотношение словообразовательной семантики и характеризует специфику диалектного словообразовательного типа отглагольных существительных с суффиксом *-к(а)*.

Сокращения

- Ефремова — Ефремова Т. Ф. (2005) *Толковый словарь словообразовательных единиц русского языка*. М.: АСТ: Астрель.
- РГ — Авилова Н. С., Бондарко А. В., Брызгунова Е. А. и др. (ред.) (2005) *Русская грамматика: научные труды*. М.: Российская академия наук. Институт русского языка им. В. В. Виноградова. Т. I.
- ССГ — *Словарь смоленских говоров*. Под ред. А. И. Ивановой, Л. З. Бояриновой. Вып. 1–11. Смоленск: Изд-во СмолГУ, 1974–2005.

FEATURES OF WORD-FORMATION SEMANTICS OF SUFFIX *-k(A)* IN SMOLENSK DIALECT

Ekaterina Lunkova

Smolensk State University,
Smolensk, Russia
E-mail: lunkova@yahoo.com

Citation: Lunkova E. S. (2018) Osobennosti slovoobrazovatel'noy semantiki suffiksa *-k(a)* v smolenskikh gorovakh [Features of word-formation semantics of suffix *-k(a)* in Smolensk dialects]. *Severnoruskiye govory* [Northern Russian dialects], 17: 228–239. (in Russian)

Abstract. The suffix *-k(a)* is the most representative in Smolensk dialect and is widely used in the spheres of the noun and verbal derivation of this particular dialect system. In each of these spheres, this suffix is involved in the formation of word-formation types, including a number of word-formation models. Word-formation types with suffix *-k(a)* are represented by approximately the same number of words — about 300 derivative nouns in each. The dialect specificity of the suffix *-k(a)* from the area of word-formative meaning is manifested in the word-formative types in comparison with similar word-formative types of the all-Russian language. Nouns formed from nouns have two types of word-formative meaning: mutational and modificational. The modificational word-formative meaning is standard for such formations in the all-Russian language and in Smolensk dialect and is divided, in turn, into a number of subtypes: synonyms of motivating words; words similar in appearance to motivating; words that call for whole pieces based on the one piece or, on the contrary, a part from the whole. Mutational word-formative meaning is not typical for the all-Russian language and is a bright specificity of Smolensk dialect. For verbal nouns, the specificity of word-formative meaning is determined differently, through the ratio of word-formative models that fill the type. In this case, we can talk about two highly common models — the names of the object of action and the object serving for the implementation of the action. Two models within the type, on the contrary, are very poorly represented: these are words that call objects that are partially the result of an action, as well as subjects of the action. Mutational word-formation semantics of the noun-derived nouns and

the different distribution of word-formation models from the verbal nouns constitute the peculiarities of the suffix *-k(a)* in Smolensk dialect.

Keywords: word-formational semantics, suffix *-k(a)*, Smolensk dialect.

References

Avilova N. S., Bondarko A. V., Bryzgunova E. A. et al. (eds.) (2005) *Russkaya grammatika: nauchnyye trudy* [Russian grammar: scientific works]. Vol. I. Moscow: Rossiyskaya akademiya nauk. (in Russian)

Ivanova A. I., Boyarinova L. Z. (eds.) (1974–2005) *Slovar' smolenskikh govorov* [Dictionary of Smolensk dialect]. Vol. 1–11. Smolensk: Smolenskiy gosudarstvennyy universitet. (in Russian)

Yefremova T. F. (ed.) (2005) *Tolkovyy slovar' slovoobrazovatel'nykh yedinit russkogo yazyka* [Dictionary of word-formation units of the Russian language]. Moscow: AST: Astrel. (in Russian)

КОМПЛЕКСНЫЕ ЕДИНИЦЫ СЛОВООБРАЗОВАНИЯ В ТВЕРСКИХ ГОВОРАХ

Новикова Людмила Николаевна

Тверской государственный университет,
Тверь, Россия
E-mail: novikova_54@mail.ru

Цитирование: Новикова Л. Н. (2018) Комплексные единицы словообразования в тверских говорах. *Севернорусские говоры*, 17: 240–251.

Аннотация. В статье рассматриваются комплексные единицы словообразования, представленные в тверских говорах, определяется их место в диалектной системе коммуникативных средств. Их своеобразие состоит в том, что они обеспечивают формальное скрепление диалектных лексем, подтверждая их семантическую близость. Совокупность формально-семантических отношений между производными в составе комплексных единиц служит одним из средств, обеспечивающих системность диалектной лексики, и обуславливает возможность внутреннего, без каких-либо влияний извне, развития диалектной словообразовательной системы.

Ключевые слова: словообразовательная парадигма, словообразовательная цепочка, словообразовательное гнездо, словообразовательный формант.

Производное слово, являющееся центральной единицей словообразовательной системы языка, входит в состав более сложных, комплексных единиц, к числу которых относятся словообразовательный тип, словообразовательный разряд, словообразовательная цепочка, словообразовательная парадигма, словообразовательное гнездо. Выделение этих единиц обусловлено тем, что они имеют ясное сходство прежде всего в одном из планов выражения и лишь затем — сходство в плане содержания. Например, единство словообразовательного типа в первую очередь основывается на формальном и только затем — семантическом тождестве форманта, выступающего в разных дериватах. Единство словообразовательных парадигм, цепочек и гнезд основывается на

тождестве корневой морфемы. Особое положение занимает лишь словообразовательная категория, единство которой основывается на тождестве деривационного значения.

Для нас важны как формальная, так и семантическая стороны деривационных отношений, поскольку первая позволяет найти и объединить производные определенной комплексной единицы в диалекте, а вторая — проанализировать те семантические признаки, которые являются значимыми для диалектоносителей, заслуживающими словообразовательной номинации. И чем разветвленнее словообразовательная парадигма или гнездо, тем большую роль означаемые предметы, признаки, действия играют в жизни людей.

Анализ материала первого тома словаря «Селигер: материалы по русской диалектологии» обнаружил следующие закономерности: за редким исключением все слова, представленные в нем, входят в те или иные комплексные единицы, начиная с цепочек и заканчивая словообразовательными гнездами. Приведем некоторые примеры слов, не входящих ни в одну из комплексных единиц: *ага́ша* ‘маленькая рыбка’ *Ага́ша* — *головастая рыбешка такая* [Селигер 1: 15]; *азаро́д* ‘стог продолговатой формы для сушки снопов ржи, пшеницы’ *Азароды, рожь или пшаницу, для просушки, делали четыре кола, в землю забивали для устойчивости. На поле это дело было, стоят пока отколотят, худая погода — опять завозили и эти вешала заполняли и азароды назывались. Так и жнет, ставили таки бабки, потом возят в азарод, там высоко, высоко, чтоб ее продувало, бывает сыровато. Азарод таой длинный, длинный, как азгорода* [Селигер 1: 16]; *ана́хонь* ‘приезжие люди, неместные’ *Хорошие всё люди были, а сейчас наехавши всякая анахонь* [Селигер 1: 17]; *ажо́дистый* ‘жесткий’ *У гусей мясо аждостое* [Селигер 1: 16]; *ваби́ть* ‘реветь, трубить (о лосе)’ *А лось вабит — глухо так орёт. Это и есть трубит* [Селигер 1: 81].

Рассмотрим словообразовательное гнездо, вершиной которого является прилагательное *бе́лый*. Оно включает 22 производных, причем слово *белый*, входящее в гнездо, не является его вер-

шиной в традиционном понимании, поскольку само имеет приращенные смыслы: *бѣлый* 1. 'Имеющий светлый оттенок (о рыбе чешуе)'. *Плотва белая рыба, окунь, судак — серый*. 2. 'Неспелый (о ягодах)'. *Там ягоды невызревшие, куды они белые ягоды*. 3. 'Некрашенный (о поле)'. *Полы раньше-то были белые, некрашенные, как вымоешь, как взойдешь в избу, так приятно; песком бережным мыли. У вас полы-то белые, некрашенные*. 4. 'Справедливый, честный'. *Видать-то дело не белое, квартиры не дали* [Селигер 1: 35–36]. Поэтому вершина гнезда остается за пределами словаря, а разные значения прилагательного *белый* представляют результат семантического словообразования — метафорического переноса по внешнему или внутреннему сходству.

Основная комплексная единица, которую образуют производные с корневой морфемой *-бел-*, — это словообразовательная парадигма, состоящая из 15 производных, три из которых образованы сложносuffixальным способом: *белоглазка* 'женщина с дурным глазом' *Она всех глазит, её белоглазка зовут, их бояться надо; белорыбица* 'рыба судак' *Белорыбица, старое название судака; белоточаный* 'домотканый' *До пояса рубаха белоточаная, а верх из коленкора*. Остальные члены парадигмы образованы suffixальным способом, четыре из которых имеют диалектные форманты: *белток* 'белок яйца' *Мы желток и белток не отделяем, а прямо в еду кладем. Яйца были, гадали, какой там белток, если черненький, то и муж черненький будет. Выливали яички в стакан, один белток; белузый* 'сивый, белёсый (о лошади)' *Чалый — это сиворезый такой, белузый под белинку, крапинкам; Белёха* 'кличка коровы белой масти' *Корова Белёха — абсолютно белая; белудки*, в выражении *белудки выголить* 'вытаращить глаза' *Если кто из себя выходит, белудки выголил, ругается, загамкал*. Одно производное образовано нулевым suffixом: *бель* 'рыба с белой чешуей, плотва' *Белью зовут плотичку и уклею*. Производное *белотá* отличается от литературного транспозита диалектной дистрибуцией производящей основы и форманта: *белотá* 'белизна' *Блины в осиновый лист, не понять, какой они белоты*. Парадигму завершают производные, которые при тождестве

формантов отличаются от литературного языка только словообразовательным значением: *белёный* ‘заправленный молоком, сметаной’ *Дедка, не лей сильно, может, кто не любит белёный чай. Килька вкусная, я любила её с супом белёным; белёхонький*, в выражении *мороз белёхонек* ‘заморозки’ *Сегодня мороз был белёхонек, хоть бы что будет расти; бёлинка*, в выражении *под бёлинку* ‘бело-серой масти (о лошади)’ *Чалый* — это *сиворезый* такой, *белузий, под белинку, крапинкам; бели́ть* ‘заправлять, сдабривать молоком или сметаной (пищу, чай)’ *Любите чай белёный? И щи белят, и борщ, но это сметаной. С рыбой суп не белят, а белишь щи, когда варишь. Молоко постоит, несу поросёнку и белю ему. Кашицу белили, сметаной или молоко стопят; белица* ‘ромашка луговая’ *А это белица или поповник, так у нас ромашку луговую кличут; белянка* ‘вид гриба’ *Белянка* — *гриб такой белый, у нас таких не берут* [Селигер 1: 34–36].

Вторая ступень словообразования в этом гнезде представлена двумя небольшими парадигмами: одна состоит из трех производных с модификационным значением, ее вершиной является слово *белу́зий*: *белуза́тый* ‘беловатый’ *У пята шишки ели зелёные или белузатые; белузгова́тый* ‘неопределенного цвета, полинялый’ *Материал как полинялый, белузговатый; белузгова́тый* 1. ‘беловатый, светлый’. *Комком оно как желтоватое, белузоватое скорей — это масло.* 2. ‘сивый, белесый, беловатый, пегий (о лошади)’. *Пегатая лошадь с белузоватыми пятнами и черноватенькая.*

У другой парадигмы отсутствует вершина (поскольку литературное слово *бельё* имеет лишь периферийную мотивацию прилагательным *белый*), но есть два производных: *бельевóй* ‘хлопчатобумажный’ *Надень вон там шерстяные носочки, аль ты в бельевых? Носки-то шерстяные и бельевые у меня; бельи́на* ‘синг. от бельё’ *Кладешь бельину и разглаживаешь.* Другие два производных продолжают словообразовательные цепочки на второй ступени словообразования: *белый* — *белто́к* — *белто́чек* и *белый* — (*беленький*) — *беленько*: *белто́чек* ‘ум.-ласк. от белток’ *Вот у меня теплик был спечён, я белто́чек в него кладу; беленько*, в сочета-

нии *беленько тебе* ‘Как пожелание стирающим: «Чтоб бельё было белое»’ *Когда идут мимо, а полоскают бельё, то не здравствуй говорят, а беленько тебе. Вот полоскаю я бельё, а ты идёшь и скажешь мне: беленько тебе.* Первое производное реализует модификационное словообразовательное значение, а второе — транспозиционное. Вторая цепочка характеризуется отсутствующим в словаре звеном — литературным словом *беленький* (как и словом *бельё* в предыдущем примере), что соответствует принципам дифференциального словаря.

Производные представленного гнезда в большинстве своем имеют модификационные и мутационные словообразовательные значения, т. е. относятся к сфере лексической деривации. Первые выражают конкретизацию значения производящего слова, вторые имеют приращение смысла. Лексическая семантика прилагательного *белый* — обозначение цвета — обуславливает реализацию градационных словообразовательных значений. В «Русской грамматике» различаются три значения: слабой степени проявления признака, умеренной степени и высокой, высшей или чрезмерной степени [Русская грамматика 1980: 332]. В нашем материале представлены только первое и второе значения, поскольку высшая степень проявления признака выражается, как правило, префиксами или суффиксами превосходной степени *-айш*, *-ейш*. Чтобы уточнить картину полного состава гнезда прилагательного *белый*, мы обратились к другим выпускам словаря «Селигер: материалы по русской диалектологии» и не нашли ни одного производного с модификационным значением высшей степени проявления признака. Видимо, дериваты, мотивированные прилагательными со значением цвета не способны выражать чрезмерную степень проявления признака, т. к. максимальная интенсивность проявления признака заложена в непроизводной форме положительной степени — *белый*. А все производные с суффиксами превосходной степени выражают субъективное, элятивное значение (Ср.: *белейшая скатерть*).

В разных выпусках словаря было обнаружено семь производных глаголов префиксально-суффиксальной структуры и три су-

ществительных. Глагол *забелить* продолжает словообразовательную цепочку: *белый* — *белить* — *забелить*: *забелить* ‘добавить молока, сливок или сметаны в пищу’ *Кашу забелыми, кувшины, молоко стоить, хоть в гарлянах, хоть в кувшинах, смятану сверху снимут и кашицу забелят. А смятана была бы, щи бы и забелила.* Завершает эту цепочку глагол *забелывать* ‘добавлять сметану в пищу’ *Забеливали суп смятаной-та. Щи мясные, забялённые смятаной,* который отражает акт не словообразования, а формообразования. Существительное *забелка*, формально образованное от глагола *забелывать*, вопреки ожиданиям, имеет не транспозиционное значение отвлеченного действия, а мутационное значение и приращенный смысл ‘то, чем забеливают’: *забёлка* ‘сметана, сливки’ *Забеливали смятаной, смятана эта забелка. Забелка такая: хоть смятана, хоть сливки, у кого что есть. Хто надзывает смятану, забелка еще* [Селигер 2: 95].

Тожественные словообразовательные значения имеют производные с префиксом *по-*: *побелить* ‘забелить, добавив сметаны или молока в еду, питье; заправить сметаной или молоком’ *Отстою по самые плечи в банке: хватит сметаны и супу иль луку побялить.* С картошкой вкусно: *сметанкой помаслишь, побялишь.* Там творожку слажен свеженького: *побялю сметанкой — и ужин. Девки, а может, побялить чайку? Несите молока хоть в кружке. Варили всё щи кислишные: молочком побялишь — только ложки гремят. Огурчика добавь, а побелим мы с тобой, там сметанка осталась. Суп-то надо побялить сметаной. Просто с картошки сварен суп в печке. Сметаной побелют — очень вкусно. Кто суп побелит, а у кого и коровы нет. Коровёнка была, так и побялишь — ну, молока добавишь. Поросяткам надо побелочка, они любят молочко, мешанку надо побялить; побёлка ‘сметана’ Вон пойду за пабелкой схожу. Пабелка — сметана это.*

Производное *побелочка*, формально мотивированное существительным *побелка*, реализует не модификационное, ожидаемое словообразовательное значение ‘что-то уменьшительно-ласкательное’, а выражает мутационное значение, поскольку имеет приращенный смысл ‘еда для поросят’: *побёлочка* ‘еда для поро-

сят, заправленная молоком' *Поросяткам надо набелочка*, они любят молочко, мешанку надо побелить [Селигер 4: 405].

Третий член парадигмы, вершиной которой является глагол *белить*, это производное, формантом которого является префикс *при-*: *прибелить* 'добавить к чему-н. молока, разбавить молоком' *Кормим сывороткой или прибелим молоком, то ись добавим молока* [Селигер 5: 100]. Как видно из примеров, использование различных словообразовательных средств для выражения одного и того же значения, определяет степень важности данного явления в жизни людей. И лишь одно производное, мотивированное глаголом *белить* 'наделение признаком', выражает значение, не связанное с пищевыми пристрастиями: *разбелить* 'отбелить' *Точу, разбелишь, эта висной, эту точу билили, ни хужы как типерь, стелишь йиво на снек, йиво солнышкам, патом бирём, паласкаим. Разбилишь точу, канцы десидь-двинаццать метраф, атбеливатый. Разбялим, такая белая халстина.* [Селигер 6: 8].

Последнее производное в словообразовательном гнезде с вершиной *белый*, зафиксированное в четвертом выпуске словаря, формально, безусловно, мотивировано глаголом *белить*, но в лексическом толковании нет прямого соотнесения с этим словом: *пербелиться* 'испугаться' *Крикнула на него, да медведь спужался, пербялился и зашумел в лес* [Селигер 4: 341]. В данном случае мы сталкиваемся с метафорической мотивацией и со значением 'проявления признака', которое привносит постфикс *-ся* 'временно побелеть (побледнеть)', а не 'наделение признаком', как в предыдущих случаях. Как показал анализ словообразовательных категорий в тверских говорах, значение наделения признаком иногда соотносится со значением проявления признака, причем последнее выражается несколько регулярнее [Новикова 2017: 159–167]. В данном словообразовательном гнезде мы наблюдаем противоположную картину: все производные, кроме одного, выражают словообразовательное значение наделения признаком, что свидетельствует о влиянии экстралингвистических факторов на реализацию тех или иных словообразовательных значений. Дериваци-

онной номинации «удостаиваются» самые важные явления жизни диалектоносителей.

Основная часть производных словообразовательного гнезда выражает мутационное значение, причем глагольные дериваты являются сигнификативно ориентированными, а субстантивные дериваты — номинативно ориентированными [Арутюнова, Уфимцева 1980: 234]. Глагол *белить* и все производные от него: *забелить*, *побелить* и *прибелить* — реализуют типовые значения наделения признаком, которые выражают некие понятия. Как видно из мотивирующих контекстов, префиксы в данных образованиях не выражают дополнительных оттенков смысла и являются синонимичными. Поскольку прилагательное *белый* обозначает слабоградулируемый признак, то производные от него глаголы могут выражать только абсолютное наделение качеством, причем даже словообразовательные форманты не влияют на конкретизацию словообразовательной семантики.

Характер семантических приращений у существительных может быть разным: производные могут быть с общим словообразовательным значением лица или конкретного предмета. В наших примерах только одно существительное обозначает лицо — *белоглазка*, остальные имеют общее словообразовательное значение предмета, включая животных: *белёха*, *белица*, *белорыбика*, *белток*, *белудки*, *бель*, *белянка*. Если определять общее словообразовательное значение и для лиц, и для предметов, то оно будет таким: ‘субъект — носитель адъективного признака’, поскольку единственной валентностью прилагательного является субъектная валентность. А то, что часть производных обозначает лиц, часть — животных, а часть — предметы, объясняется расхождением между лексическим и словообразовательным значением производных слов. Производные *побелка* и *забелка* относятся к третьей ступени словообразования и мотивируются глаголами *побелить* и *забелить*. Словообразовательная модель отглагольных существительных с суффиксом *-к-* литературного языка, как правило, реализует транспозиционное словообразовательное значение: ср. *побелка* от *побелить*, *покраска* от *покрасить*, *помыв-*

ка от *помыть*. В словаре дериваты *побелка* и *забелка* выражают словообразовательное значение мутационного типа, предметное значение — ‘то, чем забеливают и побеливают — орудие действия’.

Синтаксическая деривация представлена двумя производными с транспозиционным словообразовательным значением — *белота* и *беленько*. При транспозиции вещественное значение производящего слова переводится из одной части речи в другую, получая при этом новое категориально-грамматическое значение. Производное существительное *белота*, получая новое категориальное значение предметности, приобретает значение отвлеченного (опредмеченного) признака, а наречие *беленько*, получая категориально-грамматическое значение вторичного признака, выражает либо признак процессуального признака, если относится к глаголу, либо признак непроцессуального признака, если сочетается с прилагательным, другим наречием или словом категории состояния. В словаре это производное функционирует, если учитывать контекст, как слово категории состояния: *беленько тебе*, т. е. как пожелание, чтобы *было, есть и будет беленько*, следовательно, обозначает признак процессуального признака.

К модификационному типу словообразовательного значения, которое характеризуется неким семантическим видоизменением по сравнению со значением производящего слова, помимо разобранных нами выше прилагательных с разными суффиксами субъективной оценки, относятся два производных: *белточек*, выражающее уменьшительно-ласкательное значение, и *бельина*, выражающее значение единичности. Оба эти словообразовательные значения не меняют в корне значения производящих слов, а лишь конкретизируют его.

Общая характеристика словообразовательного гнезда, вершиной которого является прилагательное *белый*, включает четыре ступени словообразования, четыре словообразовательные парадигмы и девять словообразовательных цепочек.

Таким образом, анализ словообразовательных связей в структуре комплексных единиц, проведенный на материалах словаря «Селигер: Материалы по русской диалектологии», показал,

что наполняемость диалектного словообразовательного гнезда во многом определяется экстралингвистическими факторами, зависит от значимости тех или иных явлений в жизни людей.

Литература

Арутюнова Н. Д., Уфимцева А. А. (ред.) (1980) *Аспекты семантических исследований*. М.: Наука.

Новикова Л. Н. (2017) Словообразовательные категории проявления и становления признака в тверских говорах. *Севернорусские говоры*, 16: 159–166.

Шведова Н. Ю., Арутюнова Н. Д., Бондарко А. В. (ред.) (1980) *Русская грамматика*. Т. 1. М.: Наука.

Сокращения

Селигер — *Селигер: Материалы по русской диалектологии*. Словарь. Под ред. А. С. Герда, Н. В. Богдановой-Бегларян. Вып. 1–7. СПб.; Тверь: Изд-во СПбГУ; Тверской ун-т, 2003–2017 (издание продолжается).

INTEGRATED UNIT OF THE DERIVATION IN TVER DIALECTS

Ludmila Novikova

Tver State University,

Tver, Russia

E-mail: novikova_54@mail.ru

Citation: Novikova L. (2018) Kompleksnyye yedinityy slovoobrazovaniya v tverskikh govorakh [Integrated unit of the derivation in Tver dialects]. *Severnorussskiye govory* [Northern Russian dialects], 17: 240–251. (in Russian)

Abstract. This article discusses the complex unit formation, presented in Tver dialects, determined by their place in dialect communications system. Their peculiarity is that they provide a formal bond of dialectal tokens, reaffirming their semantic closeness. The combination of formal-semantic relations between derivatives in complex units is one means of ensuring consistency of dialect vocabulary, and hence the possibility of inland without any external influences, development dialect the word system. The selection of these units is due to the fact that they have a clear similarity primarily in one of the planes of expression, and only then — similarity in terms of content. For example, the unity of the word-formation type is primarily based on the formal and only then on the semantic identity of the formant, which appears in different derivatives. The unity of word-formation paradigms, chains and nests is based on the identity of the root morpheme. A special position is occupied only by a derivational category, the unity of which is based on the identity of the derivational meaning. Both the formal and semantic sides of derivational relations are important for us, since the first allows us to find and combine the derivatives of a certain complex unit in a dialect, and the second, to analyze those semantic features that are significant for dialect carriers deserving a word formative nomination.

Keywords: derivational paradigm, derivational chain, derivational nest, derivation formant.

References

Arutyunova N. D., Ufimtseva A. A. (eds.) (1980) *Aspekty semanticheskikh issledovaniy* [Aspects of semantic research]. Moscow: Nauka. (in Russian)

Gerd A. S., Bogdanova-Beglaryan N. V. (eds.) (2003–2017) *Seliger: Materialy po russkoy dialektologii. Slovar'* [Seliger: Materials on Russian

dialectology. Dictionary]. Vol. 1–7. St. Petersburg; Tver: Izdatelstvo SPbGU; Tverskoy universitet (the publication continues). (in Russian)

Novikova L. N. (2017) Slovoobrazovatel'nyye kategorii proyavleniya i stanovleniya priznaka v tverskikh govorakh [Formative categories of the manifestation and development of a sign in the Tver dialects]. *Severnorusskiye govory* [Northern Russian dialects], 16: 159–166. (in Russian)

Shvedova N. Yu., Arutyunova N. D., Bondarko A. V. (eds.) (1980) *Russkaya grammatika* [Russian grammar]. Vol. I. Moskow: Nauka. (in Russian)

ИМЕНА СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫЕ СО ЗНАЧЕНИЕМ НЕВЗРОСЛЫХ СУЩЕСТВ: СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЙ, ЛИНГВОГЕОГРАФИЧЕСКИЙ И КОГНИТИВНЫЙ АСПЕКТЫ

Сабурова Людмила Вадимовна

Вологодский государственный университет,
Вологда, Россия
E-mail: lyudmilka85@bk.ru

Цитирование: Сабурова Л. В. (2018) Имена существительные со значением незрелых существ: структурно-семантический, лингвогеографический и когнитивный аспекты. *Севернорусские говоры*, 17: 252–270.

Аннотация. Статья посвящена анализу структуры существительных с модификационным значением незрелости в нескольких функциональных разновидностях русского национального языка (литературный язык — территориальные диалекты), а также изучению морфемки и словообразования этих существительных в нескольких аспектах: системно-структурном, территориальном и когнитивном.

Семантическое поле незрелости отражает представления носителей русского языка о взрослом человеке / животном, обладающем определенными внешними и внутренними характеристиками, и, наоборот, о незрелом существе (ребенке человека, детеныше животного), у которого эти признаки отсутствуют или не проявляются в полной мере. Слова, выражающие в русском языке различные значения данной семантической сферы, обладают неодинаковой структурной организацией. Основным способом словообразования является суффиксальный. Диалектные особенности существительных данной группы проявляются в составе морфов общерусского словообразовательного форманта, в составе производящих основ данного словообразовательного типа, а также в особенностях семантики производных слов, в которых наряду со значением незрелости реализуются вторичные значения.

Анализ территориально ограниченных явлений словообразовательной структуры имен существительных со значением незрелости позволяет говорить о специфичности языковой картины мира сельских жителей европейского Севера России. Оценка предметов и явлений осуществляется с позиции соответствия характеристик одушевленных

объектов представлениям о физической, физиологической, психологической, социально-экономической и культурной зрелости человека, а также представлениям о пригодности животных к реализации хозяйственно-бытовых потребностей человека.

Ключевые слова: диалектная языковая картина мира, вологодские говоры, модификационное значение, словообразовательная структура, невзрослость.

Введение

Имена существительные со значением невзрослых существ (*котенок, ребенок*) уже привлекали внимание исследователей морфемики и словообразования русского языка. Среди работ, комментирующих структуру таких слов, особо отметим книгу Ю. С. Азарх [Азарх 2002], в которой территориальные особенности слов данной группы комментируются с учетом генезиса их структуры в русском языке, а также статью коллектива авторов [Гельбух, Сидоров, Большаков и др. 2000], рассматривающих семантическое поле невзрослости и языковые средства его выражения на материале русского, английского и испанского языков. Наше исследование посвящено анализу структуры этих существительных в нескольких функциональных разновидностях русского национального языка (литературный язык — территориальные диалекты), а также изучению морфемики и словообразования этих существительных в нескольких аспектах: системно-структурном, территориальном и когнитивном.

1. Имена существительные со значением невзрослости в структурно-семантическом аспекте

Семантика невзрослости — это многокомпонентный семантический комплекс, который включает в себя сложный набор значений, характеризующих одушевленное существо: животное и человека. Все многообразие этих значений проявляется на различных уровнях языковой системы, в том числе и на морфем-

ном, где способно выражаться как посредством корневых морфем (*дит/я*), так и аффиксальных (*мыш/онок*).

Исследуемый комплекс значений может быть рассмотрен как семантическое поле, основу которого составляет «незрелость», т. е. то, что противопоставлено значению слова *взрослый* ‘зрелый, набравший полную силу, развившийся’. Это значение, в первую очередь, связано с характеристикой человека и включает в себя не только учет его возрастных и физиологических характеристик, но и ряд других признаков: уровень социальной зрелости, специфике поведения и пр.

Анализ отдельных составляющих и всего семантического поля незрелости показывает, что не все его компоненты могут быть выражены элементами морфемного уровня и актуализируются в словообразовательной структуре слова. С точки зрения возможности морфемной экспликации, это поле будет иметь особую структуру, ядерную зону которой составят имена существительные, выражающие семантику незрелости корневой морфемой (*дитя*) или с помощью суффиксов модификационного словообразования: *медвеж/онок*, *пт/енец*, *бар/чук*. Именно эта группа существительных составит лексическую основу нашего исследования, в котором будут также рассмотрены и другие явления морфемной репрезентации значений незрелых существ в структуре субстантивной основы.

Имена существительные со значением незрелости могут иметь нечленимые основы (*дитя*), а также основы разной степени членимости: *котёнок*, *утёнок*. Подавляющее большинство членимых основ характеризуется словообразовательной производностью и содержит в своей структуре свободный предметный корень: *кот-енок*, *мыш-онок*, *медвеж-онок*. Такие корни могут свободно сочетаться с другими словообразующими аффиксами: *кот-яра*, *кот-ище*. В процессе образования существительных с модификационным значением незрелости на суффиксально-корневом морфемном шве происходят следующие морфонологические процессы: чередования (*верблюд* — *верблюжонок*, *медведь* — *медвежонок*), усечения финалей производящих основ (*ут-*

ка — утенок, лягушка — лягушонок, чирок — чиренок, ящерица — ящеренок, рябчик — рябчонок), наращенные (негр — негритенок).

Среди суффиксальных существительных с модификационным значением незрелости выделяются два подтипа: а) существительные, мотивированные названиями животных и называющие детенышей: *зверенок, совенок, щегленок, олененок, слоненок, волчонок, мышонок, гусенок, орленок*; сюда же примыкают *дьяволенок, чертенок, бесенок, куклёнок*; б) существительные, мотивированные названиями лиц и имеющие значение 'ребенок — представитель национальности, социальной прослойки или профессии, названной мотивирующим словом': *турчонок, цыганенок, батрачонок, казачонок, попенек, поваренок, внучонок*; ср. также: *октябренок (октябрюта — 'дети Октября')*. Этот тип обладает высокой продуктивностью (особенно первый подтип). Образования второго подтипа свойственны разговорной речи, например, рассказ М. Шолохова «*Нахаленок*», рассказ Ч. Айтматова «*Солдатенок*».

На базе суффикса *-онок-* в русском литературном языке формируется несколько производных морфов: *-итёнок-* (*негритенок*), *-чонок-* (*арапчонок, барчонок, татарчонок*). Кроме того, в редких случаях выделяется синонимичный данному суффиксу гетерогенный суффикс *-чук-*, выделяющийся в именах существительных со значением ребенка — представителя социальной прослойки: *барчонок — барчук*. Во множественном числе основным для данной группы имен существительных словообразовательным суффиксом выступает суффикс *-ят-*: *котята, утята, ребята, поварята, октябрюта* и т. д.

Структурная организация имен существительных со значением незрелых существ в русских территориальных диалектах имеет свои особенности. Многие из них обусловлены исторически и связаны с формированием числовых противопоставлений в сфере одушевленных имен существительных. Особого внимания заслуживают состав морфем в структуре имен существительных со значением незрелых существ, а также лексические и грамматические особенности этих слов, определяемые их мор-

фемной структурой в русских говорах. В нашем исследовании эти явления в первую очередь комментируются на материале лексики «Словаря вологодских говоров» (далее СВГ) и представляют северо-восточный вариант развития структурной организации этой группы имен.

По данным СВГ, нами выделено около 70 производных имен существительных со значением незрелости. Это имена существительные, называющие детей различного возраста (*девчóшко* ‘девушка’ [СВГ 2: 15]; *дѣтыш*, *дитѣк* ‘ребенок, сынок’ [СВГ 2: 25], *ребѣнчик*, *ребятѣнчик*, *ребятѣшки*, *робѣнок*, *робѣночек*, *робѣнчик*, *робятѣнок*, *робя́та*, *робятѣшка*, *робятѣши*, *робятѣща*, *робятѣшка*, *робя́тка* ‘ребенок; дети’ [СВГ 11: 56–58], *сотонѣнок* ‘бранное обращение к ребенку’ [СВГ 10: 90]), детенышей животных и птиц (*котѣнчик* ‘котенок’ [СВГ 3: 113], *медведѣнок* ‘медвежонок’ [СВГ 4: 77], *селезѣнок* ‘утенок’ [СВГ 9: 117], *сорочóнок* ‘птенец сороки’ [СВГ 10: 84], *овченѣнок* ‘детеныш овцы’ [СВГ 6: 18], *колегóнок* ‘цыпленок’ [СВГ 3: 82], *подсви́нок* ‘детеныш дикой свиньи’ [СВГ 7: 111]). К этим существительным, с одной стороны, примыкают слова с суффиксами незрелости, имеющие в говорах другие значения (*кулесѣнок* ‘ряженный в Святки’ [СВГ 4: 16]), *полупальтѣнок* ‘короткая женская верхняя одежда, полупальто’ [СВГ 7: 146], *повалѣньши* ‘покойник’ [СВГ 7: 76], *прилѣпъши* ‘муж, пришедший жить после свадьбы в дом жены’ [СВГ 8: 52], *подкля́дыш* ‘яйцо или деревянный предмет в форме яйца, подкладываемый в гнездо с целью приучить курицу сидеть в этом гнезде’ [СВГ 7: 95] и др.), а с другой, слова, называющие незрелых существ по характерному для них признаку: *вяньгун* ‘плаксивый ребенок’ [СВГ 1: 107], *капрѣзка*, *капрѣзу́ла* ‘капризный человек (чаще о ребенке)’ [СВГ 3: 38], *малозѣм* ‘подросток; человек маленького роста’ [СВГ 4: 70] и др. Среди таких существительных отмечены производные существительные (*карапѣт* ‘маленький ребенок’ [СВГ 3: 39], *копырза́* ‘капризный ребенок’ [СВГ 3: 102], *санапáл* ‘шалун’ [СВГ 9: 92] и др.), а также суффиксальные и конфиксальные дериваты, образованные от глаголов (*рожѣнко* ‘ласковое обращение к ребенку’ [СВГ 9: 63], *гúкало* ‘грудной ребенок’

[СВГ 1: 124], 'незаконнорожденный ребенок': *выпороток* [СВГ 1: 97], *нагульши* [СВГ 5: 33], *найдёныши* [СВГ 5: 41], *приколóтыши* [СВГ 8: 51], *скóлотень* [СВГ 10: 25], 'плаксивый ребенок': *нявгало* [СВГ 5: 115], *пискарёв* [СВГ 7: 60], ср. также: *пелёнок* 'младенец грудного возраста' [СВГ 7: 23], *подкíдыши* 'по суеверным представлениям — ребенок, помеченный нечистой силой' [СВГ 7: 94], *заскрёбыши* [СВГ 2: 149], *поскрёбыши* 'последний ребенок в семье' [СВГ 8: 6], *прикóрмок*, *прикóрмыши* 'теленочек, оставляемый на зиму' [СВГ 8: 51], *стригáн*, *стриганóк*, *стрижók* 'жеребенок первого года жизни' [СВГ 11: 140], *осóсок* 'поросенок, сосущий мать' [СВГ 6: 78] и др.), существительных (*соплýн* 'сопливый ребенок' [СВГ 11: 80], *пестёренок*, *пестерёныши* 'неуклюжий человек, ребенок' [СВГ 7: 49], *безгóдок* 'ребенок в возрасте до года' [СВГ 1: 27] и др.), прилагательных (*мáлка* 'девочка в раннем возрасте' [СВГ 4: 69], *годóвушка* 'девочка в возрасте 1 года' [СВГ 1: 116], *последник* 'последний ребенок в семье' [СВГ 8: 6]), числительных (*одинáчка*, *одинéц*, *одинóчка* 'единственный ребенок в семье' [СВГ 6: 31]) и др., а также слова неясного образования: *пологолóвец* 'головастик' [СВГ 7: 140], *пагалёнок* 'маленький ребенок' [СВГ 6: 116], *панаголóвец*, *пáпороток* 'непослушный ребенок, подросток' [СВГ 7: 5].

Среди существительных, называющих незрелых существ, отмечены существительные с более архаичной морфемной структурой, непроизводные в системе вологодских говоров: *поросён* 'поросенок' [СВГ 7: 165], *робя́* 'ребенок' [СВГ 9: 58] и др. Производные слова данной группы образуются в основном в результате присоединения к производящим основам существительных общерусских суффиксов: *-он(о)к-/-ен(о)к-/-ат-* (*копырзёнок* 'капризный ребенок' [СВГ 3: 102], *пестерёнок* 'неуклюжий, неумелый человек, ребенок' [СВГ 7: 49]), *-енёнок-/-енят-* (*овченёнок* 'детеныш овцы' [СВГ 6: 18]), *-ятёнок-/-ят-* (*робятёнок* 'ребенок' [СВГ 11: 58]), *-ёныши-* (*найдёныши* [СВГ 5: 41]), *-ыши-* (*дэтыши* 'ребенок' [СВГ 2: 25]), *-ок-* (*дитёк* 'ребенок, сынок' [СВГ 2: 25], *пеленок* 'младенец грудного возраста' [СВГ 7: 23]), *-чик-* (*ребёнчик*, *робён-*

чик, ребятёничик — ср. *ребёнок, ребята*; *котёничик* — ср: *котёнок*), -к- (*мáлка* ‘девочка в раннем возрасте’ [СВГ 4: 69]) и др.

В качестве диалектных особенностей образования таких слов можно отметить следующие. При образовании существительных со значением незрелости в вологодских говорах реже представлены случаи супплетивизма основ (*овца* — *ягненок*), производящей основой может быть основа слова, называющего взрослую особь: *курица* — *курёнок, лошадь* — *лошадёнок, собака* — *собачёнок*. В качестве производящих могут использоваться также связанные основы: *утка* — *утёныш*. В сводной системе вологодских говоров функционируют многочисленные ряды словообразовательных синонимов: *девчóшка, дéвка, дéвушка, девчóшко* ‘девочка’ [СВГ 2: 15]; *дéтыш, дитёк* ‘ребенок, сынок’ [СВГ 2: 25], *парнёк, парнёчок, парнёшко, парни́шко, парнишóнок, парняк* ‘мальчик’ [СВГ 7: 9], *ребёнчик, ребятёничик, ребятёшки, робёнок, робёночек, робёнчик, робятёнок, робя́та, робятёшка, робятёши, робятёща, робятíшка, робя́тка* ‘ребенок; дети’ [СВГ 11: 56–58], *собачёнок, собачёночек, собачóшко* ‘щенок’ [СВГ 11: 65–66] и др. Характерной особенностью образования таких слов в вологодских говорах являются существительные среднего рода типа *девчóшко, парнёшко, ребятёшко*. Эта черта, по мнению исследователей грамматической системы русских говоров, отражает специфику сочетания значений незрелости и пола живого существа в северо-восточных диалектах [Азарх 2002: 68].

2. Имена существительные со значением незрелости в лингвогеографическом аспекте

Диалектные особенности русских производных существительных отражены на различных лингвистических картах (ДАРЯ, ЛАРНГ, ОЛА и др.). Вместе с тем картографирование словообразовательной структуры диалектных слов представлено в этих источниках менее широко, чем, например, отображение регулярных фонетических, лексических, морфологических явлений. Это связано с тем, что диалектные различия словообразовательно-

го уровня имеют более частный характер и не всегда влияют на определение диалектных границ.

Производные имена существительные со значением незрелых существ отмечены на лингвистических картах двух русских атласов. Это карта № 35 второго тома «Диалектологического атласа русского языка» (ДАРЯ) и несколько лексико-словообразовательных карт пробного выпуска «Лексического атласа русских народных говоров» (ЛАРНГ). Лингвогеографическая проекция морфемной и словообразовательной структуры, а также лексико-грамматических особенностей имен существительных со значением незрелости во многом отражает историю формирования этой группы слов и позволяет более отчетливо представить эволюцию морфемных средств выражения семантики незрелости в русском языке в ее сочетании с другими семантическими комплексами. Подробное описание генезиса этой группы слов мы находим в монографии Ю. С. Азарх [Азарх 2002]. Автор отмечает, что на современных диалектологических картах находят отражение явления, зафиксированные в XV–XVI вв. в региональных письменных источниках.

В памятниках с XV в. отражены образования с суффиксом *-ен(о)к-*, которые в современных говорах северо-восточной диалектной зоны представлены словами не только со значением незрелости, но и уменьшительности, уничижительности. В памятниках деловой письменности с XVI в. как северно-, так и южнорусского происхождения имена со значением незрелости и суффиксом *-ен(о)к-* во множественном числе употребляются в сочетании с количественными числительными, что характерно для сингулятивов, у которых значение единичности противоречит значению множественности, и это противоречие снимается указанием на точное количество обозначаемых: *9 утёнков, 6 курёнков...* И сейчас в говорах Центра, западной и южной диалектной зоны образования с суффиксом *-он(о)к-* во множественном числе обычно употребляются в сочетании с числительными. Образования с суффиксом *-он(о)к-* < *-енък-*, как доказывает автор, также являются праславянской региональной моделью. Их отсут-

стве в древнерусских текстах можно объяснить их принадлежностью к народно-разговорному языку.

К XV–XVI вв. отмечается активное взаимодействие образований с суффиксом *-ат-* и с суффиксом *-ен(о)к-*. У образований с несвязанным корнем появляется трехчленная оппозиция типа *гусь/гуся* — *гусёнок/гусёнки* — *гусята*, а у дериватов со связанным корнем — двухчленная типа *телёнок/телёнки* — *телята*. Частотность в речи образований со связанным корнем, их однозначность способствовали формированию контаминированного структурного типа с модификационным значением незрелости (*телёнок/телята*).

Как замечает Ю. С. Азарх, активность модели имен типа *телёнок/телята* в тех говорах, на базе которых складывался литературный язык, определила преимущественное сохранение дериватов типа *телёнок/телёнки*, *гусёнок/гусёнки* в современных периферийных говорах: в восточной половине северо-восточной диалектной зоны эта модель господствует. В западной половине этой диалектной зоны, а также в юго-восточной диалектной зоне отмечаются лишь островные ареалы. На остальной территории, картографированной в ДАРЯ, эта модель сохраняется в единичных примерах.

Утверждение в словоформах единственного числа дериватов мужского рода на *-ёнок* поддерживает появление в семантике имен со значением незрелости и суффиксом *-он(о)к-/ат-* компонента 'мужской пол'. В современных говорах разных регионов отмечаются корреляты по признаку пола у имен данной группы: *жеребёнок* — *кобылка*, *теленки* — *телушка*, *поросенок* — *свиночка*. В псковских и ленинградских говорах образования с суффиксом *-он(о)к-/ат-* употребляются и как дублиеты производящих одушевленных имен, и как субъективно-оценочные слова. Для западной и особенно юго-западной диалектных зон характерны имена со значением незрелости типа *гусенёнок/гусенята* с несвязанным корнем. Они сформировались в результате взаимодействия исконной для говоров модели типа *гусеня/гусенята* и характерной для говоров Центра модели типа *гусёнок/гусята*.

Та же модель господствует и в западной диалектной зоне. Имена со значением незрелости типа *гусенёнок/гусенята* в русских говорах распространены на восточной периферии ареала данной модели в говорах белорусского и украинского языков. На стыке ареалов моделей имен со значением незрелости типа *гусенёнок/гусенята* и типа *гусёнок/гусёнки* на Юго-Западе отмечаются инновации типа *гусятёнок/гусятёнки* и *гусенёнок/гусенёнки*. В рязанской группе и в соседних говорах юго-восточной диалектной зоны распространены дериваты со связанным корнем и суффиксом *-(о)к-*: *телок, ягнок, цыплок*. Для ряда инноваций в словообразовании имен со значением незрелости характерны в качестве производящих основы с суффиксом *-ен-* или *-ат-*. Это, видимо, следствие того, что данные основы являются показателями числовых словоформ у господствующей в русском языке модели имен со значением незрелости. Подобные образования представляют собой, вероятно, первичные уменьшительно-ласкательные образования. Таковы, например, в северной диалектной зоне дериваты типа *гусятко, щенятко, жеребятко, дитятко*. В разговорной речи и говорах живой моделью являются образования на *-ёныш*: *гусёныш, зверёныш*.

В свете того, что лингвогеографический аспект освещения языка является в последнее время очень перспективным и продуктивным, нами осуществлена попытка составления карты «Наименование детенышей грача» [Кокарева, Крылова 2007]. В качестве выводов по работе с картой необходимо отметить следующее. Нами была составлена словообразовательная карта в двух вариантах: по единственному и множественному числу. Основной единицей, распространенной на всей картографируемой территории, является *грачонок/грачата*, образованные с помощью общерусских суффиксов. Второй по частоте употребления является модель с суффиксами *-енёнок/-енята-*, встречающаяся в западной и юго-западной диалектной зоне. Это объясняется взаимодействием общерусской и диалектной модели словообразования.

От картографирования отводились образования типа *гра́чик*, *грачо́к*, *граченёночек* как несущие в себе уменьшительно-ласкательное значение, а также лексемы, зафиксированные лишь единожды в отдельных районах: *шпачёнок*, *чернёнок*, *граёнок*, *чигра́ш*. Отведена от картографирования форма *птенец*, *птенец грача* поскольку имеет общее название детенышей всех птиц, а не конкретной. Также не учитывались существительные *галчонок/галчата*, обозначающие детенышей птицы другого вида. Следует отметить, что наблюдается неразличение носителями говора таких птиц, как грач, галка, дегач и др.

Очень многие пункты восточной диалектной зоны на карте остались пустыми, что объясняется, скорее всего, недообследованностью этой территории. Поэтому считать составленную нами карту полной нельзя. Требуется дообследование неохваченных районов, а также проверка уже имеющегося материала и повторное составление более подробной карты.

3. Имена существительные со значением невзрослости в когнитивном аспекте

Каждый язык отражает определенный способ восприятия и устройства мира. Анализ различных языковых явлений позволяет в той или иной мере реконструировать «языковую картину мира» (ЯКМ). Особое место среди средств экспликации ЯКМ занимают производные слова. Их словообразовательная структура показывает, какие предметы и явления внешнего мира актуальны для языкового сознания человека и поэтому нуждаются в номинации, как устанавливается семантическая мотивированность производного слова: с какими первичными знаками и по каким моделям образуются новые мотивационные связи. При этом важно отметить, что способы концептуализации действительности в языке при наличии общелингвистических, инвариантных черт обладают национальной специфичностью [Вендина 1998: 14]. Более того, специфичность может проявляться и на региональном уровне. Поэтому нам представляется актуальным изучение производной лексики различных русских говоров. В данной статье

предметом анализа служат диалектные названия незрелых существ в современных вологодских говорах. Исследование производящей базы и мотивационных связей этих слов позволяет прокомментировать многие особенности языковой картины мира севернорусского крестьянина.

Интересен круг производящих основ, от которых образуются диалектные названия незрелых существ. В основном это общерусские и диалектные основы, называющие ребенка, как правило, без дифференциации по половому признаку: *дѣтшиш*, *дитѣк* ‘ребенок, сынок’ [СВГ 2: 25], *ребѣнчик*, *ребятѣнчик*, *ребятѣшки*, *робѣнок*, *робѣночек*, *робѣнчик*, *робятѣнок*, *робѣта*, *робятѣшка*, *робятѣши*, *робятѣща*, *робятѣшка*, *робѣтка* ‘ребенок; дети’ [СВГ 11: 56–58]. Это вполне объясняется антропоцентричностью языка: в первую очередь для его носителей актуально наименование собственных детей и только потом — детенышей домашних животных и птиц (*котѣнчик* ‘котенок’ [СВГ 3: 113], *колегѣнок* ‘цыпленок’ [СВГ 3: 82], *селезенок* ‘утенок’ [СВГ 9: 117], *овченѣнок* ‘детеныш овцы, ягненок’ [СВГ 6: 18]), а также тех диких животных и птиц, которые водятся в данной местности: *медведѣнок* ‘медвежонок’ [СВГ 4: 77], *сорочѣнок* ‘птенец сороки’ [СВГ 10: 84], *подсвѣнок* ‘детеныш дикой свиньи’ [СВГ 7: 111] и др. В тех случаях, когда индивидуальные черты живых существ (в том числе и возраст) были принципиально не существенны (названия рыб, насекомых), производных слов со значением незрелости не образуется: наоборот, в этих группах активно образование собирательных существительных со значением нерасчлененного множества (*карасѣ*, *мелузинѣ*, *сорожѣ*, *паутьѣ* и др.). Для крупных домашних животных в говорах, как и в литературном языке, представлены дифференцирующие разнокорневые названия, отражающие пол животного (*бычок*, *телушка*), его возраст (*лоньшѣк*, *годовичѣк*, *стриганѣк*) и некоторые другие признаки. Это свидетельствует о том, что в сельском хозяйстве эти животные играли особую роль, определяя и жизнеспособность крестьянской семьи, и уровень материального ее достатка, и положение семьи в сельской общине.

Далее обратим внимание на то, как в номинации незрелых существ участвуют средства словообразования. При аффиксальном словообразовании словообразовательный аффикс (формант) играет роль классификатора — семантического показателя, определяющего характер соотношения производного слова с исходным (производящим, мотивирующим). Классификатором незрелости в русском языке служит суффикс *-онок*. В говорах этот суффикс имеет более сложную структуру (*-онок* // *-енёнок*- (*котенёнок*) // *-атёнок*- (*цыплятёнок*) и др.), различные компоненты которой территориально маркированы [ДАРЯ: карта № 35].

Весьма неоднозначна в говорах и семантическая структура данного форманта. Во-первых, всем дериватам этого типа присуща сема 'малый, небольшой по размеру'. Связь этого компонента значения с признаком уменьшительности обуславливает использование в деривации имен со значением незрелости тех же суффиксов, что и у уменьшительных образований: *гусёнок*, *мышонок*, *чертёнок*, *поварёнок*. Во-вторых, именам со значением незрелости присуща сема 'принадлежность'. Этот компонент значения слов данной группы выражен суффиксом с обобщенным значением отношения/принадлежности *-ен*. В-третьих, в значение незрелости первоначально не входила сема 'пол живого существа'. С этим связано использование таких суффиксов в производстве слов данной группы, которые не являются формальными показателями грамматического рода.

Семантическая неоднозначность суффикса незрелости определила возможность его использования для существительных других семантических групп: *кулесёнок* 'ряженный в Святки' [СВГ 4: 16], *полупальтёнок* 'короткая женская верхняя одежда, полупальто' [СВГ 7: 146], *повалёныш* 'покойник' [СВГ 7: 76], *никулёнок* 'житель села Никулино' [КСВГ] и др. Многочисленную группу производных слов, в образовании которых участвует и суффикс незрелости, составляют названия мужа, пришедшего после свадьбы жить в дом жены. Такой поступок не одобрялся крестьянской общиной, считался проявлением слабости,

инфантильности и маркировался различными языковыми средствами: *домовик, дворник, доживало, домовичок, домовник, домовщик, домовёнок* (ср. в донских говорах: *домовёнок* ‘мужчина, не бывавший на военной службе’), *домозор, доморат, живётник, завлада́й, подживётник, прива́л, приёмник, приёмок, приёмши, примáк, прилёпыш* и др. Другое отрицательно оцениваемое действие — рождение ребенка вне брака — также порождало в говорах множество производных слов: *нагу́лыш, ви́пороток, поя́ш, пригу́лыш* и др. (ср.: *нахалёнок* в южнорусских говорах). Семантика слов двух последних групп является более сложной, поэтому наряду с суффиксами невзрослости в их образовании участвуют и другие средства словообразования, как правило, связывая производные слова с исходными, содержащими в своем составе корни *-дом-*, *-двор-*, а также многочисленные процессуальные корни.

Таким образом, словообразовательная структура производных существительных со значением невзрослости позволяет обнаружить ряд специфических явлений языковой картины мира севернорусского крестьянина. Во-первых, в образовании этих слов актуализируются представления носителей говоров о системе значимых объектов (человек — домашнее животное, птица — дикое животное, птица — рыба, насекомое). Во-вторых, исходное значение суффикса невзрослости *-онок-* изменяется в зависимости от присоединения к различным основам, участвуя в выражении семантики незначительности физических размеров предмета (*полупальтёнок*), его принадлежности определенному сообществу (*никулёнок*), а также поведения, поощряемого в особых условиях (*кулесёнок*) или имеющего резко отрицательную оценку (*пасканёнок, прилёпыш*).

Выводы

Анализ структурной организации основ имен существительных со значением невзрослости позволил сделать ряд выводов относительно общерусских закономерностей их строения и диалектных особенностей.

Семантическое поле незрелости отражает представления носителей русского языка о взрослом человеке/животном, обладающем определенными внешними и внутренними характеристиками, и, наоборот, о незрелом существе (ребенке человека, детеныше животного), у которого эти признаки отсутствуют или не проявляются в полной мере. Слова, выражающие в русском языке различные значения данной семантической сферы, обладают неодинаковой структурной организацией. Поэтому в данной работе исследовались, в первую очередь, те слова, у которых семантика незрелости маркируется словообразовательными аффиксами. Такие слова образуются в результате присоединения общерусских суффиксов *-онок/-ёнок-* в единственном числе и *-ята-* во множественном числе к общерусским и диалектным производящим основам, сопровождаемого типичными формальными и семантическими трансформациями.

Диалектные особенности существительных данной группы проявляются в составе морфов общерусского словообразовательного форманта, в составе производящих основ данного словообразовательного типа, а также в особенностях семантики производных слов, в которых наряду со значением незрелости реализуются вторичные значения, такие, как характеристика лица по национальности, социальному положению, месту жительства, профессии, внешним признакам, особенностям характера и поведения и пр. Специфика вологодских говоров проявляется и на уровне морфологической структуры таких слов: в частности, для этой группы русских говоров характерно словоизменение существительных со значением незрелости по образцу среднего рода (*девчóшко, парнёшко, ребятёшко*).

Анализ территориально ограниченных явлений словообразовательной структуры имен существительных со значением незрелости позволяет говорить о специфичности языковой картины мира сельских жителей европейского Севера России. Этот вариант национальной картины мира характеризуется особой антропоцентричностью, имеет утилитарный характер, который определяется традиционными бытовыми и эстетическими

представлениями севернорусского крестьянина. Инвентарь значимых объектов в этой картине мира определяется жизненным укладом крестьянина-землепашца. Оценка предметов и явлений осуществляется с позиции соответствия характеристик одушевленных объектов представлениям о физической, физиологической, психологической, социально-экономической и культурной зрелости человека, а также представлениям о пригодности животных к реализации хозяйственно-бытовых потребностей человека. Наши наблюдения соотносятся с ранее сделанными выводами о словообразовательной репрезентации языковой картины мира, представленными в работах по когнитивному словообразованию Е. С. Кубряковой, Т. И. Вендиной и др. Все это убеждает в перспективности выбранного направления исследования структурной организации слов в русском языке и его территориальных диалектах.

Литература

Азарх Ю. С. (2002) *Русское именное диалектное словообразование в лингвогеографическом аспекте*. М.: Наука.

Вендина Т. И. (1998) *Русская языковая картина мира сквозь призму словообразования (макрокосм)*. М.: Индрик.

Гельбух А. Ф., Сидоров Г. О., Большаков И. А., Кассиди П., Галисия-Аро С. Сравнительный анализ семантического поля «невзрослый» и языковые средства его выражения в русском, английском и испанском. *Dialogue. Сборник 2000*. [<http://www.dialog-21.ru/digest/2000/articles/gelbukh/>]. (дата обращения: 25.03.2018)

Кокарева Л. В., Крылова А. Б. (2007) К проблеме картографирования диалектного корневого гнезда с корнем *-gr-...* *Диалектное словообразование, морфемика и морфонология*. СПб.: Наука; Вологда: ВГПУ: 298–302.

Кубрякова Е. С. (1990) Семантика производного слова. Арутюнов Н. Д., Уфимцев А. А. (ред.) *Аспекты семантических исследований*. М.: Наука.

Шапошникова Н. С. (1961) К вопросу о славянских названиях детенышей живых существ. *Этимологические исследования по русскому языку*, 3: 73–77.

Сокращения источников

- ЛАРНГ — *Лексический атлас русских народных говоров*: Пробный выпуск. СПб., 2004.
- ОЛА — *Общеславянский лингвистический атлас*. Серия лексико-словообразовательная. Вып. 1. Животный мир. М., 1988.
- СВГ — *Словарь вологодских говоров*. Учебное пособие по русской диалектологии. Ред. Т. Г. Паникаровская (Вып. 1–7); Т. Г. Паникаровская, Л. Ю. Зорина (Вып. 8–12). Вологда, 1983–2007.
- СРНГ — *Словарь русских народных говоров*. Гл. ред. Ф. П. Филин, Ф. П. Сороколетов, С. А. Мызников. Вып. 1–50. М.; Л.; СПб.: Наука, 1965–2018. (Издание продолжается).

**NOUNS WITH VALUE OF NOT ADULT BEINGS:
STRUCTURAL-SEMANTIC, LINGUISTIC
AND COGNITIVE ASPECTS**

Lyudmila Saburova

Vologda State University,

Vologda, Russia

E-mail: lyudmilka85@bk.ru

Citation: Saburova L. (2018) Imena sushchestvitelnyye so znacheniyem nevrozlykh sushchestv: strukturno-semanticheskiy, lingvogeograficheskiy i kognitivnyy aspekty [Nouns with value of not adult beings: structural-semantic, linguistic and cognitive aspects]. *Severnorrusskiye govory* [Northern Russian dialects], 17: 252–270. (in Russian)

Abstract. Article is devoted to the analysis of structure of nouns with modification value of not maturity in several functional kinds of the Russian national language (the literary language — territorial dialects) and also studying of morphemics and word formation of these nouns in several aspects: system and structural, territorial and cognitive.

The semantic field of not maturity reflects ideas of native speakers of Russian of the adult / animal possessing certain external and internal characteristics, and, on the contrary, about not adult being (the child of the person, an animal cub) at whom these signs are absent or aren't shown fully. The words expressing various values of this semantic sphere in Russian possess the unequal structural organization. The main way of word formation is suffixal. Dialect features of nouns of this group are shown as a part of morphs of the all-Russian word-formation formant, as a part of the making bases of this word-formation type and also in features of semantics of derivative words in which along with value of not maturity secondary values are implemented.

The analysis of territorially limited phenomena of word-formation structure of nouns with value of not maturity allows to speak about specificity of a language picture of the world of villagers of the European North of Russia. Assessment of objects and the phenomena is carried out from a position of compliance of characteristics of the animated objects to ideas of a physical, physiological, psychological, social and economic and cultural maturity of the person and also ideas of suitability of animals to realization of economic and household needs of the person.

Keywords: dialect language picture of the world, Vologda dialects.

References

Azarkh Y. S. (2002) *Russkoe imennoe dialektnoe slovoobrazovaniye v lingvogeograficheskom aspekte* [The Russian nominal dialect word formation in lingvogeographic aspect.]. Moscow: Nauka. (in Russian)

Filin F. P., Sorokoletov F. P., Myznikov S. A. (eds.). (1965–2018) *Slovar' russkikh narodnykh govorov* [Dictionary of Russian folk dialects]. Vol. 1–50. Moscow; Leningrad; St. Petersburg: Nauka. (in Russian)

Gelbukh A. F., Sidorov G. O., Bolshakov I. A. (2000) Sravnitel'nyy analiz semanticheskogo polya «nevzroslyy» i yazykovye sredstva ego vyrazheniya v russkom, angliyskom i ispanskom [The comparative analysis of the semantic field “not adult” and language means of his expression in Russian, English and Spanish]. *Dialog. Sbornik 2000*. [Dialogue. Collection 2000]. [<http://www.dialog-21.ru/digest/2000/articles/gelbukh/>]. (accessed: 25.03.2018). (in Russian)

Kokareva L. V., Krylova A. B. (2007) K probleme kartografirovaniya dialektnogo kornevogo gnezda s kornem *-gr-...* [To a problem of mapping of a dialect family of words with a radix *-gr-...*]. *Dialektnoe slovoobrazovaniye, morfemika i morfonologiya* [Dialect word formation, morphemics and morphonology]. St. Petersburg: Nauka; Vologda: VGPU: 298–302. (in Russian)

Kubryakova E. S. (1990) Semantika proizvodnogo slova [Semantics of a derivative word]. In: Arutyunov N. D., Ufimtsev A. A. (eds.) *Aspekty semanticheskikh issledovaniy* [Aspects of semantic researches]. Moscow: Nauka. (in Russian)

Panikarovskaya T. G., Zorina L. Yu. et al. (eds.) (1983–2007) *Slovar' vologdskikh govorov. Uchebnoye posobiye po russkoy dialektologii* [Dictionary of Vologda dialects. Textbook on Russian dialectology]. Vol. 1–12. Vologda. (in Russian)

Shaposhnikova N. (1961) K voprosu o slavyanskikh nazvaniyakh detenyshey zhivyykh sushhestv [To a question about Slavic name of cubs of living beings]. *Etimologicheskiye issledovaniya po russkomu yazyku* [Etymological researches on Russian language], 3: 73–77.

Vendina T. I. (1998) *Russkaya yazykovaya kartina mira skvoz' prizmu slovoobrazovaniya (makrokosm)* [Russian-language picture of the world through the prism of word formation (macrocosm)]. M.: Indrik. (in Russian)

**ВАТЛАНДИЯ И ВАТЛАНДЦЫ (ВАТЫ)
В ЛИВОНСКИХ ИСТОЧНИКАХ XIV–XV ВВ.**

Дмитриев Александр Владиславович

Санкт-Петербургский политехнический
университет Петра Великого,
Санкт-Петербург, Россия
E-mail: avd84@list.ru

Цитирование: Дмитриев А. В. (2018) Ватландия и ватландцы (ваты) в ливонских источниках XIV–XV вв. *Севернорусские говоры*, 17: 271–293.

Аннотация. В статье представлены некоторые источники, которым уделяется недостаточное внимание в современной научной литературе. Они касаются экономических и социально-политических отношений между Ватландией (и ее жителями ватландцами/ватами) и их соседями-ливонцами в XIV–XV вв. Цель статьи заключается в изучении, прочтении и выявлении контекстуальных упоминаний Ватландии и ватландцев/ватов в этих источниках. Исследуется также вопрос о том, что необходимо понимать под ватландцами, кто такие ниенслотцы и как мы должны интерпретировать эти средневековые жантили в контексте того времени. Обращает на себя внимание и то, что в исследуемых ливонских текстах нет упоминаний Ингрии, что говорит об особой политической, социальной и экономической значимости именно Ватландии (а не Ингрии) для Ливонии. Кроме того, в статье поднимается вопрос и о самом статусе Ватландии в XIV–XV вв.: будучи неотъемлемой частью Новгородской республики, этот регион рассматривался Ливонией в качестве ее неотъемлемой части. Не менее значимой для обсуждения является и проблема смешения двух понятий — Ватландии (в Ливонии) и Водской земли (в Новгороде).

Ключевые слова: Ватландия, ватландцы, Водская земля, Ингерманландия, катойконим, жантите.

О прибалтийско-финских племенных северо-западных землях, или «федератах», Великого Новгорода — а именно Ижорской, Водской и Корельской землях — сегодня в историко-географической и топонимической литературе написано предостаточно: начиная с детального исследования древнерусских и шведских источников и попыток объяснить языковое происхождение этих административных областей с опорой на эти источники [Sjögren 1833; Кёппен 1851] и заканчивая изучением проблемы локализации земель и интерпретации этих хоронимов иностранными летописцами XIV–XVI вв. [Manninen 1932; Tallgren 1938; Гадзяцкий 1940; Насонов 1951; Blumfeldt 1954; Nirvi 1960; Nissilä 1961; Paulson 1962; Décsy 1965; Шаскольский 1979; Рябинин 1986; Конькова 2001; Дмитриев 2015; 2016].

В настоящей статье мы обратимся к немецким, а конкретнее ливонским, документам конца XIV–XV вв., в которых фигурирует название *Watland* и вместе с ним упоминается этноним воды (*ватландцы, ваты*). Наш интерес к этим документам вызван тем, что мы готовим историко-топонимический словарь Западной Ингерманландии и хотим объемно осветить вопрос о сложности изучения прибалтийско-финской хоронимии (названий исторических земель Великого Новгорода) на территории современной Ленинградской области.

Основная проблема исследования исторических хоронимов Северо-Запада России XIII–XV вв. заключается в том, что все они не имеют пространственного представления (т. е. не картографированы), и из контекста, где встречаются подобные названия, невозможно понять, где находились эти области и какие конкретно очертания (или границы) под ними понимались в разных государствах — в Риме, Ливонии, Швеции и даже в самой Новгородской республике¹.

---

¹Похожая проблема существует при анализе гидронимии.

Одним из первых ученых, кто занимался прочтением и интерпретацией немецких текстов на предмет поиска в них этнонимов и хоронимов прибалтийских финнов, был П. И. Кёппен: «Немцы в старину писали *Watland* (Вотская земля) и *Watländer* (жители Вотской земли), в новейшее же время мы вместо того встречаем *Wotenland* и *Woten*» [Кёппен 1851: 55]. Однако, к сожалению, П. И. Кёппен нигде не дает ссылок на эти языковые варианты.

В свете обсуждения проблемы того, как именовались земли Великого Новгорода в Ливонии, помимо языковой специфики, важно также понимать территориальное происхождение этих документов, поскольку в Ливонии с XII до середины XVI в. располагалось восемь государств (составлявших Ливонскую конфедерацию), из которых четыре, заметим, были церковными. Иными словами, географическое толкование соседних северо-западных новгородских областей в разных немецких территориальных образованиях было отличным: вряд ли стоит говорить о каком-то одном общепринятом толковании.

Вспомним два источника, на которые часто ссылаются и топонимисты, и историки:

- 1225–1227 гг., «*Chronicon Livoniae*» Генриха Латвийского; рассказывает о двух походах савалакских эстов, когда они перешли р. Нарову и вторглись в землю, именуемую Ингарией: «*in terram, que Ingaria vocatur*» [HLC: 185].
- 13 апреля 1241 г., послание епископа Эзель-Викского Генриха I, в котором говорится о включении в юрисдикцию братьев Тевтонского ордена северо-западных земель Новгорода, а именно «*Watlande, Nouve, Ingriae et Carelia*» [Bunge 1853: 33–34].

В первом случае говорится только об одной *Ингарии*, при этом, очевидно, что к ней Генрих Латвийский относил и погосты «в Чюди» (собственно ареал проживания води), которые начинались сразу за р. Наровой, и саму Водскую землю (административная единица, этнически не маркированная), которая граничила

на западе с погостами «в Чюди» [Конькова 2009]. Но знал ли Генрих о существовании этих областей, мы точно сказать не можем. Возможно, что для него было важнее выделить именно *Ингарию*, ее геополитический статус, чем статус остальных земель.

Второй источник нам сообщает сразу о четырех землях Новгорода-округи, при этом мы видим, что в Эзель-Викском епископстве не только различали *Ватландию*, Ингрию и Карелию (хотя опять же мы не знаем, где, по их мнению, они находились), но и выделяли в качестве особой области *Nouve*. Почти все новгородские земли здесь названы так же, как и в папских буллах XIII–XIV вв. Однако же особенность данного отрывка послания состоит в том, что в нем использован этот топоним *Nouve*, который как раз отсутствует в папских буллах. Под ним, видимо, следует понимать район бассейна р. Невы, в основном в дельте и нижнем течении реки [Рябинин 2001]. Возможно, что территория, названная *Nouve*, являлась особой областью для Эзельского епископства, коль скоро она выделена в послании. В древнерусских же летописях такой новгородской административной земли не зафиксировано, и летописцам это название известно не было.

Следует также обратить внимание на то, что во фрагменте послания епископа Эзель-Викского Генриха I, написанного на латыни, только форма *Watlande* имеет германское происхождение и словообразование с формантом *-land*, в отличие от остальных наименований северо-западных земель Новгорода-округи. Именно такая форма этого хоронима встречается в папских буллах, в которых все без исключения северо-западные земли, кроме Водской, перечисляются в формах, свойственных латинским наименованиям:

- 9 января 1230 г., две буллы Григория IX упсальскому архиепископу и линчепинскому епископу²: «*paganorum karelie*

---

²Эти две буллы можно отнести к источникам, где впервые в Ватикане заговорили о северо-западных землях Великого Новгорода.

Ingrie lippie *Watlandie*» [DS: 256]³; «crudelium paganorum carelie, ingrie, lappie & *watlandie*» [DS: 257]⁴.

- 3 августа 1255 г., булла Александра IV рижскому архиепископу: «cum pagani *Wathlandiae*, Ingriae et Careliae» [Bunge 1857: 55]⁵.

Следовательно, германская форма названия для Водской земли зафиксирована в латинских документах Ватикана гораздо раньше, чем собственно в ливонских, написанных на средне-нижненемецком языке⁶. При этом в ливонских документах XIV–XV вв. полностью отсутствует упоминание Ижорской земли, которая в XV в. играла такую же важную роль в экономической и политической жизни Великого Новгорода, как Водская и Корельская земли. Все страны — члены Ливонской конфедерации, вы-

---

³Påfv. Gregorius IX:s befallning till Ärke-Biskopen i Upsala och Biskopen i Linköping att hindra till försel af krigsförnödenheter till de Hedniske Careler, Ingrer, m. fl., hvilkas fortsatta anfall hotade Christendomen i närgränsande länder. 1230 d. 9 Jan.

⁴Påfv. Gregorius IX:s befallning till Ärke-Biskopen i Upsala och hans Lyd-Biskopar att, i följe af Konungens erinran om Påfv. Alexanders Bulla rörande hämmandet af hedniske Carelers, Ingrers, m. fl. härjningar på närboende Christna Svenskar, söka förmå Nationen mota dessa mer och mer öfver hand tagande våldsamheter. 1230 d. 9 Jan. В свое время эту буллу А. М. Шегрен ошибочно интерпретировал как буллу папы Александра III, жившего на 60–70 лет раньше папы Григория IX. Мы просмотрели все буллы Александра III: никаких посланий финским языческим племенам, обитавшим между р. Наровой и Белым морем, он не составлял. Эта ошибка, к сожалению, позже цитировалась в некоторых отечественных и зарубежных работах по истории, археологии и языкам прибалтийско-финских племен Северо-Запада России и порождала неверное знание о том, что будто бы первые римские упоминания о финском населении северо-западных земель Великого Новгорода относятся ко второй половине XII в.

⁵Pabst Alexander IV. gestattet dem Erzbischof Albert von Riga für Watland, Ingrien und Carelien einen besondern Bischof zu ernennen, den 3. August 1255.

⁶В любом случае, это германское название для Водской земли было унаследовано Римом не иначе как от самих немцев и показалось римским писцам, видимо, наиболее удачным и приемлемым. Например, для области проживания лопарей существовало средневековое название *Lapland*, также германское, но в папских буллах мы видим все же латинизированную форму *Lappiae*.

страивая отношения с северо-западными прибалтийско-финскими землями Новгородской республики в XV в., фактически обобщали их в форме *Watland*, что, конечно, никак нельзя соотносить с одной только древнерусской Водской землей⁷ [Дмитриев 2016]. О существовании Ижорской земли ливонцы не могли не знать (поскольку о ней уже писал Генрих Латвийский), но по каким-то причинам о ней умалчивали⁸.

---

⁷В позднее Средневековье существовало, по меньшей мере, три взгляда на то, что из себя представляла Водская земля Великого Новгорода не только как подчиненная административная земля, но и как стратегическая область: в Ватикане — «римская Ватландия», в Ливонии — «ливонская Ватландия» и также в Швеции — «шведская Ватландия». Так, в *Erikskrönikan* («Хроника Эрика») 1320-х гг. говорится, что шведы прошли «с огнем и мечом по Ижоре и [по] Водской земле и жгли и рубили всех...»: «...ok ridho tha mz här ok brand gönom inger ok *watland* ok brendo ok hioggo alt nider...» [ГЕК: 57]. Представляется целесообразным разграничить все эти три взгляда на административное устройство северо-западных земель Новгородской республики: картографирования этих областей не производилось в XV в. ни в Риме, ни в Ливонии, ни в Швеции.

⁸Крайне скудны и древнерусские письменные свидетельства об Ижорской земле. Здесь можно привести всего три примера этого хоронима в форме этнонима «ижора», которые нам удалось выявить в летописи: 1270/1271 (6778) г.: «вѣя вологѣть Новгородьская», к коей причислены «Пльсковичи, ладожане, Корѣла, Ижеря, Ёжане» [ПСРЛ НЛ: 62]; 1292/1293 (6800) г.: «вѣ то же лѣто приходиша бѣвѣя коевѣтъ вѣ олмии сочѣ, 40 нде на Корѣлу, 400 на Ижеру» [ПСРЛ НЛ: 65]; 1316/1317 (6824) г.: «вѣя вологѣть Новгородьская» — «Пльсковичи, ладожане, Рүшане, Корѣла, Ижеря, Ёжане» [ПСРЛ НЛ: 71]. Ижорская земля в форме хоронима упоминается в связи с одним (!) событием, описанным в житии Святого Благочестивого князя Александра Невского: старейшина Ижорской земли по имени Пелгусий была доверена морская стража устья Невы и побережья Балтийского моря. Нами обнаружены девять топонимических вариантов: *въ земли Ижерской, въ земли Ижерьской, земли [И]жерьския, земли Ижерской, земли Ижерски, в земли Ижерстей, въ земли Жжерской, во земли Жирьской, земли Жерской*. Правда, дата этого события варьируется от летописи к летописи. Так, в Новгородской четвертой летописи этот факт описывается под 1239/1240 (6748) г.: «бѣ нѣкто мужь, старѣйшина вѣ землн Ижерьской, именовѣ Пельгусий, поручена бѣ ему стража морьская» [ПСРЛ НЛ: 35]; в Воскресенской летописи — под 1240/1241 (6749) г.: «вѣ землн Ижерьской» [ПСРЛ ВЛ: 147]; в Лаврентьевской летописи — под 1263/1264 (6771) г.: «вѣ землн Жжерьской» [ПСРЛ ЛЛ: 205], а в Псковской второй летописи это событие идет вообще без даты: «к землн Ижерстѣи» [ПСРЛ ПЛ: 3].

С другой стороны, как следует из документов, общее количество обнаруженных упоминаний Ватландии весьма невелико, особенно в период новгородско-ливонской войны 1444–1448 гг., когда, казалось бы, нарвские чиновники и ревельский магистрат, докладывая друг другу о военной ситуации в это время по несколько раз в месяц, должны были бы постоянно упоминать положение дел в Ватландии как приграничной с Ливонией области и основном театре боевых действий: ведь тевтонские ландмейстеры надеялись на полное и окончательное завоевание Ватландии и планировали видеть ее не в роли доминиона, а как законную часть Ливонской конфедерации, наряду с епископскими кафедрами. Тем не менее, в период войны в документах очень мало говорится о Ватландии; фактически это всего два отрывка 1444 г. и один 1447 г.

О серьезных притязаниях Ливонии на Ватландию еще до новгородско-ливонской войны известно по документам конца XIV – начала XV вв. Так, в инструкции великого магистра Ливонского ордена посланнику венгерского короля от 8 августа 1397 г. безоговорочно утверждается, что земля между Великим Новгородом и Ливонией, называемая Ватландией (*Watland*), принадлежит ордену [Bunge 1859: 192]⁹, причем уже в апреле 1398 г. магистр ордена пишет ландмейстеру в Ливонии о том, что Ватландия (*Watland*) должна исправно платить налоги, и даже в большей мере, чем

---

⁹«Instruktion des Hochmeisters für den Gesandten an den König von Ungern, den Landcomthur von Oesterreich, betreffend die Liffländischen Händel». К слову сказать, у П. И. Кёппена этот же отрывок документа под тем же годом и с тем же указанием на то, что инструкция составлена магистром Тевтонского ордена и адресована венгерскому королю, имеет несколько иные формулировки. Ссылаясь на сочинение Х. Лерберга, П. И. Кёппен дает следующую цитату из документа: «Item das Reich der grossen Nawgarthen liegt hinter dem Plescow und Watland, die dem Orden zu Liefeland mit Rechte gehören mogen und sollen» [Кёппен 1851: 67]. Конкретно в этом отрывке говорится о том, что Ватландия «может и должна по праву принадлежать Ливонскому ордену», то есть утверждается всего лишь, что она может и должна, а выше говорится о том, что Ватландия уже принадлежит Ливонии.

нужно, и что в Ватландии должны быть обязательно найдены такие средства [Bunge 1859: 203]¹⁰.

Вопрос о платежеспособности местного населения Ватландии поднимался и после новгородско-ливонской войны 1443–1448 гг., за двенадцать лет до начала очередной военной кампании Ливонии против Московского государства¹¹. Например, в одном донесении Нарвы Ревелю от 16 октября 1466 г. говорится о том, что Питер Капертен со своим толмачом Якобом, находясь в Ниенслоте в Ватландии (*in Waetlande tom Nyenslate*) и переговорив с тамошними местными ниенслотцами (*Nyensloter*) о собранном урожае, высказал надежду на то, что они смогут дать «возможность ливонцам заработать денег» [Bunge 1910: 246]¹². Хотелось бы обратить внимание на использование в этом фрагменте названия «ниенслотцы» (это имя *Nyensloter* встречается во многих ливонских текстах применительно к жителям города-крепости Ям) как пример средневекового жантيله.

Далее из источников также узнаем (что подтверждается и теоретическими исследованиями), что в то время существовало несколько торговых путей из Ливонии в Новгород, и одним из основных был путь, лежащий через Ватландию¹³, хотя точное направление его неизвестно. В принципе, в распоряжении ливонцев было три пути — Водский¹⁴, Лужский и Псковский, причем, помимо них, они могли использовать Неву¹⁵, если по каким-то

---

¹⁰«Der Hochmeister schreibt an den Meister in Livland über die in den Frieden Witaut aufzunehmenden Bedingungen».

¹¹Имеется в виду русско-ливонская война 1480–1481 гг.

¹²«Narwa an Reval: die dem Peter Kapperten überwiesenen Güter könnten sie nicht ausliefern, da sie rechtmässig gepfändet seien, anderseits könnten sie auch nicht für in der Fremde erlittenen Schaden eintreten».

¹³А. И. Никитский пишет «через Вотскую землю».

¹⁴Водская дорога, или Водский путь — это трасса, которая может быть достаточно определенно идентифицирована с Ивангородской дорогой, причем, как показал А. А. Селин, само название «Водская дорога» в текстах XIV–XV века отсутствует; вместо него используется название *горный путь*, а с XVI в. появляется уже наименование «Ивангородская дорога» [Селин 2001].

¹⁵В текстах документов из собрания Ф. Г. Бунге содержится немало фрагментов, где говорится о Неве не только как о стратегически важном для ливонцев

причинам остальные возможности были затруднительны [Никитский 1893: 106–107]. Например, бюргермейстер Ревеля Герт Витте в 1400 г. сообщает, что торговое передвижение по Ватландии (*Watlande*) возможно только в зимнее время, особенно когда есть настоятельная необходимость перевезти тяжелый груз [Bunge 1859: 341]¹⁶. В другом же донесении (дерптского советника Ревелю) от 8 августа 1411 г. говорится, что немецкие купцы «прошли много дорог в ту и другую стороны» и что некоторые из них предпочитают ездить через Ватландию (*Waetlande*) для торговли с жителями Плесковии [Bunge 1859: 796]¹⁷.

Для Ливонии и ганзейских купцов центром Ватландии, можно сказать, ее «столицей», была крепость Ниенслот (*Nienslot*) — «Новый замок»; он часто упоминается в одной синтагме с Ватландией — *Nienslot im / in Watland*. Но вопрос о том, где находился этот Ниенслот, долго время оставался открытым, т. к. ученые не могли дать однозначного объяснения этому топониму. Исследователи не могли также найти упоминания в ливонских текстах и крепости Ям. Ученые полагали, что ливонцы должны были записывать это название транскрипцией (например, *Jam, Jama, Jamgorod*), и поскольку подобных примеров не нашли, то

гидрографическом объекте, но и торговом пути. Кстати, помимо многократного упоминания Невы, в ливонских текстах встречаем также топоним «Васильевский остров» в форме *Wassilighenholm*. На это впервые обратил внимание И. Э. Клейнберг [Клейнберг 1987]. В письме магистрата Нарвы властям Ревеля от 1426 г. говорится, что некто русский Сава (*Saba*) с Васильева острова (*Wassilighenholm*), проживающий на Неве (*in der Nu*), договорился с неким ливонцем Курдом Баренховетом о покупке у него соли и выплатил ему авансом два с половиной рубля, но этот ливонский купец, не поставив Саве требуемой соли, скрылся с деньгами из Нарвы. Об этом деле нарвские власти пишут магистрату Ревеля с просьбой задержать обманщика и отобрать у него похищенные деньги для возвращения их Саве, так как последний грозился в противном случае прибегнуть к самосуду [Bunge 1881: 385].

¹⁶«G. Witte, Bürgermeister zu Reval, theilt dem Revaler Rathe verschiedene Nachrichten über den Handel mit Russland mit».

¹⁷«Der Dorpat Rath theilt dem Revalschen das Resultat seiner Verhandlungen mit Nowgorod, wegen des Handelsweges nach Pleskau etc., mit».

сделали неверный вывод о молчании западных источников об этом городе.

В своих заключениях исследователи опирались на известный труд бельгийских ученых Потвэна и Ж. Гузо, издавших в 1878 г. записки фламандского путешественника XV в. Гильбера де Ланноа с приложением карты его маршрутов. По их определению, упоминаемый Гильбером русский город Ниенслот находился на берегу Чудского озера у истока реки Наровы [Oevres de Ghillebert... 1878: 31–38, 82]¹⁸.

Более того, известно, что в XV в. ливонским орденом был выстроен еще один «Новый замок» с аналогичным названием Нейшлос (*Neusloss*), но на левом берегу р. Наровы¹⁹. Возникло еще больше вопросов с локализацией Ниенслота. Результатом стало то, что один из авторитетных исследователей истории русско-немецкой торговли Л. Гётц поместил Ниенслот не на берегу Чудского озера и не на левом берегу р. Наровы, а на берегу реки Луги к юго-востоку от города Ямы, хотя и допускал предположение, что названия Ниенслот и Яма идентичны [Goetz 1916, Karte]²⁰.

О том, что под Ниенслотом скрывается на самом деле Ям, было написано в 1950-е гг. И. Э. Клейненбергом, М. Г. Копачевой и В. Н. Бернадским, которые установили это благодаря сравнению некоторых фрагментов древнерусских летописей с ливонскими

---

¹⁸К слову сказать, от Ж. Гузо такое положение Ниенслота заимствовали издатели разных томов сборников ливонских и ганзейских актов и грамот [Bunge 1896: 509; Bunge 1910: 500].

¹⁹Надо сказать, что в Ливонии насчитывалось несколько рыцарских укреплений, носивших название «Новый замок»; среди них Нейгаузен, например. Кстати, когда в 1492 г. русские построили на р. Нарове Иван-город, то ливонцы вначале называли его также «Новым замком»: «Nya slot, das neue slosz und stadt, novum castrum, dat Russche nige sloth» [Bunge 1853: 813]. Кроме того, необходимо учитывать и тот факт, что вначале сами немцы употребляли название «новый городок» для Ямы в нарицательном смысле, да и новгородцы с 1384 по 1390-е гг. называли крепость Ям «новым городом»: «Приходиша Нѣмци Свѣтя к новому городку к Яме...» [ПСРЛ НЛ: 387].

²⁰При этом оставалось немало исследователей, которые при цитировании средненижнемецких текстов переводили Ниенслот как «Новый городок», не разъясняя, где его локализация [Казакова 1954: 266; ГНВП: 122].

грамотами, которые повествуют о событиях 1439, 1444, 1447, 1448 гг. [Копачева 1953; Бернадский 1954; Клейненберг 1958].

Если для ливонцев «столицей» Ватландии был Ниенслот-Ям, то центром Водской земли, судя по новгородским летописям и грамотам, было Копорье, а не Ям; сначала «погост», а затем уже с XIII в. город, крепость, сохранявший при этом военно-административное значение. Интересно также заметить, что Копорье, изначально ливонская крепость и возникшая на более чем сто лет раньше Яма, не имело статуса центра Ватландии, возможно потому, что ни торгово-ремесленного, ни торгово-промышленного значения для Ливонии этот «город» не имел даже в конце XV в., в эпоху экономического развития русских городов, при этом находясь в сердце железодельного района [Насонов 1951].

Может быть, по этим причинам именно Ям стал для ливонцев центром Ватландии: с одной стороны, в силу более удобного, чем Копорье, расположения этого города относительно новгородско-ливонской границы, с другой стороны, из-за своего торгово-ремесленного (помимо еще военного) статуса: свыше 200 дворов на посаде и 23 ремесленных семейства в 21 дворе²¹ [Насонов 1951]. Ям был выстроен в 1384 г., и всего за несколько лет успел стать экономическим центром Новгорода-округи, однако т. к. эта крепость лежала в районе «чюдских погостов», то никак не могла быть для новгородцев административным центром Водской земли. Более того, следует также обратить внимание на то, что в действительности (как это было доказано в результате археологических раскопок) вода не проживала в Водской земле; местом ее расселения были погосты «в Чюди» [Конькова 2009] — как раз в тех местах, которые у ливонцев принято было называть Ватландией²².

---

²¹Ср. с Копорье, где к концу XV в. на посаде было всего 16 дворов, а внутри города — в основном дворы «воротников и сторожей городских».

²²Вспомним часто цитируемый в литературе факт, относящийся к 30-м годам XIII в., когда магистр Ливонского ордена рыцарь Вольквин во время строительства немцами крепости Копорья наложил дань на «русских ватов»: «*Item Ruthenorum castrum nomine Caporie construxit, Ruthenos Watenses faciens*

В качестве одного из подтверждений мы можем привести отрывок из одного ливонского текста. Так, в письме нарвского советника Ханса Бракеля от 10 апреля 1432 г., адресованном капитану ревельского флота Хансу ван дем Шеде, сказано о том, что необходимо было слугу господина Керстенса Юссу Шуттена «переодеть в ватские одежды (*Watschen klederen*) и с помощью добрых людей отправить его на корабле в Нарву» [Bunge 1884: 343]. Очевидно, что здесь речь идет именно об одежде вати, иначе было бы сказано про русские одежды. Более того, из прочтения всего документа становится ясно, что ливонцы готовили войну с Новгородом и строили диверсионный план отправки своих, выражаясь современным языком, разведчиков, в Ватландию, чтобы те, переодевшись в одежду местного населения, смогли достать какие-то ценные сведения и переправить их сначала в Нарву, а затем

---

cesuales» [ЛХГВ: 22]. Благодаря Герману Вартбергскому и его «Ливонской хронике» мы с уверенностью можем сказать, что уже в первой половине XIII в. ливонцы не считали население древнерусской Водской земли полностью прибалтийско-финским по своему происхождению; возможно, что в этом отрывке речь идет уже об обрусевшей вати, поскольку четко сказано — на «русских ватов». Более того, под «ватами» следует понимать, как нам кажется, не этноним, а катойконим, или жантале. Например, «москвич», «петербуржец», «россиянин» — это не представители русской нации; это, в первую очередь, социальная характеристика. Кроме того, словосочетание «русские ваты», употребленное Германом Вартбергским в форме *Ruthenos Watenses*, было бы полезно сравнить с древнерусским катойконимом «вожане»/«вожяне», который образован по аналогии с русским словом «парижане» по продуктивной словообразовательной модели: парижане — это ведь не только французы, хотя французы в том числе. Этот катойконим «вожане»/«вожяне» встречается под 1069/1070 (6577) г. [ПСРЛ СЛ: 143] — по-видимому, первое упоминание населения Водской земли, в том числе и вати; 1215/1216 (6723) г. [ПСРЛ НЛ: 33]; 1241/1242 (6749) г. [ПСРЛ НЛ: 53]; 1270/1271 (6778) г. [ПСРЛ НЛ: 62]; 1316/1317 (6824) г. [ПСРЛ НЛ: 71] и 1422/1423 (6930) г. [ПСРЛ ПЛ: 24]. Мы делаем здесь такой акцент потому, что авторы некоторых исторических и лингвистических работ, посвященных прибалтийско-финским народам Ленинградской области, склонны полагать, что первое упоминание вати как прибалтийско-финского народа относится к 1069/1070 (6577) г., хотя в тексте летописи указано «вожане», а не вать (кстати, и катойконим «ижеряне» следует рассматривать в этом же ключе).

в Ревель²³. Ясно также то, что те места Ватландии, в которых оказался «слуга»-разведчик, были населены представителями водского народа.

Об одном таком разведчике, в самом начале новгородско-ливонской войны 1443–1448 гг., сообщает ревельский командор от 17 января 1444 г. и пишет, что «мы направили в Ниенслот в Ватландии (*tom Nienslote wert in Wadtlände*) лазутчика, чтобы разузнать их²⁴ намерения» [Bunge 1896: 3]²⁵. Как следует далее из текста, эта новость вызвала переполох в Новгороде, поэтому «собрались все общины Новгорода со всеми их подчиненными, которые принадлежат новгородским господам». После собрания новгородцы решили «навестить своих ближайших соседей ватландцев и ниенслотцев (*Wadtlender und Niensloter*)»²⁶.

Интересно отметить то, как эти события далее интерпретирует ревельский командор. Он пишет, что, во-первых, отправившись в Ватландию, новгородцы «оказались в гостях» у «ватландцев и ниенслотцев»²⁷, во-вторых, после прибытия новгородцев в Ниенслот «были проведены большие собрания», где «осо-

---

²³В этом аспекте было бы полезно вспомнить о факте, на который ссылается П. Аристе, когда в том же 1432 г. шведские шпионы, прибывающие из Финляндии в Нарву, переодевались в одежду води, чтобы не отличаться от местных жителей [Ariste 1961: 543].

²⁴То есть русских.

²⁵«Komthur von Reval an Reval: meldet, dass Novgorod keinen Tag aufnehmen und sein ganzes Heer am 22. Januar zu Nienslot im Watlande eintreffen wolle».

²⁶Здесь снова мы можем наблюдать использование жантите «ниенслотцы» и катойконима «ватландцы», однако интересно, что автор выделяет ватландцев и ниенслотцев как две социальные группы местного населения, хотя понятно, что ниенслотцы были теми же ватландцами, т. к. крепость Ям была центром Ватландии.

²⁷Автор этого текста считает, что несмотря на административное подчинение северо-западных новгородских земель, Ватландия для новгородцев являлась тем местом, где они не могли чувствовать себя хозяевами — раз уж он пишет, что новгородцы оказались там в гостях. Однако было ли так на самом деле — мы не знаем, т. к. обратных доказательств по русским документам у нас нет. Возможно, что такое положение дел — это всего лишь субъективное видение ревельца и нежелание согласиться с тем, что Ватландия была для Новгорода «своей» землей.

бо важным было обсуждение вопроса по объединению земель и управлению нашего и твоего ордена»²⁸. Возможно, что новгородская власть подозревала и некоторых жителей Яма в сговоре с ливонцами, т. к. далее ревельский командор пишет, что «ваты (*Wadt, Waten*) выражают благодарность и ждут, когда мы пригласим их к себе в гости в ближайшие солнечные дни, когда мы сможем обсудить с ними намеченные планы»²⁹ [Bunge 1896: 3].

Из донесения магистра Ливонского ордена от 30 марта 1444 г. мы узнаем, что когда он предпринял поход в новгородские земли и когда войска подошли к Ватландии (*Watland*), то ливонцы увидели ее опустошенной, поскольку русские «покинули эту землю». Магистр сообщает, что по причине обильного таяния снега и образовавшегося водоразлива, а также из-за плохих дорог ливонцы не смогли дальше преследовать русские войска и были вынуждены «отбыть домой» [Bunge 1896: 23]³⁰.

---

²⁸То есть ревельский командор обращается здесь к магистру Ливонского ордена.

²⁹Известно, что немецкий этноним *Waten* нашел свой след и в русском языке в виде частично ассимилированного варианта «*баты*» для обозначения воды. Однако заметим, что таким названием в летописи в 1558 г. обозначили присягнувшую Московскому государству воть, которая на самом деле проживала не в «чюдских погостах», и не в Водской земле, а гораздо южнее — в Пригдовье. Это та самая южная, или пригдовская воть, которую в свое время выделили Х. А. Моора и А. Х. Моора, а за ними и другие ученые [Моора, Моора 1965; Шаскольский 1979; Рябинин 2001] как отдельную группу внутри западных прибалтийских финнов. Принято считать, что южная воть обрусела раньше других прибалтийских финнов, т. к. начиная с середины I тыс. н. э. в южно-водские территории проникло племя кривичей. Поэтому сегодня мы мало что знаем о «пригдовской» воти. Полноценные топонимические данные отсутствуют, а в письменных источниках о судьбах южно-водского племени никаких полных сведений не сохранилось, кроме указанного выше. Последнее документальное упоминание о южной воти зафиксировано К. И. Шлегелем в 1815 г. [Schlegel 1831].

³⁰«OM. Von Livland an Reval: dankt für sie geleistete Hülfe; die Russen seien durch das Watland abgezogen: er habe ihnen jedoch wegen der offenen Wasser und schlechten Wege nicht folgen können und sein Heer nach Hause entlassen; entbietet die drei Revalschen Bürgermeister auf April 3 oder 4 nach Alp in Jerwen, um mit ihnen Wichtiges zu verhandeln».

Далее Ватландия упоминается в ливонских тестах в связи с тринадцатидневной осадой Ниенслота в 1447 г., о чем сообщает великий магистр в своем донесении от 10 сентября, говоря о том, что орденцы «вторглись в Ватландию (*Watland*), жгли и разоряли ее, а также осаждали тринадцать дней Ниенслот, но теперь осаду сняли и вернулись домой»³¹ [Bunge 1896: 258]. К слову сказать, считается, что к 1445–1446 г. относится факт полона части водского населения по приказу ландмейстера Тевтонского ордена в Ливонии Генриха Винке фон Оверберга и переселения ее на территорию современной южной Латвии, чтобы участвовать в строительстве направленной против Литвы пограничной крепости Бауске, а также чтобы заселить в то время еще ненаселенную приграничную область.

Одно из последних упоминаний Ватландии в средневековых ливонских текстах относится, по-видимому, к 1480-м гг.³². После

---

³¹Событие, описанное великим магистром, коррелирует и с упоминанием об этом факте в древнерусских летописях. Так, под 1445/1446 (6953) г. в Новгородской четвертой летописи говорится: «Того же лѣта собравшесѧ Нѣмци, мечетєрє сѧ вѣликии съвоими кони, пришедшеє подѧ городѧ подѧ Ямѹ, бѣше и пушкани, и стояше 5 днѣи, и по Воцкой земли, и по Ижерѣ, и по Невѣ поплѣниша и пожгоша» [ПСРЛ НЛ: 123]. Следует отметить, что под этим же годом указано, что новгородские бояре посылают против ливонцев водских и ижорских бояр; ср. в Новгородской четвертой летописи: «И Новгородци послаша елниковѧ Лужскихъ, и Воцкихъ, и Ижерскихъ боярѧ напередѧ» [ПСРЛ НЛ: 123], Летописи Авраамки: «И Новгородци к нему послаша елниковѧ Лужькихъ, и Вочкихъ, и Ижерскихъ боярѧ напередѧ» [ПСРЛ ЛА: 185] и Новгородской летописи по списку П. П. Дубровского: «а новгородци послаша елникѧ люцики и воцких, ижерских бояр наперѧ» [ПСРЛ НЛД 180]. Примечательность этого фрагмента в том, что он — единственный из проанализированных нами летописных отрывков, где прилагательные «водский» и «ижорский» относятся к одушевленному существительному. Под водскими и ижорскими боярами, видимо, необходимо понимать местную знать из воды и ижоры.

³²То же самое, вероятно, можно сказать о самых поздних упоминаниях Водской земли и в древнерусских письменных памятниках в этот период времени. По меньшей мере, в трех договорных грамотах второй половины XV в. мы встречаем этот хороним перед закатом существования Новгородской республики, а значит, и северо-западных прибалтийско-финских земель — Водской и Ижорской — в ее составе. В 1456 г. в «Договорной (дополнительной) грамо-

присоединения Новгорода к Москве и появления первых писцовых книг конца XV – начала XVI вв., описывающих пятины, хоронимы *Watland* и «Водская земля» практически исчезают со страниц летописных хроник — и ливонских, и древнерусских³³. Примечательно, что единственная, по крайней мере, известная нам, фиксация хоронима *Watland* в XVI в. присутствует на знаменитой карте фламандского картографа Герарда Меркатора *Russia cum confinijis* («Россия с сопредельными»). Карта была издана 1595 г. Вся территория от р. Нарова до Орешка у картографа подписана как *Wadland*. Г. Меркатор был хорошо осведомлен о существовании Ватландии, поэтому решил нанести ее на свою карту, и это, очевидно, последнее историческое свидетельство о не существовавшей уже Ватландии.

Путешествия иностранных дипломатов в Московское государство в XVI в. также оставили нам мало примечательного касательно упоминания Водской земли. Например, С. Герберштейн в *Rerum Moscoviticarum Commentarii* говорит о существовании некой *Vuotzka regio* [Herberstein 2007: 255]³⁴, А. Гваньини в *Omniun regionum Moscoviae descriptio* — также о *Vodska regio* [Гваньини 1997: 36] — хотя, заметим, такой административ-

---

те Новагорода съ Великими Князьями Василиемъ Васильевичемъ и Иоанномъ Васильевичемъ встречаем: «И въ Водцкую землю слати Княземъ Великимъ ежегодъ, по старинѣ» [ААЭ: 44]. Далее в 1470–1471 г. в «Договорной грамоте Новагорода съ Польскимъ Королемъ Казимиромъ IV» говорится: «...а въ Водцкой земль имати за профъзжей судъ, черезъ годъ, тридцать рубликъ; а въ Ладогѣ ти пятнадцать рубликъ, а съ Блжеры два рублия...» [ААЭ: 63]. В 1471 г. в «Двух договорных грамотах Новагорода съ Великими Князьями Иоанномъ Васильевичемъ и Иоанномъ Иоанновичемъ» также есть слова о Водской земле: «И въ Вочскую землю слати Княземъ Великимъ ежегодъ, по старинѣ» [ААЭ: 68].

³³Как известно, вместо них появляется название «Водская (в документах «Вотская», «Водцкая», «Вощкая») пятина», причем уже становятся известны границы этой административной единицы в составе Московского государства, благодаря описанным погостам с населенными пунктами.

³⁴С. Герберштейн локализовал эту территорию следующим образом: «Водская область, расположенная к северу-западу, отстоит от Новгорода на двадцать шесть или, самое большее, на тридцать миль, причем крепость Ивангород остается в левой стороне от нее».

ной единицы в составе Московского государства, как Водская область/земля, уже не существовало.

Все это говорит о том, что эти сведения были отражением исторического предания о Ватландии, т. к. начиная с XVII в. этот топоним стало вытеснять название *Ingermanland* — «Ингерманландия» и окончательно заменило его, начиная с XVIII в. — уже в петровское время, хотя старомосковское пятинное деление в России было отменено при Екатерине II. С 1780-х гг. исчезло и название «Водская пятина».

Литература

Бернадский В. Н. (1954) *Новгород и Новгородская земля в XV в.* Автореферат докт. дисс. Л.

Гадзяцкий С. С. (1940) Вотская и Ижорская земли Новгородского государства. *Исторические записки*, 6: 100–148.

Гваньини А. (1997) *Описание Московии*. Перевод с латинского. Вводная статья и комментарий Г. Г. Козловой. М.: Греко-Латинский кабинет.

Дмитриев А. В. (2015) Административно-территориальное деление Ингерманландии и смежных с нею территорий в 1583–1590 годы в контексте новых данных топонимики. *Scando-Slavica*, 61 (2): 180–206.

Дмитриев А. В. (2016) Ижора, Inkeri, Ingermanland: еще раз об историко-топонимических связях. *Linguistica Uralica*, LII, 3: 168–178.

Казакова Н. А. (1954) Из истории торговой политики Русского государства XV века. *Исторические записки*, 47: 259–290.

Кёппен П. И. (1851) Водь и Вотская пятина. *Журнал Министерства народного просвещения*, ч. LXX, май, отд. II, июнь: 41–67.

Клейненберг И. Э. (1958) О названии новгородского пригорода Ямы в западных источниках XV века. *Научные доклады высшей школы. Исторические науки*, 1: 12–16.

Клейненберг И. Э. (1987) Упоминание в ливонском документе 1426 г. Васильевского острова. *Вспомогательные исторические дисциплины*, XIX: 66–69.

Конькова О. И. (2001) Ингерманландская историко-культурная зона в свете данных гуманитарных наук. *Очерки исторической географии. Северо-Запад России. Славяне и финны*. СПб.: СПбГУ: 188–231.

Конькова О. И. (2009) *Водь. Очерки истории и культуры*. СПб.: МАЭ РАН.

Копачева М. Г. (1953) *Город Яма и Ямской уезд на рубеже XV–XVI вв.* Автореферат канд. дисс. Л.

Моора А. Х., Моора Х. А. (1965) Из этнической истории води и ижоры. *Из истории славяно-прибалтийско-финских отношений.* Таллин.

Насонов А. Н. (1951) *«Русская земля» и образование территории древнерусского государства.* М.: АН СССР.

Никитский А. И. (1893) *История экономического быта Великого Новгорода.* М.

Рябинин Е. А. (1986) Средневековая ижора: итоги и перспективы исследования. *Финно-угры и славяне (Проблемы историко-культурных контактов).* Сыктывкар: 27–40.

Рябинин Е. А. (2001) *Водская земля Великого Новгорода. Результаты археологических исследований 1971–1991 годов.* СПб.: Дмитрий Буланин.

Селин А. А. (2001) История расселения на территории Верхней Руси. *Очерки исторической географии. Северо-Запад России. Славяне и финны.* СПб.: СПбГУ: 72–85.

Шаскольский И. П. (1979) Проблемы этногенеза прибалтийско-финских племен юго-восточной Прибалтики в свете данных современной науки. *Финно-угры и славяне.* Докл. I сов.-финляндского симпозиума по вопросам археологии, 15–17 нояб. 1976 г. Л.: 41–48.

Ariste P. (1961) *Vadjalastest Narvas 1549. aastal. Keel ja kirjandus,* 4 (9): 543.

Blumfeldt E. (1954) *Estonian-Russian Relations from the IX–XIII Century. Charisteria Iohanni Kopp. Octogenario Oblata, Stockholm (Eesti Usuteadlaste Selts Paguluses. Toimetised 7):* 200–222.

Bunge F. G. (1853a) *Liv-, Esth- und Curländisches Urkundenbuch nebst Regesten.* Vol. I, 1: 1093–1300, Reval.

Bunge F. G. (1853b) *Liv-, Esth- und Curländisches Urkundenbuch nebst Regesten.* Vol. I, 2: 1301–1367, Reval.

Bunge F. G. (1857) *Liv-, Esth- und Curländisches Urkundenbuch nebst Regesten.* Vol. I, 3: 1368–1393, Reval.

Bunge F. G. (1859) *Liv-, Esth- und Curländisches Urkundenbuch nebst Regesten.* Vol. I, 4: 1394–1413, Reval.

Bunge F. G. (1881) *Liv-, Esth- und Curländisches Urkundenbuch nebst Regesten.* Vol. I, 5: 1368–1393, Reval.

Bunge F. G. (1884) *Liv-, Esth- und Curländisches Urkundenbuch nebst Regesten.* Vol. I, 8: 1429–1435, Reval.

Bunge F. G. (1896) *Liv-, Esth- und Curländisches Urkundenbuch nebst Regesten.* Vol. I, 10: 1444–1449, Reval.

Bunge F. G. (1910) *Liv-, Esth- und Curländisches Urkundenbuch nebst Regesten*. Vol. I, 12: 1460–1472, Reval.

Décsy G. (1965) *Einführung in die finnische-ugrische Sprachwissenschaft*. Wiesbaden.

Goetz L. C. (1916) *Deutsch-russische Handelsverträge des Mittelalters*. Hamburg, Karte.

Herberstein S. von [1556] (2007). *Rerum Moscoviticarum commentarii*. Synoptische Edition der lateinischen und der deutschen Fassung letzter Hand, Basel 1556 und Wien 1557. Unter der Leitung von Frank Kampfer erstellt von Eva Maurer und Andreas Fulberth. Redigiert und herausgegeben von Hermann Beyer-Thoma. München. [http://www.dokumente.ios-regensburg.de/publikationen/Herberstein_gesamt.pdf].

Oevres de Ghillebert de Lannoy... (1878) Ed. par Potvin avec des notes géographiques et une carte par J. C. Houzeau. Luvain.

Manninen I. (1932) *Die finnisch-ugrischen Völker*. Leipzig.

Nirvi R. E. (1960) Die Stellung der ingrischen Dialekte. *Sitzungsberichte der Finnischen Akademie der Wissenschaften*: 133–165.

Nissilä V. (1961) Inkeri-nimen etymologioista. *Kalevalaseuran vuosikirja*, 41: 133–139.

Paulson I. (1962) Die Woten. *Baltische Hefte*, 8 1961/1962. Hannover: 95–105.

Schlegel Chr. J. (1831) *Reise von St. Petersburg nach dem Pleskowischen Gouvernement im Monat Julius 1815*. Meiningen.

Sjögren A.-J. (1833) Ueber die Finnische Bevölkerung des St. Petersburgischen Gouvernements und ueber die Ursprung des Namens Ingermannland. *Memoires de l'Academie Imperiale des Sciences de St-Petersbourg*. VI Serie. Sciences politiques, Histoire et Philologie. T. II. St. Petersburg.

Tallgren A. M. (1938) The Prehistory of Ingria. *Eurasia Septentrionalis Antiqua*, XII, Helsinki: 79–108.

Сокращения источников

ААЭ — *Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской Империи Археографическою Экспедициею Императорской Академии наук*. Т. I (1294–1598). СПб., 1836.

ГВНП — *Грамоты Великого Новгорода и Пскова*. М.; Л., 1949.

ЛХГВ — [*«Ливонская Хроника» Германа Вартберга*] Wartberge H. *Chronicon Livoniae* (h. a. g. von Ernst Strehlke). Leipzig: Verlag von S. Hirzel, 1863.

- ПСРЛ НЛ — *Полное собрание русских летописей*. Т. 3. IV. Новгородские летописи. СПб., 1841.
- ПСРЛ НЛД — *Полное собрание русских летописей*. Т. 43. Новгородская летопись по списку П. П. Дубровского. М., 2004.
- ПСРЛ ВЛ — *Полное собрание русских летописей*. Т. 7, VII. Летопись по Воскресенскому списку. Под ред. А. С. Норова. СПб., 1856.
- ПСРЛ ЛА — *Полное собрание русских летописей*. Т. 16. Летописный сборник, именуемый летописью Авраамки. Под ред. А. Ф. Бычкова и К. Н. Бестужева-Рюмина. СПб., 1889.
- ПСРЛ ЛЛ — *Полное собрание русских летописей*. Т. 1, I. II. Лаврентьевская и Троицкая летописи. СПб., 1846.
- ПСРЛ ПЛ — *Полное собрание русских летописей*. Т. 5, V. VI. Псковская и Софийская летописи. СПб., 1851.
- ПСРЛ СЛ — *Полное собрание русских летописей*. Т. 5, V. VI. Псковская и Софийская летописи. СПб., 1851.
- DS — *Diplomatarium Suecanum I (817–1285)*. Stockholm, 1829.
- ГЕК — *Svenska medeltidens rim-krönikor*. Första delen. Gamla eller Erikskrönikan, Stockholm, 1865.
- НЛС — *Heinrichs Livländische Chronik*. Zweite Auflage. Bearbeitet von Leonid Arbusow und Albert Bauer. Hannover, 1955.

WATLAND AND WATLANDERS (WATES) IN LIVONIAN SOURCES OF 14th–15th CENTURIES

Alexander Dmitrijev

Saint Petersburg State
Polytechnical University,
St. Petersburg, Russia
E-mail: avd84@list.ru

Citation: Dmitrijev A. (2018) *Vatlandiya i vatlandtsy (vaty) v livonskikh istochnikakh XIV–XV vv.* [Watland and Watlanders (Wates) in Livonian sources of 14th–15th centuries]. *Severnorusskiye govory* [Northern Russian dialects], 17: 271–293. (in Russian)

Abstract. The article presents some sources that are given insufficient attention in the modern scientific literature. They relate to the economic and socio-political relations between *Watland* (and its inhabitants *Watlanders* and *Wates*) and their Livonian neighbours in the 14th–15th centuries. The purpose of the article is to study, read, and identify contextual references to *Watland* and *Watlanders/Wates* in these sources. The question of what exactly should be understood by *Watlanders*, who are *Niensloters* and how we should interpret these medieval gentile in the context of that time is also being investigated. Attention is drawn to the fact that in the Livonian texts under study there are no references to Ingria, which speaks of the particular political, social and economic significance of *Watland* (and not Ingria) for Livonia. In addition, the article raises the question of the very status of *Watland* in the 14th–15th centuries: being an integral part of the Novgorod Republic, this region was considered by Livonia as its integral part. No less significant for discussion is the problem of mixing the two concepts — *Watland* (in Livonia) and *Vodskaya land* (in Novgorod).

Keywords: *Watland*, *Watlanders*, Votic land, Ingermanland, katoykonym, gentil.

References

Bernadskiy V.N. (1954) *Novgorod i Novgorodskaya zemlya v 15 v.* Avtoreferat dokt. diss. [Novgorod and Novgorod Land in the 15th Century. Thesis Summary for Doctor Degree]. Leningrad. (in Russian)

Gadzyatskiy S. (1940) Votskaya i Izhorskaya zemli Novgorodskogo gosudarstva [Votic and Izhorian Lands of the Novgorod Republic]. *Istoricheskiye zapiski* [Historic Records], 6: 100–148. (in Russian)

Gvanjini A. (1997) *Opisaniye Moskovii*. Perevod s latinskogo. Vvodnaya statya i kommentarii G. G. Kozlovoy [The Description of Moscovia. Translation from Latin. Introduction and comments by G. G. Kozlova]. Moscow: GLK. (in Russian)

Dmitriyev A. V. (2015) Administrativno-territorial'noye deleniye Ingermanlandii i smezhnykh s neyu territoriy v 1583–1590 gody v kontekste novykh dannykh toponimiki [Administrative-territorial division of Ingria and its adjacent areas in 1583–1590 in the light of new toponymic evidence]. *Scando-Slavica* [Scando-Slavica], 61/2: 180–206. (in Russian)

Dmitriyev A. V. (2016) Izhora, Inkeri, Ingermanland: yeshche raz ob istoriko-toponimicheskikh svyazyakh [Izhora, inkeri, ingermanland: revisiting historic and toponymic correlations]. *Linguistica Uralica* [Linguistica Uralica], LII/3: 168–178. (in Russian)

Kazakova N. A. (1957) Iz istorii torgovoy politiki Russkogo gosudarstva XV veka [From the History of Trade Policy in the Russian State of the 15th Century]. *Istoricheskiye zapiski* [Historic Records], 47: 259–290. (in Russian)

Kyoppen P. I. (1851) Vod' i Votskaya pyatina [Votic People and Votic Fifth]. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya* [Journal of The Ministry of Public Education], LXX: 41–67. (in Russian)

Kleyenberga I. E. (1958) O nazvanii novgorodskogo prigoroda Yamy v zapadnykh istochnikakh XV veka [On the Name of the Novgorod Township Jama in the Western sources of the 15th Century]. *Nauchnyye doklady vysshey shkoly. Istoricheskiye nauki* [Scientific Reports of Higher School. Historic Sciences], 1: 12. (in Russian)

Kleyenberga I. E. (1987) Upominaniye v livonskom dokumente 1426 g. Vasil'yevskogo ostrova [On the Reference to *Vasil'yevsky Island* in a Livonic Document d. 1426]. *Vspomogatel'nyye istoricheskiye distsipliny* [Auxiliary Historic Disciplines], XIX: 66–69. (in Russian)

Konkova O. I. (2009) *Vod'. Ocherki istorii i kul'tury* [Votic People. Study on History and Culture]. St. Petersburg: MAE RAN. (in Russian)

Konkova O. I. (2001) Ingermanlandskaya istoriko-kul'turnaya zona v svete dannykh gumanitarnykh nauk [Ingermanland Historic Cultural Area in the Light of New Evidence of Humanitarian Sciences]. In: *Ocherki istoricheskoy geografii. Severo-Zapad Rossii. Slavyane i finny* [Studies on Historic Geography. North-West of Russia. Slavonics and Finns]. St. Petersburg: ISPU: 188–231. (in Russian)

Kopacheva M. G. (1953) *Gorod Yama i Yamskoy uyezd na rubezhe XV–XVI vv.* Avtoreferat dokt. diss. [Jama Town and Jama County at the turn of the 15–16th Centuries. Thesis Summary for Doctor Degree]. Leningrad. (in Russian)

Moora A. H., Moora H. A. (1965) Iz etnicheskoy istorii vodi i izhory [From the Ethnic History of Votes and Izhora]. In: *Iz istorii slavyano-pribaltiysko-finskikh otnosheniy* [From the History of Slavonic-Baltic-Finnish Relationships]. Tallinn: 63–90. (in Russian)

Nasonov A. N. (1951) «*Russkaya zemlya*» i obrazovaniye territorii drevnerusskogo gosudarstva [‘Russian Land’ and Formation of the Old Russian State]. Moscow: IAN SSSR. (in Russian)

Nikitskiy A. I. (1893) *Istoriya ekonomicheskogo byta Velikogo Novgoroda* [History of Economic Stay in the Great Novgorod]. Moscow. (in Russian)

Ryabinin E. A. (1986) Srednevekovaya izhora: itogi i perspektivy issledovaniya [Medieval History: Research Results and Perspectives]. In: *Finno-ugry i slavyane* [Finno-Ugric People and Slavonics]. Moscow: 27–40.

Ryabinin E. A. (2001) *Vodskaya zemlya Velikogo Novgoroda. Rezul'taty arkhologicheskikh issledovaniy 1971–1991 godov* [Votic Land of the Great Novgorod. Results of Archeological Research in 1971–1991]. St. Petersburg.

Selin A. A. (2001) Istoriya rasseleniya na territorii Verkhney Rusi [History of Resettlements in the Upper Rus]. In: *Ocherki istoricheskoy geografii. Severo-Zapad Rossii. Slavyane i finny* [Studies on Historic Geography. North-West of Russia. Slavonics and Finns]. St. Petersburg: ISPU: 72–85.

Shaskolsky I. P. (1979) Problemy etnogeneza pribaltiysko-finskikh plemen yugo-vostochnoy Pribaltiki v svete dannykh sovremennoy nauki [The Problems of Ethnogenesis of Baltic-Finnish Tribes in the South-Eastern Rus in the Light of Modern Science Evidence]. In: *Finno-ugry i slavyane. Dokl. I sov.-finlyandskogo simpoziuma po voprosam arkhologii, 15–17 noyab. 1976 g.* [Finno-Ugric People and Slavonics. Reports of the First Soviet-Finnish Symposium on the Archeology Issues. November 15–17, 1976]. Leningrad: 41–48.

ЛЕКСИКА ТРАДИЦИОННОЙ НАРОДНОЙ КУЛЬТУРЫ

ЧУВСТВЕННОЕ И РАЦИОНАЛЬНОЕ ПОЗНАНИЕ В ДИАЛЕКТНОЙ ЗВУКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА

Ганичева Светлана Алексеевна

Вологодский государственный университет,
Вологда, Россия
E-mail: sganicheva@mail.ru

Цитирование: Ганичева С. А. (2018) Чувственное и рациональное познание в диалектной звуковой картине мира. *Севернорусские говоры*, 17: 294–309.

Аннотация. В статье на материалах картотеки «Лексического атласа русских народных говоров» рассматриваются особенности звуковой картины мира, отраженной в диалектах. Неопределенность и расплывчатость границ акустических образов, составляющих звуковую картину мира, связаны со спецификой чувственного познания окружающей действительности при помощи слуха. Другие черты диалектной звуковой картины мира (избирательность, оценочность и существование у акустических образов определенного хронотопа) обусловлены существованием рациональной ступени познания.

Ключевые слова: диалектология, когнитивная лингвистика, русские говоры, диалектная языковая картина мира, звуковая картина мира.

Неотъемлемой частью окружающего нас мира является широкий круг разнообразных звучаний («звуковой пейзаж», по терминологии Т. В. Цивьян [Цивьян 1999: 149–150]). Человеческое

сознание структурирует и упорядочивает это нерасчлененное звуковое поле, выделяя из него отдельные звуки и соотнося их с определенными объектами [Цивьян 1999]. В результате в сознании формируется звуковая картина мира, являющаяся частью общего образа реальности.

Изучая отраженную в языке звуковую картину мира, исследователи, как правило, рассматривают ее структуру, средства вербализации, оценочное отношение человека к различным звукам ([Рузин 1993; Стефановская 2009] и др.), устанавливают особенности организации различных фрагментов звуковой картины мира и дают когнитивное истолкование этих особенностей ([Цивьян 1999; Курашкина 2007; Вершинина 2013; Вершинина, Шляхова 2014] и др.), выявляют языковые средства репрезентации различных звучаний ([Шляхова 2003; Рузин 1993] и др.); подробный обзор исследований, посвященных звуковой картине мира, см. в [Вершинина, Шляхова 2014]). Во всех случаях фокус внимания так или иначе сосредоточен на связи «звуковой картины мира с реальным миром, реальным звуковым окружением человека» [Вершинина, Шляхова 2014: 55].

В то же время звуковая картина мира, как и картина мира в целом, формируется в результате деятельности мысли человека, постигающего окружающий мир. Поэтому представляется, что существенным аспектом рассмотрения звуковой картины мира является вопрос о том, как в ее чертах отражаются особенности процесса познания действительности человеком.

В психологии и гносеологии традиционно выделяются две ступени человеческого познания: чувственная и рациональная. Данная статья посвящена рассмотрению того, как существование этих типов познания проявляется в звуковой картине мира, отраженной в русских говорах.

В центр внимания помещается одна из составляющих звуковой картины мира — представления носителей диалектов о звуках живой природы. Эти представления реконструируются на основе анализа семантики и контекстной сочетаемости глаголов, обозначающих голоса живых существ. Следует отметить, что

в региональной лексикографии слова данной лексико-семантической группы представлены весьма неполно в силу своего периферийного положения в системе языка. Поэтому, хотя глаголы звучания можно считать специализированным языковым средством обозначения звука, при изучении диалектной звуковой картины мира они рассматривались только в числе прочих средств ее вербализации.

Восполнить данный пробел позволяет картотека «Лексического атласа русских народных говоров» (ЛАРНГ) по разделу «Животный мир», явившаяся источником материала для данной работы. Хотя данные картотеки были собраны для лингвогеографических исследований, они представляют собой ценный материал и для когнитивных изысканий, на что обращает внимание, в частности, Т. И. Вендина [Вендина 2017]. Для нас особенно важен тот факт, что материалы ЛАРНГ собираются по ономаσιологическому принципу, поэтому картотека содержит целый спектр лексических средств, которыми в говорах может обозначаться процесс вокализации определенного живого существа. Работая над картами атласа, мы уже делали некоторые когнитивные наблюдения, касающиеся того, как представлены в звуковой картине мира носителей говоров вокализации отдельных живых существ (см., например, [Ганичева 2015; 2017]). Данная статья обобщает результаты этих наблюдений. О том, что наши материалы представляют рассматриваемую лексико-семантическую группу достаточно полно и на их основе можно делать определенные обобщения, свидетельствует сам перечень вопросов программы Атласа, ответы на которые были в нашем распоряжении. Это вопросы, посвященные языковым обозначениям звуков, издаваемых волком, медведем, лосем, грачом, жаворонком, журавлем, синицей, кукушкой, совой, соловьем, сорокой, тетеревом, гусем, курицей, петухом, уткой, лягушкой и сверчком.

Со спецификой чувственного познания окружающей действительности при помощи слуха связаны неопределенность и расплывчатость границ акустических образов, составляющих звуковую картину мира. С одной стороны, каждый номинатив-

ный ряд глаголов характеризуется особым, неповторимым набором лексем, своим соотношением глаголов с широкой и узкой семантикой. Это свидетельствует о том, что в человеческом сознании существуют акустические образы вокализаций определенных живых существ. Например, среди слов, обозначающих вокализации синицы, зафиксированы лексемы *дзѣнькать*, *звенѣть*, *зѣнькать*, *крича́ть*, *сѣнькать*, *петь*, *пѣнькать*, *пѣкать*, *пища́ть*, *свиста́ть*, *свистѣть*, *стрекота́ть*, *те́нькать*, *тре́нькать*, *цвѣнькать*, *цвѣ́кать*, *цвѣ́нькать*, *цвѣ́ркать*, *цви́ркать*, *цви́рнькать*, *чѣвкать*, *чивѣ́кать*, *чили́кать*, *чи́ркать*, *щебета́ть* и др. С другой стороны, номинативные ряды причудливо пересекаются друг с другом, некоторые глаголы широкой семантики используются в отношении целого ряда живых существ (например, глаголы *крича́ть*, *петь*, *пища́ть*, *свистѣть*, *чи́ркать* и др.). Это свидетельствует о том, что в человеческом сознании акустические образы сходных вокализаций пересекаются, сливаются, накладываются друг на друга, и возвращает нас к выводу о синкретичности акустических образов и неопределенности их границ.

Попутно можно отметить, что неопределенность семантических границ глаголов звучания создает значительную сложность в лексикографической практике при формулировании словарных дефиниций. Так, например, в «Словаре русского языка» под ред. А. П. Евгеньевой значение глаголов, обозначающих вокализации животных и птиц, определяется следующим образом: *чи́ркать* ‘издавать чириканье’, *чи́риканье* ‘пение некоторых птиц (воробья и др.)’; *щебета́ть* ‘издавать щебет’, *ще́бет* ‘пение некоторых птиц (ласточек, щеглов и др.)’; *выть* ‘издавать вой’, *вой* ‘протяжный стон, издаваемый собакой, волком и некоторыми другими животными’; *ла́ять* ‘издавать лай (о собаке, лисице и некоторых других животных)’ и т. п. Как видим, круг живых существ, к которым может относиться глагол, не имеет определенных границ, причем, как в случае с глаголами *чи́ркать* и *щебета́ть*, акустические особенности звуков в толковании не обозначены.

Составители диалектных словарей, напротив, часто стремятся перечислить всех живых существ, по отношению к которым

может использоваться глагол. При этом употребление глагола для обозначения вокализаций разных животных и птиц в одних словарях рассматривается в рамках одного значения, а в других — в рамках нескольких значений. Так, в «Словаре русских народных говоров» у глагола *л́аять* выделяются значения ‘выть (о волке)’ и ‘квакать (о лягушке)’ [СРНГ 16: 300]. Согласно «Ярославскому областному словарю», возможность использования этого глагола по отношению к разным живым существам является следствием разных оттенков значения ‘издавать характерные звуки (о животных): а) выть (о волке); б) квакать (о лягушке); в) блеять (об овце)’ [ЯОС 5: 122]. В любом случае очевидно, что подобное перечисление живых существ не обязательно является полным. В случае с диалектными значениями глагола *л́аять* о неполноте словарных материалов обоих словарей свидетельствует тот факт, что в ярославских говорах глагол *л́аять* может использоваться для обозначения звуков, издаваемых лисой (см. карту «Издавать громкие, характерные для лисы звуки» в Пробном выпуске ЛАРНГ) [ЛАРНГ: карта 14].

Не ставя в данном случае цели разрешить проблему лексикографического описания глаголов звучания, еще раз подчеркиваем, что само ее существование обусловлено спецификой чувственного познания мира звуков.

Другие черты звуковой картины мира обусловлены существованием рациональной ступени познания. Как нам представляется, наиболее яркими из них являются избирательность, оценочность и существование у акустических образов определенного хронотопа.

Избирательность звуковой картины мира проявляется в том, чьи голоса и с какой степенью детальности включаются в нее. Звуковую картину мира в основном составляют образы вокализаций тех живых существ, которые имеют значение в повседневной жизни человека и/или его хозяйственной деятельности (курица, гусь, тетерев, медведь, волк и др.), голоса которых имеют определенную эстетическую ценность и/или играют роль в приметах и поверьях (соловей, жаворонок, сорока, кукушка и др.).

Вокализации одних живых существ более значимы для человека, вокализации других — менее. Соответственно, голоса разных живых существ передаются в языке с неодинаковой степенью детальности (исследователи уже обращали внимание на этот факт, говоря о разной степени дифференциации отдельных участков семантического пространства «Звук» [Андреева 2008; Вершинина 2013]).

Каждое живое существо обладает разными типами вокализаций (сигналы опасности, призыва, брачные вокализации и др.). Как правило, большинство слов в рамках одного ряда обозначает один из видов звуков, издаваемых живым существом: вокализации самца лося в брачный период, переключки журавлей во время перелета, брачные вокализации самца кукушки, гоготание гуся, громкий резкий крик сорок и грачей, уханье совы, стрекотание сверчка, кваканье лягушек. Так, глаголы в картотеке ЛАРНГ (*курлы́кать, курлы́чить, глúкать, кúркать* и др.) соотносятся с переключкой журавлей в полете, что подтверждается контекстами: *Журавушки закурлыкали, на юг полетели; Вона журавли летят, курныкают; Как журавли в небе закурлыкают, так мне всё детство вспоминается; Журавли на юг полетели, слышишь, как курлыкают* [КЛАРНГ] и др. Видимо, это связано с тем, что журавли обитают вдали от человека, который обычно видит их только во время ежегодных перелетов. В природе же вокализации серого журавля значительно разнообразнее: призывный крик, ориентировочный крик (мягкое и негромкое «кrr...кrr...»), сигнал к взлету (короткое громкое «кру...кру...»), сигнал тревоги (громкое резкое «кrrrr...кrrrr...»), предупреждающий сигнал (трубное «круууу»), сигнал угрозы (глухое рычание) и др. [Ильичев, Флинт 1987: 276–277]. Однако в звуковой картине мира это не отражено.

Если же для практической деятельности человека почему-либо значимо разграничение вокализаций тех или иных живых существ, это находит отражение в звуковой картине мира и выражается в семантической дифференциации глаголов. В наших материалах она наиболее ярко представлена в словах, обознача-

ющих звуки, издаваемые курицей, тетеревом и медведем. Также дифференциация прослеживается среди обозначений голоса гуся и волков. Приведем несколько примеров.

Так, среди глаголов, употребляющихся по отношению к самке курицы, основную оппозицию составляют слова, обозначающие вокализации курицы при несении яйца, и слова, обозначающие вокализации курицы, которая высиживает яйца или ходит с цыплятами. В литературном языке эта оппозиция выражена словами *кудáхтать* и *квохтáть* (*клохтáть*). В говорах процесс вокализации во время несения яйца часто обозначается глаголом *кудáхтать* и однокоренными лексемами (*кудáктать*, *кутýкать*, *кудáкать*, *кудáчить*, *кутáкчить*, *кудкуда́кать* и др.), словами *коко́тáть* и *ро́ститься*: *Кура как яйцо снесет, кудахтает; Курица кокочет, скоро яйцо снесет; Ростится, когда яичком хвастает, положилаь когда* [КЛАРНГ] и т. д. Вокализации курицы в то время, когда она высиживает яйца и ходит с цыплятами, чаще обозначаются глаголами *кво́хтáть*, *кло́хтáть* и однокоренными словами (*кво́ктáть*, *кло́кать*, *клу́кать*, *квё́кать*, *кво́кать* и др.): *Курица-то, когда над цыплятами, всё клокчет, клокчет* [КЛАРНГ]. Дифференциация прослеживается в ряде высказываний: *Квохчут, када цыплят ведут, а так — кудахчут; Перед тем, как снестись, курица сокорит: «ко!», «ко!», «ко!».* *А когда снесётся, кудкудачет* [КЛАРНГ]. Однако нередко глаголы смешиваются и употребляются безотносительно к типу вокализации: *Квокчет, как яйцо снесет. Ходит, квокчет «кок-кок», цыплят водит* [КЛАРНГ]. Смешение в ряде случаев наблюдается в региональных словарях, о чем свидетельствует сопоставление толкований и иллюстраций в словарных статьях (*квохтáть* и *квоктáть* — ‘кудахтать’: *Када курица выводит цыплят, она квокчет, и када садится на яйца, тоже квокчет* [БТСДК: 214]).

Семантическая дифференциация представлена также в обозначениях вокализаций тетерева — промысловой птицы. Песня самца тетерева во время токования в основном состоит из булькающих, бормочущих звуков, однако в определенный момент птица чуфыкает — издает звук типа «чуфффы». Соответ-

ственно, это различие вокализаций попало в поле внимания человека, и в диалектах употребляются как глаголы, акустически сходные с *бормотать* (*болмотать*, *гурковать* и др.), так и слова типа *чуфбыркать* (*чувбыкать*, *чувбышкать* и др.).

Взрослый медведь имеет два основных типа вокализаций — ворчание (урчание) и рев. Для их обозначения используются глаголы *урчать*, *уркать*, *ворчать* (ворчание), а также глаголы *реветь*, *рычать*, *рыкать*, *рывать*, *мерявкать* (рев). Ср. *урчать* ‘производить негромкие, низкого тона звуки’ [МАС 4: 514], *урчать*, *уркать* ‘ворчать или бурчать, гудеть, клокотать, издавать глухой звук: ур-ур-ур’ [МАС 4: 1002]; *ворчать* ‘издавать негромкие низкие звуки, выражающие недовольство’ [МАС 1: 214]), *рычать* ‘издавать громкие, низкого тона, угрожающие звуки (о животном)’ [МАС 3: 747], *рыкать* ‘издавать дикий грозный рев, рычание’ [МАС 3: 745], *рывать* ‘издавать громкий, отрывистый, густой и низкий звук (о животных)’ [МАС 3: 748]. Во многих районах слова из обеих групп сосуществуют: *реветь*, *рывать*, *рычать* и *урчать* в Шуйском районе Ивановской области; *реветь* и *урчать* в Саткинском районе Челябинской области; *реветь*, *рывать* и *урчать* в Октябрьском районе республики Татарстан и др.

Приведенные примеры показывают, что звуковая картина мира, отраженная в языке, может включать разные акустические образы вокализаций одного и того же живого существа. В этом случае можно говорить об особой значимости для человека звуков, издаваемых этим существом.

С избирательностью звуковой картины мира тесно связана *оценочность*. То, насколько значимы для человека те или иные вокализации, проявляется в степени разнообразия глаголов внутри номинативного ряда, в соотношении слов широкой и узкой семантики. Так, например, среди обозначений голосов птиц наибольшим разнообразием отличаются слова, относящиеся к курице, соловью, жаворонку, сороке и синице: *высвистывать*, *заливать*, *заливаться*, *насвистывать*, *нащёлкивать*, *подсвистывать*, *прищёлкивать*, *разливаться*, *свистать*,

свистеть, свистувать, трелевать, трелить, трельчать, уливаться, щекать, щекотать, щелкотать, щёлкать и др. — о соловье; *жаворонить, заливать, заливаться, залиться, затвливать, затвликать, затвлильть, твлильть, трелить, трелькать, чирикать, чиркать, чиликать* и др. — о жаворонке; *дзилькать, зилькать, пенькать, пикальть, пилькать, пищать, попискивать, сенькать, силькать, тенькать, теренькать, тетенькать, тилькать, тренькать, цвенькать, цвйкальть, цвилькать, цвирйкальть, цвирилькать, цвиркать* и др. — о синице; *скорготать, сокотать, сорочить, стрекотать, стрекочить, строкать, строчить, трещать, чикакать, чикотать, чичйкальть, щекотать, щекотить, щектальть* и др. — о сороке. Вокализации этих птиц часто попадают в поле внимания сельского жителя. Курица — наиболее распространенная домашняя птица, синицы и сороки обитают в непосредственной близости от человеческого жилища, а пение соловья и жаворонка издавна высоко ценилось в культуре.

Особенно разнообразны номинативные ряды глаголов, обозначающих вокализации певчих птиц — соловья, жаворонка и синицы. В них преобладают глаголы широкой семантики, имеющие в качестве основных семы характера звука. В человеческом восприятии этих птиц на первый план выдвигается их красивый голос, поэтому более существенным становится обозначение самого процесса пения или его акустических характеристик, а не принадлежности звука определенной птице. Сложность песен, наличие в них переливов и трелей отражаются также в употреблении глаголов, имеющих метафорическую мотивацию (*заливаться, залиться* — о жаворонке, соловье), а также глаголов, относящихся к морфемно охарактеризованным способам глагольного действия (*высвистывать, насвистывать, нащёлкивать, подсвистывать, прищёлкивать* и др.).

Кроме того, оценочность звуковой картины мира проявляется и более явно через устойчивые оценочные характеристики вокализаций, отраженные в контекстах употребления глаголов. Такие оценки могут быть связаны со степенью громкости издаваем-

мых звуков, их пользой для человека, эмоциональной реакцией человека на звуки и т. д.

Покажем это на примере глаголов, обозначающих кваканье лягушек. Человек воспринимает кваканье как громкий звук, нередко даже чрезмерно громкий: *Лягуши по вечерам уж больно громко квакают; Лягушки-то к вечеру расквакались уж больно сильно; Вечером иду мимо пруда, дак будто сотни квакают, так громко; Лягушки к ночи громко квакают; По вечерам, когда тихо, слышно, как они квакают на всю улицу* [КЛАРНГ] и др. Кваканье воспринимается как шум, гул: *Весной аж гул идё: лягухи квакают; Вечером от пруда шум, это лягушки трещат* [КЛАРНГ]. Не случайно оно оценивается негативно: этот звук оглушает, мешает заснуть. Негативная оценка отражена в следующих контекстах: *Я шибко не люблю, когда лягуши квакают; Лягушки-то как расквакались — уши закладывает; Лягушки как начнут квакать — ночью уснуть не можешь; Утром жабы на болоте так квакают, что в ушах звенит; По весне от их кваканья спасу нет, всю ночь квакают; Как весна — всё, беги, а то оглохнешь: день и ночь квакают* [КЛАРНГ] и др.

Наконец, контексты отражают существование в человеческом сознании устойчивых связей акустических образов вокализаций живых существ с определенным хронотопом. Покажем это также на примере обозначений вокализаций лягушки.

В подавляющем большинстве случаев кваканье оказывается связано с болотом: *На болотах слышно, как квакают лягушки; В мае лягушки клокчут на болоте; Бурлить принялись на болоте — к дождю; Лягушки-то, они квакут в болоте: ква-ква; Так квакают на болоте, аж звон в ушах стоит* [КЛАРНГ] и др. Достаточно часто называется также пруд: *В пруду громко квакают лягухи; Вечером иду мимо пруда, дак будто сотни квакают, так громко; Только заслышу, как лягвы кикают — ни за что на пруд не пойду* [КЛАРНГ] и др. Реже в иллюстрациях упоминаются другие водные объекты: *река (Лягухи вона прыгают, в реке шкварчат; У нас на речке слышно, как лягушки квакают* [КЛАРНГ] и др.); *озеро (У озера весь вечер квакали лягушки; С озера доносилось ква-*

канье лягушек [КЛАРНГ] и др.); лужа (Около большой лужи воркочут жабухи; Лягушки квохчут в лужах [КЛАРНГ] и др.); канава (Лягушка так квакает. Весной, бывало, лед выходит, они все квакают в канавах [КЛАРНГ]); канал (Лягухи на канале расквокались [КЛАРНГ]). Упоминания иных пространственных объектов единичны: **В траве** квакают лягушки [КЛАРНГ]; Лягушка вон в подпол попала, всю ночь квакала и некоторые другие.

Время, с которым в сознании говорящих связано кваканье, также определено достаточно четко. Чаще всего в контекстах упоминается вечер, а также ночь: Лягуши **по вечерам** уж больно громко квакают; У озера **весь вечер** квакали лягушки; Особенно **по вечерам** как расквокаются лягушки!; **Як солнышко спрячется**, квакушки зачнуть квакать. Мне не нравится, я их боюсь; Лягушки квакают, спасу прям нет, особенно **когда стемнеет**; Лягушки **ночью** громко квакают; Лягушки как начнут квакать — **ночью** уснуть не можешь [КЛАРНГ] и др.

Во многих контекстах упоминается также время года — весна или, реже, лето: Лягушка так квакает. **Весной**, бывало, лёд выходит, они всё квакают в канавах; Урчат лягушки больше **весной**, в время нороса; **В мае** лягушки клокчут на болоте; **Весной** квакуши на болотах отчаянно квакают, да и **летом** тоже; Лягушка воркует, когда **весна** приходит [КЛАРНГ] и др. Прочие временные маркеры встретились в отдельных контекстах: **Все время** квакают на болотах; Лягушки **спозаранку** здорово квакают [КЛАРНГ] и некоторые другие.

Как показывает анализ материалов из КЛАРНГ, устойчивые пространственно-временные представления связаны и с вокализациями других живых существ.

Таким образом, в звуковой картине мира, отраженной в говорах, есть черты, обусловленные существованием двух ступеней человеческого познания: чувственной и рациональной. Со спецификой чувственного познания звуковой составляющей окружающего мира связана неопределенность, расплывчатость акустических образов в звуковой картине мира. Избирательность и оценочность, проявляющиеся в звуковой картине мира, а также су-

ществование у акустических образов определенного хронотопа обусловлены процессами рационального познания.

Литература

Андреева Е. П. (2008) Фонетически мотивированные слова в вологодских говорах (на материале лексики природы). *Говоры Вологодского края: аспекты изучения*. Вологда: Легия: 46–59.

Вендина Т. И. (2017) Русская природа в диалектном слове (по материалам «Лексического атласа русских народных говоров»). *Славянский альманах*, 1–2: 316–331.

Вершинина М. Г. (2013) Диалектная звуковая картина мира: фононосфера (на материале пермских говоров). *Филологические науки. Вопросы теории и практики*: 11 (2): 58–60.

Вершинина М. Г. (2013) *Экспликация фоносферы в русской фоносемантической звуковой картине мира*. Дис. ... канд. филол. наук. Пермь.

Вершинина М. Г., Шляхова С. С. (2014) Звуковая диалектная картина мира: к постановке проблемы. *Общетеоретические и типологические проблемы языкознания*. Бийск: Алтайский государственный гуманитарно-педагогический университет имени В. М. Шукшина: 51–57.

Ганичева С. А. (2017) Диалектные глаголы как средство вербализации представлений о голосах птиц. *Славянский альманах*, 1–2: 332–343.

Ганичева С. А. (2015) Когнитивная интерпретация семантики и контекстов употребления глаголов, обозначающих в русских говорах звуки, издаваемые волком, медведем и лосем. *Вестник Череповецкого государственного университета*, 3: 49–52.

Курашкина Н. А. (2007) *Звукообозначения как репрезентация звукоосферы в языке: на материале английских, французских и русских антропо- и орнитофононов*. Дис. ... канд. филол. наук. Уфа.

Ильичев В. Д., Флинт В. Е. (ред.) (1987) *Птицы СССР: курообразные, журавлеобразные*. М.: Наука.

Резин И. Г. (1993) Природные звуки в семантике языка (Когнитивные стратегии именования). *Вопросы языкознания*, 6: 17–27.

Стефановская С. В. (2009) Звуковая картина мира. *Вестник Иркутского государственного лингвистического университета*, 7: 117–121.

Цивьян Т. В. (1999) Отражение звукового пейзажа в языке и в тексте (на материале русской загадки). В: *Мир звучащий и молчащий: семиотика звука и речи в традиционной культуре славян*. М.: Индрик: 149–179.

Шляхова С. С. (2003) *Тень смысла в звуке: введение в русскую фоносемантику: учеб. пособие*. Пермь: Перм. гос. пед. ун-т.

Сокращения источников

- БТСДК — *Большой толковый словарь донского казачества*. М.: ООО «Русские словари»; ООО «Издательство Астрель»; ООО «Издательство АСТ», 2003.
- КЛАРНГ — *Картотека «Лексического атласа русских народных говоров»*.
- ЛАРНГ — *Лексический атлас русских народных говоров: пробный выпуск*. СПб.: Наука, 2004.
- МАС — *Словарь современного русского литературного языка*. Под ред. А. П. Евгеньевой. Т. 1–4. М.: Русский язык, 1985–1988.
- СРНГ — *Словарь русских народных говоров*. Гл. ред. Ф. П. Филин, Ф. П. Сороколетов, С. А. Мызников. Вып. 1–50. М.; Л.; СПб.: Наука, 1965–2018. (Издание продолжается).
- ЯОС — *Ярославский областной словарь*. Ред. Г. Г. Мельниченко. Вып. 1–10. Ярославль: ЯГПИ им. К. Д. Ушинского, 1981–1991.

SENSORY AND RATIONAL KNOWLEDGE IN THE DIALECT SOUND PICTURE OF THE WORLD

Svetlana Ganicheva

Vologda State University,
Vologda, Russia
E-mail: sganicheva@mail.ru

Citation: Ganicheva S. (2018) Chuvstvennoye i ratsional'noye poznanie v dialektnoy zvukovoy kartine mira [Sensory and rational knowledge in the dialect sound picture of the world]. *Severnorusskiye govory* [Northern Russian dialects], 17: 294–309. (in Russian)

Abstract. The article is devoted to the dialect sound picture of the world. It's features are established on the basis of the sound verbs from the card-index of “Lexical Atlas of Russian Folk Dialects” (section “Animal World”).

The blurriness of the sound images that make up the sound picture of the world is determined by sensory cognition. On the one hand, each nominative series of verbs consists of a specific set of words and has a specific ratio of verbs of narrow and wide semantics. This indicates that in the human consciousness there are sound images of vocalizations of certain animal. On the other hand, nominative series intersect each other intricately, some verbs of broad semantics are used for a number of animals. This indicates that in the human consciousness, acoustic images of similar sounds overlaps.

Other features of the sound picture of the world (selectivity, appraisal and existence a certain place and time of sound images) are explained to the existence of a rational stage of cognition.

The selectivity of the sound picture of the world is manifested in whose voices and with what degree of detail are included in it. The sound image of the world mainly includes images of voices of animals that matter in the daily life of a person and/or his economic activities, whose voices have a certain aesthetic value and/or play a role in signs and beliefs.

The evaluation is closely connected with the selectivity of the sound picture of the world. The value of the animal voices for humans is manifested in the degree of diversity of the verbs within the nominative series, as well as in the ratio of words of broad and narrow semantics. In addition, the evaluation of the sound picture of the world is expressed more directly through the stable evaluation characteristics of vocalizations, reflected in the contexts of using verbs.

The contexts also reflects the existence in the human consciousness of stable connections of sound images of animal voices with a certain place and time. **Keywords:** dialectology, cognitive linguistics, Russian dialects, dialect language image of the world.

References

Andreyeva E. P. (2008) Foneticheski motivirovannyye slova v vologodskikh govorakh (na materiale leksiki prirody) [Phonetic motivated words in the Vologda dialects (on a material of lexicon of the nature)]. *Govory Vologodskogo kraja: Aspekty izucheniya* [Dialects of the Vologda region: aspects of studying]. Vologda: Legiya: 46–59. (in Russian)

Bolshoy tolkovyy slovar' donskogo kazachestva (2003) [Great explanatory dictionary of the Don Cossacks]. Moscow: Russkiye slovari; Astrel; AST. (in Russian)

Filin F. P., Sorokoletov F. P., Myznikov S. A. (eds.). (1965–2018) *Slovar' russkikh narodnykh govorov* [Dictionary of Russian folk dialects]. Vol. 1–50. Moscow; Leningrad; St. Petersburg: Nauka. (in Russian)

Ganicheva S. A. (2015) Kognitivnaya interpretatsiya semantiki i kontekstov upotrebleniya glagolov, oboznachayushhih v russkikh govorakh zvuki, izdavaemye volkom, medvedem i losem [Cognitive interpretation of semantics and contexts of the use of the verbs which mean the vocalizations of wolf, bear and elk in the Russian dialects]. *Vestnik Cherepoveckogo gosudarstvennogo universiteta* [Cherepovets State University Bulletin], 3: 49–52. (in Russian)

Ganicheva S. A. (2017) Dialektnyye glagoly kak sredstvo verbalizatsii predstavleniy o golosakh ptic [Dialect verbs as way of verbalizations ideas of birds' voices]. *Slavyanskiy al'manakh* [Slavic Almanac], 1–2: 332–343. (in Russian)

Kurashkina N. A. (2007) *Zvukooboznacheniya kak reprezentatsiya zvukosfery v yazyke (na materiale angliyskikh, francuzskikh i russkikh antropoi ornitofonov)*. *Diss. kand. fil. nauk* [Sound's designations as representation of the sound sphere at the language (on material of English, French and Russian anthropofons and ornitofons). PhD philol. sci. Diss.]. Ufa. (in Russian)

Leksicheskiy atlas russkikh narodnykh govorov: probnyy vypusk (2004) [Lexical atlas of Russian folk dialects: trial edition]. St. Petersburg: Nauka. (in Russian)

Melnichenko G. G. (ed.) (1981–1991) *Yaroslavskiy oblastnoy slovar'* [Yaroslavl Regional Dictionary]. Vol. 1–10. Yaroslavl: YAGPI im. K. D. Ushinskogo. (in Russian)

Ruzin I. G. (1993) Prirodnyye zvuki v semantike yazyka (kognitivnye strategii imenovaniya) [Natural sounds in language semantics (cognitive naming strategy)]. *Voprosy yazykoznavaniya* [Topics in the study of language], 6: 17–27. (in Russian)

Shlyakhova S. S. (2003) *Ten' smysla v zvuke: vvedeniye v russkuyu fonosemantiku* [The shade of meaning in sound: Introduction to Russian phonosemantics]. Perm: Permskiy gosudarstvennyy pedagogicheskiy universitet. (in Russian)

Stefanovskaya S. V. (2009) Zvukovaya kartina mira [Sound world mapping]. *Vestnik Irkutskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta* [Bulletin of the Irkutsk State Linguistic University], 7: 117–121. (in Russian)

Tsivyan T. V. (1999) Otrazheniye zvukovogo peizazha v yazyke i v tekste (na materiale russkoy zagadki) [Reflection of the sound landscape in the language and text (on the material of the Russian riddle)]. In: *Mir zvuchashchiy i molchashchiy: semiotika zvuka i rechi v traditsionnoy kul'ture slavyan* [World of sounds and silence: semiotics of sound and speech in the traditional culture of the Slavs]. Moscow: Indrik: 149–179. (in Russian)

Vendina T. I. (2017) Russkaya priroda v dialektnom slove (po materialam “Leksicheskogo atlasa russkih narodnyh govorov”) [Russian nature and the dialectal word (on the materials of “Lexical Atlas of Russian Dialects”)]. *Slavyanskiy al'manakh* [Slavic Almanac], 1–2: 316–331. (in Russian)

Vershinina M. G. (2013) Dialektnaya zvukovaya kartina mira: zoofonofera (na materiale permskikh govorov) [Dialectal sound picture of the world: zoophonosphere (by the material of permian dialects)]. *Filologicheskiye nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philological Sciences. Issues of Theory and Practice], 11–2: 58–60. (in Russian)

Vershinina M. G. (2013) *Ehksplikaciya fonosfery v russkoy fonosemanticheskoy zvukovoy kartine mira. Diss. kand. fil. Nauk* [Explication of the phonosphere in the Russian phonosemantic sound picture of the world. PhD philol. sci. Diss.]. Perm. (in Russian)

Vershinina M. G., Shlyakhova S. S. (2014) Zvukovaya dialektnaya kartina mira: k postanovke problemy [The sound dialect picture of the world: to the problem statement]. *Obshcheteoreticheskiye i tipologicheskiye problemy yazykoznavaniya* [General-theoretical and typological problems of linguistics]. Biysk: Altayskiy gosudarstvennyy gumanitarno-pedagogicheskiy universitet imeni V. M. Shukshina: 51–57. (in Russian)

Yevgenyeva A. P. (ed.) (1985–1988) *Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka* [Dictionary of modern Russian literary language]. Vol. 1–4. Moscow: Russkiy yazyk. (in Russian)

ВЕСЕННЕ-ЛЕТНИЙ НАРОДНО-ПРАВОСЛАВНЫЙ КАЛЕНДАРЬ РУССКОГО КРЕСТЬЯНСКОГО НАСЕЛЕНИЯ СЕВЕРО-ЗАПАДА РОССИИ. ЧАСТЬ I

*Ивашко Людмила Александровна,
Поцепня Дина Михайловна,
Лутовинова Ирина Сергеевна,
Тарасова Марина Алексеевна,
Трофимкина Ольга Ивановна,
Кукушкина Ирина Сергеевна*

Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург, Россия
E-mail: airinku@mail.ru

Цитирование: Ивашко Л. А., Поцепня Д. М., Лутовинова И. С., Тарасова М. А., Трофимкина О. И., Кукушкина И. С. (2018) Весенне-летний народно-православный календарь русского крестьянского населения Северо-Запада России. Часть I. *Севернорусские говоры*, 17: 310–332.

Аннотация. В очерке на материале русской диалектной речи сельских жителей Северо-Запада России представлено течение жизни крестьянина во времени. В хронологической последовательности описывается содержание некоторых дней весенне-летнего цикла.

Ключевые слова: этнография, диалект, Псковский областной словарь с историческими данными, церковный календарь, народный календарь, престольный праздник, почитаемый святой, обряд.

МАРТ–АПРЕЛЬ

ПАСХА

Самый главный день православного церковного года — день Светлого Воскресения Христова, Пасхи Господней. Православная

Пасха празднуется весной не ранее 22 марта и не позже 25 апреля по старому стилю. Начинается праздник обязательно в воскресенье. Точная дата устанавливается согласно лунному календарю на каждый год. Это один из самых главных христианских праздников, установленный в честь воскрешения Иисуса Христа. Праздник насчитывает много сотен лет.

Вот как об этом празднике (называемом *Пáсха, Пáска, Христóв день, Христóв денёк*) говорят русские крестьяне: *Пáсха ни ф числэ, ну знáчит, ни ф настáянный день, вот Ражэствó фсигдá двáцать пятава дикабрá, а Пáска в рáзна врéмя. Остр. [КПОС] Христóс васкрéс из мёртвых в Пáску. Дед. [КПОС] Пáсха — прáзник вяснаво́й, с яйчы́кам. Рáньшы Пáсху ажыда́ли, пригатавля́лись фсе. Вл. [КПОС] Ф Христóв день был крeсный ход. Порх. [КПОС] Пáсха — сáмый бальшо́й прáзньник, как жы Христóс васкрéс. Остр. [КПОС] Па учёнаму Пáсха, а старикí гаваря́т «Пáска». Беж. [КПОС] Пáска бывáет не ф числах, рáньшы фсю нидéлю прáзнавали. Сер. [КПОС] Пáсха в бальшо́м кругу́, э́та прáзник. Палк. [КПОС] Рáньшы Пáсху на нас у дярэвне прáзнавали три дня, и шы́ты́лась святáя нядэ́ля. Вл. [КПОС] Пáску прáзнавали ф цэркви, насíли плашшанíцу святую́. Пуст. [КПОС] Всéнашняя фсю ночь ф Пáсху, поп гаварíл на кнiги, насíли ф цэркафь кра́шыныи яйцы́, клáли их на íхнии патсвёшники. Н-Сок. [КПОС] Валачэбники, сабирáюцца жэ́ншыны у Пáску, парóть, хóдють на дварáм, им яйчки да́ють. Вл. [КПОС] Валы́ншышники пéли на Пáску, а им дарíли, ани саберу́цца дэ́сят бап и паю́т пад акно́м. Беж. [КПОС] На Пáску идуть валы́ншышники и игра́ють: «Идуть, брядуть валы́ншышники. Наш бáтюшка, хазя́юшка, пада́й яйц, пирага́ канéц, си гóстюшки ня чáстыи, адíн разóк, Христóф дянёк». Н-Сок. [КПОС] Приходи́ Пáскъ, ба́бы валы́нь пéли. Пуст. [КПОС] Ф Пáсху солнышка рáна у́трам так красíва игра́ет, рáзными кругáми, и жо́лтым, и зелéным. Локн. [КПОС] А ф Пáску со́нцэ при фсхóде игра́е. Пск. [КПОС] Валы́нить хадíли ф Пáсху: сабирáюцца жэ́ншыны, навалы́нют и да́дут [слушатели им] яйчы́чак. Себ. [КПОС] Из аднаво́ пéния пай-*

дѣш ф цѣркафь на Пáсху — тянет, даѣт дух, ѣта поднимáит как-то. Порх. [КПОС] Бывáло, на Пáску саберу́цца жэ́ншишыны и пою́ть, Христá слáвуют. Нев. [КПОС] Ксэнашиная фсю ночь ф Пáсху. Н-Сок. [КПОС] На Пáску идут с вéчера ф цѣркафь, да двинáццати служба, патом крэсный хот са свéчкам в руках, после тагда паю́т: «Христос вáскрэсе». Печ. [КПОС] Зажгут ф Пáсху плóшки на у́лицы, сьтёкла рáзныи. Н-Рж. [КПОС] Аблáдились ф цѣркву фси ка всяно́шной на Пáсху. Пск. [КПОС] Пѣрет Пáскай лампáтку кóла икóны навéсим íли на бажни́цу настáвим. Н-Сок. [КПОС] Рáньшы, как Пáсха, не хадíли на рáботу, фсю недѣлю гуля́ли. Печ. [КПОС] Пáска б́ыла, на Пáску хадíли на фсюно́шную. Локн. [КПОС] Ф цѣркафь на Пáску к нóчи нáда иттíи. Пушк. [КПОС] У Пáску к нóчы сабирáютца с гармóней. Дужб́и, малáдыи, чэловéк дэсятъ. И пля́шуют, и паю́ть в кáжной хате, пад акно́ пришо́фыи. Себ. [КПОС] Нóччу прийдúть и игрáют, христаслáвуют всё. На Пáску это. Вл. [КПОС] На пѣрв́ый дeнь Пáсхи, бáбы, хóдим — паём. Дáвнэй па-мнóга хадíли. И дáвали, и б́ыло, што дáвать. А щас пайдé — абсúдут. Скáжут — што? Прагаладáлися! Себ. [КПОС] Пáсху-та прáзнавали цэ́лую нядѣ́лю гудéли колоколá, ходíли мы по дярэвне, по фся́му прихóду, ну, тут и «Христос вáскрэсе» пою́т, и што нé было, такáя красотá. Гд. [КПОС] Недѣ́ля Пáска, сабирáлись, танцэвáли. Дн. [КПОС] Пíрят Пáскуй прихóдит смeртъ, как рисавáли рáньшы, табé памирáть нáда. «Хатъ Пáску дай пиряж́ыть». Пастая́ла и паишлá. Нэскалькa Пáсак пиряж́ыл, ни прихóдит [смeртъ]. Себ. [КПОС] Вот на Пáсху христослáвили у нас, хадíли. Пад акóшка. Нев. [КПОС] Пѣрв́ый дeнь Пáск Христá слáвят. Пуст. [КПОС] Бáтюшка ф Пáсху на дамáм хóдит, бáтюшка и дьячóк пою́т и прэздравля́ют хазя́иц с прáздникам. Гд. [КПОС] Ф Христóф дeнь вéчeрэм пойдúт распрóшишáютца, а ўтрóм стóсуюцца [христосуюцца]. Это обычáй всеобщeго целования. Прихóдя в гости или встречаясь с кем-нибудь, люди дарили друг другу красное яйцо и славили Иисуса Христа. Обычáй христосования, одаривания яйцами — отличительная черта русской Пáсхи. Яйцо — один из символов прáздника. На Пáску нóчью в чíстыи

чятвѣрх яйціки красіли. У Пасхе яйчки красные, мама сварить яйчик, покрасить и адорить всих. Пск. [КПОС] Ф Пасху на второй день яйца катали: собирались мужики, несли десяток — полтора десятка яиц и катают в лунке. Пен. [КСелигер] Катали [яйца] ни рибятіишки, молодѣи, котѳры жанаты, катали. Дѣньги ставили, и яйцѳ покатицца, завалит дяньгѳ и бярѣт, ѣтот вѣшграл. А такѳй латѳчик был в зямлѳ фсунутѳй, вот по ѣтакому латѳчку ганяѳют, згоняѳют яйцѳ с ѣтаково латѳчка, онѳ спѳститца и пабяжѳит, то дѣньги шишалкаѳт, то яйца шишалкаѳит. Вот так нашишалкаѳит, а патѳм уш кѳждѳй сибѣ. Гд. [КПОС] На Пасху ешиѳ яйцам бѳѳца. Пск. [КПОС] Играѳщие направляют по одному яйцу друг на друга. Побеждает тот, чѳе яйцо не разбилося. В Пасху качѣль дѣлали, зѳбаться там, качѳться. Медв. [КСРГК] Когдѳ Паска придѣт, кацѣѳѳце дѣфки. На кѳзлах мужькиѳ их зѳбаѳют, а онѳ пѣсни поѳют. Ф Пасху тѳлько кацѳѳли вѣшатъ; вѳски повѣсили на дѳску и сѣдеш кацѳѣся. [КПечОС] Бывѳла, дѣфки фсѳ Паску на качѣлях каталисѣ. Дед. [КПОС]

Пасха отличается от других праздников своим уникальным, не повторимым в другие праздники столом: крашеные яйца, кулич и пасха. Пасха бывает выпечная и творожная, а вместо кулича могут готовиться различные выпечные изделия.

ИЮНЬ

ДЕНЬ ВЛАДИМИРСКОЙ ИКОНЫ БОЖИЕЙ МАТЕРИ

23 июня / 6 июля

Церковный праздник посвящен иконе Божией Матери «Владимирская» и установлен в память свержения татарского ига при царе Иоанне III и избавления Москвы от нашествия хана Золотой орды Ахмата в 1480 году. По преданию, Владимирская икона Богородицы была написана апостолом-евангелистом Лукой при жизни Божией Матери. В начале XII в. список с этой иконы был послан из Константинополя патриархом Лукой Хрисовергом

в дар кн. Юрию Долгорукому, и два с половиной века она находилась во Владимире, а затем была перенесена в Москву.

Списки с Владимирской иконы Божией Матери широко распространены в народе: *Сивонья у нас на старинушки праздник, Владимирская*. Вл. Равонь [КПОС].

Во многих деревнях праздник этот являлся престольным: *А фчарась тут нидалёкь ат нас Владимирский праздник был*. Пск. Красные Пруды [КПОС]

ИВАН КУПАЛА

24 июня / 7 июля

Официальное название этого церковного праздника — Рождество честного славного Пророка, Предтечи и Крестителя Господня Иоанна. День святого Иоанна Предтечи православная церковь отмечает 24 июня по старому стилю, что соответствует 7 июля по современному календарю.

Иоанн родился в г. Хевроне в Нагорной Иудее. В юношеские годы вел суровую подвижническую жизнь, в пустынях недалеко от Хеврона, жил в пещерах, питаясь акридами и диким медом, готовясь к высокому призванию служить предтечей Мессии. Перед праздником очищения он явился на Иордане, проповедуя народу крещение во очищение грехов, которому должно предшествовать нравственное очищение. И здесь он крестил в Иордане Иисуса Христа. За обличения в беззаконии властителя Галилеи Ирода Антипы он был заключен в темницу. В день рождения Ирода на праздничном пире перед царем плясала дочь беззаконной сожительницы Ирода Иродиады Саломия. Ее танец так понравился Ироду, что он обещал исполнить любую просьбу Саломии. По наущению матери она попросила голову Иоанна Крестителя.

В народе этот день называют *Ив́ан, Ив́анка, Ив́аницина, Ив́анчик, Ив́анов день, Ив́ан день (Ив́ан-день), Ив́ан Куп́ала, Ив́анка Куп́аленка, Куп́альня, Куп́альный Ив́ан, Ив́ан Креститель, Ив́ан Цветно́й (Травный), Ив́ан Веничный, Ив́ан Предте́ча; Ив́анский кану́н, Ив́аньская ночь, Ив́анова неде́ля, Ив́анские дни*.

В этот день в деревнях был большой праздник. Наши информанты с Псковщины, Печоры, Селигера, Архангельской области рассказывают: *За́втра, в Ива́н день, го́рка бу́дет, фсе наря́нные, пёсны пою́т, на моги́лу хо́дят, на кла́дбишиэ. Усть-Цильма.* [КПечОС] *Ёздили Бо́гу мали́цца ф Пужго́ры. Ка́жний гот в э́тат день Ива́н.* Пушк. [ПОС] *В Ива́н Кристи́тел хад́или за свито́й вадб́и ф цэ́ркаф и кристы́ мэлам, или углём ста́вили на фсе́, што в до́ми есть.* Локн. [КПОС] *Ива́н день гледя́т в Усь-Ци́льмы, наря́доф там бо́льшиэ, вот и срежа́юцца они́, го́рку во́дят, на моги́лы хо́дят.* Усть-Цильма [КПечОС] *В Иванов день на ярмарку едут, везут товару, конфеты, семечки.* Ост. [КСелигер] *А на Ива́нов день тут нарё́ду!* Фир. [КСелигер]

С этим праздником связано и особое угощение — *солоду́ха: Саладу́ха* называ́лась кула́га, в ночь на Ива́на Купа́ла иё вари́ли, срастя́т ржы, штоб ана́ прараст́ила, пусти́ла рост, патом па́рют, ана́ саладе́ит тада́, сла́ткэй станóвицца. Зирно́ патом мэлю́т, хто муко́й па́рит, а хто зирня́там. Себ. [КПОС]

Одно из наименований праздника — *Ива́н Вёничный* — связано с обычаем заготовливать в этот день веники: *Ива́н придет́, так мо́жна вёники ломать́, Ива́н Вёнишний* называ́лся. Вл. [ПОС] *Вёники-то в Ива́нову неде́лю ломать́ на́да.* Арх. [КСРГК] *На Ива́на — вяжут веники, у меня навязано.* Ост. [КСелигер] *Ды Ива́на не на́да, гавари́ли, ре́зать вёники: э́тим вёникам па́ряцца бёсы.* Гд. [ПОС] *Ива́нафские вёники ре́зать на́да, са́мыя харо́шыя пол надмята́ть, па́рицца.* Пуст. [КПОС] *По́сли Ива́на вёники абжыга́ют у ба́йне.* Пуст. [КПОС]

Еще одно наименование праздника Ивана Купалы — *Ива́н Тра́вный* — связано с обычаем накануне или в этот день рвать лечебную траву для лечения домашних животных и людей: *Ива́наф день, с цвето́ф вёники, з балабо́лки, звирабо́я, каки́е на пути́ па́ряцца.* Палк. [КПОС] *Сяво́дня Ива́н Тра́внóй, грех стира́цца, накануне́ траву́ рвут.* Палк. [КПОС] *Ива́ньско́й тра́фкэй жыватину́ вылечи́вэли, бу́ттэ и ле́киэ ей.* Кр. [ПОС] *Дедо́вник — ко́лкая трава́, выка́пывали яво́ и кла́ли ва дво́р, где скати́на ста́ит, штоп каро́ва малако́ не переста́ла дава́ть.* Калдуно́ф

в *Ива́н* баялись. Оп. [КПОС] *Де́давик на Ива́н день* на́да ва дваре́ на а́кошычки класть, што́п калду́н апкало́лся. Палк. [КПОС] *Ста́вят пад две́рь, што́п не хаді́ли калдуны́, што́п апкало́лися.* Н-Рж. [КПОС] *Ни аді́н калду́н дядо́вник взять не мо́жэт, вот и фта́ркивают ф па́ро́к [на Иванов день].* Пушк. [КПОС] *Сабира́ют атка́с: вы́со́ка, цвита́ галу́биньким, све́тла-сире́нивым, мно́га сацве́тий. С ко́рним на́да капа́ть и на́ нач над две́рью фта́ркивали, где скати́на.* Беж. [КПОС] *Траву́ рвут на Ку́па́льню, Ива́н Ку́па́ла, све́тять её ў цэ́ркви, ку́рять пако́йника тра́ўкай свято́й.* Нев. [КПОС] *Про́ти Ива́на дни ката́ются по раси.* Ленингр. [КСРГК] *За травами хадили противу Ива́на [Купалы].* [СРГК] *На Ива́на Ку́па́ла сабира́ли траву́ Ива́н-и-Ма́рья, жо́лтеньким и си́неньким цвятка́м. Тако́й абря́д был: нано́сят но́чью траву́ в дом, пад ыко́ну, а па́то́м скату́ нясу́т.* Вл. [КПОС] *Ива́навец [иван-да-марья] с цэ́рквы ба́бушки заве́рнуть, как жы-ваті́нка забале́ить, им паку́рять — а́на́ и папра́вицца.* Тор. [КПОС] *На э́тат Ива́н, у каво́ каро́фка, ну́жна хаді́ть за Ива́н-и-Ма́рвей, налива́ли падо́йник вадо́й и кла́ли тра́фку на вирёх.* Беж. [КПОС] *Ива́н-да-Ма́рья — ива́нафская тра́фка, мо́ют в **Ыва́н** ўтра́м падо́йник, што́п ни закалдава́ли каро́фку. Накану́ни Ива́на сабира́ли.* Беж. [КПОС]

Еще одно поверье связано с этим днем: *Ива́новская роса́ са́мая полезная. Ива́н Предте́ча* всё лечит. По не́й надо ходить, ката́ться. Бат. [КСРГК]

В записях народной речи жителей Северо-Запада отмечают обычаи, приметы, наблюдения, связанные с этим праздником: *Личе́бные тра́вы на́да рвать да Ива́на, по́сли Ива́на а́ни ни-пале́зныи.* Пушк. [КПОС] *Ачиши́яюца в ваде́ на Ку́па́ла, по́сле Ку́па́ла нельзя́ в ре́чку. Я фся акаврэ́ла, ме́тками ста́ла.* Печ. [КПОС] *Бох апуска́я в ваду́ хало́дный ка́мень, и нельзя́ купа́ться.* Пыт. [КПОС] *В Ива́наф де́нь на́да со́лью пасы́пать, крато́ф ня бу́де, а то яны́ вздыма́ют гря́ды.* Пл. [КПОС] *Репа — наши се́верные яблоки. Надо посе́ять её в Ива́новский канун.* Канд. [КСРГК] *А репу пасодиши́ после Ива́нова дня — вы́тяниши́ таку́ ре́пину!* Ост. [КСелигер] *Ива́н-де́нь — волну́шный дождь и́дёт, волну́хи*

вырастут. Медв. [КСРГК] *Говорят, нет иванских дождей, не будет волнух да грибов.* Кондоп. [КСРГК] *Иванский дождь паў, так поди знай, будут ли волнухи, дождь в канцы дня Иванова.* Медв. [КСРГК]

Многолетние наблюдения за погодой, связанные с этим праздником, также отмечаются в записях народной речи: *Иванов день всегда с пагодкой был.* Ост. [КСелигер] *На Ивана абычна бальшыё грóзы бываюць.* Вл. [КПОС] *С Ивана дня птíцькнт немéют, не так уш цирíкают.* [КПечОС] *С Ивана, говорят, в решето убóдет комаров сто.* Шим. [КСРГК] *Круг Ивана дни слепёнища, слепней дак много.* Люб. [КСРГК] *Бывало, рожь кветёт на Иван-день.* Медв. [КСРГК] *С Иванова дни ночи прибавит.* [Разговорник Т. Ф., 1607].

В записях народной речи Псковской области, Низовой Печоры, Тверской области (озеро Селигер) отмечается и такая особенность этого праздника, как гадания, многие из которых сохранились еще с дохристианских времен: *На Ивана на пáпаратнику, чиртапалóху гада́им.* Остр. [КПОС] *В Иван день сидеть ф пáпгьси — жынихá увíдиш.* Печ. [КПОС] *На Ивана вянкí пуска́ли по вады́ и патпíсывали листóвочки, íмя пáрна.* Пуст. [КПОС] *На Ивана ишиó гада́ить на крясны́ хадíли: лягем на зéмлю, с како́й стараны́ жанíх приéдет.* Н-Сок. [КПОС] *Под Иванов день гада́ли, сеяли ячмéнь, росу́ — води́чка на травí — навзимáеш под пáзуху.* Прион. [КСРГК] *На Ивана-Крестителя тащили подорожник. Сказать «напучик-ликапучик, за кого мне замуж выйти» — загадка это; загадывали и предсказывалось.* Дем. [Селигер] *Цвятно́й Иван, цвяты́ сабира́ют, гада́ют на цвятáх.* Беж. [КПОС] *Ско́ра прáзьник будит — Иван Цвятно́й, бажáнки принóсят, ко́ли ня расцвятéт — памрéш. Фта́ркивают бажáнки ф слягу́, ско́льки чилавéк, сто́льки бажáнак, расцвятé — жыть будиш.* Остр. [КПОС] *Бага́чки — цветы́ на Ивана Купáлу; зага́дываюць, бага́та ли бу́дет жызьнь.* Н-Рж. [КПОС] *Бауáчки, травá, на Иван зага́дываюць: ёсли харóша будя жызьнь, распúстяца.* Пушк. [КПОС] *Зага́тку [богатку] под Ивана рвуть, катóрая ни распустíлась, и кладу́ть на́ нач кудá-нибу́ть, ёсли*

распустица, то жалание исполница. Вл. [КПОС] Бауатки, к **Ивану** торкают, загадывают. Катобрая лутши расцвятё, таму жизнь лутши будит; катобрая пярэжы исбыница, тот раньшы умрёт. Порх. [КПОС] Цветочки рвали, если расцветёт, будем жить, на **Иванов день**. Ост. [КСелигер].

Еще один обычай — возжигание костров и мазилок (пропитанных соляжкой, дегтем, смолой тряпок или жестяных банок с горючей жидкостью на палке, которая используется как факел): На **Иванов день** на агнишише хадили, пели, танцэвали, прыгали черис кастры, в лесу гуляли. Печ. [КПОС] На **Ивана Купала** фси идут на агнишише, эта бочка бальшая са смалой гарит и дробы. Печ. [КПОС] На **Иванов день** мазилки зажыгаю, прэжни зажыгали смалыны, тряпак наверти. Гд. [КПОС] Будут мазилки брасать — тинитинину привяжут к палки, абмажут смалой и брасают в вурех. Печ. [КПОС] А малыцы мазилки нясут: жыстяна банка на палки, а в ей салярка и тинитины, ну куски сети и тряпки какы. Печ. [КПОС] Устраивали также качание на качелях и хороводы: На **Иванов день** горка была, качелы качелись, тут стволы и тут, перекладина, верёвку зацэпят и качаюцца. [КПечос] В **Иван день** горосны пэсни пели да вожжы водили: за руки схватимся, да ходим, целовек по дваццать, по сорок поймаюцца и ходят по улице; вожжу сводим, а поём пэсни горосы. [КПечОС]

Существует поверье, что в Иванов день ночью, единственный раз в году, цветет папоротник, и тот, кто найдет этот цветок, будет богат и счастлив: Папарт — ён тока анну ноч тввятеть. Нев. [КПОС] На **Ивана Твятнога** ноччу папарыть тввятить. [ЛАРНГ, Нев.] Папарть цветёт в окурят [на Ивана Купалу], пойду укороулю, когда он, папорт, зацветёт. Ляд. [КПОС] Папоротник растёт, искали в **Иванов день** евошний цвет. Фир. [КСелигер] Ночью можна сарватъ цветочык, ни кажная папаратъ цвитё. Ляд. [ПОС] Сарвёш папърник ны **Иванов день**, и станыши счаслиф. Пск. [ПОС] Однако это занятие сопряжено с опасностью: В ночь, кагда папаратник цвятеть, черти сабираюцца на савешшание, што дальшэ делать. Нельзя караулить, кагда

папаратник цвятётъ. Беж. [КПОС] Вообще существует поверье, что в ночь на Ивана Купала собирается всякая нечисть и колдуньи стараются навредить людям: *На Твьятнога Ивана зыбираеца усякая нечисть. Тада и калдуньи па-ўсякаму дэлають.* [ЛАРНГ, Нев.] *В Ывнанв день* калдóфки ёздили на клюкí залóмы дэлатъ, салóму залáмывали; *кто сажнёт залóm, у тавó рúки балáют.* Остр. [КПОС] *Ф какóй там прáзник, в Иван, калдуньи хóдють.* Абризáють рош, *от такíи ба́бы, как от этая, змяяпадóбная.* Стр. [КПОС] *На Цвятно́й Иван* калдúють два́ццатъ читвёртвѣъ, *пережын дэлали.* *Брóтки ва ржыí нэтути, где прахóдит, а каласкí ат стябля́ фсе срэзаны.* *Ф челавэка, нэ йденъ, а каласкí жжат, каг дарóга чэриз рош.* Остр. [ПОС] *В Ыван, гаварíли, калдуньи карóф закликáють.* Беж. КПОС. *Рáньшы и малакó закликáли.* *Пóсле Ивана малака́ мэньшы карóва даёт.* *Каг бы ёй перехóдит.* Беж. [КПОС] *На Иван* есь такíе закликúхи, *катóрья мóгут атнáть малакó.* *Закли́кивають малакó.* Беж. [КПОС] *Да Ивана* усе *цветы́ сабирáлись, вализбница, заклáкúха варажы́ла: какí зберётъ калхúчих ша-лабáшын — кóлкие шту́ки кладётъ скатíне, штоб испóртить.* Пуст. [КПОС]

Крестьяне разными способами старались противостоять злым силам: *Пóяс плятúть в Иванский канún и на парók кладúть явó, штоп карóва перешла́ чэрис нявó.* *Эта штоп калдún не атабрáл малакó.* Оп. [КПОС] *На Иван* есь такíе закликúхи, *катóрые мóгут атнáть малакó.* *Када хóдять адгаваривать, дэлають вóду.* *Какóй-та стишóк чытáет пэрит ыкóнай [знахарка], и эта вадá стаíт пэред ней.* *Нада* *взять на ладóнь и ад галав́ы да хвастá правястíи на спинé карóвы три рас.* *И в́ымя тóжа папры́скать.* *Ышишó вадíчки этай влить ф пётли двирéй, где стаíт карóва.* *И нат сóлькай тáгжа шэпчут, и вадíчки дають, и сóльки дають.* *Нада на хлеп насы́пать и дать карóвы три рáза.* Беж. [КПОС] *Ста́вили нóжыки на óкна на Иван.* *Ёсли нóжыки пастáвиш, никакóе калдафствó ни вазьмёт.* Беж. [КПОС] *В этот день жгут костры́, нечисть пугáют, плятúт венкí.* *Пыт.* [ЛАРНГ] *Зажыгáли калясó или там салóмы куль на пóле, где рош запáхана, — вéдьму ганя́ли купáльскую.* Нев. [КПОС]

Заўтра будзе Купаленка, Іван Купала. Ходзяць каток жэч на поле, што калёса мажуть, да уаваряць: пашилí вёдму жэч. Нев. [КПОС]

Однако в ночь на Ивана Купалу не только боролись с нечистой силой, но и сами проказили. *В мою молодость праздновали Иванов день, молодёжь-то всё ходят костры [поленницы] валять. Ночью не уследишь — вот и свалят.* Кондоп. [КСРГК] *Если девки в доме были, так в Ивановску ночь парни костры рыли.* Кондоп. [КСРГК] *Уш как на Ивана-та Купалу чудили, óхти.* Порх. [КПОС] *Ночью в Иванов день кудэсничали, проказили: двери запирали, костры роняли.* [КСРГК]

Отголоски язычества в праздновании Ивана Купалы отмечаются и в древних региональных памятниках письменности, например, в Первой псковской летописи: «*Ўгда во придетъ гмын праздник Рожество Предотечево, тогда во святую ту ночь мало не весь град возмятеся, и в селех возебятца в бубны и в сопелн и гуденнемз струнным... ту же еть мужемз и отрокомз великое падение*» [Лет. I, л. 655об.-656. 1505 г.].

Но праздник праздником, а работа не ждет: *Рож абжынають на Ивана Купала.* Остр. [КПОС] *Каситъ выхóдят с Ыванава дня.* Гд. [КПОС] *Иванские дни — самый сенокос.* Стр. [КПОС] *Пакос ишшас, работы многа, ф чытыри как фстанииш, так да двинацати палиш и палиш.* Дед. [КПОС] Хотя в Осташковском районе Тверской области записано иное: *До Иванова дня надо косить сено, уже семена тогда сытятся.* Осташ. [КСелигер]

ПЁТР И ПАВЕЛ 29 июня / 12 июля

В церковном православном календаре этот день называется днем Славных и всехвальных первоверховных апостолов Петра и Павла. Церковь называет апостолов Петра и Павла первоверховными, так как они более других апостолов — учеников Иисуса Христа — потрудились в деле евангельской проповеди.

Апостола Петра (тогда простого рыбака Симона) и его брата Андрея (Первозванного) призвал к себе сам Иисус Христос.

Пётр стал ревностным проповедником учения Христа, за что был осуждён императором Нероном на распятие и распят на кресте вниз головой. Апостол Павел был вначале гонителем христиан мытарем Савлом, но после чудесного преобразования по дороге в Дамаск стал горячим приверженцем христианского учения, распространяя его среди язычников. Он тоже был казнен (усечен мечом) в один день с Петром.

В народе этот праздник называют по-разному: *Пётр, Петрѳв (Петрѳвий, Петрѳвин) день, Петрѳвка, Петрѳвицина, Пётра-Павел, Пáвел (Пáвля), Петра́к, Петро́.* Празднику предшествует пост (от Троицы до Петрова дня), называемый *Петрѳв (Петровский) пост, Петрѳвки, Петрѳво говéние: Пятрѳфский пост он мéжду Пятрѳм и Трѳицэй, пять нядéль он.* Дед. [КПОС] *А потом Петров пост, мясо и молоко есть не давали. Люди рыбу ели, лукову траву [перья зелёного лука] хлебали с квасом.* Подп. [КСРГК] *А ў Пятрѳўки тагда ужé кисялицу навáрють да ишиё гарѳху навáрють, пѳстная талакá будеть.* Вл. [КПОС] *К бáтюшки хадíли кáяцца ф Пятрѳф пост.* Печ. [КПОС] *Пятрѳвин день нядáвна был, да э́тава пѳсничали, а Пятрѳвин день разгавлялись.* Беж. [КПОС]

Апостолы Пётр и Павел очень почитались в народе, им посвящались церкви, монастыри. В псковской летописи под 1265 и 1272 гг. находим упоминания о таких церквях: «И помощию Святыя Тронца побѣди я [немцев] ү свячѳю (!) Пётра и Павла на бѣрѣзѣ». [Лет. II, л. 165об. 1265 г.] «Помощию святыя Тронца ү свячѳого Пётра и Павла на бѣрѣзѣ ўдарн на ннх [немцев]; и бысть сѣча зла». [Лет. III Стр. л. 9об. 1272 г.]

День памяти апостолов Петра и Павла (12 июля по новому стилю) повсеместно праздновался в селах Северо-Запада России. Во многих селах это был престольный праздник: *Ни аннѳ мы питрѳфски — весь бѣрек прáзнует Питрѳф день.* Гд. [КПОС] *Завѣтный прáзник Пятрѳф день, всегда его прáзновали.* Ост. [КСелигер] *Асѳбена рáньша был бальшой день Пятрѳф, сячáс э́ти гулянья атпада́ют.* Печ. [КПОС] *Как по-бывáлишнему, в Петрѳв день ходíли на гуля́ние.* Ост. [КСелигер] *Патѳм Пятрѳвий день;*

ра́ньша у нас ф Пыта́лыви сабира́лась бальш́ая ярмарка. Остр. [КПОС] На Петро́в день абряжа́лись де́фки и ма́льцы и шли на гуля́нку. Кун. [КПОС] Прие́деш к йим на Пятро́ушы́ну — яны́ уш ряву́ть, с песьняко́м, з гармо́шкой ўстреча́ють. Н-Сок. [КПОС] Праздники у нас были, Иванов и Петров день. На Петро́вишину ездили на лоша́дях в гости ходили. Волог. [КСРГК] На Петро́в день буй де́лают, фту́лку-то с колеса́, она́ в мазі́, хорошо́ за-горі́ца, её подни́мают на жерди́ну, она́ высо́ко горі́т, на Ива́нѣф день и на Петро́в день, бывало́, де́лали. Стр. [КПОС] Ра́ньшы хорошо́ Па́влу пра́знавали, ба́бы пиро́гоф напиќут, оче́нь лу́чышы бы́ли. Порх. [КПОС] Одним из праздничных развлечений было обливание друг друга водой: У Пятро́ўки ли́лся. Хазя́йку, бува́ла, бяза́тельна сва́лаку́ть у ла́щину, памóчу́ть усю́. [Песни Пск. земли, I: 117. Вл.]

С этим днем связаны и определенные обычаи: Ф Пятро́ф день дубы́ [ветки дуба] на́да насі́ть. Печ. [КПОС] Ламать ве́ники пе́рет Пятро́м на́да. Пушк. [ПОС] На Петро́в день ка́бушки пряду́т, ка́бушки из твора́га, в тесто ката́ют. Медв. [КСРГК] В Петро́в день поп поёт, ходит, и ка́бушек попу нада́вают. Медв. [КСРГК]

В этот день принято было одаривать пастухов, пасущих стадо: Сяво́ння Пятро́ф день, пастуха́м како́ры но́сят с харо́шай крёп-кай, ну, с начи́нкой. Пск. [КПОС] Ста́до пасту́х пас, ему за это дава́ли на Петро́в день петру́шину. Медв. [КСРГК] Ф Пятро́ф день пастуха́м сыры́ выно́ся ф поле. Оп. [КПОС]

Записи материалов для СРГК отражают и такой обычай: Петро́вщина — масло и сметана, в Петро́в день её несли свя-щеннику. Медв. [КСРГК] Батюшка сбирал петро́вщину — яйца да сметану. Чер. [КСРГК]

В Псковской летописи название праздника и предшествующе-го ему поста употребляется как указание на дату, время какого-н. важного события: «Того же лѣта князь литовский Витовтъ мирз разверже со псковичи, на Петровъ день». [Лет. I, 1426 г.] «И былъ у него [митрополита Киприана] владыка полочикни Феодосии, и приѣхалъ от него во Псковъ на Петрово заговѣние». [Лет. I,

л. 32об. 1395 г.] «Н Личва пришедше к Петрово говѣние, и пожгоша Плесков и отъидоша поплѣнникъ». [Лет. III, л. 10об., 1213 г.]

Во многих записях устной речи отражены наблюдения над природными явлениями, связанными с этим днем: *С Петрова дни они* [мошкара и слепни], *говорят, на обед улетают* [т. е. исчезают]. Пыт. [КСРГК] *Слепни улетят Петру и Павле на обед, остаются одни строцки* [мухи], *тоже куски*. Уст. [КСРГК] *После Петрова дня рѣдучи грязнушки* [оводы] *уйдут, меньше будет насекомых*. Лод. [КСРГК] *Петровка мокра — теперь Маковеевка будет мокра*. Онеж. [КСРГК] *После дня Петра и Павла день становится короче и продолжает убывать: Пётра-Павел день убавил, а Илья-прарок час увалок*. Нев. [КПОС] *Гаварят: Пётр и Павел день убавил*. Вл. [КПОС] *Пётр и Павел час убавил, а Илья-пророк два увалок*. Медв. [КСРГК] *А Пётр и Павел полдён убавил, а Илья-пророк совсем уволок*. Ост. [КСелигер]

Но праздник кончился, а работа не ждет: подступают жатва и сенокос: *Какое слѣтье — бывала к Пятру жалю*. Остр. [КПОС] *С Пятрова дни жатьё начинаицца*. Гд. [КПОС] *Раньше Пятров день одгустииш и чуть свет з граблями бижыш*. Порх. [КПОС] *Петров день спроводят и начинали косить*. Кирил. [КСРГК] *С Петрова дни до Ильи сенокос*. Тихв. [КСРГК] *Пятровка — время синакоса*. Себ. [КПОС] Именно поэтому приведенное выше наблюдение о сокращении дневного времени несколько видоизменяется, указывая на то, что работы прибавилось, а времени на отдых стало меньше: *Пётр-Павел аддоху убавил, Илья-прарок и вофсе увалок*. Холм. [КПОС].

ИЮЛЬ

Наступает июль — середина лета. В древности этот месяц называли червень. К июлю уже в основном заканчивается сенокос, начинается уборка хлебов. В Осташковском районе Тверской области сделаны следующие записи: *Слава богу, кончился сенокос. Начинается жнивó. Жнивó жнём в июле*. Ост. [КСелигер]

Успех сельскохозяйственных работ во многом зависит от погоды, и многолетние наблюдения позволяют крестьянам пред-

видеть изменения погоды. Это отражается в записях народной речи. В диалектной речи слово *погодда* имеет значение ‘непогода, ненастье’, а *погодливый* — ‘сулящий долгое ненастье’: *Если есть пузырьки, то погодливый дождь, к ненастью*. Ост. [КСелигер] *Погодливый* [дождь] — *это коли пузырьки на лужах*. Пен. [Селигер] *Погодливый дождь* — *не будет ведра*. Пен. [КСелигер]. *Погодливый дождь* — *неделю моросит*. Ост. [КСелигер]

КУЗЬМА И ДЕМЬЯН

1 / 14 июля

По православному церковному календарю это день память очень почитаемых в России святых братьев-бессеребренников. Они жили во второй половине III в. недалеко от Рима и лечили людей бескорыстно за веру Христову, почему и названы бессеребренниками. Были убиты из зависти лекарем-язычником.

К Кузьме и Демьяну обращаются с молитвой о здоровье, они считаются и покровителями скота. Поэтому день памяти Козьмы и Демьяна был заветным праздником у крестьян Северо-Запада: *Эта заветный праздник был, поскотины, скатина прападала, дали завет Кузьмы, Димьяну, прасили штоп их вбличиши, иму стали служить и скатина стала выдаравливать*. Порх. [ПОС] *Раньше заветали полям, скотам, молебствовали в полях, заветными праздники были*. Дем. [КСелигер] *В праздник крестный ход с херувимами, с пением, такая красота, просто живот радуется*. Ост. [КСелигер]

Этим святым посвящались церкви. В Псковской первой летописи читаем: «Заложены была три церкви камены: первая церковь камена святыи Кузьма и дмьянъ на Гремяцион горѣ, другая церковь святого отца Николы в Пысках». [Лет. I, л. 31, 1383 г.] В той же летописи под 1500 г. описывается пожар во Пскове: «А выгорѣло до Жирковикого вѣхода, и церковь святыи Кузьма и Демьян(. . .)» [Лет. I, л. 649об. 1500 г.]

В народе этот праздник называли также сокращённо *Кузьма* и *Кузьминанье*: *Была принясёнъ вады у нас ф Кузьму и до сих пор*

анá фсѣ была харóшая. Порх. [ПОС] *Пасля Кузьминáнья и кóсим.*
Гд. [ПОС]

КАЗАНСКАЯ

8 / 21 июля

Официальное название этого православного церковного праздника — Явление иконы Пресвятой Богородицы во граде Казани.

Казанская икона Божьей матери явилась в Казани в 1579 г. девятилетней девочке Матроне, дочери стрельца Даниила Онучика, который после страшного пожара вместе с другими погорельцами строил новый дом. Богородица трижды явилась девочке во сне и повелела достать ее икону, зарытую в земле, и указала место. Девочка с матерью откопали икону. Священник ближайшего храма св. Николая, будущий патриарх Московский Ермоген в сопровождении многолюдного крестного хода перенес икону в свой храм. Во время следования иконы в храм многие больные, особенно слепцы, получили исцеление.

Икона была перевезена из Казани в Москву князем Дмитрием Пожарским, когда он с ополчением освободил город от поляков 22 октября 1613 года. По обету он построил в Москве церковь в честь Казанской Божьей матери, где и находится с тех пор икона. Эта чудотворная икона пользуется большим почитанием у верующих. Ей молился М. И. Кутузов в 1812 году.

Эта икона (*Казáнская Бóжья мать, мáтерь*) есть во многих крестьянских домах: *У мяня икóн мно́га, ани́ фсе на бажни́цэ стая́ть: вот Бóжия Мать, вот Спаси́тель, вот Скарб́яиша мать, Никóла, а вот Казáнская Бóжья мать.* Печ. [КПОС] *А икóна большá, Казáнска Бóжйа мáтирь.* Дн. [КПОС]

В деревнях в этот день большой праздник, который называют обычно *Казáнская*, но также *Казáнская Бóжья мáтерь*, *Казáнская Богомáтерь*, *Казáнская Бóжья мáтушка*, *Казáница*, *Казáнка*: *Ф Цавлэ Казáнскую прáзнавали, в цэ́ркве.* Беж. [ПОС] *Казáнская, гуля́ли, с гармо́шкой хадíли, ф честь свята́ва, была́ икóна Казáнская, абы́чай старíнный, не рабóтаит никто́.* Беж.

[КПОС] *Казáнская* — ба́льшой пра́зник, тра́ву пасвишиа́ють, нарвúть фся́кую; атка́сник — ба́льшая, невысо́кая, зялёная, а цвет жо́лты. Пуст. [ПОС] Быва́ла ф *Казáнскую*, го́споди ду́ша, не дажда́цца *Казáнишины* и *Ива́нишины*. Жда́ли гасте́й быва́ла, са стало́ф смя́нять ни успива́ли. Беж. [КПОС] *Казáньска Бо́жья ма́тушка*, пра́здनावали то́же, к сваим ходи́ли, ели да пили, посты́ли. Медв. [КСРГК]

По многолетним наблюдениям, в этот день всегда были грозы, шел дождь. *Грозовой праздник — Казанская Богоматерь: всегда гроза в этот день.* Ост. [КСелигер] *Тихвинская, Казанская, Илья — это всё грóзные праздники.* Тороп. [КСелигер] *Грóзный [праздник] называ́ли Казáнская, ф Казáнскую фсе́ вре́мя гразá.* Беж. [КПОС] *Два́ццать пе́рвава ию́ля Казáнская Бо́жья Ма́тирь, гразá была́ ба́льшая ф тот день.* Беж. [КПОС] *На Казáнскую нажа́ла де́сять ба́бък, мо́лонья как даст — фси сажло́.* Пл. [КПОС] *Казáнка зафсегды́ гразавáя.* Оп. [КПОС] Причем дожди и грозы в Казанскую отмечаютя и на Псковщине, и на Селигере, и в Архангельской области, и в Карелии: *Она страшная, Казанская. Говорят, гроза бывает. Бывает совпадает — Казанская и такой шумный [грозовой] день.* Волог. [КСРГК] *За́фтра пра́зник, вот атчево́ гразли́вый день, за́фтра Казáнская.* Дед. [КПОС] *Сиво́днишний день гразаво́й, быва́ла ф Казáнскую фсе́ гразá.* Порх. [КПОС] *Мо́жэт нанести́ да грымну́ть: Казáнская Бо́жья ма́терь, ана́ грымучая.* Дед. [КПОС] Отсутствие грозы, дожда в этот день очень необычно, что также отмечается: *А завтра то праздник Казáнской бо́жьей матери, а так и не погромило, никакой тучки нету.* Плес. [КСРГК]

Пожар, вызванный грозой, огромное бедствие, поэтому в этот день обращались за помощью к Богородице, давали обеты: *Ра́ньшы гразá бы́ла, фсе́ бы́ла, и ста́ли в э́тат день ма́лить Казáнску.* Пыт. [КПОС] *Ф Казáнскую раз дяре́вня зга́ре́ла, а фта́ро́й рас рои на по́ле; завета́лись мо́лебен служи́ть и не рабо́татъ.* Беж. [КПОС]

К празднику Казанской Божьей матери сенокос в основном уже заканчивается и начинается жнивó. *А как жни́ва начнё́цца,*

с *Казанскѣй алы с Ыльѣ? А бываит, с Ыльѣ уш пажафшы.* Пл. [КПОС] А на севере, в Архангельской области, отмечается, что Казанская бывает в самый сенокос: *Казанска в самый сенокос.* Плес. [КСРГК] *Сенокос заводили у Казанской, либо 3 июля.* Онеж. [КСРГК]

МУЧЕНИКИ КИРИК И ИУЛИТА

15 / 28 июля

Этот праздник посвящен памяти живших в III–IV вв. христиан Кирика и его матери Иулиты, пострадавших в Тарсе от гонителя христиан игемона Александра. В их честь в Константинополе был построен монастырь, а в Иудее храм. Мощи их находятся в церкви св. Софии Цареградской.

В псковских говорах этот день называют *Кѣрик* и *Кѣрики*, а также *Кѣрики-Улитики*, *Кѣрик, мать его Улита*. *Кѣрик вот скора буди, как дажди прайдут, послѣ Кѣрика Илья буди.* Дед. [ПОС] *Послѣ Кѣрикаф чирис пять дней будя Илья.* Пушк. [ПОС] *Кѣрик, мать его Улита — этот праздник скоро сейчас будет.* [КСРГК]

В деревнях, где этот день был престольным праздником, проходили гулянья: *Ф Кѣльбине Кѣрики, сабираюцца гулянье дваццать васьмовъ июля.* Оп. [ПОС] *Кѣрики дваццать фтарова июля, дажэ другой [день] гуляли и ужэ аджынались.* Беж. [ПОС] Здесь информант ошибочно называет другую дату, но указывает на то, что праздник этот связан с окончанием жатвы.

Кирик, как и Казанскую, называют «грозным праздником»: *Кѣрик — грѣзныи прѣзник, дярэвня рѣза три ад гразы згарела, фсѣ в Кѣрик.* Порх. [ПОС] А в карельских говорах отмечается, что в этот день обязательно бывает дождь, поэтому и день этот называют *Кѣрик-мокродѣрик* или *Кѣрики-мокродѣрики*: *Завтра у нас Кѣрик мокродѣрик.* Медв. [КСРГК] *Скѣро должен быть праздники Кирики-мокродѣрики, в этот праздник обязательно дождь.* Кондоп. [КСРГК]

Весь июль, как и все лето, крестьяне работают в поле. Когда закончен сенокос, сжаты зерновые культуры, нужно готовить зем-

лю для озимых посевов: *Абычна, бувала, навоз вóзют — пáравая пóля. Э́та ф каницэ ибóля. А в áвгусте ужэ на́да роиш пасэ́ять.* Нев. [Песни Пск. земли, 1, с. 115.]

Выражение благодарности

Статья подготовлена при поддержке гранта РФФИ 16-04-00-213 «Псковский областной словарь с историческими данными».

СОКРАЩЕНИЯ

Сокращения источников картотек и архивов

- ДКРС — архив «Духовная культура Русского Севера в народной словесности», рукопись. Филологический факультет СПбГУ.
- КПечОС — картотека «Словаря русских говоров Низовой Печоры». МСК им. проф. Б. А. Ларина. Филологический факультет СПбГУ.
- КПОС — картотека «Псковского областного словаря с историческими данными». МСК им. проф. Б. А. Ларина. Филологический факультет СПбГУ.
- КСелигер — картотека словаря «Селигер. Материалы по русской диалектологии». МСК им. проф. Б. А. Ларина. Филологический факультет СПбГУ.
- КСРГК — картотека «Словаря русских говоров Карелии и сопредельных областей». МСК им. проф. Б. А. Ларина. Филологический факультет СПбГУ.

Сокращения словарей

- ПОС — *Псковский областной словарь с историческими данными*. Ред. Л. А. Ивашко, И. С. Лутовинова, М. А. Тарасова и др. Вып. 1–26. Л.; СПб.: Изд-во ЛГУ/СПбГУ, 1967–2016.
- СРГК — *Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей*. Ред. А. С. Герд. Вып. 1–6. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1994–2005.

Сокращения источников

- А. тягл. I — Дьяконов М. *Акты, относящиеся к истории тяглого населения в Московском государстве*. Вып. I. Крестьянские порядные. Юрьев, 1895. С. 5–51, № 5–7, 9–38, 40, 42, 44, 46, 48, 50. 1627–1649 гг.

- Зап. поступная — *Поступная запись торгового человека Осипа Фалеева посадника на ниву и поженку*. ТПАО. 1910–1911 гг. Вып. VII. Псков, 1911. С. 93–94. 1612 г.
- Кн. Ямского — Памятник псковской старинной письменности «*Домашняя книга псковитина посадского торгового человека Н. И. Ямского*»: (Материал для ист. губ. г. Пскова) / К. Евлентьев, изд. Псков, 1873. С. 3–18. до 1726 г.
- ЛАРНГ — Лексический атлас русских народных говоров, картотека (находится на кафедре русского языка Псковского государственного педагогического университета).
- Лет. I — *Псковская первая летопись*. Псковские летописи. Изд. А. Насонов. Вып. I. М.; Л., 1941.
- Лет. III, Стр. — *Псковская третья летопись*. Псковские летописи. Изд. А. Насонов. Вып. II. М., 1955. Строевский список. С. 78–250 (л. 1–238об.), 1556–1567 гг.
- Пов. прихож. Батория — *Повесть о приходе Стефана Батория на град Псков*. Русские повести XV–XVI веков. Пер. Б. А. Ларина. М.; Л., 1958.
- Песни Пск. земли — *Песни Псковской земли*. Вып. 1. Календарно-обрядовые песни (по материалам фольклорных экспедиций Ленинградской консерватории). Сост. А. Мехнецов. Л.: «Сов. композитор», Ленинградское отд-ние, 1989.
- Посл. Корн. — *Послание Корнилия, инока Снетных горы, к сыну его, попу Ивану, хотящу второму браку сочетатися*. Серебрянский Н. И. Очерки по истории монастырской жизни в Псковской земле. Чтения ОИДР. Кн. IV. М., 1908. С. 527–532. Рукопись XVII в.
- Разговорник Т. Ф. — *Tonnie Fenne's Low German Manual of Spoken Russian Pskov 1607. Vol. 2 / Transliteration and translation*: Ed. L. L. Hammreich and Roman Jacobson with the assistance of Karen Bente Goudsmit, Elizabeth van Schooneveld and Adolf Stender-Petersen. Copenhagen, 1970.

Сокращения географических названий

- Арх. — Архангельская область
 Аш. — Ашевский район Псковской области
 Бат. — Батецкий район Новгородской области
 Беж. — Бежаницкий район Псковской области
 Вл. — Великолукский район Псковской области
 Волх. — Волховский район Ленинградской области

Гд. — Гдовский район Псковской области
Дед. — Дедовичский район Псковской области
Дн. — Дновский район Псковской области
Кр. — Красногородский район Псковской области
Локн. — Локнянский район Псковской области
Ляд. — Лядский район Псковской области
Медв. — Медвежьегорский район Республики Карелия
Нев. — Невельский район Псковской области
Н-Рж. — Новоржевский район Псковской области
Н-Сок. — Новосokolьнический район Псковской области
Оп. — Опочецкий район Псковской области
Осташ. — Осташковский район Тверской области
Остр. — Островский район Псковской области
Палк. — Палкинский район Псковской области
Пен. — Пеновский район Тверской области
Печ. — Печерский район Псковской области
Пест. — Пестовский район Новгородской области
Подп. — Подпорожский район Ленинградской области
Порх. — Порховский район Псковской области
Пск. — Псковский район Псковской области
Пуст. — Пустошкинский район Псковской области
Пушк. — Пушкиногорский район Псковской области
Пыт. — Пыталовский район Псковской области
Себ. — Себежский район Псковской области
Сер. — Середкинский район Псковской области
Сл. — Славковский район Псковской области
Сош. — Сошихинский район Псковской области
Стр. — Стругокрасненский район Псковской области
Тихв. — Тихвинский район Ленинградской области
Тор. — Торопецкий район Тверской области
Фир. — Фировский район Тверской области
Холм. — Холмский район Псковской области
Чер. — Череповецкий район Вологодской области

RUSSIAN NORTHWEST COUNTRY FOLKLIFE-ORTHODOX CALENDAR (SPRING-SUMMER PERIOD). PART I

*Lyudmila Ivashko, Dina Potsepnyia, Irina Lutovinova,
Marina Tarasova, Olga Trofimkina, Irina Kukushkina*

St. Petersburg State University,
St. Petersburg, Russia
E-mail: airinku@mail.ru

Citation: Ivashko L., Potsepnyia D., Lutovinova I., Tarasova M., Trofimkina O., Kukushkina I. (2018) Vesenne-letniy narodno-pravoslavnyy kalendar' ruskogo krest'yanskogo naseleniya Severo-Zapada Rossii. Chast' I [Russian Northwest country folklife-orthodox calendar (spring-summer period). Part I]. *Severnorrusskiye govory* [Northern Russian dialects], 17: 310–332. (in Russian)

Abstract. In the essay on the material of the Russian dialect speech of rural residents of the North-West of Russia, the peasant's life over time is presented. In chronological order, the content of some days of the spring-summer cycle is described. The following Orthodox holidays are considered: Easter, Christmas of John the Baptist (Ivan Kupala), the day of Peter and Paul, Kuzma and Demyan, the day of the Kazan Mother of God, and others, including such little known as the holy martyrs Kirik and Iulita. According to the stories of the villagers, peasant rituals and customs dedicated to these holidays (both related to the Orthodox tradition and pre-Christian), signs and long-term weather observations related to these days are recreated. There are also evidence recorded in the medieval monuments of writing (mainly in documents created in the historical territory of the Principality of Pskov). The material is extracted from dialect dictionaries (Pskov Regional Dictionary, Seliger Dictionary, Dictionary of Russian dialects of the Lower Pechora, Dictionary of Russian Dialects of Karelia and adjacent areas), as well as from the archive of dialect records made in the Russian North.

Keywords: ethnography, dialect, Pskov regional dictionary, church calendar, folk calendar, saint's day, revered saint, ritual.

Acknowledgements

The article was prepared with the financial support of the Russian Foundation of Basic Research. Project № 16-04-00-213 “Pskov Regional Dictionary with Historical Data”.

References

Gerd A. S. (Ed.) (1994–2005) *Slovar' russkikh govorov Karelii i sopredel'nykh oblastey* [Dictionary of Russian dialects of Karelia and contiguous areas]. Vol. 1–6. St. Petersburg: Izd-vo SPbGU. (in Russian)

Ivashko L. A., Lutovinova I. S., Tarasova M. A. et al. (eds.) (1967–2016) *Pskovskiy oblastnoy slovar' s istoricheskimi dannymi* [Pskov regional dictionary with historical data]. Vol. 1–26. Leningrad; St. Petersburg: Izd-vo LGU/SPbGU (the publication continues). (in Russian)

Mekhnetsov A. (1989) *Pesni Pskovskoy zemli. Vol. 1. Kalendarno-obryadovyye pesni (po materialam fol'klornykh ekspeditsiy Leningradskoy konservatorii)* [Songs of the Pskov land. Issue 1. Calendar-ritual songs (based on folklore expeditions of the Leningrad Conservatory)]. Leningrad: Sovetskiy kompozitor. (in Russian)

**ОТРАЖЕНИЕ ПРЕДМЕТНО-БЫТОВОЙ СФЕРЫ
ВОЛОГОДСКОГО КРЕСТЬЯНИНА
ПОСРЕДСТВОМ СЛОЖНОГО СЛОВА
(НА МАТЕРИАЛЕ «СЛОВАРЯ ВОЛОГОДСКИХ ГОВОРОВ»)**

Кирилова Елена Алексеевна

Вологодский государственный университет,
Вологда, Россия
E-mail: kirilovaea@mail.ru

Цитирование: Кирилова Е. А. (2018) Отражение предметно-бытовой сферы вологодского крестьянина посредством сложного слова (на материале «Словаря вологодских говоров»). *Севернорусские говоры*, 17: 333–349.

Аннотация. Работа посвящена описанию морфемной структуры диалектного сложного слова, отражающего быт вологодского крестьянина и являющегося маркером явлений диалектной языковой картины мира. Сложное слово, представляя собой объединение нескольких номинативных центров, «микротекст», связано с обозначением комплекса взаимосвязанных явлений. Изучение морфемной структуры диалектного сложного слова позволяет определить, какие объекты, действия, признаки и их оценки актуальны для диалектной картины мира. В первую очередь, эту информацию дает семантический анализ корневых морфем и их взаимодействий в структуре сложных основ диалектного слова. В статье отмечено, что значение слова в языке тесно связано с его внутренней формой, определяемой значением корневой морфемы, причем в структуре сложных слов такое значение определяется сразу несколькими корнями. Автором рассматривается морфемная структура сложных слов с количественным значением, характеризующих крестьянский быт, в современных вологодских говорах.

Ключевые слова: вологодские говоры, морфемная структура слова, диалектное слово, сложное слово, диалектная языковая картина мира.

Идея антропоцентричности языка является сегодня общепризнанной в лингвистике. Данная научная парадигма ставит новые задачи в исследовании языка, требует новых методов его описания, новых подходов при анализе языковых единиц. В рамках антропоцентрической парадигмы происходит «анализирование человека в языке и языка в человеке» [Маслова 2006]. С позиций

данной парадигмы, человек познает мир через осознание себя, и подобное познание мира отражается в языке. «Можно сказать, что мы видели мир сквозь призму человека. Подтверждением тому служат метафоры типа: сережки берез, матушка-зима, ложатся тени, звук уснул, объят тоской и т. д.» [Кубрякова 2004]. Когнитивный подход к языку дает возможность исследования языковой картины мира языка.

Картина мира любого национального языка имеет этнокультурный характер. В пределах одной этноязыковой общности, по мнению С. М. Беляковой, можно выделить ряд картин мира, соотносящихся с определенными типами культуры или субкультурами (элитарная, массовая, традиционная, профессиональные) и подсистемами языка (общенациональная, литературная, просторечная, диалектная, жаргонная) [Белякова 2005: 73]. При этом можно согласиться с мнением исследователей, которые утверждают, что «понятийная картина мира и ее языковое выражение могут и должны различаться в разных языковых коллективах в границах одного национального языка» [Жмурко 2006: 166].

Диалектная картина мира отличается от общезыковой своим естественным характером, поскольку она складывается в достаточно замкнутом диалектном коллективе, отражает особенности уклада, быта, близости к природе, характерные черты сельского труда, не искажается и не нивелируется никакой кодификацией. Она проявляется, главным образом, в устной народной культуре, вмещающей в себя «и устное народное творчество (фольклор), и область диалектной речи, и тайные профессиональные языки, бытующие в народной среде» [Никитина 1993: 5].

Интересным лингвотерриториальным объединением для изучения диалектной языковой картины мира являются говоры вологодской группы северного наречия. Богатый материал для исследования представляют сложные слова. Когнитивный анализ основ диалектных сложных слов позволяет реконструировать компоненты диалектной языковой картины мира: инвентарь объектов, систему признаков и оценок, номенклатуру характерных действий.

В региональном толковом «Словаре вологодских говоров» нами выделено более 700 сложных слов знаменательных частей речи, основы которых содержат два и более корня: это 484 существительных (*пустоборон* ‘пропущенное место в поле или пахоте, посева, уборке’, *шестирук* ‘коса, длина лезвия которой составляла расстояние, равное шести ладоням’), 172 прилагательных (*рутожёлтый* ‘оранжевый’, *самондрávка* ‘непослушная, делающая все по-своему девочка, женщина’), 51 глагол (*кутевёртнить* ‘вьюжить’, *сенокóсить* ‘убирать сено’) и несколько десятков наречий (*ежедён*, *инде-где*). Диалектные наречия не рассматриваются в данной работе: неоднозначность морфемного статуса компонентов основы, специфичность их семантики и сочетаемости требуют особого подхода к анализу этих слов и определяют диалектные сложные наречия как объект самостоятельного исследования.

Почему для анализа были отобраны именно сложные слова? Сложное слово, представляя собой объединение нескольких номинативных центров, «микротекст», связано с обозначением комплекса взаимосвязанных явлений. Поэтому изучение морфемной структуры диалектного сложного слова позволяет определить, какие объекты, действия, признаки и их оценки актуальны для диалектной картины мира. В первую очередь, эту информацию дает семантический анализ корневых морфем и их взаимодействий в структуре сложных основ диалектного слова.

Надо заметить, что значение слова в языке обычно определяется корневой морфемой, а в структуре сложных слов — сразу несколькими. Анализ когнитивного потенциала корневых морфем в структуре сложного слова даст возможность создать достаточно полное представление о диалектной языковой картине мира. В данной работе будут рассмотрены корневые морфемы, взаимосвязь которых в структуре сложного слова позволит выявить наиболее значимые объекты в восприятии мира, наиболее типичные их оценки и наиболее характерные действия, т. е. реконструировать наиболее существенные составляющие модели мира носителей вологодских говоров.

Диалектная языковая картина мира определяется спецификой языкового сознания сельских жителей, особенностями их восприятия и концептуализации действительности. Изучение когнитивного потенциала сложных слов на примере вологодских говоров дает возможность обозначить круг явлений диалектной языковой картины мира, эксплицируемых ресурсами сложного слова. Это позволяет обнаружить ряд особенностей диалектной языковой картины мира как регионального варианта национальной системы представлений о мироустройстве, отраженных в языке. Изучение морфемной структуры этих слов позволяет определить круг объектов, имеющих особое значение для сельских жителей, выявить различные виды оценок предметов и явлений, а также обратить внимание на типичные для севернорусского крестьянина виды деятельности.

Характеризуя крестьянский быт, удобно рассмотреть морфемную структуру сложных слов с количественным значением в современных вологодских говорах. Предметом наблюдений здесь является семантика первоэлементов *одно-* (*однору́бка, однопо́лок, водноли́чку*), *трое-/трех-/третье-/три-* (*троежи́точник, трёхножки, трисме́нный*), *двое-/двух-* (*двоеко́лка, двоели́шевый, дверя́дный*), *перво-* (*первого́дная, первотёлок*), *пяти-* (*пятирэ́зка, пятиру́к*), *семи-* (*семиды́ра, семигла́зка*), *сорок-* (*сорокко́бжка*), *девяти-* (*девятиру́к*) и ее реализация в структуре диалектных слов. Следует отметить, что в рассматриваемых сложных словах первый компонент, выраженный именем числительным, конкретизирует значение второго, опорного компонента.

Ранее сложные слова с первым элементом именем числительным исследовались преимущественно на материале литературного языка, где рассматривались вопросы внутренней формы и грамматического статуса сложных слов, в состав компонентов которых входят имена числительные [см. например: Супрун 1956; Ченкадан Вариатх Джеймс 1991], а также определялись основные лингвистические факторы выбора собирательных и количественных числительных при обозначении людей и животных в текстах художественной литературы [Щеникова 1991].

признак, предмет и т. п., например: *одномачтовый, одноствольный, однострунный*; 2) состоящий из одной части раздела или мерой в одну единицу, например: *однодневный, однолитровый, однотомный, одноэтажный*; 3) имеющий одинаковый с кем-л. признак, характеризующийся принадлежностью к одной и той же группе, разряду и т. п., например: *одноименный, однотипный, одноклассник, однофамилец*» [МАС II: 594]. Компоненты *пяти-, семи-, трое-, двух-/дву-* имеют схожие значения: «*Дву... и двух...* Первая составная часть сложных слов, обозначающая: 1) имеющий два одинаковых признака, предмета и т. п., например: *двугорбый, двурогий, двухструнный*; 2) состоящий из двух частей, разделов или мерой в какие-л. две единицы, например: *двухсложный, двухатомный, двухъярусный, двухметровый, двухпудовый*» [МАС I: 371]. «*Семи...* Первая составная часть сложных слов, обозначающая: 1) имеющий семь одинаковых признаков, предметов и т. п., например: *семиглавый, семиламповый, семиструнный*; 2) состоящий из семи частей, разделов или мерой в какие-л. семь единиц, например: *семитомный, семиэтажный, семиверстный, семиметровый, семипудовый*» [МАС IV: 75].

Сложные слова с количественным значением довольно часто встречаются в русских говорах. Картотека дифференциально-го «Словаря вологодских говоров» содержит 175 таких сложных слов (4% всех слов-композиата). В исследуемом материале представлены слова разных частей речи. В основном это имена существительные (95) и имена прилагательные (54), встречаются также наречия (22), очень немногочисленны глаголы (2) и имена числительные (2). Наблюдения показали, что большинство общерусских и диалектных слов-композиата с количественным значением имеют в своем морфемном составе интерфиксы, создающие благоприятные морфонологические условия для сочетания корней сложных основ. Следует заметить, что в исследуемом нами материале в сложных словах, содержащих корневые морфемы *трое-, двое-*, такие условия создаются не только интерфиксами *-о-, -у-, -ух-*, а также наличием суффикса *-ој-* перед данными интерфиксами. Например: *дв-ој-э-жі-т-н-ый* и *дв-ој-э-жі-тель-н-ый, тр-*

ој-э-жѣ-т-к-а (R_1SiR_2SS), *дв-ој-э-рѹч-н-ый* (R_1SiR_2S), *дв-ој-ѹ-род-ниц-а* (R_1SiR_2S).

Прежде всего, стоит отметить, что в вологодских говорах выбор количественных первоэлементов в сложных словах перекликается с выбором чисел в «мифопоэтических системах», где числа — это «один из наиболее известных классов знаков», которые являются «элементами особого числового кода, с помощью которых описываются мир и человек», а также при помощи их придается «космизирующее значение» [Мифы народов мира 2: 630]. В современных вологодских говорах при помощи количественных элементов также дается описание представляемого человеком мира. В исследуемом материале наиболее употребительны числовые элементы, ориентированные на количественно-качественную характеристику: *одно-, трое-/трех-/третье-/три-, двое-/двух-, перво-, пяти-, семи-, сорок-, девяти-*. Многие из них ориентированы на количественно-качественную характеристику человека, предмета или явления. При этом в мифических текстах наиболее употребительны такие числа, как 2, 3, 4, 5, 7, 9, 12 и производные от них 33, 37, 99, 24, 36 и др.

С первоэлементом *одно-* в вологодских говорах представлено 54 сложных слова разных частей речи. Стоит заметить, что число «один» в некоторых случаях обозначает «не столько первый элемент ряда в современном смысле, сколько целостность, единство» [Мифы народов мира 2: 630]. Например, *однодерёвка* ‘лодка, выдолбленная из цельного дерева’ [СВГ 6: 33]. В исследуемом материале первый элемент ряда представлен морфемой *перво-*, а не *одно-*. Например, *первогодная* ‘состоящая в замужестве один год’ [СВГ 7: 26], *первосólка* ‘свежепросольный, малосольный огурец’ [СВГ 7: 26] Также элемент *одно-* дает качественную характеристику: *однóзубец* 1. ‘Холст из грубой пряжи, сотканный в одну нить’. 2. ‘Сарафан из грубого холста’ [СВГ 6: 34], *однорядка* ‘рабочие рукавицы’ [СВГ 6: 34] и т. д.

«В основе бинарных противопоставлений» в мифологических текстах лежит число 2. И в мифах разных народов мира, и в русских народных сказках оно связано с «идеей взаимодополняю-

щих частей монады (мужской и женской как два значения категории пола; небо и земля, день и ночь как значения, принимаемые пространственно-временной структурой космоса)» [Мифы народов мира 2: 630]. В вологодских говорах числительное 2 представлено первоэлементами *двое-/двух-* (43 слова) и тесно связано с идеей парности: *двоеколéчник*, *двоеру́чник*, *двоеру́чка* ‘корзина с двумя ручками’ [СВГ 2: 9–10], *двоежёлтый* ‘имеющий два желтка (о яйце)’ [СВГ 2: 9], *двоенóгий* ‘двуногий’ [СВГ 2: 10], *двуполовínчатый* ‘имеющий две жилые комнаты’ [СВГ 2: 14]. Также элемент *двое-/двух-* связан с идеей прочности, крепости: *дверя́дить* ‘свивая, соединять две нитки или полоски ткани в одну’ *Сдвирéжу я нítтки рáзные — и шерстянýе и льнянýе, чтобы прочнýя бýли полотна* [СВГ 2: 9], *вдверя́дку*, *вдвуря́дь*, *вдверя́дь* ‘вдвое, в два ряда, слоя’ *Верёука-то тóнная, вдвиря́дку завяжíte* [СВГ 1: 58].

Однако наиболее популярным в народной культуре является число 3 (Божественная Троица, 3 героя сказки, Змей Горыныч о трех головах, 3 сферы вселенной). В некоторых мифах и народных сказках число 3 считается первым числом, т. к. оно «открывает числовой ряд и квалифицируется как совершенное число» [Мифы народов мира 2: 630]. В сложных словах в вологодских говорах число 3 представлено элементами *трое-/трех-/третье-/три-* (30 слов): *трéхклíнка* ‘шуба, у которой спинка шилась из трех клиньев’ [СВГ 11: 59], *троегóнка* ‘участок пашни, покоса шириной в три гона’ [СВГ 11: 61]. Стоит отметить, что в исследуемом материале число 3 чаще всего связано с хозяйством.

11 сложных слов в исследуемом материале имеют элемент *семи-*: *семиру́к*, *семиру́чка* ‘коса, лезвие которой измеряется семью мужскими ладанями’ [СВГ 9: 120], *семисёлка* 1. ‘Непоседливая, неподвижная девочка, женщина’. 2. ‘Легкомысленная, непостоянная, ветреная девушка, женщина’. 3. ‘Женщина, часто меняющая решения, намерения, не выполняющая обещаний’ [СВГ 9: 120]. Число 7 представляет собой сумму двух основных параметров (3 и 4). В сознании человека числу 7 также отводится особое

место, т. к. оно «характеризует общую идею вселенной [...] число дней недели, количество цветов спектра, тонов в музыке и т. п. В некоторых культурно-языковых традициях существует семичисленная система счисления и/или число 7 выступает вообще как наиболее употребительное число, характеризующее почти универсально все, что исчисляется в мифопоэтическом космосе» [Мифы народов мира 2: 630].

В ряде традиций с числом 7 соперничает число 9, «получаемое троекратным повторением триады. В старой китайской поэзии число 9 используется в значении “все”» [Мифы народов мира 2: 631]. В вологодских говорах число 9 представлено морфемой *девянти-* в словах *девятиру́к*, *девятиру́чка* ‘коса, лезвие которой измеряется девятью мужскими ладонями’ [СВГ 2: 16].

Число 12 также представлено и в «мифопоэтических культурах» (12 частей года, 12 знаков зодиака), и в сложных словах в вологодских говорах: *двенадцатеру́к* ‘холст определенной ширины, вытканый на 12 пасм пряжи’ [СВГ 2: 8].

Число 5 в вологодских говорах представлено первоэлементом *пянти-* (4 слова): *пятирэзка* ‘доска, толщина которой составляет 1/5 бревна’ [СВГ 8: 118]. Число 5 также имеет важное значение, т. к. оно является «эталоном описания наиболее важных характеристик макро- и микрокосмоса» [Мифы народов мира 2: 630]. Например, первоначально в раннем философском мышлении было определено 5 «первоначал» мира: вода, воздух, земля, огонь, эфир; Платон в своем учении выделял 5 основных категорий: сущее, движение, покой, тождество и различие.

Таким образом, выбор количественных элементов в сложных словах современных вологодских говоров соотносится с выбором чисел в «мифопоэтических системах», где числа 1, 2, 3, 5, 6, 7, 9, 12 имели некоторое магическое значение для человеческого восприятия окружающего мира.

Обратим внимание на то, какие функции выполняют числительные в сложных словах современных вологодских говоров. Следует заметить, что чаще всего в представленном нами материале сложными словами с количественным значением обозна-

чаются предметы или явления, имеющие отношение к крестьянскому хозяйству.

В исследуемом материале использование морфем с количественным значением ярко маркирует облегчение крестьянского труда. Это доказывают следующие примеры: *трёхрожки* ‘деревянные вилы, у которых один зуб расположен против двух других’ *Троёнчов-то и в магазине нет. Ём бы хорошó сено-то увáливать. Трёхрожки сдéлаём да и кидáём сено. Бóльно и хорошó. Желéзным-то вíлам хúже сено кидáть, чем трёхрожкам* [СВГ 11: 61]; *троесúкий* ‘имеющий три зуба (о вилах)’ *Хорошó копáть картóшку вíлами. Онé бывáют троесúкие, четверосúкие.* [СВГ 11: 61]; *двоеколéчник, двоерúчка* ‘корзина с двумя ручками’ [СВГ 2: 9]; *двоеколéчный, двоерúчный и дворúчный* ‘с двумя ручками’ [СВГ 2: 9]; *двоекóлка* ‘телега с двумя парами колёс’ [СВГ 2: 10]; *двоерúчно* ‘инструмент в виде металлической дужки с двумя ручками для снятия коры с дерева’ [СВГ 2: 10]; *одногúзка* ‘двухколёсная тележка с деревянными решетками спереди или сзади для перевозки сена, снопов и др.’ [СВГ 6: 33]; *пятирёзка* ‘доска, толщина которой составляет 1/5 бревна’ [СВГ 8: 118]; *пятирúк* ‘коса длина лезвия которой составляет площадь, равную 5 ладоням’ [СВГ 8: 118]; *семирúк, семирúчка* ‘коса, лезвие которой измеряется семью мужскими ладонями’ [СВГ 9: 120].

Первоэлемент *двое-/двух-* отражает тип постройки жилого дома на Русском Севере. Наиболее типичным русским жилищем принято считать трехкамерный дом, в котором к обеим частям средней постройки — *сеням* — примыкают два жилых помещения, это могла быть зимняя и летняя изба. Иногда дом делился на два помещения независимо от летнего или зимнего сезона. «Если оба помещения жилые, то на Севере такое строение иногда называли домом на “две избы”. Вся постройка называлась связью. Такой большой дом, дом на две избы был необходим для многочисленной нераздельной семьи, доходившей до 20–25 человек» [Лаврентьева, Смирнов 2004: 55]. В вологодских говорах данный тип жилья маркирован морфемами *двое-/двух-* в следующих сложных словах: *двоежýлий, двоежýтный, двужýрый,*

двужитный, двужительный 'имеющий два жилых помещения, примыкающих друг к другу или расположенных одно за другим (о доме, избе)' [СВГ 2: 9–13]; *двуполовинчатый* 'имеющий две жилые комнаты (о доме)' [СВГ 2: 14].

Морфема *одно-* в исследуемом материале определяет способ ведения хозяйства: *водноличку* 'единолично' [СВГ 1: 77]; *единоличка* 'во время единоличного ведения хозяйства' [СВГ 2: 71]; *однолично, одноличьем* 'ведя отдельное самостоятельное хозяйство, единолично' [СВГ 6: 34]; *одноличный* 'принадлежащий единоличнику' [СВГ 6: 34]; *одноличье* 'единоличное хозяйство' [СВГ 6: 34].

Значительная часть сложных слов в вологодских говорах называет предметы и явления бытовой сферы: домашнего хозяйства, животноводства, растениеводства, кулинарии, промысловой деятельности и пр. Особое место занимали предметы собственного изготовления, противопоставляемые покупным, дорогим, редким: а) *свое-* и *дел-* (*своедельный* 'изготовленный домашним способом, своими силами, самодельный' [СВГ 9: 106]); б) *руко-* и *дел-* (*рукодельный* 'склонный, способный к занятиям рукоделием' [СВГ 9: 71]; *руководство, рукодействие, рудодел* 'рукоделие' [СВГ 9: 70]; *рукодэлит* 'заниматься рукоделием' [СВГ 9: 70]; *рукодэльник* 'предмет рукоделия, вещь, сделанная собственными руками' [СВГ 9: 71], *рукодэльно* 'умело, хорошо' [СВГ 9: 70]); в) *то-* и *дел-* (*тодельница* 'женщина, занимающаяся рукоделием, искусная в нем; рукодельница' [СВГ 11: 28]); г) *домо-* и *ткан-* (*домотканица, домотканнык* 'ткань домашнего изготовления, а также изделие из этой ткани' [СВГ 2: 45]). Семантика данных морфем определяет, что рукоделие очень высоко ценилось в крестьянской жизни, не зря рукодельниц называли *тодельницами* — ср.: *делать то, что нужно*. Выбирая будущего мужа или жену для своих детей, крестьяне в первую очередь обращали внимание на их трудолюбие, способность качественно выполнять круг необходимых работ по дому. Не случайно прозвища *неткаха, непряха* и др. относились к числу обидных [Семенова 1998: 285], закреплялись надолго и существенно влияли на устройство семейных

отношений в будущем. Трудолюбие и рабочая сноровка невесты во многом обнаруживались при подготовке приданого. Свое рукоделие девушка в будущем должна была принести с собою в дом мужа. Ее приданое «состояло большей частью из одежды и белья и, как правило, собственноручно приготавливалось невестой в течение всей юности, накапливаясь в особом сундуке...» [Семенова 1998: 284]. Кроме того, она должна была изготовить подарки свекру и свекрови, такие подарки имели соответствующее название: *свекодárница* 'женская рубашка, которую невеста дарила родственникам жениха' [СВГ 9: 101] (ср.: *дар-*, *свекр-*).

Анализируя сочетаемость корневых морфем сложного слова, можно догадаться, ткань какого качества преимущественно употреблялась для изготовления крестьянской одежды. Носители говора считали нормой использовать для ткачества льняное волокно и шерсть, о чем свидетельствует отсутствие корней *-лён-* или *-шерст-* при детальном обозначении покупных тканей (ситец, буазя, сукно и пр.). Сложные слова, называющие различные виды домотканых материалов, дают информацию о способах ее изготовления: *однозубец*, *однозубечник* 'холст из грубой пряжи, сотканый в одну нить' [СВГ 6: 33]; *толстопрядица* 'толстая домотканая материя изо льна' [СВГ 11: 37] и др. Вообще для говоров свойственно закрепление в морфемной структуре сложного слова способов изготовления различных предметов домашнего обихода, а также указаний на характер их действия: *самопрядка*, *самопряха* 'прялка, приспособление для ручного прядения, приводимое в движение ножной педалью', *самосборка*, *самосбрóска* 'жатка', *самотёс* 'окоренное с помощью топора бревно, идущее на постройку дома' [СВГ 9: 92] и др.

К сложным словам, дающим характеристику крестьянского быта, следует отнести и те слова, которые отражают особенности питания. «Предки наши, живя в простоте патриархальной, довольствовались немногим» [Семенова 1998: 117]. Нередко в структуре сложных слов этой группы представлен корень *-гол-*: *голомутка* 'похлебка, приготовленная из молока, яиц, лука и картофеля' [СВГ 1: 119]. Другие корневые элементы марки-

руют количество составных элементов в пище: *троежітка*, *троежіток* 'мука, изготовленная из смеси трех злаков — ржи, овса, ячменя, реже пшеницы' [СВГ 11: 61], способ ее приготовления и употребления: *суровега* и *сыровега* 'блюдо, приготовленное из толокна и толченых ягод (чаще брусники) с добавлением воды или простокваши' [СВГ 10: 160]; *сыромазаник* и *сыромазник* 'выпечное изделие, лепешка из кислого теста, смазанная сметаной' [СВГ 10: 178]; *сухоэжка* 'сухая еда без чего-либо горячего или жидкого' [СВГ 10: 166].

Морфемная структура сложных слов объективирует информацию о характере действия, совершаемого с помощью данных предметов: *самопрядка*, *самопряха* 'прялка, приспособление для ручного прядения, приводимое в движение ножной педалью', *самосборка*, *самосбрóска* 'жатка' и др. Интересна история такого приспособления, как самопрялка. «Вошла она в обиход на Западе около 1480 года, но ручной вариант ее употреблялся еще древними римлянами. Исследователи отмечают, что в Россию она попала не позднее XVIII века» [Семенова 1998: 530]. Маркируется также способ изготовления предмета (*самотёс* 'окоренное с помощью топора бревно, идущее на постройку дома').

В отличие от слов, обозначающих лиц, здесь первоэлемент *само-* не придает оттенка негативного отношения к обозначаемым явлениям, т. к. с помощью его маркируется облегчение тяжелого крестьянского труда.

Таким образом, специфика морфемной структуры диалектного сложного слова, наличие в ней двух семантических центров, с помощью которых могут быть маркированы различные явления, актуальные для языкового сознания носителей территориальных диалектов, определили возможность реализации когнитивного подхода к анализу морфемной структуры сложных слов в вологодских говорах. В результате определения инвентаря значимых объектов, системы признаков и оценок, исследования номенклатуры характерных действий, эксплицируемых корневыми морфемами основы сложного слова, можно сделать вывод о том,

какие черты диалектной языковой картины мира нашли отражение в исследуемом материале.

Литература

Белякова С. М. (2005) Прошлое и будущее в диалектной картине мира. *Вестник Воронежского государственного университета. Сер. Лингвистика и межкультурная коммуникация*, 2: 73–81.

Жмурко О. И. (2006) Языковая картина мира и функционирование лексики в народной речи. *Г Новиковские чтения: Материалы международной научной конференции*. М.: Изд-во РУДН: 166–169.

Кубрякова Е. С. (2004) *Язык и знание*. М.: Языки славянской культуры.

Лаврентьева Л. С., Смирнов Ю. И. (2004) *Культура русского народа. Обычаи, обряды, занятия, фольклор*. СПб.: Паритет.

Маслова В. А. (2006) *Введение в когнитивную лингвистику*. М.: Флинта: Наука.

Никитина С. Е. (1993) *Устная народная культура и языковое сознание*. М.: Наука.

Семенова М. (1998) *Мы — славяне!* СПб.: Азбука-классика.

Супрун А. Е. (1956) Сложные слова с корнями числительных. *Ученые записки Киргизского университета*, 2: 73–81.

Ченкадан Вариатх Джеймс. (1991) *Внутренняя форма и грамматический статус русских сложных слов*. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М.

Щеникова Е. В. (2006) *Факторы выбора количественных и собирательных числительных в современной художественной прозе*. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Нижний Новгород.

Сокращения источников

МАС — *Словарь современного русского литературного языка*. Под ред. А. П. Евгеньевой. Т. 1–4. М.: Русский язык, 1985–1988.

Мифы народов мира — *Мифы народов мира* (2000) Энциклопедия: в 2 т. Гл. ред. С. А. Токарев. М.: Советская энциклопедия.

СВГ — *Словарь вологодских говоров. Учебное пособие по русской диалектологии*. Ред. Т. Г. Паникаровская (Вып. 1–7); Т. Г. Паникаровская, Л. Ю. Зорина (Вып. 8–12). Вологда, 1983–2007.

СОШ — Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. (2006) *Толковый словарь русского языка*. М.: ИТИ Технологии.

VOLOGDA PEASANTS' PERCEPTIONS OF EVERYDAY LIFE
VOCABULARY REFLECTED IN THE DIALECTAL COMPOUND
WORD STRUCTURE (ON THE MATERIAL
OF VOLOGDA DIALECTS DICTIONARY)

Elena Kirilova

Vologda State University,
Vologda, Russia
E-mail: kirilovaea@mail.ru

Citation: Kirilova E. (2018) Otrazheniye predmetno-bytovoy sfery vologodskogo krestyanina posredstvom slozhnogo slova (na materiale «Slovara vologodskih govorov») [Vologda peasants' perceptions of everyday life vocabulary reflected in the dialectal compound word structure (on the material of Vologda dialects dictionary)]. *Severnoruskiye govory* [Northern Russian dialects], 17: 333–349. (in Russian)

Abstract. The word is both a means of communication and an instrument of the perception of the world. Therefore, the article shows how words reflect the person's perception of the world and about himself, which is especially interesting in dialects.

The article deals with the description of Vologda peasants' everyday life through the analyses of the morphemic structure of dialectal compound words. A compound word is an element of the phenomena of the dialect language picture of the world. The article summarizes the author's research in the field of the Russian dialectology for the last several years.

Having more than one core of nomination, a compound word can be seen as a "microtext" or a unity of interrelated phenomena. Therefore, the study of the morphemic structure of the dialectal compound word aims to describe such objects, actions, attributives and assessments which are relevant for the dialect language picture of the world. The semantic analysis of the root morphemes and their interactions in the morphemic structure of the dialectal compound words is mainly used. The author concludes that the meaning of a word is closely related to its inner form, comprised of the meaning of the root morphemes. The root morpheme affects the inner form of the word. In the structure of compound words, the inner form is accordingly influenced by several roots. Characterizing the peasants' everyday life, the author considers

the morphemic structure of compound words with quantitative meanings in the modern Vologda dialects.

Keywords: Vologda dialects, morphemic word structure, dialectal compound word, dialect language picture of the world.

References

Belyakova S. M. (2005) Proshloye i budushcheye v dialektnoy kartine mira [The past and the future in the dialectal picture of the world]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta* [Voronezh State University Bulletin], 2: 73–81. (in Russian)

Chenkadan Variatich James (1991) *Vnutrennyaya forma i grammaticheskiy status russkikh slozhnykh slov* [The internal form and grammatical status of the Russian complex words]. The author's abstract of the candidate's thesis. Moscow (in Russian)

Kubryakova E. S. (2004) *Yazyk i znaniye* [The language and knowledge]. Moscow: Yazyki slavyanskoj kultury. (in Russian)

Lavrentiyeva L. S., Smirnov Yu. I. (2004) *Kul'tura russkogo naroda. Obychai, obryady, zanyatiya, fol'klor* [Culture of the Russian people. Customs, rituals, activities, folklore]. St. Petersburg: Paritet. (in Russian)

Maslova V. A. (2006) *Vvedeniye v kognitivnyuyu lingvistiku* [Introduction to Cognitive Linguistics]. Moscow: Flinta: Nauka: 629–631. (in Russian)

Nikitina S. I. (1993) *Ustnaya narodnaya kul'tura i yazykovoye soznaniye* [Oral folk culture and language consciousness]. Moscow: Nauka. (in Russian)

Ozhegov S. I., Shvedova N. Yu. (2006) *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka* [Explanatory dictionary of the Russian language]. Moscow: ITI Tekhnologii. (in Russian)

Panikarovskaya T. G., Zorina L. Yu. (eds.) (1983–2007) *Slovar' vologodskikh govorov. Uchebnoye posobiye po russkoy dialektologii* [Dictionary of Vologda dialects. Textbook on Russian dialectology]. Vol. 1–12. Vologda. (in Russian)

Semenova M. (1998) *My — slavyane!* [We are the Slavs!]. Moscow: Azbuka-klassika. (in Russian)

Shchenikova Ye. V. (2006) *Faktory vybora kolichestvennykh i sobiratel'nykh chislitel'nykh v sovremennoy khudozhestvennoy proze* [Factors in the selection of quantitative and collective numerals in the contemporary prose]. The author's abstract of the candidate's thesis. Nizhniy Novgorod. (in Russian)

Suprun A. E. (1956) Slozhnyye slova s korniyami chislitel'nykh [Complex words with the roots of numerals]. *Uchenyye zapiski Kirgizskogo universiteta* [Scientific notes of the Kirghiz University], 2: 73–81. (in Russian)

Tokarev S. A. (ed.) (2000) *Mify narodov mira. Entsiklopediya* [Myths of the World. Encyclopedia]. Vol. 1–2. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya. (in Russian)

Yevgenyeva A. P. (ed.) (1985–1988) *Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka* [Dictionary of the modern Russian literary language]. Vol. 1–4. Moscow: Russkiy yazyk. (in Russian)

Zhmurko O. I. (2006) Yazykovaya kartina mira i funktsionirovaniye leksiki v narodnoy rechi [The language picture of the world and the folk speech vocabulary]. *I Novikovskiy chteniya: Materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii* [1st Novikov Readings: Proceedings of the international scientific conference]. Moscow: Izd-vo RUDN: 166–169. (in Russian)

СУБЪЕКТНО-ОБЪЕКТНЫЙ «МИР ДЕТСТВА» В ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА ВОЛОГОДСКОГО КРЕСТЬЯНИНА

Комиссарова Татьяна Германовна

Вологодский государственный университет,
Вологда, Россия

E-mail: tatyana.komm@gmail.com

Цитирование: Комиссарова Т. Г. (2018) Субъектно-объектный «мир детства» в языковой картине мира вологодского крестьянина. *Северно-русские говоры*, 17: 350–360.

Аннотация. В работе исследуются представления вологодских крестьян о детстве, отраженные в диалектной речи. В центре внимания оказывается субъектный «мир детства»: названия детей и взрослых, вовлеченных в различного рода отношения с детьми, а также инвентарь объектов, связанных в народном языковом сознании с детством как особым периодом бытия человека: домашняя утварь, предназначенная для детей, детская одежда и обувь, игрушки, сельскохозяйственный инвентарь и бытовые приспособления, используемые детьми в процессе трудовой деятельности, и др. Материалом для наблюдений служат записи диалектной речи, отраженные в региональных лексикографических источниках («Словарь вологодских говоров» и др.), представленные в картотеке «Лексического атласа русских народных говоров», а также зафиксированные в электронном корпусе региональных текстов «Жизненный круг». В результате исследования делается вывод о том, что «мир детства» в языковой картине мира вологодских крестьян отражает характерные черты диалектной картины мира: в ней объективируются в первую очередь те явления, которые имеют практическое значение для биологического выживания человека и его социальной адаптации в деревенском социуме; этот вариант картины мира значительно дольше сохраняет традиционную систему ценностей, ориентируя на нее все виды отраженных в языке оценок; экспликация явлений «мира детства» сопряжена в диалектной речи с выражением различных проявлений эмоциональности и экспрессивности.

Ключевые слова: когнитивная диалектология, диалектная языковая картина мира, лексика и фразеология детства, вологодские говоры.

Предметная сфера русской диалектной языковой картины мира достаточно широко рассматривается в отечественном язы-

кознании [Вендина 1998; Курбангалеева 2004; Попов 2008; Ростов 2005 и др.]. Наша работа посвящена изучению предметной составляющей представлений о детстве в языковом сознании вологодских крестьян: *кто* и *что* воспринимается носителями вологодских говоров как неперемнная составляющая «мира детства»?

Субъекты

В исследованиях по психологии детства наиболее важным для становления коммуникативной компетентности ребенка считается его взаимодействие со взрослыми и с детьми различного возраста, качество коммуникативных контактов со «своими» или «чужими». Изучение источников диалектной речи подтверждает этот вывод, при этом давая возможность выявить специфику структурирования субъектного мира детства. Ориентируясь на логику источников [СВГ, СВРГ, др.], мы считаем возможным разграничить субъектный мир «детей» и «взрослых» по отношению к ребенку.

Дети

В вологодских говорах фиксируются многочисленные названия детей. На фоне обобщенных названий детей (*дѣтъиш* ‘ребенок’, *дитѣ*, *дѣтѣчко* ‘дитя, ребенок’, *челядѣнок* ‘маленький мальчик или маленькая девочка, ребенок’, *гальяда*, *челядь*, *челядѣшка* ‘дети’) весьма отчетливо обнаруживается их дифференциация по полу (*большуха* ‘старшая из сестер’ — ср.: *большак* ‘старший сын’, *годовушка* ‘девочка в возрасте одного года’ — ср.: *годовичок* ‘животное, ребенок в возрасте одного года’), отношение к какой-либо возрастной группе — младенцы (*безгѣдок*, *гѣкало*, *зѣбочник*, *пеленок*, *младѣн*, *младѣныш*, *пеленичный*, *грудовой*, *родильный*, *сосунок*, *тѣтешный* и др.), малыши, маленькие дети (*малетá*, *мáлка*, *мáлушко*, *малушка*, *малыга* и др.), подростки (*малозѣм*, *обмѣнок*, *парнѣк*, *парнечок*, *парняк*, *подчалок*, *серѣдовка*, *серѣдовуха*, *серѣдовушка* и др.), юноши и девушки, достигшие брачного возраста (*богатѣна* ‘девушка с большим приданым’, *пáпарень* ‘глуповатый юноша, подросток’, *славница*, *славнуха*,

славутница, славёна 'девушка, достигшая брачного возраста'). Некоторые названия детей маркируют очередность их появления на свет (*большу́ха* 'старшая дочь в семье', *ма́лка*, *меньшу́ха* 'младшая сестра', *заскрёбыш*, *кулы́ндыш*, *поскрёбыш*, *послед* 'последний ребенок у матери', *нера́дко* 'ребенок, родившийся последним и ставший лишним в многодетной семье'), наличие в семье детей, рожденных в одно время (*двойники́*, *двойни́цы*, *двойняки́*, *двойня́та* 'двойняшки', *тро́ица*, *тройники́*, *тройнички́* 'тройняшки') или, наоборот, отсутствие у ребенка (особенно сына) других братьев и сестер (*оди́нокий*, *оди́накушка*, *оди́начка*, *оди́нец*, *оди́нок* и др.: *За́муж за оди́наких хоте́лосе*, *ко́и побогáче*, *Она оди́накушка*, *её и выряжа́ют*, *Дэвки-то всё за оди́начек взаму́жат мэтили*). Весьма существенными оказываются также обстоятельства рождения ребенка: физические (*пóздышек* 'поздний ребенок в семье', *недоно́сыш* 'недоношенный ребёнок': *Тётка Ду́ня четырёх недоно́сышей на печи́ отогрева́ла*, *ничего́ дэвки вы́росли*) и социальные — в первую очередь, рождение ребенка в законном браке (*вы́ороток*, *крапи́вник*, *нагу́лыш*, *найде́ныш*, *по́яш*, *пригу́лыш*, *приколо́ток*, *приколо́тыш*, *семиба́течный*, *ско́лотень*, *сколотё́нье*, *сколо́ток*, *сколоты́га*, *сколо́тыш* 'внебрачный, незаконнорожденный ребенок', а также сиротство и наличие в семье приемных детей (*безма́терный* 'не имеющий матери, сирота', *взя́тыш* 'приемный ребенок', *мачеши́нок* 'ребенок, живущий с неродной матерью', *опекун* 'ребенок, находящийся на попечении', *оста́лица* 'девочка-подросток, оставшаяся сиротой', *падчеру́ха* 'падчерица', *сир*, *сирёнок*, *сирóтик* 'ребенок, оставшийся сиротой'). Внутренняя форма многих названий детей в вологодских говорах эксплицирует особенности внешнего облика ребенка и его физические характеристики (*ба́тькич* 'сын, похожий на отца', *заколо́ток*, *здорóвец*, *отелёнок*, *отелёпыш* 'здоровый, крепкий ребенок', *зрю́мище*, *кы́ркас* 'маленький, худенький, болезненного вида ребенок', *зяблу́шка* 'девочка, чувствительная к холоду', *лы́ха* 'высокая, рослая девочка', *мехря́*, *мехря́к*, *мехря́тко*, *опехте́ря* 'неповоротливый, толстый ребенок', *пузглёнок*, *пузы́рь* 'ребенок, который хорошо ест, но не прибавляет в ве-

се, шарогла́зко 'большеглазый ребенок' и др.), особенности характера и поведения детей: *вяньгун, капри́за, копы́рза, копырзёнок, кукса, нявгало, пискáрь, плакун, пикши* 'плаксивый, капризный ребенок', *ожгарёнок* 'неопрятный, грязный ребенок', *баловес, балун, блажь, вертёха, верту́ха, дурко, коледёнок, опаздёрок, опаздерёнок, опащёнок, реста́н* 'непоседливый, шаловливый ребенок, шалун', *доб, изни́мок, непóслух, обломóн, оботур, панаголовец, паназы́рь, потёшка, потёшник, самоволька, санапáл, со́рвань, убáжник* 'избалованный, непослушный ребенок', *кусочник* 'ребенок, который украдкой ест что-то всухомятку между основным приемами пищи', *лакомик, лакоминник* 'разборчивый в еде человек, ребенок', *ласёна* 'сладкоежка', *батьялка, ва́лень* 'лентяй', *манэжница, теля́нка, тешенка* 'девочка, не приученная к крестьянскому труду, белоручка, неженка', *самоздра́вка, санапáлка, свербёшка, сотóнка, чеква́, чивиричка, шалу́шка* 'бойкая, подвижная девочка', *яры́жка* 'хозяйственная, деловитая девочка'. В крестьянском языковом сознании сохранились также следы некоторых мифологических представлений, связанных с детьми: *подки́дыш* 'ребёнок, подмененный нечистой силой': «У Та́ни-то подки́дыш. Не рук, не ног, не говори́ла, только мая́чила, как пету́х».

Взрослые

Условия бытия крестьянской патриархальной семьи и сельской общины способствовали сохранению долговременных и прочных связей между поколениями одной семьи, вовлечению в «свой» круг большого количества людей. В связи с этим весь мир «взрослых» по отношению к ребенку, так или иначе, оказывался «своим»: в него вовлекались кровные родственники различных поколений (*ма́терь, ма́ти, ма́тка* 'мать', *ба́тько, та́та, та́тя, тя́тя, тя́тька* 'отец', *правэдушко, праводёд, приде́д* 'прадед' и др.) и степеней родства (*братáн, братáш* 'брат двоюродный, троюродный', *те́та* 'тетя', *троюродница* 'троюродная сестра', *присво́й* 'состоящий в дальнем родстве' и др.), крестные родители (*бо́жа, божáта, божáтка, бо́женька, ко́ка* 'крестная мать', *божа́т,*

божа́тка, божа́тко, бо́жка ‘крестный отец’), соседи (*конча́на* ‘живущие в том или другом краю селения’, *края́н, кроя́н* ‘сосед’, *поселя́на* ‘жители поселка’ и др.). В качестве «чужих» взрослых для ребенка, судя по содержанию наших источников, могли восприниматься приемные родители (*Я надчеру́хой была́, дак ма́тка-то неродна́я меня́ за всякую всячину брани́ла*), временные жители деревни (*К ёй не ходи́, она пожили́чка, ма́ло ли чегó нахватáеессэ?*), специалисты, оказывающие помощь в «официальных» учреждениях (*До́ма сотонёнок сотонёнком, а у фэ́ришала дак осмире́л, в чужих-то лю́дях*).

Исследуемые нами записи диалектной речи дают возможность разграничить две группы «своих» взрослых по отношению к ребенку. Во-первых, это различные названия по отношению к конкретному ребенку: это его кровные родственники (*родни́к, родня́к* ‘родственник’, *родни́ца* ‘родственница’, *родня́, родовая́* ‘родня, родственники’, *правоба́бушка, проба́бка* ‘прабабушка’, *посе́стра, сестре́на, сестре́ница, сестру́ха, сестры́нка* ‘сестра’ и др.), крестные родители (*бо́жа, божа́тка, ко́ка* ‘крестная мать’, *божа́т, божа́тко, бо́жка* ‘крестный отец’), а также люди, оказывающие помощь родителям в воспитании детей (*корми́лка* ‘женщина, кормящая грудью чужого ребенка, кормилица’, *ле́ля, песту́нья* ‘нянька’). Во-вторых, это названия людей по отношению к рождению детей — наименования беременных женщин (*бере́жая, ока́тая, понóсная, с кишко́й* ‘беременная’, *роди́ха, рожёнка* ‘роженица’), названия и характеристики людей, в семье которых воспитывается много детей (*пешикови́тый* ‘имеющий много детей, многодетный’, *ребя́тница* ‘многодетная женщина’, *семья́нистый* ‘имеющий большую семью’) и по соотношению с ними — названия людей, которые не могут иметь детей по причине бесплодия (*ялови́ца, яло́вка* ‘бесплодная самка животного, женщина’) или отсутствия у них брачных отношений (*застаре́лая де́вка, невыхо́жая, пару́нья, ста́рица* ‘немолодая девушка, не вышедшая замуж’, *ста́рец, ста́рый о́трок* ‘мужчина, не вступавший в брак’).

Таким образом, исследование субъектной сферы детства и ее отражения в речи вологодских крестьян дает возможность кон-

статировать, что лексико-тематическое множество слов, эксплицирующих субъектную сферу, весьма многочисленно и разнообразно. Внутренняя форма этих слов маркирует соотношение названий людей с предметными (*божат* 'крестный отец' — ср.: *Бог, Боже; придед* 'прадед' — ср.: *дед; челядёнок* 'ребенок' — ср.: *челядь* 'дети'), признаковыми (*желанничек* 'ласковое обращение к человеку, ребенку' — ср.: *желанный; замужняца* 'замужняя женщина' — ср.: *замужняя*), акциональными ориентирами (*взятыйш* 'приемный ребенок' — ср.: *взять; вьяньгун* 'плакса' — ср.: *вьянгать* 'плакать', *убажник* 'балованный ребенок' — ср.: *убажить* 'удовлетворить желания, убажить'), а также эксплицирует эмоциональное отношение говорящих к объекту номинации: *лешачонок* 'бранное обращение к ребенку', *малюжечка* 'уменьшительно-ласкательное название девочки' и др.).

Объекты

По сравнению с субъектным «миром детства» инвентарь объектов, связанных в сознании диалектоносителей с детством как особым периодом бытия человека, значительно уже. Это, во-первых, предметы бытовой культуры, связанные с младенчеством: колыбель (*зыбка, зыболина, зыбочка, качалка, качка*) и приспособления для ее крепления и приведения в движение (*зобыльня, зыбало, зыбильно, зобильно, зыбильно, зыбынно, качильно, качильня, качок, качульно, качульня, бцеп, бчеп*), детская кроватка (*ковыляшка, колыбалка, колыска, шатулька*), приспособление, с помощью которого ребенок быстрее учится ходить, «ходунки» (*скамья*). Это приспособления для кормления младенцев (*рожок, роговушка, сопелка, сосарик, сосунец, сосок, сосуля, сосун*), а также мелко пережеванная пища, предназначенная для младенца (*чаковина, жеванина*). Это также предметы, предназначенные для пеленания младенца (*пеленка* 'пеленка', *пеленичник* 'лента для связывания спеленутого младенца', а также названия его первых предметов одежды (*поползунчик* 'ползунки', *чебачок* 'пинетки', *штанёшки* 'штанишки' и др.). Наконец, это игрушки, предназначенные для младенческого возраста:

брякотушка ‘погремушка’, *пикулька*, *пикушечка*, *пискулька* ‘свистулька’. В диалектной речи в отношении детей более старшего возраста упоминаются названия игрушек (*кумка* ‘кукла’, *лопка*, *лоптя* ‘мяч, сделанный из шерсти’), а также приспособлений для игр — различного рода качелей (*качуля*, *мячовочка*) и их составных частей (*седулька*, *седуха*), ледяных горок (*ледянка*, *шасты*) и приспособлений, предназначенных для катания с них (*козёл*, *козёлки*, *козелок*, *кóкорзни*, *конёк*, *коньки*, *корёга*, *корёги*, *корёхи*, *корёшки*, *ледянки*, *чунки*), а также приспособлений для подвижных детских игр (*чíба*, *шарóвка* и др.). Информанты подробно описывают свои первые орудия труда — маленькие прялки, небольшие по размеру косы, лопаты и грабли, подчеркивая их функциональное тождество по отношению к тем приспособлениям, которые использовали взрослые: *Мне тятя, помню, грабельки-то маленюкие сделал, с эдаким полбскам. Загребать все идут — и я иду; Прели зиму-ту. Виюшка, матка-та неродная, не пустила в школу — прести надо! Тятя пресницу-ту сделал, как у Виюшки, чуток, может, поменьше — вот и прели вместо учёбы-те!* (Кирилловский район, д. Борбушино).

Выводы

Таким образом, можно сделать следующие выводы:

1. В семантической структуре общих наименований детей присутствует семантика множественности и «малости», которая проявляется в первую очередь через словообразовательные форманты, а также образные, метафорические наименования (*детиши*, *дитё*, *дитечко*, *челядёнok*, *галяда*, *челядь*, *челядёшка*, *малетá*, *мáлка*, *мáлушко*, *малушка*, *мáльга*).

2. Семантика возраста в названиях ребенка является одной из основополагающих и выражается через внутреннюю форму слова, диминутивные суффиксы: (*годовушка*, *годовичок*, *безгодок*). В названиях отражается маркировка очередности их появления на свет (*большуха*, *мáлка*, *меньшуха*, *середóвка*, *середóвуха*, *середóвушка*), это свидетельствуют о значимости ранжирования детей по старшинству. Для обозначений детей младенческо-

го возраста характерна референция с предметами и свойствами, являющимися атрибутивными для этого возрастного этапа (*гүкало, зыбочник, пеленók, младén, младéныш, пеленíчный, грудовой, родíльный, сосунók, тítешный* и др.). В обозначениях детей более старшего возраста релевантным становится признак пола (*девчóшко, парнёк, парнечók, парняк*).

3. Категория семьи является самой значимой в отношении ребенка. В лексических единицах, репрезентирующих ситуацию появления ребенка в семье, реализуется семантика жизни, ноши и тяжести, своевременности и несвоевременности появления ребенка на свет: (*заскрёбыш, кулындыш, поскрёбыш, послéd, нерáдко, пóздышек, недонóсыш*). Эталонной является ситуация, когда в семье присутствуют оба родителя и их общие дети. Чем больше взрослых, связанных кровным родством и опекающих ребенка, тем он более защищен. Важно было наличие крестных родителей, также несущих ответственность за крестника, в первую очередь за его духовное воспитание, что отражено в их именовании: *бóжа, божáтка, божáт, божáтко, бóжка* (корень *Бог, -бож-*). Ситуация отступления от эталона обязательно рождает реакцию языка: *выпороток, крапíвник, нагулыш, найдёныш, пояш, пригулыш, приколоток, приколотыш, семибáтечный, скóлотень, сколотёнье, сколоток, сколотыга, сколотыш, безмáтерный, взятыш, мачешóнок, опекун, остáлица, падчеруха, сир, сирёнок, сирóтик*.

4. Особенности внешнего облика ребенка, его физические характеристики (*бáтькич, здорóвец, зрюмище, кыркас, зяблúшка, лыха, мехряк, пузырь, шароглазко* и др.), а также особенности характера и поведения детей (*капрíза, нявгало, ожгарёнок, баловés, вертёха, дурко, непóслух, самоволька, кусóчник* и др.) являются обязательной составляющей лингвокультурологического портрета ребенка. Внутренняя форма многих названий детей в вологодских говорах это эксплицирует.

5. Анализ объектных лексических единиц, составляющих вещный и пищевой код «мира детства», позволяет проследить рост и развитие ребенка по всем направлениям: объекты, отража-

ющие способ питания (*рожок, сосáрик, сосунéц, сосок, сосуля, сосун жевáнина*); одежда от пеленок до штанишек (*пéленка, пеленíчник, поползúнчик, штанёшки*); в наименовании детских кроватей отражена особенность отхода маленького ребенка ко сну, связанная с укачиванием (*зýбка, зýболина, зýбочка, качáлка, ковыля́шка, колыбáлка, шату́лька*). В названиях игрушек также прослеживается развитие малыша: (*брякоту́шка ‘погремушка’, пикúлька, пикúшечка, пискúлька*) — привлечение внимания ребенка звуком. С ростом и развитием ребенок действия с игрушками производит уже самостоятельно (*ку́мка, седу́лька, седу́ха* и др.). Следующий этап взросления составляют именованья детских орудий труда: (*гра́бельки-то ма́ленькие, прёсница помéньше*). От взрослых их отличает только размер, что, как правило, может быть выражено с помощью уменьшительных суффиксов.

Литература

Вендина Т. И. (1998) *Русская языковая картина мира сквозь призму словообразования (макрокосм)*. М.: Индрик.

Курбангалеева Г. М. (2004) Культурологическое поле «лес» как фрагмент русской языковой картины мира (на материале русских говоров Башкирии). *Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2001–2004*. СПб.: Наука: 69–77.

Попов А. А. (2008) Мотивационная основа наименований слепня и овода в севернорусских говорах. *Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2008*. СПб.: Наука: 327–330.

Ростов О. Р. (2005) От «картинки жизни» к «картине мира»: «одежда для рук» (на материале лексики говоров Ивановской области). *Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2005*. СПб.: Наука: 205–208.

Грюмова М. М. (2014) *Лингвокультурологический портрет ребенка в говорах Среднего Приобья*. Дис. ... канд. филол. наук. Томск: Изд-во Томского гос. ун-та.

Сокращения источников

СВГ — *Словарь вологодских говоров*. Учебное пособие по русской диалектологии. Ред. Т. Г. Паникаровская (Вып. 1–7); Т. Г. Паникаровская, Л. Ю. Зорина (Вып. 8–12). Вологда, 1983–2007.

СВРГ — *Словарь вологодского режского говора*. Вологда: ВоГУ, 2018.

**SUBJECTIVE-OBJECTIVE “WORLD OF CHILDHOOD”
IN THE LANGUAGE WORLD PICTURE
OF THE VOLOGDA PEASANT**

Tatyana Komissarova

Vologda State University,
Vologda, Russia
E-mail: tatyana.komm@gmail.com

Citation: Komissarova T. (2018) Sub'yektno-ob'yektnyy «mir detstva» v yazykovoy kartine mira vologodskogo krest'yanina [Subjective-objective “World of Childhood” in the language world picture of the Vologda peasant]. *Severno-russkiye govory* [Northern Russian dialects], 17: 350–360. (in Russian)

Abstract. This article examines the views of the Vologda peasants in his childhood is reflected in the dialect speech. The focus is on the subjects of the “world of childhood”: the names of children and adults involved in various kinds of relationships with children, as well as objects related to childhood in the national language consciousness as a special period of human existence: household utensils intended for children, Children’s clothing and footwear, toys, agricultural tools and household items used by children in the course of employment, etc. The material for the observations are the recordings of dialect speech, reflected in the regional lexicographic sources (“Dictionary of Vologda dialects”, etc.), presented in the file “Lexical Atlas of Russian folk dialects”, as well as recorded in the electronic corpus of regional texts “Circle of Life”. As a result of the research it is concluded that the “world of childhood” in the language picture of the world of Vologda peasants reflects the characteristic features of the dialect picture of the world: it primarily reflects the phenomena of practical importance for the biological survival of person and his social adaptation in the village society; this variant of the world picture saves the traditional system of values much longer, the focus is on all types of assessments; the expression of the phenomenon “world of childhood” is associated in dialect speech with the expression of various manifestations of emotionality and expressiveness.

Keywords: cognitive dialectology, dialect language picture of the world, vocabulary and phraseology of childhood, Vologda dialects.

References

Kurbangaleeva G. M. (2004) Kulturologicheskoye pole “les” kak fragment russkoyazykovoy kartiny mira (na materiale russkikh govorov Bashkiri) [Cultural field “forest” as a fragment of the Russian language picture of the world (by the material of Russian dialects of Bashkiria)]. *Leksicheskiy atlas russkikh narodnykh govorov (Materialy i issledovaniya) 2001–2004* [Lexical Atlas of Russian folk dialects (Materials and researches) 2001–2004]. St. Petersburg: Nauka: 69–77. (in Russian)

Panikarovskaya T. G., Zorina L. Yu. (eds.). (1983–2007) *Slovar’ vologodskikh govorov. Uchebnoye posobiye po russkoy dialektologii* [Dictionary of Vologda dialects. Textbook on Russian dialectology]. Vol. 1–12. Vologda. (in Russian)

Popov A. A. (2008) Motivacionnaya osnova naimenovaniy slepnyia i ovoda v severnorusskikh govorakh [Motivational basis of the names of the horsefly and the gadfly in the Northern Russian dialects]. *Leksicheskiy atlas russkikh narodnykh govorov (Materialy i issledovaniya) 2008* [Lexical Atlas of Russian folk dialects (Materials and researches) 2008]. St. Petersburg: Nauka: 327–330. (in Russian)

Rostov O. R. (2005) Ot “kartinki zhizni” k “kartine mira”: “odezhda dlya ruk” (na materiale leksiki govorov Ivanovskoy oblasti) [From “pictures of life” to “pictures of the world”: “clothes for hands” (on the material of vocabulary of dialects of Ivanovo region)]. *Leksicheskiy atlas russkikh narodnykh govorov (Materialy i issledovaniya) 2001–2004* [Lexical Atlas of Russian folk dialects (Materials and researches) 2001–2004]. St. Petersburg: Nauka: 205–208. (in Russian)

Slovar’ vologodskogo rezhskogo govora (2018) [Dictionary of the Vologda Rezhsky Dialect]. Vologda: Vologda State University. (in Russian)

Ugryumova M. M. (2014) *Lingvokulturologicheskiy portret rebyonka v govorakh Srednego Priobya* [Lingvoculturological portrait of a child in the dialects of the Central Ob’ River]. Diss. ... cand. philol. sciences. Tomsk: Publishing house of Tomsk State University. (in Russian)

Vendina T. I. (1998) *Russkaya yazykovaya kartina mira skvoz’ prizmu slovoobrazovaniya (makrokosm)* [Russian-language picture of the world through the prism of word formation (macrocosm)]. Moscow: Indrik. (in Russian)

ДИАЛЕКТНЫЕ ФОНЕТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЯЗЫКА ШЕКСНИНСКИХ ЧАСТУШЕК

Медведева Арина Алексеевна

Центр традиций «Гамаюн»,
Пермь, Россия;
Вологодский государственный университет,
Вологда, Россия
E-mail: tele-radio@mail.ru

Цитирование: Медведева А. А. (2018) Диалектные фонетические особенности языка шекснинских частушек. *Севернорусские говоры*, 17: 361–376.

Аннотация. Статья посвящена исследованию диалектных фонетических особенностей языка частушек Шекснинского района Вологодской области. Выделенные фонетические черты соответствуют особенностям вологодских и белозерско-бежецких говоров. Шекснинская частушка иллюстрирует архаичные элементы речи, являясь источником для изучения истории языка, феноменом культуры, влияющим на самоидентификацию населения.

Ключевые слова: фольклорная диалектология, шекснинские частушки, фонетика, вологодские и белозерско-бежецкие говоры северного наречия.

Введение

В последние десятилетия в науке возрос интерес к национальной культуре, в частности к языку фольклора [Бобунова 2004; Климас 2009; Праведников 2010; Хроленко 2008; Хроленко 2010]. Учеными курской школы лингвофольклористики поставлена проблема изучения территориальной неоднородности языка фольклора [Праведников 2010; Хроленко 2009]. В связи с этим особую актуальность и ценность приобретают исследования фольклорных текстов разных жанров, записанных в различных областях и районах России.

Предметом данного исследования является язык частушек, бытовавших в XX в., и частично сохранившихся в наше время в деревнях и селах, расположенных вблизи (не далее 13 км) от села Чаромское Шекснинского района Вологодской области. Наше исследование проводилось в русле фольклорной диалектологии, цели, задачи и методы которой описаны в монографии С. П. Праведникова «Основы фольклорной диалектологии» [Праведников 2010]. Источниками для изучения послужили тексты частушек, записанные в разные годы в Шекснинском районе (более 3000 текстов). В частности, более 740 частушек были записаны Л. Г. Яцкевич в 1963, 1964 и 1995 гг. и позднее опубликованы в книгах «Слово о родной деревне» и «Квасюнинская поговорочка» [Яцкевич 2011; Яцкевич 2017]. Более 1000 изученных нами текстов было записано в разных деревнях и селах Шекснинского района сотрудниками Вологодского областного научно-методического центра традиционной народной культуры и Череповецкого центра традиционной народной культуры в результате экспедиций в 2003, 2005, 2006 и 2014 гг. [МОНМЦ]. С 1996 по 2006 гг. частушки Шекснинского района записывались сотрудниками Сиземского центра традиционной народной культуры в п. Сизьма и ближайших к ней деревнях, нами было исследовано более 700 частушек архива Сиземского ЦТНК [МСЦТНК]. Более 300 частушек опубликовано в сборнике частушек жительницы д. Малый Овинец И. П. Ляпичевой [Ляпичева 2017]. Автобиографические книги местных авторов, родиной которых является Шекснинский район, также стали источниками небольшого количества частушек (25 текстов) для нашей работы [Карабанов 2011; Павлов 2005]. Более 800 текстов записано нами во время экспедиций летом 2017 г. в деревни Квасюнино, Малый Овинец, с. Чаромское и Сизьма [КЧШР]. Результатами экспедиции стали не только записи услышанных нами частушек, но и предоставленные нам тексты из рукописных сборников частушек и воспоминаний жителей с. Чаромское и ближайших деревень (записи датируются 1991–1992 гг.).

Цель нашего исследования — выявить диалектные особенности языка шекснинских частушек на фонетическом уровне. Новизна исследования заключается как в самом объекте изучения (большая часть текстов не публиковалась и не была предметом исследования), так и в поставленной нами цели, поскольку не существует специальных работ, посвященных изучению диалектных фонетических особенностей частушек Шекснинского района. Следует отметить, что работ, посвященных изучению диалектных фонетических особенностей фольклорных текстов (различных жанров) очень мало по объективным причинам: записи фольклорных текстов часто не отражают (или только частично отражают) особенности диалекта на уровне фонетики.

Частушка как фольклорный жанр является хранителем архаичных форм устной народной речи рассматриваемого района, что способствует сохранению культурной памяти жителей этой местности, а для лингвистов — источником для изучения истории данного говора. В силу этого фиксация фольклорных текстов данного жанра и изучение их фонетических особенностей являются актуальными задачами.

Как известно, речь жителей Шекснинского района Вологодской области хранит черты вологодских и белозерско-бежецких говоров северного наречия [Яцкевич 2017: 149]. Переходный характер этих говоров, их неоднородность наглядно представлена в «Диалектологическом атласе русского языка» [ДАРЯ]. Однако выявить специфику диалектного произношения на основе фольклорных текстов, которыми мы располагаем, оказалось достаточно трудной задачей, поскольку собиратели шекснинских частушек не всегда вели запись текстов с учетом фонетических особенностей местного говора, используя, как правило, общерусское написание. Между тем практически во всех исследованных нами записях хорошо отражены те фонетические особенности, которые являются важными для ритмико-интонационного звучания текста частушки — они формируют ритм и уточняют рифму. Например: *Да́вай, дрóля, расстава́ться, / Да́вай, ма́льчик до-рогóй, / Да ва́ша мать меня́ не лю́бит / И похóдочки моёй* [КЧШР].

Зафиксировано произношение звука [о] на месте общерусского [э] в конце слова *моёй*, в результате чего образована рифма со словом второй строки *дорогой*. *Вересовы те кусточки — / Мои свидетели. / Не сами с миленьким растались — / Развели родители* [Яцкевич 2011]. Зафиксирован звук [и] вместо общерусского [э] в слове *свидетели*, в результате чего образована рифма со словом четвертой строки *родители*.

Среди записей текстов были обнаружены и зафиксированные без учета диалектных особенностей, однако для образования рифмы (иногда — для создания более точной рифмы) необходимо диалектное произношение слова. Подобным образом записаны некоторые частушки в тетради Г. И. Писаревой со слов ее матери — Е. Т. Назаровой (1914 г. р., д. Б. Игая). Например, записано так: *До свидания дорогой, / Пошла на операцию. / Будут сердце моё резать / За любовь горячую* [КЧШР]. Слова *операцию — горячую* в конце строк образуют очень неточную рифму (разница и в гласных, и в согласных рифмующихся слогах), если только не произнести слово *горячую* с характерным для местного говора цоканьем, т. е. с согласным [ц'] в конце слова: *горяцюю*.

Тексты частушек, содержащие лексемы, произносимые с диалектными особенностями, благодаря которым собственно и образуется (или уточняется) рифма, — мы можем назвать уникальными, специфичными для шекснинского района, его конкретных поселков и деревень. Можно предположить, что подобные тексты гораздо реже заимствовались в культуру другой местности, на территорию иного говора, либо переходили в вариантах с более сложными заменами — строк, слов и пр.

Собранный нами материал позволяет более полно изучить диалектные фонетические особенности шекснинских частушек, поскольку большая часть записей делалась с учетом фонетических особенностей местной речи: это тексты частушек Вологодского областного научно-методического центра культуры [МОНМЦ], Череповецкого центра традиционной культуры [МОНМЦ], Сиземского центра традиционной культуры [МОНМЦ; МСЦТНК]. Ср., например, отражение ёканья в запи-

сях Вологодского областного научно-методического центра культуры: *Что́-то, бе́лая берёзка, / Вётру нет, но ты шуми́шь? / Что́-то, ми́лое сердéчко, / Го́ря нет, но ты боли́шь?* [МОНМЦ]. И, безусловно, наиболее ярко черты шекснинских говоров отражены в аудиозаписях архивов Вологодского областного научно-методического центра культуры, Череповецкого и Сиземского центров традиционной народной культуры, а также в аудио- и видеозаписях исполнения частушек, которые мы выполнили в ходе экспедиции в Шекснинский район в июне 2017 г. [КЧШР].

В результате исследования всех записей текстов, в том числе видео- и аудиозаписей, которыми мы располагаем, был выявлен ряд фонетических особенностей диалектного произношения в шекснинских частушках.

Особенности произношения гласных звуков

Наиболее стабильная фонетическая особенность шекснинских говоров, встречающаяся и в живой речи, и при исполнении частушек, — это **оканье**, произнесение звука [o] на месте фонемы <o> и произнесение звука [a] на месте фонемы <a>, при этом используется характерное для северного наречия (и архаичных вологодских говоров) — полное оканье, т. е. различие [o] и [a] не только в ударном и первом предупредительном слоге, но и в остальных безударных слогах [Иванов 1957: 25]: *выко́лачивай, захотéлося, скóро, ко́рова* и пр. Например: *Гово́рят, что боева́я, / Боева́я я и е́сть. / Я и до́ма боева́я — / Боеви́м бо́льшáя че́сть* [КЧШР].

Эта фонетическая особенность не случайно стала особой темой частушек: *У ми́лого моего́ / Погovoрочка на «o».* / *Я за эту погovoрочку / Люби́ла-то его́* [Яцкевич 2017]; *У ми́лого моего́. / Погovoрочка на «o».* / *Я за эту погovoрочку / Остави́ла его́* [Яцкевич 2017]; *У ми́лого моего́ / Погovoрочка на «o».* / *Он на «o» и я на «o» — / Значи́т, па́ра ни́чего* [Ляпичева 2017]; *У ми́ленька моего́ / Погovoрочка на «o».* / *Он на «o» и я на «o» — / В о́бщем, па́ра — ни́чего* [КЧШР].

В связи с такой спецификой говора, как оканье, обращает на себя внимание использование в шекснинских частушках

приставки *роз-/рос-*, которая сохраняет в текстах свое архаичное северное звучание и практически не имеет вариантов с гласной *а* (*раз-/рас-*): *розливать, розвеселый, разбудить, розветаться, розойтись, росстаться, роскопать, раскрутить* и пр. Например: *Выхожу и выручаю / Милую-премилую, / А ты, Витя, разведи / Свою игру любимую* [МОНМЦ]; *Неужели не растает / У колодца льдиночка. / Неужели не вернется / С фронту ягодничка* [МОНМЦ]. Крайне редко встречаются варианты с приставкой *рас-* (мы зафиксировали всего 4 случая такого варианта приставки в частушках): *рассказала, распроклятый, раскатилась, рассыпалась*.

В окончаниях *-ый* и *-ий* прилагательных и порядковых числительных прослеживается звук [о] вместо [ы]/[и]: *нечесаной* (*нечесанный*), *берёзовой* (*берёзовый*), *великой* (*великий*), *алой* (*алый*), *молоденькой* (*молоденький*), *родимой* (*родимый*), *розовой* (*розовый*), *некрасивой* (*некрасивый*) и пр. Например: *Мы с товарищем вдвоём / Пень берёзовой метём, / Собирались идти / Осину горькую метти* [МОНМЦ]; *Нынче Масленца сгорела, / Настаёт Великой пост, / Сидит кошка на окошке, / Вышивает себе хвост* [МОНМЦ]; *Не красивая сосна, / Красивой подсосёночек. / Не красивая сама, / Красивой помилёночек* [МОНМЦ].

Наблюдается в текстах шекснинских частушек и так называемое ёканье — переход звука [э] после мягких согласных в слабой позиции в звук [о] (чаще всего в написании обозначен буквой Ё): *сёрдице* (*сердце*), *спитё* (*спите*), *выростёт* (*вырастет*), *сыграйтё* (*сыграйте*), *золотице* (*золотце*), *отвечает* (*отвечает*), *помилёночек* (*помилёночек*), *синё* (*сине*), *морё* (*море*) и пр. Например: *Спитё, павловские бабы, / Спитё, спитё, тётушки, / Сыновей ваших ни любим, / Спитё без зоботушки* [МОНМЦ]; *Я тогда тибя забуду, / Ягодинка дорогой, / Когда выростёт на камешке / Цветочек голубой* [МОНМЦ].

Обилие звука [о] в безударном положении может производить впечатление мягкости, расслабленности — этот эффект часто используется в качестве звукового приема в создании современных звучащих текстов, слоганов [Шетухина 2014: 263–265].

Однако сама традиционная частушка всегда отличается высокой эмоциональностью, экспрессией, при этом эффект «мягкости» компенсируется различными средствами языка и речи, манерой исполнения. Так, например, для исполнения частушки характерны повышенные интонации, восклицания — при декламировании, особые типы мелодии — при интонировании; в языке частушек много экспрессивно-эмоциональных частиц и междометий (*эх, ох, ах, р-р-р, то, да* и пр.), лексем, обладающих особой эмоционально-экспрессивной коннотацией (*горушка, лиходейка, товарочка, миленький* и пр.). В частушках также используются художественные приемы, повышающие их эмоциональное напряжение: параллелизмы, метафоры, аллегории и т. д.

В шекснинских частушках прослеживается архаичная черта произношения, связанная с судьбой звука, обозначавшегося на письме буквой ять (*ѣ*). Между мягкими согласными под ударением этот звук произносится чаще всего как [и], но перед твердыми согласными и в конце слова — как [э]: *лес, но в лисе (в лесу); беседа, но на бисиде (на беседе); пѣсьни пѣть (песни петь); поглядѣть (поглядеть); свидѣтели (свидетели)* и пр. Например: *Не кокуй, кокушка, в лисе, / На осине проклятой. / Седь на белую березку, / Звонкой пташечкой запой* [МОНМЦ].

На месте буквы ять в прилагательных и наречиях в форме сравнительной степени на *-ее* вместо звука [э] после мягкого согласного под ударением в некоторых словах произносится звук [а]: *веселѣе (веселее), повеселѣе (повеселее), шустрѣе (шустрее): Поиграй повеселѣе / Сизьмарі пошли плясать / А мы — дивчѣнки боѣвѣе / И не хѣчем унывать* [МСЦТНК].

В шекснинских частушках отражена еще одна архаичная черта, свойственная вологодским говорам, — это незавершенная деназализация [Преображенская 1977: 38–49]. В результате этого процесса на месте носового звука (обозначавшегося ранее на письме буквой «юс малый» — *Ѧ*) под ударением, в позиции между мягкими согласными, где в литературной норме звучит гласный [а], в шекснинских говорах может звучать [э]: *сѣдь (сядь), гулѣли (гуляли), прѣли (пряли), отворѣй (отворяй), укорѣй (уко-*

рай). Не кокуй, кокушка, в лісе, / На осіне проклято́й. / Седь на бѣлую берѣзку, / Звѣнкой пта́шечкой запѣй [МОНМЦ]; А лиходѣйка у дверей, / А говорит: «Не отворей!». / А я тебе не лиходѣйка, / Ты меня не укорей [МОНМЦ].

В шекснинских частушках прослеживается замена звука [э]/[э^и] на [и]/[и^э] и в некоторых словах, где [э] находится в слабой позиции (первой и второй предударной, заударной) перед мягким согласным: висѣлый, виселѣе, развисѣлый, миня, тибя, со́вись (со-весть) и пр. Наговáривают дрѣле, / Наговáривают все, / Чтѣбы он миня оставил, / Как травиночку в овсе [КЧШР]; Выхожу и выручаю, / Задушѣвная, тибя. / Тѣлько ты не выручаешь / Ни в какой бедѣ миня [МОНМЦ]; Поиграй повиселѣе, / Переборчик милова. / Потихонечку играй, / Не задевай ретиво́ва. [МОНМЦ].

Особенности произношения согласных звуков

В шекснинских говорах наблюдаются диалектные особенности и в произношении согласных звуков. Яркая черта, представленная в текстах шекснинских частушек и характерная для некоторых говоров северного наречия, — это цоканье, т. е. неразличение аффрикат [ц] и [ч’], совпадение их в звуке [ц’] (реже — [ц]): *восемна́цять* (восемна́дцать), *се́рце* (сердце), *клю́цям* (ключам), *но́цям* (ночам), *цево́* (чего), *це́рез* (через) и пр. Например: *Ми́лый се́рдца по це́*, / *Цѣ́рез це́, по це́, на це́*. / *Али дѣвки це́ сказа́ли*, / *Али сам уцо́ял це́?* [КЧШР]; *Серогла́зенький ты мой*, / *Цевѣ́ надѣлал на-до мно́й?* / *Безо спи́цѣк, без огня́* / *Разжѣг се́рдце́цкѣ у меня́* [КЧШР].

В шекснинских частушках наблюдается регрессивная ассимиляция по мягкости согласного звука [к]: он произносится мягко — [к’] — после предшествующего ему мягкого согласного: *ско́лькѣ* (сколько), *то́лькѣ* (только), *ке́почкѣй* (кепочкой), *тяжелѣхонькѣ* (тяжелѣхонько), *го́рькѣ* (горько), *дро́лечкѣй* (дролечкой), *ѣлочкѣй* (ѣлочкой), *крылѣчкѣ* (крылечко), *ягоди́ноцкѣя* (ягодиночка), *дро́лькѣя* (дролька), *ке́поцкѣя* (кепочка), *але́нькѣя* (аленькая), *това́рочкѣя* (товарочка) и пр. Например: *Ягоди́ночкѣя поѣхал*, / *Се́рой ке́почкѣй махну́л*. / *Он, наведе́рно, в э́то вре́мя* / *Тяжелѣхонькѣ вздохну́л* [МОНМЦ]; *Я от го́ря убегаю́*, / *Го́рѣ все́ за мно́й иде́т*; /

*Я от гóря — в сине́ морё, / Гóрре́ уточкёй плывёт [МОНМЦ];
Я идú, да гóрькё́ плачу, / Отвечáёт соловéй: / «Не вернúть любовь
по-стáрому, / Напрáсно слéз не лéй» [МОНМЦ]; Неужéли не ро-
стаёт / У колóдца льди́ночкя. / Неужéли не вернётся / С фрóнту
ягоди́ночкя [МОНМЦ].*

На месте сочетания *чт* в текстах шекснинских частушек произносится [штш] или [с'ц']: *итишо* (что), *поитишó* (почто), *сьцё* (что), *сьцёбы* (чтобы) и пр. *Заперítё моё сёрцё / Восемна́дцати
клюця́м, / Штишóбы стáрой ягоди́ночкя / Не снiлся по ноця́м
[КЧШР]; Ты не дúмай, ягоди́нцкя, / Штишо ты у меня́ одiн: /
Есть и в Чуровских, и в Чáромских, / И в Сiзьме ни одiн [КЧШР];
Сьцё ты дрóлецкя не ходишь / Или цём не угодiл. / На свидáньцё
оно́цесь / Не люблю́ пригласiл [Ляпичева 2017].*

Звук [ш'] в шекснинских частушках чаще всего произносится как твёрдый [ш]: *проишáй* (процай), *уишипnú* (уципну), *го-
ленiшшиа* (голенища), *опуишú* (опуцу), *ишипáли* (щипали) и пр.
Например: *Под окóшечком у нас / Завя́ла рóза áлая. / Здрáвствуй,
нóвая любовь, / Проишáй, изменá стáрая [КЧШР]; За реку́ гуля́ть
не ходим — / Голени́шшиа короткi, / А голени́шшиа розогнём, да / За
реку́ гуля́ть пойдём [МОНМЦ].* Также звук [ш'] реализуется в со-
четании [шч]: *таишчiлася, нишчетá, проишáй*. Например: *Ны́нче
Мáсленица прохóдит, / Настáет Вели́кий пост. / Все корзiнки при-
горéли, / Нишчетá поджáла хвóст [МОНМЦ]; Ох, проводiла до-
рого́ва / До дорóжки тóрные / Проводiла, да сказáла: / — Проишáй,
глáзки чёрные [МОНМЦ]* Заметим, что варианты произношения
[ш]/[штш] наблюдаются как в речи разных информантов, так и в
речи одного информанта.

В некоторых словах шекснинских частушек отмечается ас-
симилиция согласных, с удвоением согласной: *меттi* (мести),
иттi (идти), *наттi* (найти), *дожжáтьца* (дождаться), *оммо-
чiла* (обмочила), *занóсисся* (заносишься). Например: *Ягоди́ночкя
убiт, / Пилóточкя валя́етцо. / Не дожжáтьца минé, / Когдá
он из áрмии придёт [МОНМЦ]; На гачу́люшке гачáлась, / Под
гачу́люшкой — водá, / Плáтье бéло оммо́чила, / Это мáмина бедá
[МОНМЦ].*

Особенности произношения отдельных слов

В шекснинских частушках наблюдается также специфичное произношение некоторых звуков в отдельных словах.

Слова *кукушка*, *куковать*, *прокуковать* в текстах шекснинских частушек в преобладающем количестве употреблений произносятся с корневым гласным [o]/[oʸ] вместо общерусского [y]: *кокушка*, *кокуёт*, *прококуй*: *Ни кокушка ли кокуёт*, / *Соловёюшко поёт*, / *Иё бедная голувушка* / *Без пáпоньки живёт* [МОНМЦ]; *А не наттí тако́ва мéста*, / *Где кокушка клáлася*, / *А не наттí тако́ва дрóлечки*, / *С какíм ростáлася* [МОНМЦ].

В слове *качель*, а также во всех формах этого слова и в однокоренных лексемах (*качаться*, *качелюшки* и пр.) в корне вместо глухого согласного звука [к] произносится звонкий [г]: *гачíли*, *гачулюшкой*, *гачáлася*. Например: *На гацéлюшке гацáлась*, / *Не боя́лась высотí*. / *Дрóля вíхвaтил гребёноцьку* / *Из рúсье косбí* [МОНМЦ].

Звук [х] в заимствованных словах *хулиган* и *характер* произносится как [к]: *кулигáн*, *кара́ктер*. Например: *Я любíла тебá*, *дрóлечка*, / *Любíла и люблю*. / *За кара́ктер уважíteльный*, / *За совíсь вёрную* [МСЦТНК].

Звук [ф] в заимствованном слове *шкаф* (в нашем примере — *шкафик*) произносится как [п]: *шкáпик*. Например: *Не под то сапóжки шíты*, / *Штóбы в шкáпике лёжáть*. / *Не под то мы зародíлись*, / *Штoб от кáждого дрoжáть* [МОНМЦ].

Наблюдая за живой речью жителей Шекснинского района во время экспедиции 2017 г., а также исследуя репортажные аудиозаписи фольклористов за 1999–2009 гг., мы отметили, что некоторые из перечисленных выше диалектных особенностей, встречающихся при исполнении частушек, в живой речи могут использоваться очень непоследовательно или совсем не использоваться информантами.

Так, например, происходит со специфичной особенностью — цоканьем. «*Рáньше говорíли не «чевó», а «цевó»*» [КЧШР], — сообщает нам И. П. Ляпичева (жительница д. Малый Овинец,

1939 г. р.), признавая тем самым и разрушение этой черты говора в современной речи жителей Шекснинского района. (Действительно, наблюдая за речью жителей шекснинского района, молодежи, мы не часто встречали проявление цоканья, это было скорее исключением). В живой речи И. П. Ляпичевой звучат слова как с характерным «цокающим» произношением (*цѣвѣ, девцѣнки*), так и с произношением в рамках литературной нормы (*начало*), а также произношением *ч* как звука, среднего между [ч'] и [ц'] (*травѣночек*). Однако ряд частушек исполняются Ингой Павловной исключительно с мягким цоканьем, т. к. такое произношение играет важнейшую роль в формировании общего звукового образа частушки: *Мѣлый сѣрдиця по цѣ, / Цѣрез цѣ, по цѣ, на цѣ. / Али дѣвки цѣ сказáli, / Али сам уцѣял цѣ?* [КЧШР]; *Я с подружкой «цѣ» да «цѣ», / Да нѣцкю всю трезвѣнила. / Доцѣвѣкали до дѣла / — Мѣлку проворѣнила* [Ляпичева 2017]. Игра звуков в этих частушках повышает общую эмоциональность, экспрессию текста, нарочитые повторы звука [ц'] создают также и комический эффект, придают тексту шуточный характер, свойственный частушке как жанру. И, безусловно, цоканье сохраняет в частушках местный колорит, выделяет их среди прочих. Не случайно сиземские собиратели, признавая особый характер таких текстов, объединяют их в разделе «Частушечки на «Цѣ» [Ляпичева 2017].

Исполнители шекснинского фольклора также с особым вниманием относятся к фонетическим особенностям частушек, поэтому фиксируют и сохраняют их аутентичное звучание в исполнении, принимая во внимание важность этих особенностей в создании особого местного колорита и звукового образа частушки [МСЦТНК].

Выводы

Подводя итоги, отметим, что исследование фонетических особенностей языка частушек Шекснинского района Вологодской области стало возможным благодаря наличию текстов, записанных с частичным фиксированием фонетических особенностей

языка, а также благодаря наличию большого количества аудио-записей с исполнением частушек. Нами были отмечены особенности диалекта на уровне фонетики, характерные для северного наречия (вологодских и белозерско-бежецких говоров) и проявившие себя именно в текстах частушек (но не в диалектной речи в целом). Многие особенности диалектной речи проявляются в шекснинских частушках непоследовательно, что обусловлено влиянием литературного языка. В более высокой степени претерпевает изменение живая обыденная речь, в то время как в шекснинских частушках диалектные фонетические особенности встречаются чаще. Таким образом, мы можем говорить о том, что частушка иллюстрирует архаичные элементы речи и, следовательно, является ценнейшим источником для изучения истории языка и народной культуры. Частушка, сохранившая старинное, специфичное для изучаемого нами района произношение, является и культурным феноменом: она не только придает текстам местный колорит, но и служит предметом гордости и средством самоидентификации местного населения.

Литература

Бобунова М. А. (2004) *Фольклорная лексикография: становление, теоретические и практические результаты, перспективы*. Курск: Изд-во Курск. гос. ун-та.

Иванов В. В. (1957) *Русские народные говоры*. М.: Государственное учебно-педагогическое издательство министерства просвещения РСФСР.

Климас И. С. (2009) *Русское фольклорное слово. Курс лекций для магистрантов*. Курск.

Праведников С. П. (2010) *Основы фольклорной диалектологии*. Курск: Курский государственный университет.

Преображенская М. Н. (1977) О принципах параллелизма в структуре вокализма некоторых окающих говоров. *Диалектологические исследования по русскому языку*. М.: Наука: 38–49.

Хроленко А. Т. (2008) *Лингвофольклористика. Листая годы и страницы*. Курск: Изд-во Курск. гос. ун-та.

Хроленко А. Т. (2009) Территориальная «вибрация» народно-песенного лексикона. *Дело всей жизни: сб. науч. трудов*. Воронеж: ВГПУ: 182–191.

Хроленко А. Т. (2010) *Введение в лингвофольклористику: учеб. пособие*. М: Флинта: Наука.

Шегухина Е. П. (2014) Фонетические приемы фольклора как способ организации звуков в процессе построения рекламного сообщения. *Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки*, 5 (61): 263–265.

Яцкевич Л. Г. (2017) *Квасюнинская поговорочка: Язык малых жанров фольклора*. Под ред. Г. В. Судакова. Вологда: ВоГУ.

Сокращения источников

ДАРЯ — *Диалектологический атлас русского языка*. Центр Европейской части СССР. Вып. I: Фонетика. Под ред. Р. И. Аванесова и С. В. Бромлей. М.: Наука, 1986.

Карабанов — Карабанов А. А. *Телец*. Автобиографический роман. Часть I. Труженицы тыла и дети войны. Вологда, 2011.

КЧШР — *Коллекция частушек (и репортажей) Шекснинского района Вологодской области*, составленная по материалам экспедиции Медведевой А. А. в с. Сизьма, Чаромское, д. Квасюнино, Малый Овинец в июне 2017 г. Вологда, 2017. (Машинопись).

Ляпичева — *Пропую я вам частушки*: Сб. частушек И. П. Ляпичевой. Сост. Т. Ляпичева; консультант, руководитель Е. Н. Быкова. Сизьма, 2017. (Машинопись).

МОНМЦ — *Материалы фольклорно-этнографических фондов Вологодского областного научно-методического центра культуры (БУК ВО «Центр народной культуры»)*. Вологда, 1999–2006.

МСЦТНК — *Материалы фольклорно-этнографических фондов центра традиционной народной культуры с. Сизьма (БУК ШМР «РЦТНК»)*. Сизьма, 1998–2009.

Павлов — Павлов К. А. *Всё было. Петров день*. Автобиографическая повесть в двух книгах. Книга 1. Череповец: Порт-Апрель, 2005.

Яцкевич 2011 — Яцкевич Л. Г. *Слово о родной деревне*. Вологда, 2011.

DIALECT PHONETIC FEATURES OF THE LANGUAGE OF SHEKSNA CHASTUSHKAS

Arina Medvedeva

The center of tradition “Gamayun”,
Perm, Russia;
Vologda State University,
Vologda, Russia
E-mail: tele-radio@mail.ru

Citation: Medvedeva A. (2018) Dialektnyye foneticheskiye osobennosti yazyka sheksninskikh chastushek [Dialect phonetic features of the language of Sheksna chastushkas]. *Severnorusskiye govory* [Northern Russian dialects], 17: 361–376. (in Russian)

Abstract. The research focuses on the language of the chastushkas that existed in the 20th century and partly survived in rural areas nearby the Charomskoye village in the Sheksna district of the Vologda region. The sources for the study were the texts of the chastushkas recorded in different years in the Sheksna district (more than 3,000 texts).

The goal of the research is to reveal dialect features of the Sheksna chastushka language at the phonetic level. The novelty of the study lies both in the object of the study (most texts have not been published or studied before), and in its goal as there are no research works on dialect phonetic features of the chastushkas of the Sheksna district.

The chastushka as a folklore genre preserves archaic forms of the oral folk speech in the area under study, thus saving cultural memory of the inhabitants. For linguists, the chastushka is the source for studying the history of this dialect. Therefore, the record of these folklore texts and the study of their phonetic features is an urgent task.

The study of the phonetic features of the Sheksna chastushka language became possible due to the availability of the texts documented with partial recording of the language phonetic features, as well as due to the existence of many audio recordings of chastushkas being performed. This article describes dialect features at the phonetic level typical of the northern dialect (Vologda and Belozersk-Bezhet'sk local lingos) which were discovered in the texts of chastushkas (but not in the dialect speech in whole). A number of dialect speech features appear in the Sheksna chastushkas inconsistently due to the influence of the literary language. Everyday live speech undergoes more changes while

dialect phonetic features can be found in the Sheksna chastushka more often. Thus, we can say that the chastushka is an example of the archaic elements of speech and, therefore, a valuable source for studying the history of the language and folk culture. Moreover, the chastushka that has preserved the old-time pronunciation specific to the area under study is also a cultural phenomenon as it not only adds the local flavor to the texts, but also serves as a source of pride and means of self-identification of the local population.

Keywords: folklore dialectology, Sheksna chastushkas, Vologda and Belozersk-Bezhet'sk dialects of the northern dialect group.

References

Bobunova M. A. (2004) *Folklornaya leksikografiya: stanovleniye, teoreticheskiye i prakticheskiye rezultaty, perspektivy* [Folklore lexicography: formation, theoretical and practical results, prospects]. Kursk. (in Russian)

Ivanov V. V. (1957) *Russkiye narodnye govory* [Russian folk dialects]. Moscow. (in Russian)

Khrolenko A. T. (2008) *Lingvofolkloristika. Listaya gody i stranitsy* [Lingvofolkloristics. Leafing through the years and pages]. Kursk. (in Russian)

Khrolenko A. T. (2009) Territorial'naya vibratsiya narodno-pesennoho leksikona [Territorial "vibration" of the folk-song vocabulary]. In: *Delo vsey zhizni: sb. nauch. trudov* [The Case of the Whole Life: Sat. sci. works]. Voronezh: 82–191. (in Russian)

Khrolenko A. T. (2010) *Vvedeniye v lingvofolkloristiku: uchebnoye posobiye* [Introduction to Lingvofolkloristics: Textbook]. Moscow. (in Russian)

Klimas I. S. (2009) *Russkoye folklornoe slovo. Kurs lektsiy dlya magistrantov* [Russian folklore word. Course of lectures for undergraduates]. Kursk. (in Russian)

Pravednikov S. P. (2010) *Osnovy folklornoy dialektologii* [Foundations of folklore dialectology]. Kursk. (in Russian)

Preobrazhenskaya M. N. (1977) O printsipah parallelizma v strukture vokalizma nekotorykh okayushchih govorov [On the principles of parallelism in the structure of the vocalism of some digging dialects]. In: *Dialektologicheskiye issledovaniya po russkomu yazyku* [Dialectological studies on the Russian language]. Moscow: 38–49. (in Russian)

Shetukhina E. P. (2014) Foneticheskiye priyomy folkloro kak sposob organizatsii zvukov v protsesse postroeniya reklamnogo soobshcheniya [Phonetic methods of folklore as a way of organizing sounds in the process of constructing an advertising message]. *Uchyonye zapiski Orlovskogo gosu-*

darstvennogo universiteta. Seriya Gumanitarnye i sotsialnye nauki [Scientific Notes of the Orel State University. Series: Humanities and Social Sciences], 5 (61): 263–265. (in Russian)

Yatskevich L. G. (2017) *Kvasyuninskaya pogovorochka. Yazyk malyh zhanrov folklor* [Kvasunino pogovorochka: The language of small genres of folklore]. Vologda. (in Russian)

ОТ «СЛОВАРЯ ГОВОРОВ РУССКОГО СЕВЕРА» К «СЛОВАРЮ КОЛОДЕНСКОГО ГОВОРА»

Пахолкова Татьяна Васильевна

Череповецкий государственный университет,
Череповец, Россия
E-mail: pakholkova@yandex.ru

Цитирование: Пахолкова Т.В. (2018) От «Словаря говоров Русского Севера» к «Словарю колоденского говора». *Севернорусские говоры*, 17: 377–392.

Аннотация. В статье дается первичное сравнение местного говора деревень бывшей Колоденской волости, расположенной на западной границе Череповецкого района Вологодской области, с лексикографическими материалами, касающимися этой территории. Ставится задача обозначить типичные показатели говора в сравнении с макрорегиональными особенностями с учетом исторических и административных маркеров. Созданный автором статьи «Словарь колоденского говора» мог бы дополнить имеющиеся словари, и, возможно, уточнить диалектологическую карту Череповецкого района в случае признания особенностей говора, а также выявить, когда и откуда заселялась территория каждого поселения.

Ключевые слова: северно-великорусские западные говоры, белозерско-бежецкий говор, вологодский говор, череповецкий говор, диалектный словарь, колоденский говор.

В процессе комплексного исследования Колоденской волости в дневниковых записях конца XIX – начала XX в. нами обнару-

жено выражение «колоденское наречие» [ЧЦХД: 35]. Речь идет, естественно, о более узком явлении, а именно, о местном говоре жителей деревень, расположенных вдоль речки Колоденки Череповецкого района Вологодской области. Насколько понятие «колоденское наречие» вошло в имеющиеся исследования и словари? В данной работе сопоставляется говор деревень Сергеево, Тыново, Гришкино, Чаево с лексикографическими материалами, касающимися этой территории.

Исследуемая территория относилась в разное время к Белозерскому, Московскому, Владимиро-Суздальскому княжествам, Новгородской, Санкт-Петербургской губерниям, Ленинградской и Вологодской областям, являлась границей с Белозерским, Устюженским, Пошехонским уездами и районами. Расположение на главном почтовом тракте и торговые связи определяли языковые влияния. На говоры колоденских деревень с запада влияние оказывала ладого-тихвинская группа северного наречия, с севера — белозерско-бежецкие, с юга — западные среднерусские, с востока — вологодские говоры.

Прежде чем собирать записи речи и составлять картотеку словаря колоденского говора, автором статьи восстановлена история Колоденской волости [Пахолкова 2018: 86]. Согласно только письменным источникам, эти деревни имеют более чем 400-летнюю историю. Наличие железного промысла отсылает исследователей еще глубже, как минимум в начало XIV в. Центром Колоден несколько веков являлось село Гришкино, котором было две церкви [Пахолкова 2016]. Собранные нами архивные записи Гришкинского прихода с 1626 г. позволили составить список коренных жителей, среди которых и предки автора статьи.

Сегодня собрано более 1170 лексических единиц диалектного материала на основе 30 фрагментов аудиозаписей длительностью около 320 минут речи «классических» информантов. Анализу подвергнута речь только коренных жителей колоденских деревень, а также воспоминания их наследников в возрасте от 60 до 70 лет, чья родословная насчитывает более 400 лет. Классические информанты: 2 женщины-крестьянки и мужчина 1940 г. р.

из д. Гришкино, 2 женщины 81 и 85 лет из д. Тыново и д. Сергеево, женщина 1925 г. р. из д. Чаево. Они здесь всегда и постоянно проживали и имеют только начальное образование. Привлечены и новые «старики-билингвы», получившие образование не ниже среднего. Они проживают за пределами малой родины, но владеют как нормативным языком, так и классическим местным диалектом, и помнят особенности речи своих предков в нескольких поколениях.

Кроме того, для анализа использованы цитаты из рукописей В. А. Мишукова 1872 г. р., заведующего Череповецким архивом с 1925 по 1950 г. С 1878 г., в 6-летнем возрасте он был отдан в школу села Гришкино Колоденской волости. В течение всей своей жизни В. А. Мишуков писал дневники и занимался активной научной работой [ЧЦХД].

Принципом отбора лексики явилось ее отличие от нормативного литературного языка в его нейтральном стиле и признании информантами. После проведения полевых записей был создан рабочий «Словарь колоденского говора» [СКГ]. На данном этапе словарные статьи включают краткое толкование единицы, пример употребления в речи и населенный пункт, например: *пеленішной* — грудной ребенок (*Наталью-та из деревни пеленішну увезли*) *Гр., Тын., Серг., Чаев.* [СКГ]. Сегодня концентрация маркеров местного говора у разных информантов неодинакова, но в словаре (СКГ) проиллюстрирована в совокупно насыщенном, в том числе и потенциально возможном виде.

В процессе составления СКГ лексические единицы сопоставлялись с имеющимися диалектизмами в СГРС, СВГ, СЗГВО, [Герасимов 2006], и научных трудах XIX–XX вв., а затем вновь были представлены информантам для признания или непризнания их колоденскими. Исследование построено по принципу сужения ареала распространения говора.

Согласно диалектологической карте 1914 г., территория колоденских деревень относится к северно-великорусским западным говорам [Дурново, Соколов, Ушаков 1915], на диалектологической карте 1965 г. — к белозерско-бежецким говорам, сформиро-

вавшимися в результате междиалектного взаимодействия носителей новгородского и ростово-суздальского диалектов [Захарова, Орлова, Сологуб и др. 1970]. Отсюда, в составленном нами СКГ ярко проявляются общие для северного наречия признаки.

В области фонетики колоденский говор имеет:

— полное оканье: *робота, розумныи, робята* [Зализняк 1995: 791] (*Робята у иф послухмяньи, нечово не скажош*)¹;

— наличие сочетания *мм* в соответствии сочетанию *бм*: *о[мм]án, о[мм]én* [Захарова, Орлова 2004: 74]: *оммен* — вредный, непослушный (*Шурка-та такой оммэн у иф был, поишиош здакиф*);

— отвердение губных на конце слова: *моркоф* — *морковь* (*Моркоф-та ноне похóжо не вёростёт, вёдра не дождёсси*);

— произношение *иц* как долгое *иши*: *таишиить* — *таицить* (*Батько-т у иф было как напёццы на Рожжество, она ёво на санóчках и таишийт домой. Токо в заулок заедёт, а ён соскоцйт, да и врйбеги опять в деревню*);

— упрощение групп согласных: *Тифенска* — храмовый праздник Тихвинская (*На Тифенску окóпяццы все, бывало, штоб на Гришкино итти*);

— мена согласных: *ярманка* — *ярмарка* (*Масло-то рáne сбивали и возили в Ёстижну да в Ч(Ц)орёповец на ярманку*); в том числе и *ч—ц* (*цай*), и *у* формы род. и предл. п. мн. ч. прилагательных и пред. п. мн. ч. существительных с *-х* в окончании: *в бол'шиф домáф, на лошад'яф, на ногáф* [Захарова, Орлова 2004: 121] (*Приехал Пашка-та в хромовыф сапогаф, фартóвой такой!*);

— употребление местоимений */j/* — *йон* (*ён*) (*он*), *йона* (*ёна*), (*она*) *йонé* (*они*) [Захарова, Орлова 2004: 120], при этом *ёне* нами не обнаружено, местоимение *они* произносилось в Колоднах как *оне* (*Оне товды ишио насупротív нас жили*).

В области грамматики:

---

¹Здесь и далее образцы употребления диалектизмов в речи из «Словаря колоденского говора» [СКГ].

— общая форма существительных и прилагательных во мн. ч. для дат. и тв. п. (с *блинам*), хотя в новгородских берестяных грамотах XI–XIII в. в тв. п. было *-ами* [Зализняк 1995: 96] (*С пліўснам прѣмо картошку-ту ись што ли будёшь?*);

— конструкция типа *у меня водѣ принесёно* [Захарова, Орлова 2004: 89] (*У ёй была прижитá девоч(ц)ка, проиохождення от Максима*);

— формы род. п. мн. ч. с окончанием *-ей* от существительных с основой на *ц*: *огуриц[ей]*, *пал'ц[ей]* [Захарова, Орлова 2004: 112] (*Угурицей-те натыкала вч(ц)астую, вот онé и не растут*);

— формы дат. и пред. п. существительных ед. ч. личного местоимения 1-го лица от основы *-мен* (у нас: *-мин*) к *мине*, *об минé* [Зализняк 1995: 130] (*Все пальцá у миня в ч(ц)ёкалинах*).

Не перечисленные выше признаки северного наречия не признаны информантами в колоденском говоре либо по причине утраты с течением времени, либо как исторически отсутствовавшие.

Семантический срез узко локальных единиц колоденского говора в сравнении с северным наречием мы не даем по причине очень малых совпадений, что можно сказать и о вологодском говоре, а работы ведущих лингвистов (Г. В. Судакова, Л. Ю. Зориной, Т. Г. Паникаровской) преимущественно посвящены восточным районам. В состав Вологодской области территория колоденских деревень вошла только после 1937 г. Количество единиц колоденского говора, не вошедших в СГРС как минимум с пометой Череповецкого района, также слишком велико, чтобы перечислять их в рамках данной работы. Только на нескольких страницах буквы «Б» это, например, слова *бывáлошной*, *бутус*, *болдырь*, *бүүдень*, *будé*, *брякать*, *брусё*, *брюшина*, *букарáшка*, *бўка*, *броснўть* [СГРС] не маркированы как череповецкие, хотя всегда были таковыми, в том числе и колоденскими.

СЗГВО представлен в оформленном виде сегодня лишь буквами А, Б и включает анализ лексики говора в 10 западных районах Вологодской области, в том числе и Череповецком. Исторические данные позволяют считать, что к говорам первично-

го формирования колоденских деревень относятся белозерские говоры. Согласно архивам Гришкинской церкви, жители появились вдоль речки Колоденки из Андоги Белозерского уезда [Летопись: 5]. Насколько эта информация подтверждается языковой картиной? Назовем некоторые общие единицы и явления колоденской речи и говора Белозерского уезда [Сборник 1910: 167–181]. Мы сознательно не анализируем лексемы по разделам языка, ударение и транскрипционное написание позволяют детализировать при необходимости эту выборку: *угуриць, охвóсьё, запрягём, цолова́ть, хлѣба́ть, заперáть, уберáть, оберáть, вѣнникк, дѣлашь, имáть, грю, дождáлсы, сусѣд, бáронья, здѣся, с того году, гвозьѣ, на печѣ, на лошаде́, рука́м, нога́м, пальца́м, унава́жвать, накла́дено, в лето, двóе, четыре раз по три рубля, двóи ворота, вѣпимиши, канфѣты, ишишó, вѣсну, купа́лсы, видялсы, бѣлой, сѣнѣй, знаѣшь, думаѣшь, кроф, любóф, цѣркоф, мячóк, в лѣсе, с лоша́дям, с дѣтя́м, миня́, тибя́, ѳфной, ба́бу-ту, дасѣ, прода́сѣ, поѳсь, сѣись, убѣг, прибѣг, гриба́ бы я поела, пришли со шкóлы, човó жо, быдѣ, плочу́, плóтишь, говрю́, мяни́ны, мо́лынья, моско́ськой, у знако́мыф ночѣвано, текѣ́т, сѣгоды, разо́йдѣнось у иф, ко́вды, то́вды, жани́х, рúчей, ла́нно* [Сборник 1910: 167–181]. Несколько единиц, зафиксированные в Кирилловском уезде, употребляются и в колоденском говоре: *шалитѣ, пьитѣ, перогѣ, чѣишише* [Сборник 1910: 167–181]. Остальные приведенные в данном издании лексемы не признаны колоденцами.

Суживая территорию до Череповецкого уезда, обратимся к записям 1866 г. Из сотни слов, представленных Н. Богословским как местные слова Череповецкого уезда, колоденскими информантами признаны только 21 слово: *кузов, зобѣнька, пестѣрь, рогúшка, рогúлька, оболока́ться, оку́таться, та́мо, ту́то, перевóдина, ма́тица, зала́вок, здóбы, калаба́шка, туды́, сюды́, минѣ ись охóта, бо́лько, крóсна* [Богословский 1865: 293–296].

Согласно «Запискам по родиноведению» 1889 г. череповецкого педагога и краеведа А. Д. Коровкина: Череповское наречие относится к новгородскому окающему, так что по оканию в Москве и в Питере всегда узнают новгородца. Москвич говорит *тапор*,

лапата, каравай, палати, Авдотья, Алёна, Александр, а новгородец скажет *топор, лопата, коровай, полати, Овдотья, Олёна, Олександр*. Кроме этого череповецкое простонародное наречие отличается многими другими особенностями. Самое неприятное в говорах черепан-крестьян замена буквы Ч буквой Ц и произношение последней мягко, напр. *калаць, Ивановиць, Ивановця, цяй, куриця* и т. п. Третья особенность важная — это частая замена звука Е звуком И, — напр. *исти* вместо *есть*; *артиль* вместо *артель*, *смотреть, глядить, миня, тибя, сямя* вместо *семя, хлеб* и т. д. [Коровкин 1888: 41].

Согласившись с «оканьем» и «цоканьем», колоденцы не признают обозначенную А. Д. Коровкиным замену ударного Е на И в таких словах, как *смотри́ть, гляди́ть, хли́б*. Но *сы́мя* и в безударной позиции *ми́ня, тибя́* — это по-колоденски. (*Ско́ко ты ми́не годков-те записала? Поди, уж раженька девка-та у тибя́?*) [СКГ]. Замена А на О (*коровáй*) в безударном слоге для колоденского говора также не типична.

П. И. Грязнов, характеризовавший Череповецкий уезд как «один из углов государства, имеющий своеобразную физиономию и находящийся в не совсем обыкновенных условиях», отмечает:

“Особенности в речи населения Череповского уезда, между прочем, состоят в следующем: 1) В смягчении многих звуков, например, «ч» и «щ» произносятся как нечто среднее между ними, весьма трудное для подражания. 2) Звук «у» напоминает «ю», например, *льдю* вместо *лду*. 3) О часто заменяют *йё он* — *йён*; букву *е* произносят как *ё* (*Черёповец, пожалеёт*). 4) Глаголы оканчиваются на *и* вместо «ь» и «ѣ» (*е*), иногда заменяются буквою «и» («*исти*» вместо «*есть*»). 5) В склоняющихся словах окончания *-ах* заменяют *-аф* — *в ногаф, в рукаф, в поляф* вместо *в ногах, в руках, в полях*. 6) Многие слова заменяют своими, напр., *здоровый* — *ражий, крестный отец* — *бажатка, красивый* — *баской, очень* — *гораздо* и проч.” [Грязнов 1880: 5].

Первые две позиции, характеризующие смягчение (*ч-щ* и *у-ю*), в колоденском говоре не замечены. Произношение *щ* в Колод-

нах всегда было как долгое и твердое *шии: таиши́бла*. Позиции 3–6 представлены в колоденском говоре очень отчетливо.

О древненовгородской замене *ч* на *ц* [Зализняк 1995: 34] (*Цоо?* — Что?) в колоденском говоре ярко свидетельствуют строки из дневников В. А. Мишукова о событиях 1878–1880 гг. в селе Гришкино:

“Главное препятствие к усвоению книжной премудрости являлось колоденское произношение для всех учеников школы. Мучала буква «ч», произносимая по-местному как твердое «ц». И поэтому в разговорах ученики и взрослые, кое-где побывавшие колоденцы, что называется, перебарщивали в желании блеснуть образованностью. В результате получались такие слова «чарь» (царь), «черьков» (церковь) и т. п. Однажды при мне упомянутый Степан Лебедев, распивая чай в обществе моего отца и Максима Носырина, задал последнему изысканно галантный, по его мнению, вопрос: «А вы Максим Кирьякович, поди, покупаете цай чибиками, не восьмухами, как мы?» Мишка Полевой своей настойчивостью поборол колоденское наречие и научился произносить слова правильно и остался в его речи единственный недостаток: преувеличенно твердое произношение в надлежащих местах буквы «ч»” [ЧЦХД: 35].

Подтверждение замечания В. А. Мишукова о твердости колоденского цоканья «уцыл, уцытель» [ЧЦХД: 35] находим у Д. К. Зеленина в работе 1913 г. Он отмечал неоднородность говора Череповских селений. Так, в Колоденской волости, в отличие от Андогской и Шухтовской, что ближе к г. Череповцу, не отмечено мягкости (*пецькя, собацькя, Ванькя*) [Зеленин 1913: 506]. Кстати, по наблюдениям Д. К. Зеленина, цоканье было отмечено и в Воронежской и Калужской губерниях, и у Новосильских казаков [Зеленин 1913: 541], а оканье — в южно-велико-русских губерниях, Орловской, Тульской губерниях [Зеленин 1913: 540]. В соседней Ярославской губернии, а именно, в говорах жителей Захарьина (бывший Моложский уезд), отмечалось мягкое цоканье, причем, «...принесенное из Череповской Уломы, с коей тесные связи (оттуда они позаимствовали кузнечный промысел)» [Зеленин 1913:

459]. Производство гвоздей началось здесь в XIV столетии, «перейдя из Уломы» [Носырин 1858: 3].

Перейдем к анализу говора на еще более узкой территории. «Словарь уездного череповецкого говора» [Герасимов 2006: 23–75], изданный в 1910 г. врачом М. К. Герасимовым, представляет 10 череповецких волостей из 32 [Герасимов 2006: 10]. М. К. Герасимов работал в 25 километрах от исследуемой нами территории в последней трети XIX в. Колоденские деревни также входили в зону его наблюдения. Тем не менее, детальное сравнение дало тоже довольно низкий процент совпадений между собранным нами материалом и словарем М. К. Герасимова. Возможно, за период около 100 лет некоторые особенности говора стерлись или исчезли, либо словарь М. К. Герасимова преимущественно составили примеры говора южных волостей Череповецкого уезда, либо колоденский говор как пограничный впитал в себя элементы различных территорий и представляет своеобразную картину, отличную от соседних волостей.

Выделенные М. К. Герасимовым [Герасимов 2006: 15–22] типичные характеристики череповецкого говора совпали с колоденскими лишь по нескольким показателям:

— удлинение речи в вариациях: добавлением *-т, -те, -то, -та, -ту, -от* (*ба́тько-т, ону́чи-те, болонó-то, патья́-та, гонобóль-ту, брате́льник-от*);

— редукция: *гов(о)рít, з(ово)рít, бу́ите* (будете), *ба́(б)ушка, ра́з(в)е, ско́(ль)ко, (в)спóмню, (в)скочи́л, то́(ль)ко ра́н(ьш)е, (о)ко́ло, одéж(д)а*;

— замена гласных во всех частях слова и грамматических формах: *ён, жани́х, типе́ря, послухмя́ной, вече́ршнёй, ску́сныи, пероги́, товды́, суды́, сморо́дыня, сморо́да, жо, áли, угуре́и, ворáчаться, для сугре́ву, тваро́г, жонíсь, сíмя, ви́ник*;

— замена, добавление и чередование согласных: *пи́ишиа, сташи́ить, пекчи́, гума́жка, вно́го, дак, жись, болéсь, бо́лько, ку́злянца, куфа́йка, онне́ (одни), чижóлая, иф*.

Иногда в одной лексической единице встречаются несколько местных маркеров замен: *послухмяной, сѣдни, надѣжа*. Есть и сме-на ударения: *мага́зин, ко́ней, опосля́, пальца́, не ви́дял*.

Из грамматических вариаций в колоденском говоре общими со словарем М. К. Герасимова оказались древненовгородские мар-керы [Зализняк 1995]: предложный падеж существительных м. р.: *в лесе́, в до́му, в це́ркве*; у прилагательных м. р. и ср. р. ед. ч. и мн. ч.: *ловко́й, марко́ё, взáбольши́ни*; образование следующих глаголь-ных грамматических форм: *пекчи́ (печь), набива́ицы (напраши-ваться), скоржо́билсы (согнулся), ска́ёсси (покаешься, пожалеешь), даси́ (дашь)*.

Качественные характеристики в меньшей мере коснулись се-мантики, хотя таковые различия отмечены в выше указанных словарях, например, *лазе́йка* ‘дверь в дом’ (*Робята, лазейку-ту закрыли али опять ополили?*); *до́хатъ* ‘кашлять’ (*Вот надулсы холодынки-та, дак и дохаетшь типеря*); *има́ть* ‘ловить’ (*Имай мячик-от, имай!*); *рунду́к* ‘отверстие в туалете’ (*Мотри, не про-вались в рундук-от!*). Наибольший семантический интерес со-ставляют такие диалектные единицы, значения которых отсут-ствуют в СГРС, например, *ахти́-минé* — междометие, выража-ет испуг, удивление (*Ахти-мине, царица мать небесна!*) [СКГ]; *ко́е-ко́е* ‘мало-помалу’ (*Кое-кое, да и оклёмалась корова-та*) [СКГ] или не закреплены за территорией Череповецкого района: *бидé, будé* [СГРС: 94], [СЗГВО] ‘ну, тогда’ (*Давай бидé, поварóвее*) [СКГ]. Возможно, в выпусках на следующие литеры появятся эти и другие колоденские слова либо географические пометы на них: *наопаки́шу* — ‘перепутав левую и правую ноги при обува-нии’ (*Сапоги-те наопаки́шу одел, уведёт лесови́к*); *э́тта* ‘тогда’ (*Э́тта сусéдушка к мне прибёгла и баёт*); *обугну́ицы* ‘накрыться одеялом’ (*Обуга́йси, нетó околе́ишь, не лето красно́*); *пакору́кой* ‘неумелый, неловкий’ (*У ёво пакору́кова всё валии́цы*); *о́но* ‘вот, вон’ (*О́но, как жись-та повёрну́ла!*) [СКГ].

В стилистическом аспекте следует отметить преобладание в колоденском наречии лексики сниженных регистров: *надры́з-гаи́цы, назóбаи́цы, недоку́нок, опóек, опóрыши, охара́дки, пади́на,*

пóкасть, полóхало, полорóтой, пялицы, скоржóбилсы, шарáшицы и др. Важно, что довольно большое количество признаков древненовгородского, северного, белозерско-бежецкого, череповецкого и тем более вологодского говоров из словаря М. К. Герасимова, не указанных нами выше, не встретились в речи информантов и не вошли в колоденский словарь. Это например: «*прущ* вместо *прыщ*, У в А (*маровой*), У в И (*скичать*), У в О (*толун*), У в Е- (*двех*), Е в Ю (*трюх*), А в Е и Ъ (*однежды, опоздъет*), Ъ в А (*оглупал*); произношение окончания 2-го лица единственного числа возвратных глаголов *-шиа* — *-шиы*, распространенное в белозерских говорах: *смѣйó[ши]а, смѣйó[ши]ы (смеёшься)*» [Герасимов 2006: 16] и многие другие. Это свидетельствует о неоднородности говора в пределах западных волостей Череповецкого уезда.

Мы сопоставили лексику рабочего словаря колоденского говора с единицами, указанными в источниках, и протестировали СКГ у пожилых информантов. В СКГ и данную статью вынесены слова и выражения из аудиозаписей и признанные информантами единицы из других источников. Количественный анализ позволил прийти к выводу, что чем шире исследуемая территория, тем меньше совпадений. Поэтому СГРС дает менее 1% общих с нашим словарем лексических единиц, СВГ — около 2,6%. Общий процент совпадений с СЧУГ — около 10%. Наибольшее число совпадающих лексических единиц дал словарь Белозерского края — около 16% [Лапин 1994].

Следует учитывать, что основной задачей составления СКГ было желание зафиксировать и сохранить уходящий пласт лексики, поэтому на данном этапе словарь оформлен без подробного лексикографического описания единиц. Тем не менее, эта подборка местной лексики с примерами готова для первичного анализа и могла быть дополнить СЗГВО и, возможно, положить начало к уточнению диалектологической карты Череповецкого района, а также выявить, когда и откуда заселялась территория каждого поселения. Сделав подробную детализацию по аспектам языка и составив словарь по лексикографическим нормам, можно до-

полнить электронную базу [Тихомирова 2013] и хрестоматию западных говоров Вологодской области [Волкова, Михова 2013].

Литература

Волкова Н. А., Михова Н. Г. (сост.) (2013) *Говоры исторического Белозерья: Хрестоматия*. Череповец: Изд-во ЧГУ.

Дурново Н. Н., Соколов Н. Н., Ушаков Д. Н. (1915) *Опыт диалектологической карты русского языка в Европе с приложением очерка русской диалектологии*. М.

Зализняк А. А. (1995) *Древненовгородский диалект*. М.: Языки славянской культуры.

Захарова К. Ф., Орлова В. Г. (2004) *Диалектное членение русского языка*. 2-е изд. М.: Едиториал УРСС.

Лапин А. Г. (1994) Местные слова и выражения, бытующие в Белозерском крае. *Белозерье. Историко-литературный альманах*. Вып. 1. Вологда: Русь: 197–235.

Пахолкова Т. В. (2016) Об основании церковью Гришкинского прихода. *Ученые записки Череповецкого государственного университета*, 1: 50–52.

Пахолкова Т. В. (2018) Из опыта комплексного изучения микро-региона. *Материалы Всероссийской научно-практической конференции (21–22 октября 2017 г.)*. Череповец: ЧГУ: 86–88.

Тихомирова Н. П. (2013) К вопросу создания электронной базы данных «Словаря западных говоров Вологодской области». *V Всероссийская научно-практическая конференция «Череповецкие научные чтения 2013», 6–7 ноября 2013 г.* Череповец: 138–140.

СОКРАЩЕНИЯ

Сокращения источников

Богословский 1865 — Богословский Н. *Новгородский сборник*: [Материалы для истории, статистики и этнографии Новгородской губернии, собранные из описаний приходов и волостей: В 5 вып.]. Изд. Новгород. стат. ком-та; Под ред. Н. Богословского. Новгород: В тип. Сухова и Классона, 1865–1866. Вып. 1. 1865: 293–296.

Герасимов 2006 — Герасимов М. К. *Словарь уездного череповецкого говора*. Череповец: ЧГУ, 2006.

- Грязнов 1880 — Грязнов П. И. *Опыт сравнительного изучения гигиенических условий крестьянского быта и медико-топография Череповецкого уезда*. СПб., 1880.
- ДАРЯ — *Диалектологический атлас русского языка*. Центр Европейской части СССР. Вып. I: Фонетика. Под ред. Р. И. Аванесова и С. В. Бромлей. М.: Наука, 1986. Карта 17. Диалектное произношение сочетаний *дн* и *бм*.
- Зеленин 1913 — Зеленин Д. К. *Великорусские говоры с неорганическим и непреходным смягчением задненебных согласных в связи с течениями позднейшей великорусской колонизации*. СПб.: Отд. рус. яз. и словесности Имп. Акад. наук, 1913.
- Коровкин 1988 — Коровкин А. Д. *Записки по родиноведению 1889 года*. Родиноведение. Новгородская губерния. 1888 г. ВХ1769/2806-2810. Л. 41.
- Летопись — *Летопись Гришкинской церкви и ея прихода Череповецкаго уезда Новгородской епархии, начатая вестись съ 1894 года*. Череповецкое музейное объединение (ЧерМО). 1418/30. Кн. 9–81.
- Носырин 1858 — Носырин Ф. А. *Улома и ея металлическое производство*. СПб., 1858.
- Сборник 1910 — Сборник отделения русского языка и словесности Императорской академии наук. Т. LXXXVII, № 5. Материалы для изучения великорусских говоров. Вып. IX. СПб., 1910. С. 167–182.
- СВГ — *Словарь вологодских говоров*. Учебное пособие по русской диалектологии. Ред. Т. Г. Паникаровская (Вып. 1–7); Т. Г. Паникаровская, Л. Ю. Зорина (Вып. 8–12). Вологда, 1983–2007.
- СГРС — *Словарь говоров Русского Севера*. Под ред. А. К. Матвеева, М. Э. Рут. Т. 1–6. Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2001–2014. (издание продолжается).
- СЗГВО — *Словарь западных говоров Вологодской области*. Отв. ред. Н. П. Тихомирова. Вып. 1: А–Б. Череповец: ЧГУ, 2016.
- СКГ — *Словарь колоденского говора*. Сост. Т. В. Пахолкова (рукопись).
- ЧЦХД — *Череповецкий центр хранения информации*. Ф. 762, оп. 2, д. 41а. Мишуков В. А. «От народовольчества к коммунизму».

Сокращения названий деревень Колоденской волости

Гр. — Гришкино
Серг. — Сергеево

Тын. — Тыново
Чаев. — Чаево

FROM THE “DICTIONARY
OF THE RUSSIAN NORTH DIALECTS”
TO THE “DICTIONARY OF THE KOLODENSKY DIALECT”

Tatiana Pakholkova

Cherepovets State University,
Cherepovets, Russia
E-mail: pakholkova@yandex.ru

Citation: Pakholkova T. (2018) Ot «Slovyara govorov Russkogo Severa» k «Slovyaru kolodenskogo govora» [From the “Dictionary of the Russian North Dialects” to the “Dictionary of the Kolodensky Dialect”]. *Severnorus-skiye govory* [Northern Russian dialects], 17: 377–392. (in Russian)

Abstract. The article is aimed at giving the description and analysis of the local dialect vocabulary in the villages of Kolodny, located on the western border of the Cherepovets district of the Vologda region. The author tries to show that the local dialect in Kolodny has its own specifics in the district. The vocabulary analysis uncovers some phonetic and grammar details, as well some words meaning in the local folk-speech. The task is to identify typical dialect indicators in comparison to macro-regional features, taking into account historical and administrative markers. Today, more than 1170 lexical units of dialect words have been collected on the basis of 30 fragments of audio records with a duration of about 320 minutes of speech by “classical” informants from the villages of Sergeevo, Tynovo, Grishkino and Chayevo. The principle of the selection of the word in vocabulary was its difference from the normative literary language in its neutral style and the recognition by the informants. After the recordings had been made, the first edition of “Dictionary of Kolodensky Dialect” [SKG] were been created. Today, the dictionary article consists of a local word, its brief interpretation, an example of use in speech and a locality. When making the dictionary, the local words were compared to the available dialect words in the dictionaries of northern dialects and scientific works of the XIX–XX centuries, and then again were presented to informants for recognition or non-recognition as Kolodensky. The author hopes to supply the existing dictionaries, and perhaps, to clarify the dialectological map of the Cherepovets district in case of recognition

of the dialect peculiarities, and also to research when and from where the territory of each settlement was populated.

Keywords: local word, vocabulary, Kolodny, Vologda, Belozersk, Cherepovets, phonetic, grammar, semantic.

References

Durnovo N. N., Sokolov N. N., Ushakov D. N. (1915) Opyt dialektologicheskoy karty russkogo yazyka v Yevrope s prilozheniyem Ocherka russkoy dialektologii [The dialectological map of the Russian language in Europe with the application of the Essay of Russian dialectology]. Moscow. (in Russian)

Lapin A. G. (1994) Mestnyye slova i vyrazheniya, bytuyushchiye v Belozerskom kraye [Local words and expressions in the Belozersk region]. *Belozer'ye. Istoriko-literaturnyy al'manakh* [Belozerye. Historical and literary almanac], 1: 197–235. (in Russian)

Matveyev A. K., Rut M. E. (eds.) (2001–2014). *Slovar' govovor Russkogo Severa* [Dictionary of dialects of the Russian North]. Vol. 1–6. Yekaterinburg: Izd-vo Ural'skogo un-ta. (the publication continues). (in Russian)

Pakholkova T. V. (2016) Ob osnovanii tserkvey Grishkinskogo prikhoda [On the foundation of churches in Grishkino]. *Uchenyye zapiski Cherepovetskogo gosudarstvennogo universiteta* [Scientific notes of the Cherepovets State University], 1: 50–52. (in Russian)

Pakholkova T. V. (2018) Iz opyta kompleksnogo izucheniya mikroregiona [From the experience of a comprehensive study of the microregion]. In: *Materialy Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii* [Proceedings of the All-Russian Scientific and Practical Conference]. Cherepovets: Cherepovetskiy gosudarstvennyy universitet: 86–88. (in Russian)

Panikarovskaya T. G., Zorina L. Yu. (eds.). (1983–2007) *Slovar' vologodskikh govovor. Uchebnoye posobiye po russkoy dialektologii* [Dictionary of Vologda dialects. Textbook on Russian dialectology]. Vol. 1–12. Vologda. (in Russian)

Tikhomirova N. P. (2013) K voprosu sozdaniya elektronnoy bazy dannykh «Slovara zapadnykh govovor Vologodskoy oblasti» [On the issue of creating an electronic database of the Dictionary of Western Dialects of the Vologda Region]. In: *Vserossiyskaya nauchno-prakticheskaya konferentsiya «Cherepovetskiye nauchnyye chteniya 2013»* [All-Russian scientific-practical conference “Cherepovets scientific readings 2013”], Cherepovets: Cherepovetskiy gosudarstvennyy universitet: 138–140. (in Russian)

Tikhomirova N. P. (ed.) (2016) *Slovar' zapadnykh govorov Vologodskoy oblasti* [Dictionary of Western Dialects of the Vologda Region.]. Vyp. 1: A–B. Cherepovets: CHGU. (in Russian)

Volkova N. A., Mikhova N. G. (2013) *Govory istoricheskogo Belozer'ya* [Dialects of the historical Belozerye]. Cherepovets: Cherepovetskiy gosudarstvennyy universitet. (in Russian)

Zakharova K. F., Orlova V. G. (2004) *Dialektnoye chleneniye russkogo yazyka* [Dialectic division of the Russian language]. Moscow: Editorial URSS. (in Russian)

Zaliznyak A. A. (1995) *Drevnenovgorodskiy dialekt* [Ancient Novgorod dialect]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury. (in Russian)